

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, МГУ)
Балина М., д-р, проф. (США, ун-т Иллинойс Везлиан)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт русской литературы РАН)
Краузе М., д-р, проф. (Германия, ун-т Гамбурга, Институт славистики)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт лингвистических исследований РАН)
Овчинникова И. Г., д. филол. н., проф. (Израиль, ун-т Хайфы)
Полякова Е. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрГУ)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, ТюменГУ)
Фэрр-Дюпэгр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)

Редакционная коллегия

<i>Табункина И. А.</i> (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Данилевская Н. В.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Русинова И. И.</i> (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Дускаева Л. Р.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)
<i>Шутёмова Н. В.</i> (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Ерофеева Е. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Абашев В. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Кондаков Б. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Абашева М. П.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)	<i>Кочкарева И. В.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Алексеева Л. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Кушнина Л. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Арустамова А. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Мишланов В. А.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Баженова Е. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Мышкина Н. Л.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Боронникова Н. В.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Нестерова Н. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Бочкарёва Н. С.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Петрова Н. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГГПУ)
<i>Братухин А. Ю.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Подюков И. А.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
<i>Бурдина С. В.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Проскурнин Б. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
	<i>Серова Т. С.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
	<i>Фоминых Т. Н.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://www.rfr.psu.ru>.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 10.01.00 – литературоведение, 10.02.00 – языкознание от 01.12.2015 г.

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Marina Balina (USA, Illinois Wesleyan University)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute for Slavic Studies)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Irina Ovchinnikova (Israel, University of Haifa)
Elena Polyakova (Russia, Perm State University)
Mary Rut (Russia, Ural State University)
Ranjana Sxaena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)

Perm Editorial Board

<i>Irina Tabunkina</i> – <i>Editor-in-Chief</i> (Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Valerij Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Nelly Myshkina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Irina Ovchinnikova</i> (Perm State University)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Natalya Petrova</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podukov</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Nina Bochkareva</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	<i>Tatyana Fominykh</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	
<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)	
<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai.

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai (Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Web-site of the journal: <http://www.rfp.psu.ru>.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Бочкарев А. Е. О ЧУВСТВАХ И ЭМОЦИЯХ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	5
Власова Е. Г., Муратова Н. И. ИНТЕРНЕТ-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРИЕМЫ В ПУБЛИКАЦИЯХ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКИ СРЕДНИХ И МАЛЫХ ГОРОДОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ	15
Королькова М. Д. ЛЕКСИКА ВАЛЯЛЬНОГО ДЕЛА В ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (на материале говоров Присурского Поволжья)	25
Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПРОВИНЦИАЛКИ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ	38
Мишланова С. Л., Суворова М. В. ОЦЕНКА СООТВЕТСТВИЯ ПРОЦЕДУРЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ МЕТАФОРЫ МРVU КРИТЕРИЯМ ПОДЛИННОЙ НАУЧНОСТИ МЕТОДА	46
Мосинец А. Г. ПРЕДЛОЖЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ МОТИВАЦИИ С СОЮЗОМ А ТО И ИХ БОЛГАРСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ	53
Наугольных Е. А. К ВОПРОСУ О ДЕЛИНЕАРИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МОДЕРНИСТСКОГО ТЕКСТА (на примере романа Дж. Джойса «Улисс»)	63
Рякина Е. В. КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (на примере ранней лирики В. Высоцкого)	68
Твердохлеб О. Г. ПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ КОМПАРАТИВА В ПОЭЗИИ А. А. АХМАТОВОЙ	77
Цин Ян МЕСТОИМЕНИЯ ПЕРВОГО И ВТОРОГО ЛИЦА КАК СРЕДСТВО ДИАЛОГИЗАЦИИ В ЛЕКЦИОННОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ	87
Цун Япин О НАЦИОНАЛЬНОМ СВОЕОБРАЗИИ ЦВЕТОВОЙ СИМВОЛИКИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ	93
Чэн Чэнь ОБРЫВ КАК ХЕЗИТАЦИОННОЕ ЯВЛЕНИЕ В РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА	98
Шляхова С. С. НАРУЖНАЯ РЕКЛАМА КРУПНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ГОРОДА: КОНТЕНТ И СТРАТЕГИИ ВЛИЯНИЯ	108
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	122
Марков А. В. ЛАТИНИЗМЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ КНИГАХ «ДИКИЙ ШИПОВНИК» ОЛЬГИ СЕДАКОВОЙ И «ТРУДЫ И ДНИ МОНАХИНИ ЛАВИНИИ» ЕЛЕНЬ ШВАРЦ ...	122
Сухоева Д. А. ОБРАЗ ИТАЛИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. Ф. ХОДАСЕВИЧА	130
ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ	138
Кушнина Л. В. СТАВРОПОЛЬСКАЯ ШКОЛА ЛИНГВИСТИКИ К. Э. ШТАЙН В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ	138
К 100-ЛЕТИЮ УНИВЕРСИТЕТА	144
Пустовалов А. В. ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ГИПЕРТЕКСТА ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА	144

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY	5
Andrey E. Bochkarev FEELINGS AND EMOTIONS IN THE RUSSIAN LINGUISTIC WORLD VIEW	5
Elena G. Vlasova, Natalya I. Muratova INTERNET-ORIENTED TECHNIQUES IN NEWSPAPERS OF MEDIUM-SIZED AND SMALL TOWNS OF THE PERM REGION	15
Maria D. Korolkova FELTING CRAFT VOCABULARY IN TERMS OF LINGUISTIC GEOGRAPHY (a Case Study of Dialects of the Prisurie Area of the Volga Region)	25
Natalia V. Logunova, Larisa L. Mazitova A PROVINCIAL WOMAN IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: SPEECH PORTRAIT	38
Svetlana L. Mishlanova, Maria V. Suvorova EVALUATION OF METAPHOR IDENTIFICATION PROCEDURE VU (MIPVU) BY THE CRITERIA OF A TRULY SCIENTIFIC METHOD	46
Anastasiya G. Mosinets ALTERNATIVE MOTIVATION SENTENCES WITH THE CONJUNCTION <i>A TO</i> AND THEIR EQUIVALENTS IN THE BULGARIAN LANGUAGE	53
Evgeniya A. Naugolnykh ON DELINEARIZATION OF MODERNIST LITERARY TEXT (Based on <i>Ulysses</i> by James Joyce)	63
Ekaterina V. Ryakina THE COMMUNICATIVE APPROACH TO THE ANALYSIS OF POETIC TEXT (a Case Study of Vysotsky's Early Lyrics)	68
Olga G. Tverdokhlebov PREDICATIVE USE OF THE COMPARATIVE IN THE POETRY BY A. A. AKHMATOVA	77
Qing Yang FIRST-PERSON AND SECOND-PERSON PRONOUNS AS A MEANS OF DIALOGIZATION IN LECTURE COMMUNICATIVE PRACTICE	87
Cong Yaping ON THE NATIONAL SPECIFICITY OF COLOR SYMBOLISM IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES	93
Cheng Chen A BREAK AS A HESITATION PHENOMENON IN RUSSIAN SPEECH OF THE CHINESE	98
Svetlana S. Shlyakhova OUTDOOR ADVERTISING IN A LARGE INDUSTRIAL CITY: THE CONTENT AND PERCEPTION	108
LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT	122
Alexander V. Markov LATINISMS IN <i>THE WILD ROSE</i> BY O. SEDAKOVA AND <i>WORKS AND DAYS OF NUN LAVINIA</i> BY E. SCHWARTZ	122
Darya A. Sukhoveva THE IMAGE OF ITALY IN WORKS BY V. F. KHODASEVICH	130
ACADEMIC REVIEWS AND SURVIEWS	138
Liudmila V. Kushnina STAVROPOL SCHOOL OF LINGUISTICS OF K. E. STEIN IN THE MODERN LINGUISTIC SPACE	138
ON THE 100th ANNIVERSARY OF PERM STATE UNIVERSITY	144
Alexey V. Pustovalov CONCEPT AND STRUCTURE OF THE PHILOLOGICAL HYPERTEXT OF PERM UNIVERSITY	144

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 811.161.1'373
doi 10.17072/2037-6681-2017-1-5-14

О ЧУВСТВАХ И ЭМОЦИЯХ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Андрей Евгеньевич Бочкарев
д. филол. н., профессор департамента литературы
и межкультурной коммуникации
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород)
603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 25/12
abotchkarev@hse.ru; bochkarev.andrey@mail.ru
SPIN-код: 3213-6724
ORCID: 0000-0002-9650-8604
ResearcherID: L-6181-2015

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бочкарев А. Е. О чувствах и эмоциях в русскоязычной картине мира // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 5–14. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-5-14

Please cite this article in English as:

Bochkarev A. E. O chuvstvakh i emotsiyakh v russkoyazychnoy kartine mira [Feelings and Emotions in the Russian Linguistic World View]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 1, pp. 5–14. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-5-14 (In Russ.)

В данной публикации рассматриваются способы и средства отображения чувств в русской языковой картине мира. Описать состояние, обозначенное словами со значением чувств, можно и по внешним проявлениям, и по связанным с ними переживаниям, но собственно лингвистическим исследование эмоциональной субстанции становится только при условии обращения к засвидетельствованным словоупотреблениям. Национальный корпус русского языка позволяет, в частности, установить, что пропозициональная модель, характеризующая наше знание о чувствах, содержит информацию о том, что в наиболее типичных употреблении чувства испытывают, питают, разделяют, пробуждают, скрывают, подавляют. В метафорическом отображении чувства определяются в отношении к элементам других предметных областей, в том числе ресурсу, жидкости, огню и силе, так или иначе задающим выбор присоединенных предикатов. По аналогии с ресурсом чувства копятся и растрачиваются; по аналогии с неподвластной человеку силой – охватывают и овладевают; по аналогии с водной стихией – захлестывают и переполняют; по аналогии с огнем – разгораются и затухают. Причем такое словоупотребление становится настолько привычным, что говорящие не обращают более внимания на метафоричность выражений вида *излить чувства* или *сгорать от любви*, а принимают их чуть ли не за объективную характеристику чувств.

Ключевые слова: эмоции и чувства; русская языковая картина мира; когнитивное отображение; метафорическая модель; корпусная лингвистика.

Предварительные замечания. В повседневном речевом обиходе *ощущения*, *эмоции*, *настроение* и *чувства*, пусть и употребляются нередко как синонимы, не совпадают полностью по вкладываемому в них смыслу. В отличие от чувств эмоции воспринимаются говоря-

щими скорее как специально-научный термин из области психологии, как «ученый» эквивалент обиходного слова *чувство*, как возможный «мещанский» его эвфемизм (Л. П. Крысин). Различными являются, наконец, и сложившиеся в культуре зоны распределения. По меткому

замечанию Анны А. Зализняк, чувства локализируются традиционно в душе, тогда как эмоции относятся к сфере телесного и тем самым расцениваются *implicite* как нечто физиологическое, бездуховное, низкое в рамках фундаментального противопоставления душа – тело, высокое – низкое [Зализняк 2005b: 287–288; ср.: Шмелев 1997: 523–539].

Описание слов со значением чувства затруднительно, как затруднительно вообще толкование слов с абстрактной семантикой. В первом приближении описать состояние, обозначенное словом со значением чувства, можно, конечно же, и по внешним проявлениям, уточнив, что гнев сопровождается обычно покраснением или потемнением лица, страх – оцепенением, дрожью в голосе или утратой дара речи, радость – возбуждением, блеском глаз, а в некоторых телесных проявлениях усмотреть даже специфически национальный способ выражения эмоций. Такое решение кажется тем более оправданным, что чувства нельзя никак представить без телесных проявлений: гнев – без прилива крови к лицу, расширения ноздрей, стискивания зубов; печаль – без слез и рыданий; радость – без возбуждения и блеска глаз. Но сводить чувства к телесным проявлениям, тем более принимать их, следуя за В. Джемсом, за основу и первопричину эмоционального состояния в формулировках вида *Мы опечалены, потому что плачем* так же, в сущности, нелепо, как и отрывать от телесных проявлений: чувства и проявления «одновременны в едином неразрывном акте» [Выготский 1984: 140].

Возможными являются, кроме того, и так называемые эмпирические правила смысла, образуясь с которыми истолковать значение выражения со значением чувства можно и по собственному эмпирическому опыту. Например, чтобы понять, что значит *страшно* в высказывании вида *Жуть, как было страшно*, значение предикатива *страшно* можно привести в соответствие с внутренним состоянием говорящего; причем именно таким, которое обозначается посредством данного выражения. Чтобы понять, собеседнику не остается в таком случае ничего другого, как соотносываться с собственным переживанием означенного состояния, сопоставленным с другими подобными переживаниями, а затем только судить, что означает *страшно* и насколько оправданным в условиях данной ситуации является данное словоупотребление.

Обращение к симптоматике, как и разделенный эмпирический опыт, позволяют действительно понять, как переживаются нами эмоционально маркированные прототипические ситуации, как и обусловленные ими состояния, но собственно лингвистическим исследованием

эмоциональной субстанции становится, согласимся, только при обращении к засвидетельствованным словоупотреблениям, к тому, как употребляются в языке слова со значением чувства. Поэтому вопреки предостережениям Анны А. Зализняк, предлагавшей отказаться от поэтических метафор, мотивов и идей из литературы и фольклора ради «информации, содержащейся в самом языке и из него извлекаемой» [Зализняк 2005a: 153], учитывать по возможности надлежит все или почти все известные языковые произведения. При условии, разумеется, если почерпнутая из них информация об употреблении и сочетаемости слов не является сугубо идиолектной, а отражает ассоциируемые со словами с обозначением чувств общезначимые смыслы.

В истолковании языковых выражений со значением чувства особое место отводится, как правило, предикатам эмоционального состояния типа *радоваться, гневаться, горевать, бояться, печалиться, сердиться* как наиболее подходящим для выражения состояния [Зализняк 2006: 74–86; Падучева 2004: 273–306]. При этом описанию зачастую подлежит не само по себе чувство как состояние души, а условия его возникновения и проявления. Например, чувство страха, с которым ассоциируется по обыкновению глагол *бояться* в пропозициях вида *А боится, что В*, представляется в изложении Л. Н. Иорданской следующим образом: *А испытывает пассивно-отрицательное эмоциональное состояние, каузированное тем, что 1) А считает, что В высоковероятно; 2) А считает, что В является для него злом; 3) А считает, что не способен противодействовать осуществлению В* [Иорданская 1970: 23].

В терминах каузальной импликации истолковывается также и предикат эмоционального состояния *сердиться* в интерпретации Е. В. Падучевой [Падучева 2004: 103]. Действительно, в условном суждении, каким является анализируемое высказывание *Если Иван опаздывает, то Маша сердится*, за основу анализа можно взять, как предлагает Е. В. Падучева, содержательную причинно-следственную связь между *p* и *q*, эмоциональным состоянием Маши и опозданием Ивана, и тем самым свести толкование предиката *сердиться* к имплицатуре, выводимой с учетом ситуации, в которой Маша сердится, когда Иван опаздывает.

Описать состояние, связанное с тем или иным предикатом эмоционального состояния, можно, кроме того, и по содержанию эмоционального состояния, и по производным от глаголов эмоции тематическим классам, и по семантическим ролям участников и их синтаксическим позициям, заданным семантикой глаголов эмоции [Падучева 2004: 284–306].

Обратимся непосредственно к значениям имени *чувство* в словосочетаниях, высказываниях и текстах, входящих в Основной корпус Национального корпуса русского языка.

Среди засвидетельствованных в корпусе употреблений (общим объемом свыше восьмидесяти тысяч вхождений) выделяются, в частности, такие слова-значения:

1. Чувство как данная от рождения способность к восприятию сигналов внешнего мира, гипероним зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания: *Старуха, несмотря на свой преклонный возраст, отлично слышит и видит, но находит нелишним клеветать на свои органы чувств* (А. П. Чехов).

2. Чувство как способность отдавать себе отчет в своих поступках и чувствах, синоним сознания: *Варенуха лишился чувств и поцелуя не ощутил* (М. А. Булгаков).

3. Чувство как интуитивная убежденность в чем-л.: *У меня такое чувство, что ты из реального мира давно куда-то выпал* (В. Пелевин).

4. Чувство как внутреннее ощущение чего-л. как неизбежности: *...чувство роковой неизбежности охватывало Голубева* (С. Залыгин); опасности: *...было чувство близкой опасности* (В. Ардаматский); обреченности: *...когда Холмогоров вышел на свободу, то чувство обреченности <...> отравляло каждую минуту* (О. Павлов); надежды: *Будь проклято это чувство надежды на краю гибели* (В. Быков) и т. д.

5. Чувство как влюбленность: *...в глубине и серьезности чувства она ей не уступала: полюбила – значит, полюбила* (А. Рыбаков).

6. Чувство как определенное физиологическое состояние вроде боли: *...испытываешь чувство боли* (А. Сокуров); холода: *...неприятное чувство холода пробежало по спине графа Ростопчина* (Л. Н. Толстой); голода: *Ничто так не мешало мне жить, как острое чувство голода* (А. П. Чехов); сытости: *...томное чувство сытости* (А. И. Куприн); тошноты: *...все казалось скучным, бестолковым, изнывающим в чувстве тупой и безнадежной тошноты* (Л. Н. Андреев); усталости: *Часто Марину охватывало теперь чувство усталости* (В. В. Вересаев); разбитости: *...чувство разбитости во всем теле* (Ю. Трифонов); духоты: *Я остро, почти физиологически, переживал это как чувство духоты* (Б. К. Лившиц) и т. д.

7. Чувство как определенное эмоциональное состояние («состояние души») вроде удовлетворения: *Наболтавшись досыта и наполнившись чувством удовлетворения, словно мы что-то сделали, успели в чем-то* (И. С. Тургенев); радости: *Чувство радости заслоняет тоска* (М. Петросян); сострадания: *Чувство со-*

страдания помогло Рубахину (В. Маканин); милосердия: *...он потерял навсегда способность затрагивать в его сердце чувства милосердия* (А. И. Куприн); жалости: *Мне редко приходится испытывать настоящее чувство жалости* (Л. Петрушевская); неловкости: *Малахов испытывал нестерпимое чувство неловкости* (Ю. В. Трифонов); вины: *Но главное, откуда это чувство вины?* (Ф. Искандер); раскаяния: *Чувство раскаяния не могло иметь места в душе такого человека* (Л. Н. Андреев); разочарования: *Вернулся домой с чувством легкого разочарования* (В. В. Набоков); унижения: *Яценко испытывал чувство унижения* (М. А. Алданов); обиды: *Его волнение перешло, как ему показалось, в чувство горькой обиды* (М. А. Булгаков); досады: *Меня охватывает странное чувство досады* (Д. И. Хармс); раздражения: *...с усилившимся чувством раздражения* (М. А. Алданов); негодования: *...они ведь испытали благородные чувства негодования и гнева!* (Л. Н. Андреев); возмущения: *...воплне справедливые чувства возмущения* (П. Н. Милуков); озлобления: *Незнакомые люди вызывают во мне чувство равнодушного озлобления* (В. Ерофеев); неприязни: *...с чувством сильнейшей к нему неприязни* (В. В. Набоков); ненависти: *Ночью пришло чувство ненависти* (В. Гроссман); скуки: *И чувство скуки, которое вызывала в нем в детстве эта картинка, вновь коснулось его* (В. Гроссман); уныния: *...охваченные одним и тем же чувством уныния* (А. И. Куприн); грусти: *...но чувство грусти, как усталость, прошло по лицу Прушевского* (А. П. Платонов); тоски: *С первых дней войны Сталин ощущал чувство физической тоски* (В. Гроссман); горя: *Одних объяло чувство горя* (В. Гроссман); скорби: *И это насколько не ослабило чувства великой скорби* (А. Алтаев); зависти: *...не мог побороть в себе чувство зависти* (А. Алтаев); ревности: *И не думайте, чтобы у меня было малейшее чувство ревности* (Л. Н. Толстой); стыда: *Наверно, каждому человеку знакомо острое чувство стыда* (И. Грекова); удивления: *Мое новое положение возбуждало в нем смешанное чувство удивления, зависти и смутной надежды, что и с ним может случиться что-нибудь подобное* (А. П. Чехов); беспокойства: *Я испытывал чувство беспокойства и страха* (С. Довлатов); тревоги: *...чувство тревоги, неприятные воспоминания* (Н. Шимановский); смятения: *...испытывая чувство странного смятения и острой жалости* (М. Горький); оторопи: *...будет приятное чувство оторопи* (А. Белый); страха: *Возникает чувство страха* (Т. Толстая); ужаса: *Не могу выразить чувства холодного ужаса, охватившего мою душу в эту минуту* (Л. Н. Толстой); одино-

чества: *Это было совершенно новое чувство – чувство полного одиночества в светлом пространстве* (Б. С. Житков); опустошения: *Чувство опустошения, вызванного пережитой опасностью, разливалось во всем его существо наслаждением* (А. Иличевский); отчуждения: *И снова чувство странного отчуждения от самого себя, отчуждения, граничащего с бешенством* (В. А. Каверин); безнадежности: *уверенное и спокойное чувство безнадежности* (Ю. О. Домбровский); покоя: *...нежное чувство покоя* (А. П. Платонов); легкости: *Шел домой, – чувство легкости, молодости* (И. А. Бунин); облегчения: *К доброму чувству няни примешивалось и чувство облегчения* (З. Н. Гиппиус); счастья: *Других обьяло чувство счастья* (В. Гроссман); благодарности: *Эти чувства нежной благодарности* (А. И. Куприн); признательности: *...как ожидать от идущего по асфальту пешехода чувства признательности к когда-то проложившим дорогу рабочим* (В. Пелевин); нежности: *...скрывая охватившее его чувство нежности* (С. Данилюк); дружбы: *...по чувству давней дружбы* (А. Слаповский); симпатии: *...пережили бы глубокое чувство симпатии и расположения* (Ю. Кудрина); привязанности: *...чувство взаимной привязанности* (А. Волков); умиления: *...он прижался к ней с чувством безотчетного умиления* (М. П. Арцыбашев); восхищения: *...ко мне с новой силой прихлынуло чувство горячего восхищения им* (К. И. Чуковский); упоения: *С чувством беспредельного упоения* (В. В. Набоков); благоговения: *Но чувство благоговения и страха осталось* (Н. А. Тэффи); восторга: *...расширилась грудь от чувства восторга* (С. Н. Сергеев-Ценский); блаженства: *Наевшуюся Маргариту охватило чувство блаженства* (М. А. Булгаков); любви: *...не знаю – любовь это была или иное чувство* (А. И. Куприн) и т. д.

8. Чувство как осознание чего-л. в согласии со сложившимися в социуме правовыми, морально-этическими, эстетическими и прочими нормами как необходимости: *...руководствуясь чувством необходимости* (Л. Петрушевская); долга: *Женюсь из чувства долга* (С. Довлатов); такта: *...притупляется чувство такта* (В. А. Гиляровский); ответственности: *В нем было глубоко заложено чувство ответственности* (В. Ф. Ходасевич); справедливости: *...и ты утрачиваешь чувство справедливости* (Л. К. Чуковская); чести: *...только у одних дворян в России есть истинное чувство чести* (К. Н. Леонтьев); гордости: *Это вселяет в меня чувство законной гордости* (В. Ерофеев); достоинства: *...от нищеты потеряли даже чувство собственного достоинства* (Д. Н. Мамин-Сибиряк); правоты: *...мама говорила без всякой злости, но с чувством своей*

правоты (О. Павлов); патриотизма: *...потеряли чувство патриотизма и откровенно смеялись над призывом «За Веру, Царя и Отечество!»* (М. Щукин); Родины: *...чувство родины* (И. А. Бунин); уважения: *...что основано на чувстве уважения человека к человеку?* (Ю. О. Домбровский); собственности: *Навсегда отбили чувство собственности. Все отдай!* (Л. Петрушевская); коллективизма: *...объятая чувством коллективизма, царящего в почтовой части, Стеша взывала: Девчонки!* (В. Астафьев); меры: *Здесь всегда нужно выбирать золотую середину и, конечно же, знать во всем чувство меры* (В. Авилов); стиля: *Не теряйте чувства стиля!* (Ю. О. Домбровский); красоты: *...чувство красоты доступно только людям культурным, богатым* (А. Н. Апухтин); юмора: *Ты просто лишен чувства юмора!* (С. Довлатов); реальности: *Должно же быть хоть какое-то чувство реальности!* (Е. Чижов); времени: *Но то было чувством времени, а не чувством Города* (Ю. Давыдов); пространства: *У Жорика было чувство пространства* (М. Трауб); языка: *Хотя не все дети и раньше, в мою юность, не обладали чувством языка* (Д. Донцова) и т. п.

Таким образом, под чувство подводятся в языке самые разнообразные понятия: и голод, и любовь, и жалость, и разочарование, и удовлетворение, и вина, и справедливость, и любопытство, и удивление, и долг, не имеющие, казалось бы, ничего общего между собой в плане внешних проявлений и переживаний. Действительно, в непосредственно данных нам психофизиологических ощущениях долг нельзя никоим образом сопоставить с голодом, голод с признательностью, признательность с юмором, справедливостью, страхом или виной, хотя и то и другое обозначается в языке как чувство: *чувство долга, чувство голода, чувство юмора, чувство справедливости, чувство страха, чувство вины*. С собственно чувством в узком смысле слова соотносятся с очевидностью только некоторые из указанных значений, прежде всего значения 5 и 7.

Несмотря на различия, сходным для всех словоупотреблений остается вместе с тем такое весьма существенное обстоятельство, что всякое подводимое под чувство понятие, будь то голод, страх, признательность, жалость или вина, переживается как нечто заслуживающее переживания. Общность семантики всех обозначений чувств определяется в таком случае тем, что ситуация, с которой они так или иначе соотносятся, может быть охарактеризована как ситуация внутреннего состояния человека – физиологического вроде чувства голода, эмоционального вроде чувства радости или страха, ментального вроде чувства долга или ответствен-

ности, эстетического вроде чувства красоты. Семиотически значимыми становятся при этом такие и только такие чувства и переживания, языковая репрезентация которых не ограничивается описанием сопутствующего эмоционально-психологического фона вроде учащенного сердцебиения, прерывистого дыхания, покраснения или побледнения лица, а предполагает сверх того дополнительную обработку посредством собственно языковых средств выражения. Исследуемая лингвистом эмоциональная субстанция подлечит в таком случае изучению не сама по себе как явление из области физиологии или психологии, а, говоря словами Л. Ельмслева, исключительно как семиотически оформленная субстанция. Например, языковая репрезентация *радости* и *страха*, пусть данные эмоциональные концепты и принадлежат по определению биологически обусловленным эмоциям, не исчерпывается указанием на ассоциируемую с ними психофизиологическую реакцию, а содержит, кроме того, и собственно языковые модели отображения, в том числе пропозициональные, метонимические, метафорические, с более или менее прогнозируемой сочетаемостью слов. Поэтому в отличие, например, от ощущения переполненного желудка чувство радости, зависти или страха становится семиотически релевантным эмоциональным концептом, а не просто-таки эмоционально-аффективным переживанием ситуации радости, зависти или страха.

Действительно, наряду с обозначением физиологической реакции язык располагает специфическим набором средств выражения, используемых независимо от того, является ли эмоция первичной или вторичной, биологически обусловленной или окультуренной, для выражения эмоционального состояния человека. Как справедливо замечает А. Вежбицкая, «каждый язык налагает на эмоциональный опыт людей свою собственную классификационную сетку» (Вежбицкая 1999: 507). Поэтому универсальной можно отчасти признать лишь физиологическую реакцию на некоторые базовые эмоции, более или менее сходные для всех представителей рода человеческого, но отнюдь не отбираемые для их обозначения языковые выражения, так или иначе варьирующие от языка к языку.

Пропозициональная модель. Пропозициональная модель, построенная на Национальном корпусе русского языка, предоставляет, в частности, информацию о том, что приложимые к чувствам действия-предикаты варьируются в зависимости от позиции, отводимой им в синтаксической структуре высказывания.

В функции семантического объекта к чувствам приложимы, в частности, предикаты ощу-

щать: *...и даже ощутил где-то в отдаленном уголке души чувство легкого изумления* (В. Г. Короленко); испытывать: *...мальчик испытывал чувство досады* (А. Варламов); переживать: *В то время он пережил глубокое чувство, влюбился в чудесную, тонкую, молодую свою помощницу по Ансамблю* (А. Б. Можаяев); питать: *...в конце концов питаете вы к нему хоть какие-нибудь чувства?* (Ю. О. Домбровский); разделять: *...старая княгиня не разделяла его чувства* (Л. А. Чарская); вызывать: *Я рассказала о том, как мы вызывали эти эмоции – чувства тревоги, страха, отворачивания (например, показывали женщине мышшь или крысу: энцефалограмма сразу же отзывалась на это характерным скачком и серией замирающих волн)* (И. Грекова); пробуждать: *...оно добрых чувств во мне не пробудит!* (А. Солженицын); возбуждать: *Всегда вы возбуждаете такое чувство, как будто между нами что-то произошло* (А. П. Чехов); скрывать: *...она все-таки пыталась скрыть свои чувства* (К. М. Станюкович); утрачивать: *Я как будто утратил чувство равновесия* (А. Беляев); побороть: *Я поборол чувство страха и пошел навстречу своим спутникам* (В. К. Арсеньев); подавлять: *...стараясь подавить в себе чувство невольного почтения к нему* (И. А. Бунин); умирять: *Познание, говорит, умирит чувство твое и освободит от него* (А. М. Ремизов) и даже осквернять: *Всегда радуюсь, радуюсь, что ничем не осквернил это свое чувство* (Л. Н. Толстой).

В функции семантического субъекта¹ чувства просыпаются: *У нее проснулось чувство юмора* (Н. Горланова); посещают: *Странные чувства посетят тебя* (А. Рубанов); охватывают: *...чувство роковой неизбежности охватывало Голубева* (С. Залыгин); наполняют: *...наполняет Юрасова чувством безысходного одиночества* (Л. Н. Андреев); переполняют: *Димитрия и Евдокию так переполняли чувства, что они не могли разговаривать* (Л. Васильева); овладевают: *...и самой ей неясное чувство овладело ее душой* (А. И. Куприн); двигают: *...двигало им чувство зависти, а может, и ревности* (А. Тарасов); пульсируют: *...во мне все время пульсировало другое чувство – какое-то раздражение* (А. Мариенгоф); потрясают: *...чувство гадливости и отворачивания к себе потрясли все ее существо* (Ф. Абрамов); обманывают: *...внутреннее чувство не обманывает Андрея* (Е. Алешкина); притупляются: *...притупляется чувство такта* (В. А. Гиляровский) и т. д.

По интенсивности и силе проявления чувство может быть нарастающим: *...с нарастающим чувством наслаждения глядя на эти подвижные губы, которые он сейчас поцелует* (В. В. Набоков); сильным: *...его душа радостно устрем-*

лась навстречу новому, сильному чувству (А. И. Куприн); всепоглощающим: ...это всепоглощающее чувство какой-то особенной внутренней свободы (М. А. Осоргин); глубоким: А чувство было, видимо, глубоким (А. Б. Можаяев); пронзительным: Не из-за того, что она казалась ему маленькой, а вот именно из-за этого странного, пронзительного чувства, связанного с нею (А. Берсенева);

по аутентичности – подлинным: Подлинное чувство имеет степени от любви навсегда до мимолетного увлечения (В. Ф. Ходасевич); настоящим: Это настоящее чувство, а все остальное в моей жизни было заблуждением (М. А. Булгаков); искренним: ...искреннее ли чувство или простой формализм (М. Е. Салтыков-Щедрин); истинным: Страстный, щедрый, любящий, знающий, что такое истинное чувство, истинное страдание (Л. Вертинская); ложным: Но в основе всего лежало не подлинное чувство, а ложное, суетное (Ю. Трифонов);

по известности – знакомым: ...каждому человеку знакомо острое чувство стыда (И. Грекова); незнакомым: ...незнакомое ему чувство (В. Маканин);

по осознанности – бессознательным: ...бессознательное чувство равновесия (Ю. О. Домбровский); подсознательным: ...подсознательное чувство вины (А. Сокуров); безотчетным: ...знаю это чувство безотчетного ужаса (А. Белый); подспудным: ...подспудное чувство иррациональной вины за свою «отдельность», «неслиянность» с веселой и дружной общностью невинных людей (Л. Улицкая); неясным: Я испытывал неясное чувство (Ю. Трифонов); невнятным: ...первые годы московской жизни я воскрешаю с невнятным чувством (Л. Зорин); смутным: ...тут было какое-то смутное чувство, подсказывавшее, что лучше уж я – униженный, чем я – отрекшийся от себя (Ф. Искандер); затаенным: ...с каким-то затаенным чувством ждет (О. Тимофеева); странным: И странное чувство появилось у Айрин. Чувство любви (А. Слаповский);

по взаимности – взаимным: Чувство оказалось взаимным (А. Рубанов); ответным или безответным: ...и у тебя поднимется ответное чувство (М. М. Пришвин); Чувство его не было безответным (А. Б. Можаяев); разделенным или неразделенным: ...и это именно то безответное, неразделенное чувство, которого я и жажду (Б. Л. Пастернак);

по времени протекания – постоянным: ...постоянное чувство ответственности (В. Чивилихин); непреходящим: ...непреходящее чувство вины за то, что ты натворил (А. Маринина); запоздалым: ...запоздалое чув-

ство раскаяния разбирало меня (В. Астафьев); мимолетным: ...мимолетное мужское чувство (А. И. Куприн);

по физическим ощущениям – физическим: Этого физического чувства я не мог изжить в себе (В. Г. Шершеневич); острым: Эти люди возбуждали особенно острое чувство неприязни к ним (М. Горький); обостренным: Обостренное чувство справедливости (Д. Донцова); притупленным: И с этими навсегда притупленными чувствами Павел Петрович не в полноту ощутил и отправку на войну в августе сорок первого (А. И. Солженицын); тупым: Прежде она в этой жалкой комнате всегда испытывала тупое чувство отчаяния (К. К. Вагинов); горьким: ...необъяснимо горькое чувство (С. Довлатов); сладким: ...такое сладкое чувство мести! (Ф. Искандер); холодным: Високовский, презирая Умрищева, начинал распространять свое холодное чувство уже гораздо шире, может быть, на весь руководящий персонал советского скотоводства (А. П. Платонов); теплым: Даже его толстую тетрадь с выписанными в ней стихами и песнями она вспомнила теперь с теплым чувством (Э. Г. Казакевич); горячим: ...ко мне с новой силой прихлынуло чувство горячего восхищения им (К. И. Чуковский); жгучим: Артема захлестнуло жгучее чувство стыда (Д. Глуховский); грубым: Торжествуют грубые чувства, примитивные мысли (М. М. Зощенко); тяжелым: ...мною овладело тяжелое чувство, близкое к отчаянию (А. П. Чехов); тяжким: Я слушала, и тяжелое чувство полета росло (И. Грекова); щемящим: ...осталось лишь щемящее чувство счастья (В. Доценко); сосущим: С сосущим чувством: обману-ул! (М. И. Цветаева); томящим: ...томящее чувство (В. Гроссман); знобящим: Давно нет ни матери, ни той Риты, которая обижалась, ни моей любви, ни нашей старой квартиры на Житной, коммунальной толчеи, тесного дивана, криков Кирки по утрам и знобящего чувства, что все впереди, все еще случится, произойдет (Ю. Трифонов); мутным и вязким: Но какое-то мутное и вязкое чувство спутывало пальцы и мысли (С. Д. Кржижановский);

по эмоционально-психологическим переживаниям: сердечным: ...цвет разума и чувства сердечного (И. А. Бунин); романтическим: ...в ее возрасте не бывает романтических чувств (А. Слаповский); нежным: Нет, нельзя сказать, чтобы я действительно питал к ней нежные чувства (В. Ерофеев); пламенным: Александра Михайловна с пламенным чувством предалась брачной жизни (Г. И. Чулков); пылким: Никто не мешает изъяслять к нему ваши пылкие чувства (А. Н. Толстой); страстным: ...и то пла-

менное и страстное чувство, от которого так бесконечно расширилось сердце (Л. Н. Андреев); радостным: ...он все-таки ощутил радостное чувство (М. П. Арцыбашев); ...я летаю на саночках с радостным чувством (А. Белый); упоительным: ...и упоительное чувство успеха (Ю. Кирпичев); чарующим: ...странное, чарующее чувство (М. А. Алданов); пьянящим: ...в глазах Астана отразилось пьянящее чувство вселивия (Т. Набатникова); волшебным: ...волшебное чувство удовлетворения (В. Маканин); блаженным: ...блаженное чувство не оставляло ее (Н. Н. Берберова); неземным: ...Это чувство неземное, что волнует нашу кровь (А. И. Куприн); приятным: ...с приятным чувством вспоминал о нем (Л. Н. Андреев); неприятным: ...подавив в себе чувство неприятного удивления (Ю. Трифонов); пренеприятным: Это было пренеприятное чувство (Д. Н. Мамин-Сибиряк); отвратительным: Чувство разобщенности отвратительно (В. Аксенов); противным: ...какое это противное чувство – страх (В. Быков); проклятым: Это проклятое чувство, что его молодость кончилась! (К. К. Вагинов); тягостным: ...рос с тягостным чувством неосознанной вины (А. Варламов); тревожным: Испытывала она какое-то тревожное чувство (В. В. Голявкин); невыносимым: Невыносимое чувство стыда (А. Чайковская); мучительным: Какое это мучительное чувство: испытывать позор за свою Родину (А. И. Солженицын); раздирающим: Какое раздирающее чувство: одновременно зная свою невиновность и холодеть от ощущения безысходной вины (В. Гроссман); боязливым: ...он не мог побороть в себе странное, боязливое чувство (В. Быков); пугливым: Это пугливое чувство не могло выносить уже одного присутствия девицы Клапс (В. Г. Короленко); утешительным: ...утешительное чувство героизма (Т. Набатникова); неприязненным: Я ушел с неприязненным чувством к нему (М. Горький); брезгливым: ...она возбуждала у меня брезгливое чувство (М. Горький); волнующим: Волнующее чувство, Егор всегда это чувство помнил (В. Шукшин); возбужденным: ...весь дрожал от возбужденного чувства (П. Д. Боборыкин); восторженным: ...охватенный восторженным чувством (Д. Н. Мамин-Сибиряк); неистовым: Неистовое, мстительное чувство охватило Бориса, вызвало в нем прилив негодования (В. Астафьев);

по морально-этическим свойствам: нравственным: ...где оно у меня, это нравственное чувство? (В. Ерофеев); высоким: ...высокое чувство любви (А. Рыбаков); низким: Нет ли тут низменных чувств? Нет ли мещанского уклона? (М. М. Зощенко); подлым: ...подлое чувство облегчения (И. Грекова); злобным: И так и

нужно, – добавил он, нарочно разогревая в себе злобное чувство (А. И. Куприн); жадным: У меня теперь к музыке очень жадное чувство, я ее животом хочу, а не ушами, не головой (Е. Шварц); злым: ...злое чувство к дяде (М. Горький); почтительным: ...он как-то сразу вызывал почтительное чувство к этой женщине (М. Горький); покаянным: ...росло покаянное, томящее чувство (В. Гроссман);

по естеству – естественным: Любовь к родной стране – чувство такое же естественное, как любовь к родителям и детям, к близким, друзьям, родному языку, обычаям, к которым привык с детства (Л. Жуховицкий); органическим: Страсть к знанию стала новым органическим чувством человека, таким же нетерпеливым, острым и богатым, как зрение или любовь (А. П. Платонов); здоровым: ...это вполне здоровое чувство (Ф. Искандер); нездоровым: Ревность – это нездоровое чувство (С. Акимов); живым: ...живым чувством любви и жалости к людям (В. Ф. Ходасевич).

Смысловые преобразования. В зависимости от избираемой установки мнения чувства переосмысливаются в метафорическом отображении и как исчисляемый ресурс, и как жидкая или летучая субстанция, и как неподвластная человеку сила, и как живое существо, и как острый колющий предмет, и как огнеопасная смесь, и как ингредиент брожения, и как вязкая субстанция. Ибо, как справедливо замечает Н. Д. Арутюнова, человеку свойственна вообще тенденция экстерриоризировать свои чувства, «представляя их не только как нечто отдельное от нас, но как нечто, вступающее с нашим “я” в определенные, дружеские или враждебные, отношения, как нечто нам помогающее или вредящее, то как собеседника и советчика, то как врага и мучителя» [Арутюнова 1998: 386].

В пользу такого переосмысления свидетельствуют, в частности, избираемые предикатные дескрипции.

В качестве субстанции, измеряемой по консистенции, объему, массе и температуре, чувства копятя: ...все накопленные чувства вывалил на Зубра (Д. Гранин), наполняют: Какие чувства наполнили душу Ибрагима? (А. С. Пушкин), переполняют: Димитрия и Евдокию так переполняли чувства, что они не могли разговаривать (Л. Васильева), согревают: Ее уже согревает и тешит чувство веры в себя (П. Д. Боборыкин), остывают: И, в чувствах своих поостывши, она разобралась, поняла, что для нее я был как брат (В. Астафьев);

в качестве неподвластной человеку силы – охватывают: Злорадное чувство мести охватило мою горящую душу (Скиталец), захватывают:

А затем их начало захватывать чувство, вложенное в исполнение трагической арии заключенным певцом (Г. Г. Демидов), разбирают: ...запоздалое чувство раскаяния разобрало меня (В. Астафьев), овладевают: ...мною овладело тяжелое чувство, близкое к отчаянию (А. П. Чехов), парализуют: От другой вереницы долгое и такое же парализующее под конец чувство радости (О. Павлов), двигают: ...двигало им чувство зависти, а может, и ревности (А. Тарасов), ведут: ...ведет просто чувство самосохранения (В. В. Вересаев);

в качестве живого, нередко недружелюбного существа – зарождаются: ... чувства приходят не извне, а зарождаются во мне (М. Анчаров), оживают: ...в душе вновь оживало чувство одиночества (В. Я. Шишков), просыпаются: ...никогда не думала, что в тебе могут проснуться родительские чувства (Т. Тронина), шевелятся: Только в глубине души шевелится какое-то грустное чувство (И. А. Бунин), закрадываются: Незнакомое до сих пор чувство закралось ей в душу (Л. А. Чарская), толкают: ...но почему-то бесправное чувство толкало меня стать на сторону этого мальчика (Ф. Искандер), преследуют: Весь день его преследовало чувство, что с головы до ног он облеплен грязью (И. Муравьева), мучают: ...чувство личного унижения мучило Анну Федоровну (Л. Улицкая), терзают: ...сложное чувство терзало его маленькое сердце (А. И. Куприн), сдавливают горло: Острое чувство страшной злобы сдавило Паши горло (М. П. Арцыбашев), гибнут: Чувство мое гибнет даром (А. П. Чехов); умирают: ...это чувство умирало во мне (М. Горький);

в качестве водной стихии – накатывают: Вот тут и стала накатываться на Андрея жалость (А. Азольский), захлестывают: Артема захлестнуло жгучее чувство стыда (Д. Глуховский), заливают: ...все сердце, всю грудь обдало холодком, залило чувством радости, восторга (А. П. Чехов), кипят: Чувства так и кипят (Л. Зорин); бурлят: Какие в нем бурлят чувства: любовь, раскаяние, гнев (И. Грекова);

в качестве огненной взрывоопасной смеси – вспыхивают: Чувство, вспыхнувшее между этими двумя фруктами, я назвал бы взаимной антипатией! (Д. Емец), пламенеют: и то пламенное и страстное чувство, от которого так бесконечно расширилось сердце (Л. Н. Андреев), жгут: И едкое чувство тоски жгло его сердце, все усиливаясь и возрастая (М. Горький);

в качестве острого колющего предмета – пронзают: Странное чувство вдруг пронизало меня (В. Аксенов), притупляются: ...и притуплялось щемящее чувство (А. Цветкова);

в качестве злокачественного образования – рассасываются: ...и рассасывается понемногу чувство опасности (Д. Глуховский).

Так преобразуется кардинальным образом верификационная модель значения. Действительно, в условно-истинностном исчислении пропозиции вида Чувство тоски жгло его сердце неприемлемы и даже, можно сказать, ложны по сравнению с пропозицией вида От тоски болело сердце. Но если о соответствии присоединенного предиката судить по засвидетельствованным словоупотреблениям, о сообразности пропозиции следует тогда судить только и только по тому, насколько узуальным является такое словоупотребление. Больше того, такое понимание страха укореняется в обыденном сознании настолько, что носители языка не обращают более внимания на метафоричность выражений вида страхи сидели глубоко или вот тут-то меня и пронзил страх, а принимают их чуть ли не за объективную характеристику того, чем является «на самом деле» страх. Аргументом в пользу такого употребления, а заодно и интерпретантом метафорической транспозиции, служит не подлежащее сомнению представление, что в наиболее характерных своих проявлениях страх может сидеть глубоко, овладевать, охватывать, рассеиваться и улетучиваться.

Так приходим к следующим установлениям.

- Универсальной можно признать лишь физиологическую реакцию на некоторые базовые эмоции и чувства, но отнюдь не отбираемые для их обозначения языковые выражения, так или иначе варьирующие от языка к языку.

- Содержание рус. чувство диффузно. Под чувство можно подвести и физиологические ощущения вроде чувства холода, голода или жажды, и психологические переживания вроде чувства радости и страха, и нравственные переживания вроде чувства долга и ответственности, и эстетические ощущения вроде чувства меры и красоты.

- Общность семантики всех обозначений чувств определяется главным образом тем, что ситуация, с которой они соотносятся, может быть охарактеризована как ситуация внутреннего состояния человека – физического вроде холода, голода или жажды, эмоционально-психологического вроде отчаяния, радости или страха, ментального вроде чести, долга или ответственности, эстетического вроде чувства меры или красоты.

- Лингвистическим исследованием эмоциональной субстанции становится только при условии обращения к засвидетельствованным словоупотреблениям.

• Пропозициональная модель, построенная на Национальном корпусе русского языка, представляет, в частности, информацию о том, что в наиболее типичных употреблениях чувства *испытывают, питают, переживают, разделяют, скрывают*.

• В метафорическом отображении *чувство* определяется в терминах пропозициональной модели других предметных областей, в том числе «ресурс», «жидкость», «огонь», «сила», о чем свидетельствуют присоединенные предикаты вида *наполнять, обжигать, овладевать*.

• В условно-истинностном исчислении метафорические дескрипции ложны. Но для лингвистической семантики важно даже не установить, каким является истинностное значение дескрипции вида *буря чувств* или *брожение чувств*, а понять, почему в качестве вспомогательного объекта избирается такой, а не какой-то другой объект: природный катаклизм в случае *бури чувств* или закваска в случае *брожения чувств*.

• Интерпретантом метафорической дескрипции служат общепринятые мнения (doxa) в функции глобальной прагматической пресуппозиции, в том числе убеждение, что овладевающие человеком чувства сродни силе, урагану или буре.

Примечание

¹ В такой синтаксической конструкции усматривают даже свойственную русскому характеру «неагентивность», подчиненность русского человека ходу событий, подсознательное желание снять с себя ответственность за собственные действия и поступки [Арутюнова 1998: 796–814; Булыгина, Шмелев 1997: 106–108, 321–322; Вежбицкая 1997: 33–88].

Источники

Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки рус. культуры, 1998. 896 с.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки рус. культуры, 1997. 576 с.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1997. 416 с.

Вежбицкая А. «Гнев» и «грусть» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций» // Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки рус. культуры, 1999. С. 503–525.

Выготский Л. С. Учение об эмоциях // Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика. 1984. Т. 6. С. 91–318.

Зализняк Анна А. *Счастье и наслаждение* в русской языковой картине мира // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. статей. М.: Языки слав. культуры, 2005. С. 153–174.

Зализняк Анна А. Заметки о словах: *общение, отношение, просьба, чувства, эмоции* // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. статей. М.: Языки слав. культуры, 2005. С. 280–288.

Зализняк Анна А. Семантика глагола бояться в русском языке // Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки слав. культуры, 2006. С. 74–86.

Иорданская Л. Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1970. Вып. 13. С. 3–26.

Падучева Е. В. Семантическая парадигма глагола эмоции // Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки слав. культуры, 2004. С. 273–306.

Шмелев А. Д. *Дух, душа и тело* в свете данных русского языка // Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки рус. культуры, 1997. С. 523–539.

References

Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1998. 896 p.

Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [The language conceptualization of the world (a case study of Russian grammar)]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 576 p.

Wierzbicka A. “Gnev” i “grust” v russkom yazyke: neuniversal'nost' tak nazyvaemykh “bazovykh chelovecheskikh emotsiy” [“Anger” and “sadness” in the Russian language: non-universality of the so-called “basic human emotions”]. Wierzbicka A. *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov* [Semantic universals and the description of languages]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999, pp. 503–525.

Wierzbicka A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997. 416 p.

Vygotsky L. S. Uchenie ob emotsiyakh [The teaching about emotions]. *Collected works in 6 vols.* Moscow, Pedagogika Publ., 1984, vol. 6, pp. 91–318.

Zalizniak Anna A. Shchast'е i naslazhdenie v russkoy yazykovoy kartine mira ["Happiness" and "pleasure" in the Russian linguistic world view]. Zaliziak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira*. Sbornik statey [Key ideas of the Russian linguistic world view. Collected works]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2005, pp. 153–174.

Zalizniak Anna A. Zametki o slovakh: obshchenie, otnoshenie, pros'ba, chuvstva, emotsii [Notes on the words: "communication", "attitude", "request", "feelings", "emotions"]. Zaliziak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira*. Sbornik statey [Key ideas of the Russian linguistic world view. Collected works]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2005, pp. 280–288.

Zalizniak Anna A. Semantika glagola boyat'sya v russkom yazyke [Semantics of the verb "to be afraid" in the Russian language]. Zaliziak Anna A. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Language polysemy and its representation]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2006, pp. 74–86.

Iordanskaya L. N. Popytka leksikograficheskogo tolkovaniya gruppy russkikh slov so znacheniem chuvstva [An attempt of lexicographic interpretation of the group of Russian words with a meaning of feeling]. *Mashinnyy perevod i prikladnaya lingvistika* [Machine translation and applied linguistics]. Moscow, Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages Publ., 1970, issue 13, pp. 3–26.

Paducheva E. V. Semanticheskaya paradigma glagola emotsii [The semantic paradigm of a verb of emotion]. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2004, pp. 273–306.

Shmelev A. D. Dukh, dusha i telo v svete dannykh russkogo yazyka ["Spirit", "soul" and "body" in the light of the Russian language]. Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [The language conceptualization of the world (a case study of Russian grammar)]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997, pp. 523–539.

FEELINGS AND EMOTIONS IN THE RUSSIAN LINGUISTIC WORLD VIEW

Andrey E. Bochkarev

**Professor in the Department of Literature and Intercultural Communication
National Research University "Higher School of Economics" (Nizhny Novgorod)**

This paper explores the ways of displaying emotions and feelings in the Russian linguistic view of the world. We can describe it as an emotional state, perception or attitude, but the treatment of an emotional substance becomes a linguistic study only in case we research the real use of words, independently of any reference to physical or psychological manifestations. According to the Russian National Corpus, feelings are nourished, shared, awakened, hidden, suppressed. In metaphoric mapping, feelings are defined in relation to the elements of other conceptual areas, including resource, fluid, fire, power, etc., determining the choice of attached predicates. By analogy with a resource, feelings are stored and wasted; by analogy with an independent power, they move, cover, master and subordinate the mind; by analogy with a fluid, they fill and overflow; by analogy with fire, they can ignite and fade. Such use becomes so common that speakers do not pay attention to metaphorical expressions any more but take them almost as an objective characteristic of feelings.

Key words: emotions and feelings; Russian linguistic world view; cognitive mapping; metaphorical model; corpus linguistics.

УДК 070(470.5):004
doi 10.17072/2037-6681-2017-1-15-24

ИНТЕРНЕТ-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРИЕМЫ В ПУБЛИКАЦИЯХ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКИ СРЕДНИХ И МАЛЫХ ГОРОДОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ¹

Елена Георгиевна Власова

к. филол. н., доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. elena_vlasova@list.ru
SPIN-код: 1454-8997
ORCID: 0000-0002-9309-0417
ResearcherID: Q-2048-2016

Наталья Ибрагимовна Муратова

магистр кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. natalika2112@gmail.com
SPIN-код: 5247-1103
ORCID: 0000-0003-0861-5352
ResearcherID: Q-2067-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Власова Е. Г., Муратова Н. И. Интернет-ориентированные приемы в публикациях газетной периодики средних и малых городов Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 15–24. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-15-24

Please cite this article in English as:

Vlasova E. G., Muratova N. I. Internet-orientirovannye priemy v publikatsiyakh gazetnoy periodiki srednikh i malykh gorodov Permskogo kraya [Internet-oriented Techniques in Newspapers of Medium-sized and Small Towns of the Perm Region]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 1, pp. 15–24. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-15-24 (In Russ.)

Статья посвящена характеристике интернет-ориентированных приемов организации текста, практикуемых периодическими печатными изданиями Пермского края. В данном случае рассматриваются газетные публикации, которые используют сформировавшиеся или актуализированные в пространстве интернет-медиа способы организации контента, основанные на базовых принципах интернет-коммуникации: интерактивности, гипертекстуальности, мультимедийности. Основное внимание уделено приемам каскадной организации гипертекста, атомизации и карточной структуризации материала, адаптации гиперссылок, а также логике и синтаксису поисковых запросов. Использование данных приемов в местной периодике связано с попыткой выхода газетных редакций к интернет-ориентированному читателю, что в условиях малой сегментированности локальной аудитории и сохраняющегося высокого статуса печатной периодики выглядит вполне оправданной стратегией. В целом, данный процесс рассматривается как одно из проявлений современного этапа медиаконвергенции, который характеризуется не только изменениями в организации работы, но и существенными трансформациями контента традиционных СМИ, что, безусловно, связано с новыми особенностями медиапотребления, сложившимися под влиянием Интернет.

Ключевые слова: медиаконвергенция; интернет-ориентированные приемы; новые медиа; газеты средних и малых городов; Пермский край.

Особенности медиаконвергенции в пермских СМИ

Одна из базовых интерпретаций медиаконвергенции связана с представлением о том, что в процессе взаимодействия разных медиаплатформ неизбежно происходит наложение форм и жанров, которые до этого развивались внутри отдельной медиасферы (Андерс Фагерйорд, Танья Сторсул) [Шермет 2012: 175]. Механизмы и результаты трансформации жанров традиционной журналистики, в частности, печатной прессы, в пространстве интернет-СМИ уже давно стали предметом специального рассмотрения [Калмыков, Коханова 2005; Лукина 2010; Пак 2014]. В меньшей степени исследован вопрос, связанный с обратным влиянием интернет-форматов на жанрово-стилевое оформление печатных СМИ. Наиболее проработанной оказалась тема интернет-ориентированных изменений заголовочных комплексов в печатной периодике [Паранько 2016]. В то же время практика показывает, что процессы обратного влияния конвергированных форматов онлайн-медиа на традиционные СМИ, и в частности на печатную прессу, набирают силу, затрагивая не только популярные федеральные издания (Комсомольская правда, Ежедневная деловая газета РБК, Аргументы и факты и др.), но и местную периодику.

Предметом нашего исследования послужили интернет-ориентированные приемы (прежде всего, жанровые и композиционные) организации медиатекста, которые начинают заявлять о себе на страницах местных газет. Случаи их появления, на наш взгляд, сигнализируют о попытках местных изданий расширить свою аудиторию за счет привлечения внимания интернет-пользователей – молодого и среднего поколения 25–40 лет. Разворот исследовательского внимания от ассимиляции традиционных жанров внутри новых медиа к обратному движению – интернет-форматов в печатные СМИ – позволяет по-новому взглянуть на процессы современной медиаконвергенции и обозначить новый вектор взаимодействия «умирающих» газет с «победившими» интернет-СМИ.

Первая волна медиаконвергенции, связанная с интернетизацией традиционных СМИ, в пространстве Пермского края имела вполне типичные черты. Периодика краевого центра достаточно быстро создала электронные версии своих печатных аналогов, которые постепенно перешли на оригинальный мультимедийный контент. Издания средних и малых городов в этом процессе прошли свой путь. Немногие из них создали конвергентную редакцию: для этого не хватало средств и профессиональных кадров. Как показывают материалы анкетирования, проведен-

ного кафедрой журналистики и массовых коммуникаций ПГНИУ в рамках проекта «Локальный медиадискурс: перспективы оптимизации информационно-коммуникативных процессов (на материале районных СМИ)» [Черепанова 2016; Пустовалов, Антипина 2016], конвергенция в районных газетах коснулась только половины редакций. Так, 47 % опрошенных журналистов не владеют технологиями подготовки мультимедийных материалов, а в большинстве редакций (63 %) нет специальной должности, связанной с организацией работы электронных ресурсов издания, что говорит о невысокой сложности электронной верстки даже в случае, если издание имеет интернет-представительство. Эти результаты в основном подтвердили выводы общероссийского исследования «Газеты средних и малых городов России в 2010-х гг.», которое проводится сотрудниками факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова с начала 2013 г. В частности, размещение мультимедийного контента на сайте редакции отметили только 46 % участвующих в опросе журналистов и редакторов [Смирнова 2016: 167].

Выбор стратегий и тактик любых медиакommunikаций происходит под влиянием целого ряда факторов, основной из которых – социальная специфика целевой аудитории, влияющая на направленность информационных потоков и, как следствие, на содержательные характеристики контента. В средних и малых городах по-прежнему сохраняется высокий уровень доверия к печатной прессе. Показательна в этой связи статистика ответов на вопрос «Нужны ли сегодня печатные СМИ?»: 91,5 % опрошенных журналистов дали однозначный положительный ответ и только 8,5 % выбрали ответ «Только в составе медиахолдинга». Отрицательных ответов не было совсем.

Тем не менее журналисты единогласно признают технологичность интернет-коммуникации для поддержания связи с аудиторией и привлечения молодого читателя. Понимая необходимость взаимодействия с интернет-ориентированной частью местного сообщества и в то же время испытывая дефицит финансовых и кадровых ресурсов для развития полноценного электронного представительства, районные издания ищут новые возможности развития. Примечательным в этой связи оказывается массовый выход районных изданий в социальные сети, которые стали важнейшим каналом взаимодействия с аудиторией. Интервью с редакторами районных СМИ Пермского края, которые были организованы на втором этапе исследования «Локальный медиадискурс: перспективы оптимизации информационно-коммуникативных процессов (на материале

районных СМИ)), показали, что районные СМИ делают сегодня ставку на развитие представительства в социальных сетях. При этом некоторые редакции принимают решение заморозить свои сайты, сохранив их в качестве электронной визитки, как это произошло с газетой Александровского района «Боевой путь» в конце 2015 г.

Создание аккаунтов в социальных сетях – это один из путей завоевания интернет-аудитории непосредственно на ее территории. Однако в последнее время начинает формироваться еще один сценарий взаимодействия с читателями данного типа. Этим вариантом адаптации становится попытка переноса популярных форматов интернет-коммуникации на страницы печатных изданий.

Мировые тенденции показывают, что именно люди в возрасте 20–35 лет составляют основную часть потребителей интернет-медиа и именно они формируют культуру пользователей мобильной информации: предпочитают коммуникации с использованием исключительно мобильных устройств [TNS. Данные по мобильной аудитории].

Аудитория районных газет Пермского края

Поколенческий сдвиг в медиапотреблении [Амзин 2016: 87] коснулся, пусть и не так значительно, и населения малых городов и районных центров. В малых городах со статусом промышленных центров процесс более заметен – доля молодого населения здесь достаточно высока и составляет от 18 до 22 % [Показатели Березники, Показатели Губаха, Показатели Лысьва]. Тем не менее согласно статистике доля потребителей информации с мобильных устройств и компьютеров среди миллениалов – представителей поколения Y [Martin] – в регионах составляет 60 и 49 % соответственно [TNS. Доля эксклюзивных пользователей]. Число потребителей сетевой информации в средних и особенно малых городах значительно меньше, чем в мегаполисах. Причины вполне объективные – низкие скорости интернет-соединений, неравномерное сетевое покрытие и ограничения трафика, отсутствие современных гаджетов и т. д. Получать данные из Интернет просто затруднительно. Это означает, что половина наиболее интернет-ориентированной аудитории также состоит из потенциальных потребителей традиционных СМИ, для которых, кроме всего прочего, важна возможность найти в печатных изданиях ту информацию, которую обычно предоставляет Интернет, и в тех форматах, которые характерны для электронных СМИ.

Кроме того, серьезное влияние на состав локальной аудитории СМИ оказывает популяр-

ность телесмотрения. Несмотря на то что аудитория в возрасте 35–60 лет, а это более 60 % населения [Показатели Березники, Показатели Губаха, Показатели Лысьва], тоже постепенно осваивает интернет-пространство [Доступ в интернет... ПК], телевидение остается для представителей этой возрастной группы основным источником информации и развлечений [Северин], во всяком случае, в вечерние часы [Лосева 2016: 52].

По сути, основой формирования читательской аудитории печатных СМИ является фактор тотального телесмотрения – от 30 до 50 % площадей изданий отводится под телепрограмму. Она является базой, нитью, на которую нанизывается вся прочая информация. Характеристики «дополнительного» контента зависят от того, на какую целевую аудиторию рассчитывает издатель. Если в планы редакции входит завоевание цифровых пользователей, появляются новые, необычные для печатных изданий форматы, заимствованные из Интернет.

Группа читателей местных печатных изданий объединяет представителей всех слоев трудоспособного населения, вне зависимости от возраста, ведущих домашнее хозяйство, имеющих семью. Один из определяющих факторов – наличие в доме телевизора (или нескольких). Ввиду малой структурированности локальной аудитории и сохраняющегося высокого статуса печатной периодики попытка выхода районных газет к интернет-ориентированной аудитории выглядит вполне оправданной.

Материал исследования

В качестве объекта исследования нами были выбраны газеты, издающиеся в малых и средних городах – районных и промышленных центрах Пермского края с населением от 20 000 до 150 000 человек, средний возраст жителей 37–42 года, трудоспособного населения – 52–58 % [Показатели Березники, Показатели Губаха, Показатели Лысьва 2016]. В результате просмотра наиболее стабильных газет Пермского края за период с января по октябрь 2016 г. (всего около 50 наименований) мы выделили три издания, которые демонстрируют высокую степень активности интернет-ориентированных форматов.

1. «Березниковская неделя», рекламно-информационное приложение к газете «Березниковский рабочий», г. Березники.

ООО «Березниковский рабочий», формат А3, полноцветная печать, тираж 50 000 экз., бесплатное распространение.

Представленность в Интернете: официальный сайт закрыт, активная группа ВКонтакте.

2. «Искра», городская общественно-политическая газета, г. Лысьва.

ООО «Искра», формат А3, двуцветная печать, цветные тематические вкладки, тираж 15 000 экз., распространение по подписке, партиями, в розницу.

Представленность в Интернете: активный официальный сайт, нерабочая группа ВКонтакте.

3. «Уральский шахтер», общественно-политическая городская газета, г. Губаха.

МУП «Редакция газеты «Уральский шахтер», формат А3, одноцветная печать, тираж 3 000–4 500 экз., распространение по подписке, продажа в розницу.

Представленность в Интернете: партнерский сайт (текстовые и видеообзоры), активная группа ВКонтакте (бесплатная реклама и объявления подписчиков) [Периодические печатные издания].

Обнаруженный в этих изданиях дрейф в сторону новых медиа носит системный характер. Он касается не только внешних параметров оформления, но и внутренней структуры журналистских материалов. Это говорит о том, что в данных изданиях происходит общая перестройка редакционной стратегии, которая начинает учитывать потребности аудитории, активно пользующейся Интернетом. Печатные издания обращаются к новым принципам коммуникации, сформировавшимся в пространстве Интернета, и, следовательно, к фундируемому этим пространством жанрам и приемам оформления медиатекстов.

Учитывая тот факт, что в исследованиях новых приемов организации медиатекстов в интернет-СМИ нет терминологического единообразия, в частности, как синонимичные нередко употребляются понятия жанра и формата, в рамках нашего исследования будет использовано общее понятие приема как способа организации текста на разных уровнях его функционирования: формата, жанра, структуры и стиля. Под форматом в данном случае понимается «стандарт организации информационного потока, который оптимизирует процесс серийного выпуска контента на определенной платформе для конечного потребителя» [Степанян 2014: 15]. Таким образом, будут рассмотрены наиболее яркие случаи адаптации печатными СМИ сформировавшихся в Интернете принципов функционирования медиатекстов: будь то адаптация формата, объединяющего тексты разной жанровой специфики, жанр или отдельный композиционный прием.

Приемы интерактивности

Интерактивность – один из трендов новых медиа, который сегодня все настойчивее пытаются адаптировать традиционные СМИ, понимая, что вовлечение является важнейшим инструментом сохранения старой и завоевания но-

вой аудитории читателей. Помимо достаточно традиционных для печатных СМИ игровых жанров вовлечения – тестов, игр и конкурсов – начинают использоваться приемы гипертекстовой организации взаимодействия с читателем: сфера функционирования материала расширяется до уровней онлайн-коммуникаций. Наиболее яркий пример такого рода расширения – использование гиперссылок. Возможность знакомства с сопутствующей информацией – неотъемлемая часть информационных предпочтений пользователя Интернета. Раньше печатные издания могли себе позволить только отсылки с одной страницы на другую, ссылки не представляли для них инструментального интереса. Сейчас ситуация начинается меняться: СМИ освоили приемы гиперссылочного соединения печатного материала с близкой по теме расширительной информацией в сети. Гиперссылку можно разместить в формате веб-адреса или, что гораздо технологичнее, в виде QR-кода, который позволяет при помощи смартфона продолжить чтение на других ресурсах.

Во всех рассматриваемых нами изданиях можно обнаружить интерактивные публикации, которые дублируются или продолжают на сетевых ресурсах, как правило, связанных с данными СМИ деловыми или финансовыми (реклама) отношениями. Например, в «Березниковской неделе» от 12 октября 2016 г. обзор П. Мальцева «Твой юный искусствовед» содержит инструкцию по установке и использованию мобильного приложения для считывания QR-кода и описания интернет-инструментов для знакомства с мировыми галереями и историей искусств, каждое из которых сопровождается QR-кодом для скачивания соответствующего приложения.

Тенденции внедрения интерактивности хорошо просматриваются в функционировании каскадных систем [Амзин 2016б: 145] – их источник или продолжение находятся за пределами собственно печатного издания: на официальном сайте, в социальных сетях или мессенджер-коммуникациях. Пример можно найти в газете «Березниковская неделя» в рубрике «Народные новости» от 14 января 2015 г. Интерактивность формируется за счет комментариев, жалоб и благодарностей, полученных с помощью электронной почты и в виде SMS-сообщений. Здесь же публикуются ответы на наиболее острые вопросы читателей. Как правило, темы затрагиваются актуальные и знакомые всем, поэтому чередование вопросов и ответов соответствует формату живой онлайн-беседы в интернет-сообществе.

Другой пример интерактивного взаимодействия в рамках каскадной системы – городской конкурс «Народный учитель Березников», голо-

сование в котором было проведено на базе медиахолдинга «Березниковский рабочий» в сентябре – октябре 2016 г. Голоса принимались по всем каналам связи, а церемония награждения была выведена в офлайн. Результаты конкурса были подведены в ряде публикаций газеты «Березниковская неделя» от 12 октября 2016 г., выполненных в форматах репортажа-фотогалереи, карточек-рекомендаций, интервью с победителем и интерактивного теста на проверку техники чтения.

Реализация принципа интерактивности просматривается и в иных каскадных онлайн-форматах – публикациях на сайтах и сообществах социальных сетей. Активное взаимодействие демонстрирует официальный ресурс лысьвенской газеты «Искра». Раздел «Вопрос-ответ» – один из наиболее популярных на сайте: читатели имеют возможность задать любой интересующий вопрос, получить на него ответ и вступить в диалог с редакцией газеты и специально приглашенными экспертами по теме [Вопрос-ответ]. Часть заданных вопросов становятся темами для публикаций в печатном издании.

Интерактивность также находит свои возможности в обзорах и репортажах в жанре интервью-мнения с несколькими участниками. В качестве примера приведем обзор «Новое мышление – залог успеха» (Искра. 2016. № 120), в котором представлены пять экспресс-интервью бывших участников лысьвенской лиги КВН разных лет. За счет ретроспективности восприятия в материале формируется эффект версионности: интервьюируемые отвечают на одни и те же присланные в адрес редакции вопросы о перспективах развития в Лысьве школьной лиги КВН с разновременных позиций; в результате на страницах печатного издания разворачивается дискуссия, объединяющая мнения, актуализированные в различные временные периоды.

Приемы транзита содержания в заголовочном комплексе

Одна из ключевых особенностей изданий, интерес которых направлен на читателей, имеющих интернет-предпочтения, – ориентированность заголовочных комплексов и лидов на структурно-логическую специфику поисковых запросов.

Кричащий заголовок, не соответствующий содержанию материала, для районных изданий сегодня не является ориентиром. Целевая аудитория – люди обстоятельные и занятые, им нужны конкретные ответы, правильно формирующие их ожидания по проблеме, поднимаемой в публикации. Эти требования полностью удовлетворяет заголовок в формате хэдлиня, созданный по стандартам поисковых интернет-запросов,

такой заголовок хорошо привлекает внимание и в печатном издании [Жуков 2013: 669].

Следующий этап транзита содержания – лид, т. е. тезисная расшифровка основного запроса, краткое изложение сути материала. Под натиском мобильной интернет-журналистики лид приобретает ограничения в объеме, сокращаясь до двух- и трехстрочного абзаца, предназначенного для выведения на «первый экран» мобильного устройства. Чем раньше, четче и короче сформированы ожидания читателя, тем привлекательнее и удобнее для восприятия будет материал [Паранько 2016: 20].

Задача журналиста, пишущего для интернет-ориентированного читателя, – сформулировать ответы заранее в соответствии с заключенным в заголовке «поисковым запросом» и оптимальным объемом, а затем сформировать единый транзитный блок, объединяющий заголовок с функцией хэдлиня и текст лида [там же: 21].

В авторской колонке О. Шебеко «Как наказывать современных детей» (Уральский шахтер. 2016. 11 окт., рубрика «Я так считаю») заголовок четко повторяет синтаксис поискового запроса и формирует ожидания читателя: речь пойдет о вопросах воспитания подрастающего поколения. Благодаря транзиту содержания в лиде ясно, что материал не является справочным, он сделан в формате блога, в нем излагаются личные переживания автора по поводу того, что современные учителя лишены возможностей влиять на поведение учеников с помощью оценок. Объем лида полностью соответствует размеру «первого экрана». Здесь же присутствует ссылка к первоисточнику этого блога – комментарию, опубликованному на партнерском интернет-ресурсе.

Структуризация контента

Рост числа читателей, потребляющих информацию преимущественно с экранов мобильных устройств [TNS. Данные по мобильной аудитории 2015], привел к появлению острой необходимости внедрения в систему традиционных СМИ принципов визуальной структуризации контента, основанных на приемах атомизации и немонотонности верстки.

Атомизация – это тренд будущего, характерный для форматов даже не новых, а новейших медиа, существующих на мобильных платформах. Тем не менее атомизированные форматы очень быстро отвоевали себе просторную нишу в традиционной журналистике, реализуясь в самых различных информационных и аналитических жанрах: от заметки до проблемной статьи.

«Нелюбовь» к объемным публикациям, заметная в первую очередь у представителей поколения Y, имеет свою причину – современный

читатель готов прочесть ровно столько, сколько увидит на экране своего монитора или гаджета. Особенности визуального восприятия текста на экране компьютера диктуют контент-журналистике свои законы, в первую очередь сокращение объема и структурное дробление текста. Каждый блок должен иметь рамки, чтобы читатель в короткий момент зрительной и умственной активности успел воспринять содержащуюся в нем информацию. С возникновением мобильной контент-журналистики задача усложнилась: тексты разбиваются на «атомы», каждый из которых имеет смысловую завершенность и объем не более одного (максимум двух) экрана смартфона. В идеале граница «атома» совпадает с мультимедийным контентом [Амзин 2016: 148].

Печатные СМИ быстро подхватили идею структуризации. Но в подавляющей массе местных изданий эти тенденции реализуются лишь частично, как правило, в вербальной части – дроблении текста на короткие и емкие по содержанию абзацы.

Атомизация и немонотонная яркая верстка характерны для СМИ, нацеленных на аудиторию 25–35 лет и учитывающих ценности этого поколения (помимо цифровых предпочтений следует отметить развлекательную тематику и ориентированность на использование большого объема мультимедиа). В этих изданиях подавляющее большинство материалов выполнены и оформлены по стандартам новых медиа, с использованием визуальных и мультимедийных форматов: карточек, инфографики и фотогалереи.

«Карточный» формат – дитя мобильной контент-журналистики, идеальный способ упростить и структурировать сложный для восприятия материал. По сути, текст дробится на базовые элементы: факты, статистические данные, визуальные элементы. Каждая карточка существует как отдельный смысловой блок, с собственным заголовком, темой и выводом. Объем текста в карточке 1–2 предложения, часто карточки представлены в виде креолизованного модуля (в печатных СМИ – фото и текст) [Колесник; Амзин 2016а: 149].

Формат карточек идеально подходит для создания «вечнозеленых»² материалов: любая, даже самая сложная справочная и аналитическая информация приобретает внешнюю простоту и становится удобной для восприятия. В карточном формате могут быть реализованы такие жанры, как статья, лайфхак, учебно-методические материалы [Амзин 2016а: 145].

Один из показательных примеров – набор карточек на тему «котиков» в материале И. Гросу «Царапкам бой» (Березниковская неделя. 2016. 14 сент.). Транзитный подзаголовок –

«6 небанальных способов победить кога, который дерет мебель: от агрессивных до компромиссных» – полностью отвечает требованиям поисковых запросов. Следует отметить, что данная публикация представляет собой откровенную нативную рекламу, выполненную в жанре лайфхака: набор карточек-«рецептов», посвященных решению проблемы котов, портящих обивку. Каждый рецепт представляет собой короткий емкий блок информации, снабженный данными о «цене вопроса».

Приемы визуализации

Возможно, процесс формирования цифровых предпочтений у читателей имеет и обратную закономерность – принципы верстки сайтов постепенно осваиваются издателями печатных СМИ. В региональных газетах можно обнаружить материалы, оформленные по стандартам и законам юзабилити с использованием набора инструментов, имеющих традиционное происхождение, но удачно адаптированных для использования в новых медиа: в газетные репортажи возвращается считавшийся долгое время устаревшим формат фотогалереи, аналитика и сложные системы данных реализуются в формате инфографики и т. д. Использование этих жанров, конечно, вписывается в общую для современных печатных СМИ актуализацию визуальных форматов, тем не менее, учитывая их активность именно в тех местных изданиях, которые систематически практикуют перечисленные выше приемы организации контента, можно говорить о едином источнике влияния – интернет-медиа.

Фотогалерея – один из традиционных форматов визуализации, имеющий долгую историю и в традиционной, и в интернет-журналистике и в обновленном синтетическом качестве заново раскрывающийся в печатных изданиях, в том числе и местных СМИ Пермского края. Таким образом представлены, например, репортажи «Глазами профессионалов» о возрождении лиги КВН в Лысьве (Искра. 2016. 15 окт.) и «“Формула-1” по-шахтерски», рассказывающий о праздничном конкурсе профессионального мастерства, проведенном на одном из предприятий Березников (Березниковская неделя. 2016. 21 окт.). В обоих случаях присутствует подчеркнутая афилированность, текстовое содержание представляет интерес для ограниченной аудитории читателей. Задача привлечения решена с помощью визуальных средств: оформление и верстка выполнены с использованием приемов атомизации, в формате чередования коротких текстовых блоков и фотоматериалов, используются яркие и жизнерадостные фотографии адекватного размера и качества; в результате основная информаци-

онная нагрузка ложится на медиаконтент, привлекающий внимание и вызывающий желание получить дополнительную информацию. В итоге читатель обращается за разъяснениями к тексту.

Еще один традиционный визуальный формат, трансформировавшийся и прочно занявший собственную нишу в сети – инфографика. Формат инфографики непрост для исполнения, поскольку требует от авторов определенных навыков работы со структурой текста и ее цифровым изображением, поэтому хорошая инфографика – всегда результат труда как минимум двух людей – журналиста и дизайнера.

Синтетическая инфографика, используемая в сочетании с приемами новых и новейших медиа, – один из наиболее предпочтительных форматов для читателей поколения Y [Гатов 2016: 264]. Минимум вербального, максимум визуального контента – своего рода комиксы на серьезную тему. В синтезе с графической схематизацией существенно повышается ценность любых публикаций на «вечнозеленые» темы, особенно хорошо инфографика сочетается с такими evergreen-форматами новых медиа, как карточки в жанрах лайфхака или квеста.

В местных изданиях инфографика, к сожалению, встречается нечасто, сфера ее использования ограничена развлекательными еженедельниками. В частности, это один из наиболее востребованных форматов в печатных СМИ каскадной группы «Березниковский рабочий» – «Березниковская неделя», а также их представительство в социальных сетях (в меньшей степени).

Примером подобного построения материала может служить публикация «Сами себе полицейские» (Березниковская неделя. 2016. 12 окт.). Дизайн публикации выполнен в стиле дорожной схемы ГИБДД, в которую встроены пошаговые информационные блоки в формате карточек, наиболее сложные для восприятия этапы проиллюстрированы. Материал выполнен в жанре заметки-лайфхака и сочетает в себе форматы набора карточек и инфографики.

Это лишь наиболее яркие и показательные примеры реализации принципов и приемов новых медиа в районных печатных СМИ Пермского края. В целом, процесс ассимиляции принципов новых медиа при подготовке публикаций в традиционных СМИ представляется одним из проявлений нового витка медиаконвергенции, который приобретает характер возвратной волны. Результаты воздействия интернет-коммуникации на сферы традиционных медиа, таких как печать, радио, телевидение, сегодня становятся все заметнее. Сложно сказать, приведет ли это к окончательному закату традиционных СМИ или даст им второе дыхание. Пока с уве-

ренностью можно утверждать только то, что представленные в исследовании печатные издания показывают устойчивость в локальном медиапространстве.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Локальный медиадискурс: перспективы оптимизации информационно-коммуникативных процессов (на материале районных СМИ)» № 16–14–59007.

² «Вечнозеленые» материалы (от англ. *evergreen*) – заимствованный новыми медиа из классической журналистики формат рекомендательных материалов: советов, инструкций и т. п. Такого рода «вечные» тексты органично вписались в интернет-коммуникацию, обогатились новыми подходами и теперь возвращаются в современную печатную прессу уже на базе ряда форматов новых медиа, как правило, ориентированных на принцип атомизации контента.

Список источников

- Великолепная восьмерка // Березниковская неделя. 2016. № 41. С. 10.
- Вопрос-ответ // Искра. 2016. URL: <http://iskra.lysva.ru/consult> (дата обращения: 02.11.2016).
- Гросу И. Царапкам бой // Березниковская неделя. 2016. № 37. С. 14.
- Кисть рябины для учителя // Березниковская неделя. 2016. № 41. С. 2.
- Красавица за одну ночь // Березниковская неделя. 2016. № 36. С. 12.
- Мальцев П. Твой юный искусствовед // Березниковская неделя. 2016. № 41. С. 19.
- Народные новости // Березниковская неделя. 2015. № 2. С. 2.
- Новое мышление – залог успеха // Искра. 2016. № 120. С. 13.
- Сами себе полицейские // Березниковская неделя. 2016. № 41. С. 17.
- Ступени успеха Натальи Хоробрых // Березниковская неделя. 2016. № 41. С. 5.
- Тумановская Ю. «Формула-1» по-шахтерски // Березниковская неделя. 2016. № 36. С. 4.
- Чеботарева Д. Глазами профессионалов // Искра. 2016. № 120. С. 12.
- Шебеко О. Как наказывать современных детей // Уральский шахтер. 2016. 11 окт. С. 2.

Список литературы

- Амзин А. Новые и экспериментальные форматы / А. Амзин, А. Галустян, В. Гатов, и др. // Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016. Екатеринбург: Гуманит. ун-т, 2016. С. 140–151.
- Амзин А. Особенности медиапотребления / А. Амзин, А. Галустян, В. Гатов, и др. // Как но-

вые медиа изменили журналистику. 2012–2016. Екатеринбург: Гуманит. ун-т, 2016. С. 86–100.

Гатов В. Будущее журналистики / А. Амзин, А. Галустян, В. Гатов и др. // Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016. Екатеринбург: Гуманит. ун-т, 2016. С. 206–267.

Горошко Е. И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // Жанры речи. Вып. 6: Жанр и язык. Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. С. 11–27.

Доля эксклюзивных пользователей мобильного Интернета в России 100 000+ за год выросла на 90 % // TNS Russia. URL: <http://tns-global.ru/press/news/344111> (дата обращения: 25.10.2016).

Занятое в экономике население частных домохозяйств в возрасте 15–72 лет по территории нахождения работы и статусу // Офиц. сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/resources/c7d92b80408d384b8976ef367ccd0f13 (дата обращения: 25.10.2016).

Интернет-СМИ: теория и практика: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М. М. Лукиной. М.: Аспект Пресс, 2010. 348 с.

Калмыков А. А., Коханова Л. А. Интернет-журналистика: учеб. пособие. М.: Юнити-Дана, 2005. 384 с.

Колесник Ф. Все, что вы хотели знать про объяснительную журналистику // Афиша Daily. 2014. 28 июля. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/technology/vse-chno-vy-hoteli-znat-pro-obyasnitelnyu-zhurnalistiku> (дата обращения: 01.11.2016).

Лосева Н. Аудитория новых медиа / А. Амзин, А. Галустян, В. Гатов и др. // Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016. Екатеринбург: Гуманит. ун-т, 2016. С. 31–85.

Наличие доступа в Интернет в домашних хозяйствах // Офиц. сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. Статистический ежегодник Пермского края – 2015: URL: http://permssso.gks.ru:8081/bgd/ejegod15/isswww.exe/stg/eg2015/18_12.html (дата обращения: 25.10.2016).

Пак Е. М. Жанрообразование в сетевых СМИ: творческие и технологические факторы: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 260 с.

Паранько С. Инструментарий и навыки журналистов / А. Амзин, А. Галустян, В. Гатов и др. // Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016. Екатеринбург: Гуманит. ун-т, 2016. С. 6–30.

Пустовалов А. В., Антипина З. С. Комьюнити-медиа Пермского края: «общинной, для общины, об общине» // Информационное поле современной России: практики и эффекты: сб. ст. XIII

Междунар. науч.-практ. конф. (20–22 окт. 2016 г.) / под ред. Р. П. Баканова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 260–265.

Периодические печатные издания // Пермский региональный сервер. URL: <http://www.perm.ru/region/common-info/smi/nwsp.html> (дата обращения: 25.10.2016).

Показатели, характеризующие состояние экономики и социальной сферы муниципального образования, город Березники за 2016 год // Офиц. сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. Официальная статистика. База данных показателей муниципальных образований: URL: http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=577080002016 (дата обращения: 25.10.2016).

Показатели, характеризующие состояние экономики и социальной сферы муниципального образования, город Губаха за 2016 год // Офиц. сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. Официальная статистика. База данных показателей муниципальных образований: URL: http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=577170002016 (дата обращения: 25.10.2016).

Показатели, характеризующие состояние экономики и социальной сферы муниципального образования, город Лысьва за 2016 год // Офиц. сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. Официальная статистика. База данных показателей муниципальных образований: URL: http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=577260002016 (дата обращения: 25.10.2016).

Северин М. Вся ли ваша аудитория помещается в телевизор? Ч. 3 // Яндекс. Блог рекламных технологий. URL: <https://yandex.ru/blog/adv/677> (дата обращения: 01.11.2016).

Смирнова О. В. Местные газеты в новых технологических условиях // Вестник Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. 2016. Т. 1, № 3. С. 164–170.

Степанян С. К. Формат печатного СМИ в современной российской медиаиндустрии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 20 с.

Черепанова Л. Л. Журналист районного СМИ. Штрихи к современному портрету // Информационное поле современной России: практики и эффекты: сб. ст. XIII Междунар. науч.-практ. конф. (20–22 октября 2016 г.) / под ред. Р. П. Баканова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 323–329.

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2016 года. М.: Федеральная служба государственной статистики Росстат, 2016. 528 с.

Шеремет В. В. Типология медиаконвергенции // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2012. Вып. 1. С. 73–176.

Martin B. 2015 Global Digital Future in Focus // Сайт компании ComScore, Ink. URL: <https://goo.gl/uAV9AS> (дата обращения: 25.10.2016).

Russia Digital Future in Focus 2015 // Экспертный центр электронного государства. URL: <http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2015/11/2015-Russia-Digital-Future-in-Focus.pdf> (дата обращения: 01.11.2016).

TNS представила первые данные по мобильной аудитории в городах 700+ // TNS Russia. URL: <http://tns-global.ru/press/news/329016> (дата обращения: 25.10.2016).

References

Amzin A. Novye i eksperimental'nye formaty [New and experimental formats]. A. Amzin, A. Galustyan, V. Gatov, D. Kulchitskaya, N. Loseva, S. Paranko, O. Silant'eva et al. *Kak novye media izmenili zhurnalistiku. 2012–2016* [How the new media have changed journalism. 2012–2016]. Ekaterinburg, Liberal Arts University Press, 2016, pp. 140–151.

Amzin A. Osobennosti mediapotrebleniya [Features of media consumption]. A. Amzin, A. Galustyan, V. Gatov, D. Kulchitskaya, N. Loseva, S. Paranko, O. Silant'eva et al. *Kak novye media izmenili zhurnalistiku. 2012–2016* [How the new media have changed journalism. 2012–2016]. Ekaterinburg, Liberal Arts University Press, 2016, pp. 86–100.

Gatov V. Budushchee zhurnalistiki [The Future of journalism]. A. Amzin, A. Galustyan, V. Gatov, D. Kulchitskaya, N. Loseva, S. Paranko, O. Silant'eva et al. *Kak novye media izmenili zhurnalistiku. 2012–2016* [How the new media have changed journalism. 2012–2016]. Ekaterinburg, Liberal Arts University Press, 2016, pp. 206–267.

Goroshko E. I. Internet-zhanr i funktsionirovanie yazyka v Internetе: popytka refleksii [Internet-genre and functioning of language on the Internet: attempt of reflection]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Issue 6. Zhanr i yazyk [Genre and language]. Saratov, Nauka Publ., 2009, pp. 11–27.

Internet-SMI: teoriya i praktika. Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov [Internet mass media. theory and practice. Training aid for students of higher education institutions]. Ed. by M. M. Lukina. Moscow, Aspekt Press Publ., 2010. 348 p.

Kalmykov A. A., Kokhanova L. A. *Internet-zhurnalistika. Uchebnoe posobie* [Internet-journalism. Training aid]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2005. 384 p.

Kolesnik F. Vse, chto vy hoteli znat' pro ob'yasnitel'nyu zhurnalistiku [All you wanted to

know about explanatory journalism]. *Afisha Daily* [Playbill Daily]. 2014. 28 July. Available at: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/technology/vse-chto-vy-hoteli-znat-pro-obyasnitelnyu-zhurnalistiku> (accessed 01.11.2016).

Loseva N. Auditoriya novykh media [Audience of the new media]. A. Amzin, A. Galustyan, V. Gatov, D. Kulchitskaya, N. Loseva, S. Paranko, O. Silant'eva et al. *Kak novye media izmenili zhurnalistiku. 2012–2016* [How the new media have changed journalism. 2012–2016]. Ekaterinburg, Liberal Arts University Press, 2016, pp. 31–85.

Pak E. M. *Zhanroobrazovanie v setevykh SMI: tvorcheskije i tekhnologicheskie faktory*. Diss. kand. filol. nauk [Genre formation in the network mass media: creative and technological factors. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2014. 260 p.

Paran'ko S. Instrumentarij i navyki zhurnalistov [Journalists' tools and skills]. A. Amzin, A. Galustyan, V. Gatov, D. Kulchitskaya, N. Loseva, S. Paranko, O. Silant'eva et al. *Kak novye media izmenili zhurnalistiku. 2012–2016* [How the new media have changed journalism. 2012–2016]. Ekaterinburg, Liberal Arts University Press, 2016, pp. 6–30.

Pustovalov A. V., Antipina Z. S. Komyuniti-media Permskogo kraja: "obshchinoy, dlya obshchiny, ob obshchine" [Community-media of the Perm region: by community, for community, about community]. *Informatsionnoe pole sovremennoy Rossii: praktiki i efekty: sbornik statey XIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (20–22 oktyabrya 2016 g.)* [The Information field of modern Russia: practices and effects. Proceedings of the 13th International research and practice conference (October 20–22, 2016)]. Ed. by R. P. Bakanova. Kazan, Kazan Federal University Press, 2016, pp. 260–265.

Severin M. Vsy li vasha auditoriya pomeshchetsya v televizore? Chast 3 [Does all your audience fit into television? Part 3]. *Yandex. Blog reklamnykh tekhnologiy* [Yandex. Blog of advertising technologies]. Available at: <https://yandex.ru/blog/adv/677> (accessed 01.11.2016).

Smirnova O. V. Mestnye gazety v novykh tekhnologicheskikh usloviyakh [Local newspapers under new technological conditions]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva* [Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatischev], 2016, vol. 1, issue 3, pp. 164–170.

Stepanyan S. K. *Format pechatnogo SMI v sovremennoy rossiyskoy mediaindustrii*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk. [Format of printed mass media in modern Russian media industry. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2013. 20 p.

Cherepanova L. L. Zhurnalistskiy rayonnyy SMI. Shtrikhi k sovremennomu portretu [A journalist of district mass media. Strokes to the modern por-

trait]. *Informatsionnoe pole sovremennoy Rossii: praktiki i efekty: sbornik statey XIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (20–22 oktyabrya 2016 g.)* [The Information field of modern Russia: practices and effects. Proceedings of the 13th International research and practice conference (October 20–22, 2016)]. Ed. by R. P. Bakanova. Kazan, Kazan Federal University Press, 2016, pp. 323–329.

Sheremet V. V. Tipologiya mediakonvergensii [Typology of mediaconvergence]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adygeya State University: a series of Literature and Art Criticism], 2012, issue 1, pp. 73–176.

Martin B. 2015 Global Digital Future in Focus. *ComScore, Ink.* Available: <https://goo.gl/uAV9AS> (accessed 25.10.2016).

INTERNET-ORIENTED TECHNIQUES IN NEWSPAPERS OF MEDIUM-SIZED AND SMALL TOWNS OF THE PERM REGION

Elena G. Vlasova

Associate Professor in the Department of Journalism and Mass Communications
Perm State University

Natalya I. Muratova

Master's Student in the Department of Journalism and Mass Communications
Perm State University

The article focuses on description of the Internet-oriented techniques used by local newspapers of the Perm region. The main objects under analysis are newspaper publications that borrow the principles of content organization from the Internet media (based on the fundamental ideas of the Internet communication): interactivity, hypertextuality, multimediality. The article puts the emphasis on: techniques of cascade organization of hypertext; atomization and card structuring of a document; adaptation of hyperlinks; logic and syntax of search queries. The use of such techniques in local newspapers is the way that editors try to communicate with the Internet-oriented reader. It seems to be a decent strategy as local audience is slightly segmented and the status of printed periodicals is still high. In general, this process is viewed as an evidence of the current level of media convergence, which can be described not only in terms of organizational changes but also in terms of content modernization in the traditional mass media. It is definitely connected with the new features of the media consumption that have been formed under the influence of the Internet.

Key words: media convergence; genre and compositional techniques; new media; newspapers of medium-sized and small towns; Perm region.

УДК 811.161.1'28
doi 10.17072/2037-6681-2017-1-25-37

ЛЕКСИКА ВАЛЯЛЬНОГО ДЕЛА В ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (на материале говоров Присурского Поволжья)

Мария Денисовна Королькова
аспирант

**Институт лингвистических исследований Российской академии наук,
группа Лексического атласа русских народных говоров**
199053, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., 9. skifane@gmail.com
SPIN-код: 8533-1583
ORCID: 0000-0003-4368-154X
ResearcherID: C-2340-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Королькова М. Д. Лексика валяльного дела в лингвогеографическом аспекте (на материале говоров Присурского Поволжья) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 25–37. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-25-37

Please cite this article in English as:

Korolkova M. D. Leksika valyal'nogo dela v lingvogeograficheskom aspekte (na materiale govorov Prisurskogo Povolzh'ya) [Felting Craft Vocabulary in Terms of Linguistic Geography (a Case Study of Dialects of the Prisurie Area of the Volga Region)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 1, pp. 25–37. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-25-37 (In Russ.)

Статья содержит результаты лингвогеографического анализа лексики валяльного дела в говорах Присурского Поволжья. Материалом для него послужили полевые записи речи ремесленников-диалектоносителей, собранные в 20 населенных пунктах в течение пяти экспедиций в Присурское Поволжье с 2012 по 2015 г. Представлена классификация лексики по тематическим группам и подгруппам. Тематическая группа охватывает лексику одного ремесла, внутри нее лексика разделена на подгруппы. Лингвогеографическое описание ремесленной лексики включает слова-«константы» и слова, обозначающие соответственные явления в изучаемом регионе. Соответственные явления подразделяются на образующие ареалы в обследуемой местности и на таковые, по разным причинам ареалов не образующие. Проанализированы соответственные явления, образующие ареалы на указанной территории. Исходя из экспедиционных материалов и словарных данных очерчиваются ареалы распространения соответствующих наименований: деятеля, материала, действий и инструментов, что позволяет сделать вывод о специфике исследуемого региона применительно к лексике валяльного дела.

Ключевые слова: диалектология; ремесленная лексика; лингвогеография; тематическая классификация; диалектная терминология; Пензенская область; Поволжье.

Исследование ремесленной лексики русских говоров является одной из первостепенных задач в области изучения диалектологии, так как ремесленная лексика – это обширный пласт словаря трудовой деятельности, представляющей собой память о материальной культуре и быте нашей страны на протяжении всей ее истории.

Многие исследователи обращались к изучению ремесленной лексики. Среди них – А. В. Громов [Громов 1964, 1992], О. Н. Трубочёв [Труба-

чёв 1966], Ф. П. Сороколетов [Сороколетов 1987], Т. С. Коготкова [Коготкова 1979], Ф. П. Филин [Филин 1961, 1982], А. С. Герд [Герд 1968, 1970], Ю. В. Халюков [Халюков 2008], А. В. Маринин [Маринин 2011], Ю. П. Чумакова [Чумакова 1995], М. А. Агапова, И. В. Зимина [Агапова, Зимина 2003], И. Л. Чижова [Чижова 2005], М. М. Сывороткин [Сывороткин 1984], Н. А. Балланчик [Балланчик 1992], Е. Н. Толикина [Толикина 1954] и мн. др. Их работы посвящены про-

блемам определения статуса ремесленной лексики, уточнению понятия ремесленной лексики, а также ее классификации.

Ремесленная лексика относится к диалектной терминологии, и для того, чтобы констатировать, что она имеет территориальное варьирование, необходимо ее подробное изучение и классификация.

Данное исследование посвящено описанию и анализу ремесленной лексики говоров Присурского Поволжья в лингвогеографическом и лексико-семантическом аспектах.

Объектом исследования является ремесленная лексика говоров Присурского Поволжья, которая была зафиксирована в процессе речевого общения с жителями сёл, непосредственно владеющих ремеслами, или с их ближайшими родственниками в течение 2012–2015 гг.

Материал настоящего исследования собран на территории, которая ограничивается правым берегом Волги по реке Суре, охватывает часть Пензенской и Ульяновской областей и составляет 20 населенных пунктов.

Классификация ремесленной лексики

Выделение тематических групп, т. е. классификация лексических единиц, производилась с учетом принципов организации того или иного вида ремесленной деятельности. В пределах каждой тематической группы материал был разделен на семь подгрупп в соответствии с общими элементами в значении: обозначения для деятеля, общего названия деятельности, изделия, частей изделия, материала, конкретных действий, совершаемых при создании изделия, инструментов и подручных материалов, необходимых для создания изделия.

Наша классификация лексики наиболее близка к классификациям А. В. Маринина [Маринин 2011], Ю. П. Чумаковой [Чумакова 1995], М. А. Агаповой и И. В. Зиминной [Агапова, Зимина 2000], И. Л. Чижовой [Чижова 2005], но есть и отличия, определяемые особенностями исследуемого материала.

Для каждой тематической группы лексики была составлена отдельная программа собирания сведений о ней, учитывающая как прошлый опыт, так и специфику исследуемого материала. Составление программ позволило собирать материал системно, а затем дифференцировать и сопоставлять лексические единицы в пределах каждой дефиниции. Классификация ремесленной лексики, применяемая в нашей работе, с одной стороны, базируется на принципах обобщения лексики, а с другой – представляет собой попытку учесть и проанализировать особенности употребления указанной лексики. При создании

программ нами были использованы собранные ранее материалы, пособия по соответствующим ремеслам и программа ЛАРНГ.

Лингвогеографический аспект

Лингвогеографический аспект исследования включает в себя описание территориального распространения ремесленной лексики, а также предусматривает привлечение для сопоставления данных из картотек, словарей и архивных материалов. Анализ этих данных позволит сделать предварительные выводы о составе и статусе исследуемой лексики в пространстве общенародного языка.

Основным аспектом лингвогеографического изучения языка является изучение территориальных различий системы языка [Вопросы... 1962: 9]. Лингвогеографическое описание может быть проведено для любого уровня языка, где выявляются различия.

Целью лингвогеографического анализа ремесленной лексики является фиксация территориального распространения явлений языка и обнаружение противопоставленных различий в наименовании предметов, явлений или процессов, задействованных в ремесле, т. е. выявление ареалов распространения определенных наименований на исследуемой территории. Под определенным наименованием понимается слово или устойчивое словосочетание, используемое ремесленниками для обозначения каждого предмета, явления или процесса.

Как уже говорилось выше, для системного сбора материала были составлены программы собирания сведений по тематическим группам. Таким образом, основой классификации служит определенная реалья или группа реалий, для которой в каждом обследованном населенном пункте существует (или не существует) наименование.

Согласно определениям, приводимым К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой в работе «Диалектное членение русского языка» вслед за Р. И. Аванесовым, «...ареалы представляют собой области распространения отдельных членов соответственных явлений, т. е. диалектных различий языка» [Захарова, Орлова 1962: 10]. «Под соответственными явлениями понимаются те звенья структуры русского языка, которые в разных диалектах выступают в разных своих членах, образующих тем самым диалектные различия. Поэтому соответственные явления всегда двучленны (также и при условии, когда второй член равен нулю) или многочленны...» [там же: 9]. В исследуемом нами материале присутствуют в том числе и соответственные явления, где второй член – это отсутствие наименования.

Выбор региональных словарей обусловлен намерением сравнить имеющиеся полевые данные с наиболее полными результатами фиксации диалектной лексики на территории Европейской части России. В отличие от полевых данных, полученных в течение нескольких последних лет (экспедиции, совершенные автором в 2012, 2013, 2015 гг.), и материалов картотеки ЛАРНГ, данные картотеки СРНГ и словарей представляют собой результаты фиксации слов на протяжении последних двух столетий, что позволяет говорить о диахроническом характере материала для сопоставительного анализа и дает возможность сравнения современного и исторического употребления конкретных наименований.

Лингвогеографическое описание диалектных явлений

Территориальное распространение ремесленной лексики, представленное в данной работе, структурировано следующим образом: все слова на исследуемой территории первично подразделяются на слова, образующие соответственные явления, т. е. системно или несистемно выявляющие диалектные различия, и слова, условно названные автором «константами» и используемые для наименования определенных предметов или явлений на всей обследуемой территории. Среди «констант» есть наименования, употребляемые для всех реалий на исследуемой территории (они регулярно совпадают со словами литературного языка: ср. *ва́ленки*, *шерсть* и др.), и наименования реалий ограниченного распространения, зафиксированные только в некоторых населенных пунктах. Примером такой реалии может служить инструмент *колотушка*, или *дервя́нный молото́к*, используемый для придания формы валенку и встреченный лишь в четырех населенных пунктах.

Среди соответственных явлений выделяются наименования, образующие ареалы, и наименования, ареалов не образующие.

К наименованиям, образующим ареалы, относятся слова и словосочетания, которые обнаруживают систематические диалектные различия на исследуемой территории. Противопоставления существуют на разных уровнях, среди которых – словообразовательный и лексический. Как уже упоминалось, имеются случаи противопоставления, когда второй член равен нулю, т. е. понятие присутствует везде, а слово, обозначающее его, – лишь на определенной территории. В качестве примера можно привести наименование для шерсти с ягненка – *поя́рок / поя́рки* и его однокоренные варианты, распространенные

лишь на ограниченном пространстве в пределах Присурского Поволжья.

Противопоставления нерегулярны и составляют от силы треть исследуемого материала. Большая часть соответственных явлений в границах данного материала ареалов не образует. Обнаружено два основных типа явлений, не образующих ареалы, – к первым относятся явления, когда определенная реалия имеет несколько (от двух до пяти) наименований, которые произвольно расположены на исследуемой территории. В этом случае одно наименование может по разным причинам превалировать над остальными. Так, в валяльном деле для обозначения свернутой шерсти зафиксированы слова: *руло́н*, *ва́лик* и *пласт* и слово *руло́н* значительно превалирует над остальными наименованиями. Ко вторым же относятся явления, когда реалия не имеет устойчивого названия и для ее наименования используется по несколько разных слов даже в пределах одного населенного пункта. Например, для обозначения надевания валенка на колодку зафиксированы слова: *вправля́ть*, *вставля́ть*, *вта́лкивать*, *втыка́ть*, *добива́ть*, *забива́ть*, *загона́ть*, *закола́чивать*, *запи́хивать*, *заправля́ть*, *класть*, *набива́ть*, *надевать*, *наколачивать*, *направля́ть*, *насаживать*, *натягивать*, *одевать*, *подгона́ть*, *пра́вить*, *раскола́чивать*, *сажа́ть*.

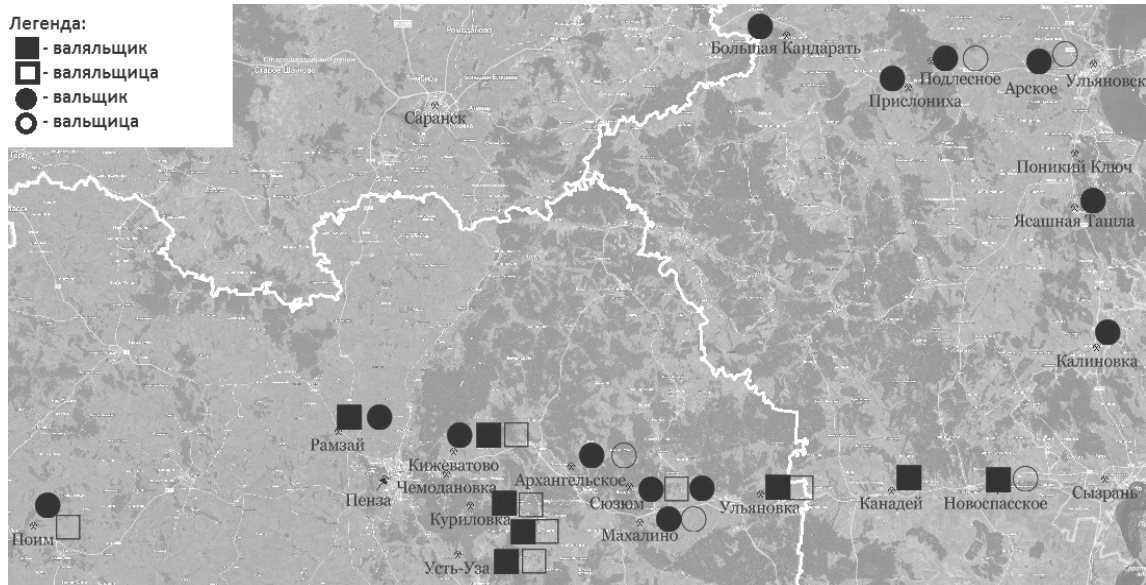
В данной статье будут рассмотрены соответственные явления, образующие ареалы.

Ва́льщик – валя́льщик

В ремесленной терминологии валяльного дела одним из наиболее ярких примеров словообразовательных различий может служить наличие гаплогии в наименовании деателя: как можно видеть на карте 1 (слова *ва́льщик – валя́льщик*), гаплогия наблюдается системно, в середине исследуемой территории она затрагивает не только форму мужского рода, но и форму женского рода. Необходимо уточнить, что направления при описании ареалов на картах указаны исходя из территории нашего исследования.

Данные диалектных словарей и источников выглядят следующим образом.

Программа собирания сведений для ЛАРНГ содержит вопросы, посвященные исследованию лексики валяльного дела, и в ней присутствует вопрос «ЛСЛ13086. Человек, изготавливающий валенки» [Программа ЛАРНГ 1994: 194]. В картотеке ЛАРНГ среди всех слов, используемых для наименования изготовителя валенок, зафиксированы слова *ва́льщик* и *валя́льщик*. Необходимо уточнить, что сбор материалов для ЛАРНГ еще продолжается и данные являются предварительными, но они представляют собой немаловажный источник.

Карта 1. *Валяльщик, валяльщица / вальщик, вальщица*
 Map 1. *Valyal'shchik, valyal'shchitsa / val'shchik, val'shchitsa*

Согласно данным картотеки ЛАРНГ, слово *вальщик* зафиксировано на территории Тульской, Самарской, Новгородской, Орловской, Воронежской и Волгоградской областей. Слово *валяльщик* присутствует на названных выше территориях, за исключением Новгородской области, кроме того, на территории Курской, Оренбургской и Костромской областей (КЛАРНГ).

В картотеке Словаря русских народных говоров представлено слово *вальщик* (4 фиксации – все они имеют значение деятеля валяльного дела). Слово зафиксировано на территории Пензенской, Воронежской, Тульской и Кировской областей. Слово *валяльщик* в картотеке СРНГ отсутствует (КСРНГ).

В словаре В. И. Даля в пределах словарной статьи *валять* указаны: *вальщик* в значении «на бумажн. фабрике старого устройства, работник, накладывающий листы на войлок» (Даль 1: 164), т. е. не в значении валяльщика, а *валяльщик* – «мастер или работник на вальне; валяющий сукна или валеную обувь» с вариантом, указанным для Псковской области «пск. валильщик?», и за «поперечным отделом» (Даль 1: 18) (двумя прямыми линиями, которые отделяют в словаре В. И. Даля другое значение): «На бумажн. завод. Валяльщик укладывает бумагу на сукно, войлок» (Даль 1: 164).

Данные региональных словарей показывают, что слово *вальщик* зафиксировано в Республике Мордовия (СРГРМ)¹, в Рязанской (Деулино), Орловской (СОГ), Смоленской (СОС), Псковской областях (ПОС) и в Республике Карелия (СРГК). Слово *валяльщик* встречено лишь в некоторых региональных словарях, что объясняется их дифференциальным характером, так как значе-

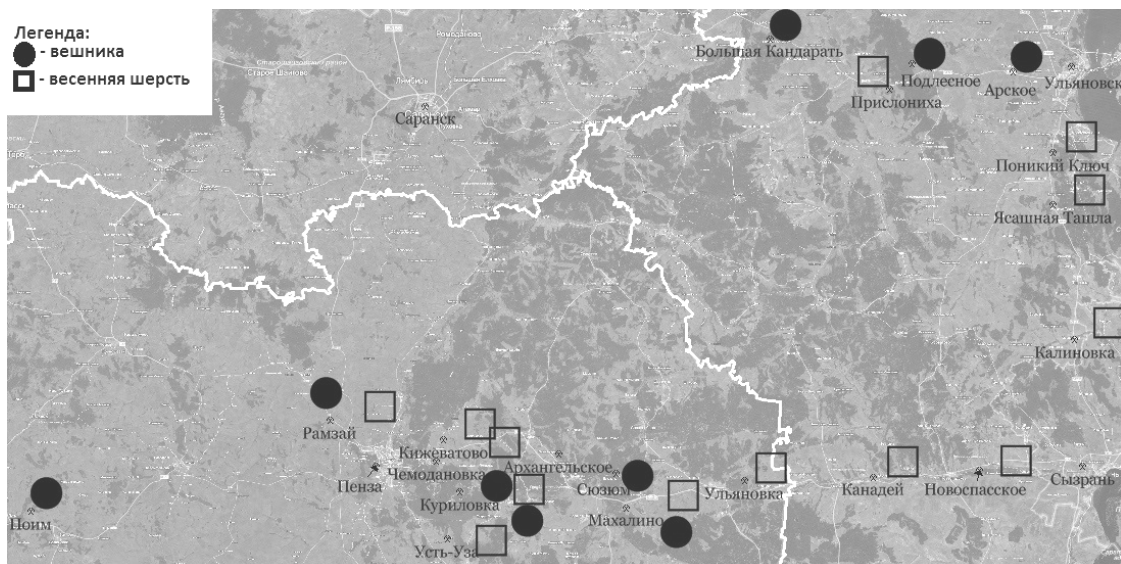
ние слова *валяльщик* совпадает с литературным значением.

Сопоставительный анализ данных лексикографических источников показал, что на территории Европейской части России такого противопоставления слов *валяльщик / вальщик*, как на исследуемой территории, не наблюдается.

Корни *вешн-* и *весен-*

Следующим явлением, системно образующим различия на указанной территории, является корневое противопоставление слов, используемых для наименования шерсти, собираемой весной: *вешн-* и *весен-* (*вешника* (*вешника* / *вишника*) / *вешня* (1-е употребление) – *весенняя* / *весенняя шерсть*). Фонетические варианты ареалов не образуют, поэтому учитывается только корневое противопоставление. Кроме того, второе обозначение состоит из двух вариантов – субстантивированного прилагательного *весенняя* или словосочетания *весенняя шерсть*, которые и представляют корень *весен-* в противопоставлении. Как можно видеть на представленной карте 2, корень *вешн-* образует на карте два устойчивых ареала, один из которых располагается на территории Пензенской области, а второй – в северной части Ульяновской области.

В картотеке СРНГ на слово *вешника* присутствуют две фиксации – одна, со значением «овечья шерсть весенней стрижки», отражает материал из Пензенской области. Другая, со значением «то же, что поярок», – из Тамбовской области. Фонетических вариантов *вешника*, *вишника* в картотеке нет. Словосочетания *весенняя шерсть* или соответствующего значения у прилагательного *весенний/весенняя/вешний* не зафиксировано (КСРНГ).

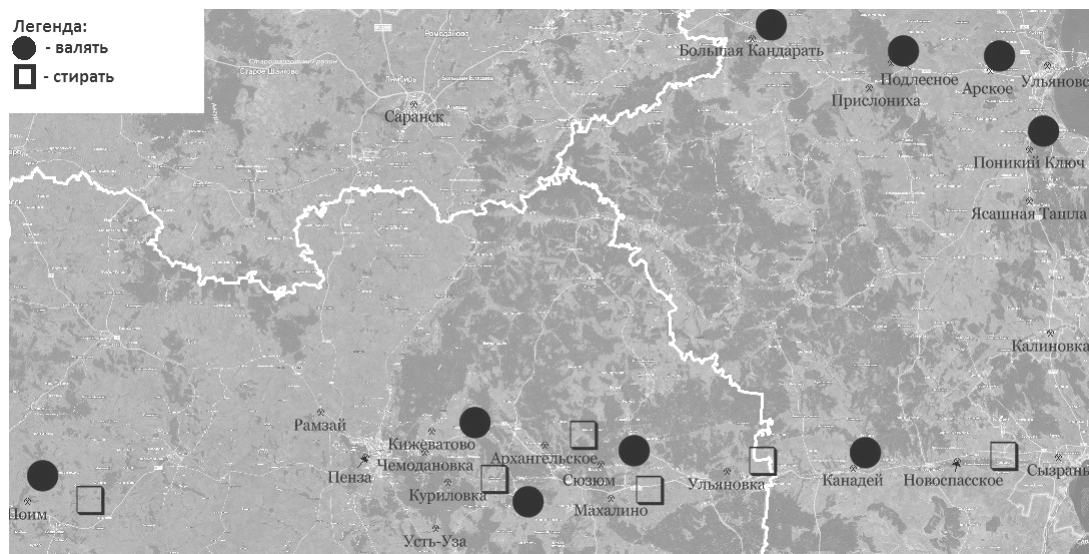
Карта 2. Весен- / вешн-
Map 2. Vesen- / veshn-

По данным региональных словарей, слово *veshnik* зафиксировано в Республике Мордовия (СРГРМ), в Волгоградской (СДГВО) и Рязанской областях (Деулино). На севере, западе, юго-западе и юге Европейской части России фиксации слова (в том числе и в других значениях) не обнаружено. Таким образом, можно говорить об определенном ареале распространения слова на юго-востоке России – на территории распространения южнорусских говоров и говоров «позднего заселения». Слово *veshniy* в исследуемом значении зафиксировано на территории Новгородской (НОС) и Ярославской областей (ЯОС) – на территории распространения среднерусских говоров. Кроме того, в Ярославской области (ЯОС) встречено слово *veshniqa* в значении «Сорт овчины с овцы весеннего убоя (самый худший)».

Valyat' – stirat'

Одним из этапов создания валенка является его валяние с водой – действие, совершаемое после его замачивания в кипятке со специальными добавками или без них. Необходимо отличать данное значение слова *valyat'* от более общего – распространенного на всей исследуемой территории – значения общего названия всех процессов, связанных с валяльным производством. На исследуемой территории указанное конкретное действие имеет два наименования – *valyat'* и *stirat'*. Как можно видеть на карте 3, слово *stirat'* образует ареал, ограниченный юго-западной частью обследуемой территории.

В программе ЛАРНГ отсутствует специальный вопрос о действиях, совершаемых на отдельных этапах создания валенка.

Карта 3. Валять / стирать
Map 3. Valyat' / stirat'

Слово *валять* присутствует в картотеке СРНГ (19 фиксаций). Из них в значении «выделывать из шерсти валенки» представлено лишь две. Соответствующие значения зафиксированы на территории Кировской и Новосибирской областей (КСРНГ).

Поскольку для слова *валять* в диалектных словарях приводится лишь общее значение («весь процесс создания валенка»), сопоставительный анализ с данными региональных словарей и картотек можно провести лишь для него. Кроме того, в связи с тем, что слово совпадает с литературным наименованием данного процесса, в региональных словарях дифференциального типа оно фиксируется не всегда. Фиксации слова *валять* присутствуют в словарях, описывающих территорию Рязанской (Деулино), Орловской (СОГ), Смоленской (СОС), Новгородской (НОС) и Псковской областей (ПОС).

В картотеке СРНГ присутствует слово *стирать* (20 фиксаций), 7 фиксаций – в значении наименования процесса валяльного дела. Необходимо уточнить, что цитаты из речи информантов, зафиксированные в картотеке (например: *Кипятком заваришь шерсть, а потом стираешь пимы* (Новосиб.); *У меня пимы зарощены, надо идти стирать, так скажут* (Новосиб.)), показывают, что в значении общего наименования деятельности валяльщика слово не используется, а обозначает только «валяние с водой», действие, совершаемое после замачивания заготовки валенка. Соответствующее значение слова зафиксировано на территории Нижегородской, Череповецкой, Вологодской, Новосибирской и Ярославской областей (КСРНГ). Из региональных словарей только «Ярославский областной словарь» включает слово *стирать* в соответствующем значении (ЯОС). Словарь В. И. Даля фиксирует слово, но лишь в общем значении наименования деятельности (Даль 1: 163). Другие используемые словари, вы-

шедшие до буквы С, значение не фиксируют, хотя в некоторых само слово встречается.

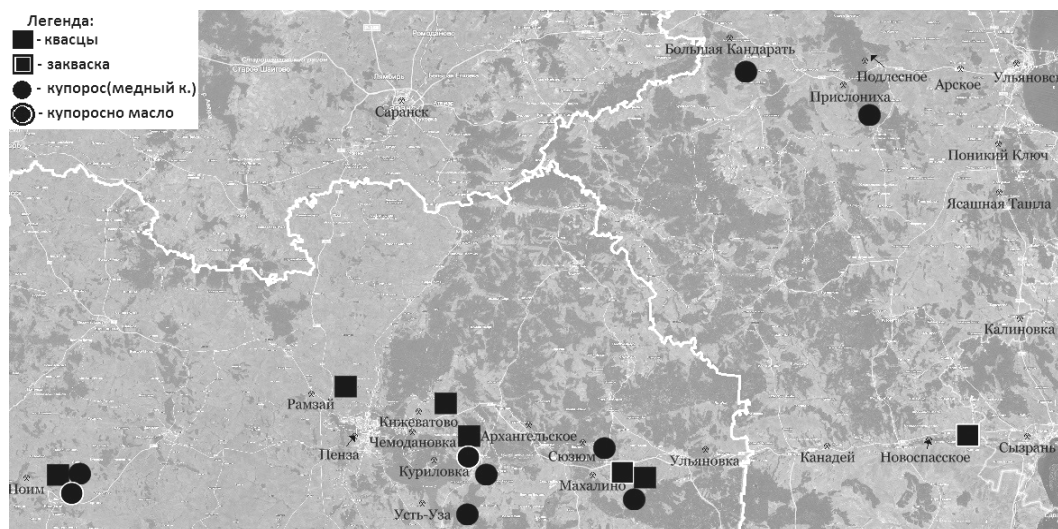
Квасцы – купорос

Для обозначения специального вещества, которое является основой раствора для замачивания будущего валяного изделия (а иногда и самого раствора), существует несколько наименований, из которых по количеству употреблений выделяется три основных: *купорос* (*медный купорос*, *медный капарос*), *квасцы* (*закваска*) и *кислота* (*серная кислота*). Слова и устойчивые словосочетания *купоросное масло* (Поим, Чемодановка), *соляная кислота* (Новоспасское), *комунаторная кислота* (Большая Кандарать) используются нерегулярно.

Слова *купорос*, *квасцы* и *кислота*, а также их производные и словосочетания идентичны литературным, о чем свидетельствует наличие этих слов в БАС. И поскольку слово *кислота* присутствует практически на всей территории обследования, его можно охарактеризовать как «константа». Таким образом, наиболее актуальными для лингвогеографического анализа представляются слова *купорос* (*медный купорос*, *купоросное масло*), *квасцы* и *закваска*.

Необходимо обратить внимание, что различие в географии их употребления в Присурском Поволжье невелико, на части территории слова *купорос* и *квасцы* не являются противопоставлением друг другу.

На исследуемой территории слова *квасцы* и *закваска* имеют ограниченное распространение и образуют ареал, охватывающий исследуемую часть Пензенской области и южную часть территории Ульяновской области. В свою очередь, *купорос* и его производные образуют два острова ареалов, один из которых располагается в Пензенской области, второй – в северной части Ульяновской области (см. карту 4).

Карта 4. *Квасцы, закваска / купорос, купоросно масло*
 Map 4. *Kvastsy, zakvaska / kuporos, kuporosno maslo*

Слова *квасцы́* и *заква́ска* в значении «раствор для замачивания валенок» не зафиксированы в картотеке СРНГ, но *квасцы́* в соответствующем значении присутствует в региональных диалектных словарях. Оно зафиксировано в Новгородской (НОС), Псковской (ПОС), Ярославской областях (ЯОС) и на территории Республики Карелия (СРГК). Слова *заква́ска* и *купоро́с* в указанном значении зафиксированы лишь на территории Псковской области (ПОС).

Валёк – рубель

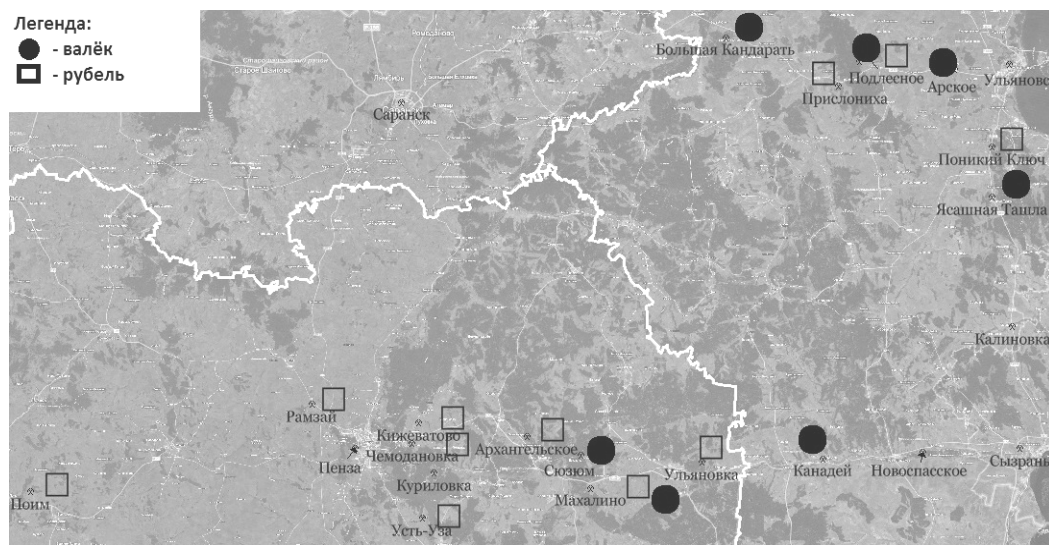
Для обозначения инструмента, служащего для придания формы валенку после надевания его на колодку, используются слова *валёк* и *рубель* / *рубиль*. Слова *рубильник*, *ва́лик* и *перека́тник*, зафиксированные в качестве названия того же инструмента, представлены единичными фиксациями.

Слово *рубильник* понимается информантами как специальный инструмент с заостренными зубцами на внешней стороне. В отличие от инструмента *рубель*, который держат в руках при работе с ним, *рубильник* кладется на стол и по

нему проводят валенком. Слово *рубильник* в значении отличного от рубеля инструмента рассматривается вместе со словом *рубчатка*.

Необходимо пояснить, что данные наименования в некоторых говорах обозначают различные инструменты, имевшие в сельской жизни более распространенное применение: *валёк* – для выколачивания белья при его стирке или полоскании, а *рубель* / *рубиль* – для глажки сухого белья. Но не во всех говорах сохранилось различие этих двух инструментов, и в материале говоров Присурского Поволжья слова *валёк* и *рубель* обозначают один инструмент, согласно энциклопедическим и словарным данным, внешне более похожий на *рубель*. Кроме того, слово *валёк*, в отличие от слова *рубель*, присутствует в БАС.

Как можно видеть на карте, на исследуемой территории обнаруживаются ареалы употребления слов *рубель* и *валёк* в значении инструмента для валяния. На территории Пензенской области превалирует наименование *рубель*, в Ульяновской области – *валёк* со спорадическими фиксациями слова *рубель* (см. карту 5).

Карта 5. Валёк / рубель
Map 5. Valek / rubel'

В картотеке СРНГ для слова *рубель* были обнаружены фонетические варианты – *рубель* (115 фиксаций), *рубиль* (2 фиксации), «2». *рубль* (11 фиксаций). Слово «1». *рубль* – приводится лишь значение денежного знака. Слово *рубель* и его фонетические варианты в значении инструмента для катки белья или инструмента для очистки кедровых орехов от шелухи присутствуют в количестве 78 единиц. Оба значения можно рассматривать как приемлемые для сравнения с инструментом для валяния, так как внешне реалия в обоих случаях выглядит одинаково. Описанное выше различие инструментов *валёк* и *рубель* на материале слова *рубель* зафик-

сировано в западной части Брянской, Ростовской, Ярославской, Самарской, Воронежской, Московской, Пермской, Свердловской и Челябинской областей, а также на территории Краснодарского края. Соответствующие значения без различия зафиксированы в Рязанской, Калужской, Курской, Тульской, Брянской, Новосибирской, Тверской, Томской, Ростовской, Волгоградской, Одесской, Московской, Оренбургской, Кировской, Нижегородской областях, а также на территории Красноярского края и Кубани (КСРНГ). В некоторых областях одни источники указывают на различие, а другие – нет. Кроме того, довольно распространенным в словарях и

иных материалах толкованием слова *рубѣль* является «валѣк для катания белья».

Восемь фиксаций указывают на принадлежность инструмента к валяльному делу (часто в качестве 2-го или 3-го значения после инструмента для катки белья): пять фиксаций на территории Новосибирской области, по одной – на территории донских говоров (Ростовской и Волгоградской областей), Ханты-Мансийского округа и Рязанской области.

В картотеке СРНГ слово *валѣк* представлено в трех различных фонетических вариантах – *валѣк* (58 фиксаций), *велѣк* (3 фиксации), *вялѣк* (3 фиксации). В данном случае фонетические варианты не различаются по значениям, поэтому материал рассматривается совокупно.

Слово *валѣк* в картотеке СРНГ представлено 58 единицами хранения, в 38 фиксациях присутствует значение ‘колотушки или катка для белья или льна’. Различение функций *рубеля* и *валька* прослеживается и на данном материале. В ряде областей, таких как Костромская, Самарская, Новгородская, Курская, Белгородская, Вологодская, Владимирская, Пензенская, Рязанская, Орловская, Калужская, Воронежская, Вятская и Ленинградская, значение слова *валѣк* включает в себя функцию колочения белья при мытье или полоскании, что, предположительно, проводит грань между понятиями *рубель* и *валѣк*. На некоторых же территориях, в частности, на территории Урала, Республики Карелия, Тверской, Иркутской, Саратовской и Ярославской областей, в качестве основной функции инструмента *валѣк* указана функция катания сухой одежды, что показывает неразличение функций *рубеля* и *валька* (КСРНГ).

Региональные словари дополняют данные картотеки СРНГ. На территории Тамбовской области зафиксированы оба слова, их значения различны соответственно их функциям (СТГ); на территории Орловской области зафиксировано лишь слово *валѣк*, но в значении инструмента для околачивания льна (СОГ); Псковский областной словарь дает семь значений слова *валѣк*, третье из которых – «Скалка, на которой катают белье, разглаживая его» (ПОС), а на территории Вологодской области в качестве определения *рубеля* – «приспособление для глажения белья – деревянный зубчатый брусок с ручкой» (СВГ).

На территории же Архангельской области зафиксировано слово *валѣк*, вторым его значением является «круглая палка, служащая орудием для выколачивания белья при стирке или наматывания выстиранного белья при прокатывании и разглаживании», а третьим – «деревянная изогнутая доска с рубцами, служащая катком для разглаживания белья» и, кроме того, четвертым – «колодка для изготовления валенок» (АОС).

В свою очередь, на территории Республики Мордовия слово *валѣк* зафиксировано лишь в словосочетании *рубчатый валѣк*, первое значение слова *рубель* – «валѣк для катания белья на скалке», второе – «валѣк для выколачивания белья», а третье – «рубчатая доска, на которой валяют валенки» (СРГРМ).

Таким образом, на территории Тамбовской, Орловской, Псковской и Вологодской областей значение и функции *рубеля* и *валька* различаются, а в Республике Мордовия и Архангельской области различия нет.

Оба наименования распространены на территории Европейской части России; к северу от Москвы – в Новгородской, Ленинградской, Архангельской, Кировской, Костромской областях, а также в Республике Карелия – наиболее распространено наименование *валѣк*, к югу от Москвы, включая Московскую, Нижегородскую, Тульскую, Брянскую, Волгоградскую области и Краснодарский край, – *рубель*, но в центре Европейской части России – в Курской, Калужской, Рязанской, Ярославской и Тамбовской областях распространены оба наименования. Для более подробного анализа данных необходимы сведения на синхронном временном срезе, которые можно получить лишь на основании экспедиционных данных.

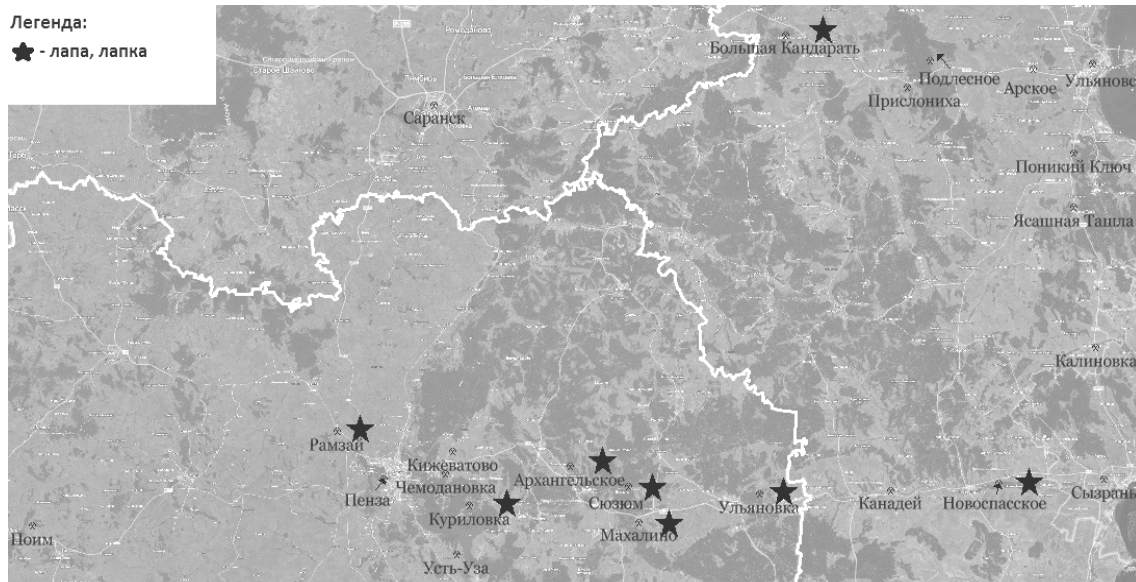
Соответственные явления с одним наименованием (1 / 0)

Диалектные различия могут наблюдаться и при наличии или отсутствии определенного слова для обозначения реалии, при условии, что реалия существует.

Ла́па

Одним из примеров образования ареалов такого рода в исследуемом материале является территориальное распространение слова *лапа*, обозначающего одним словом часть ноги или валенка от пятки до носка. Как можно видеть на карте 6, слово *лапа* образует ареал преимущественно на территории Пензенской области и южной части Ульяновской области.

В картотеке СРНГ присутствует слово *ла́па* (113 фиксаций) и его уменьшительный вариант – *ла́пка* (28 фиксаций). Среди значений обоих слов выделяется 27 фиксаций со значением ‘ступня человеческой ноги’, из них в трех фиксациях указано значение части обуви. Согласно данным картотеки СРНГ, слово *лапа* в указанных значениях распространено на территории Республики Карелия, Архангельской, Ленинградской, Тульской, Калужской, Вологодской, Кировской, Саратовской и Рязанской областей. В Архангельской, Саратовской и Рязанской областях слово *ла́па* обозначает часть обуви (КСРНГ).

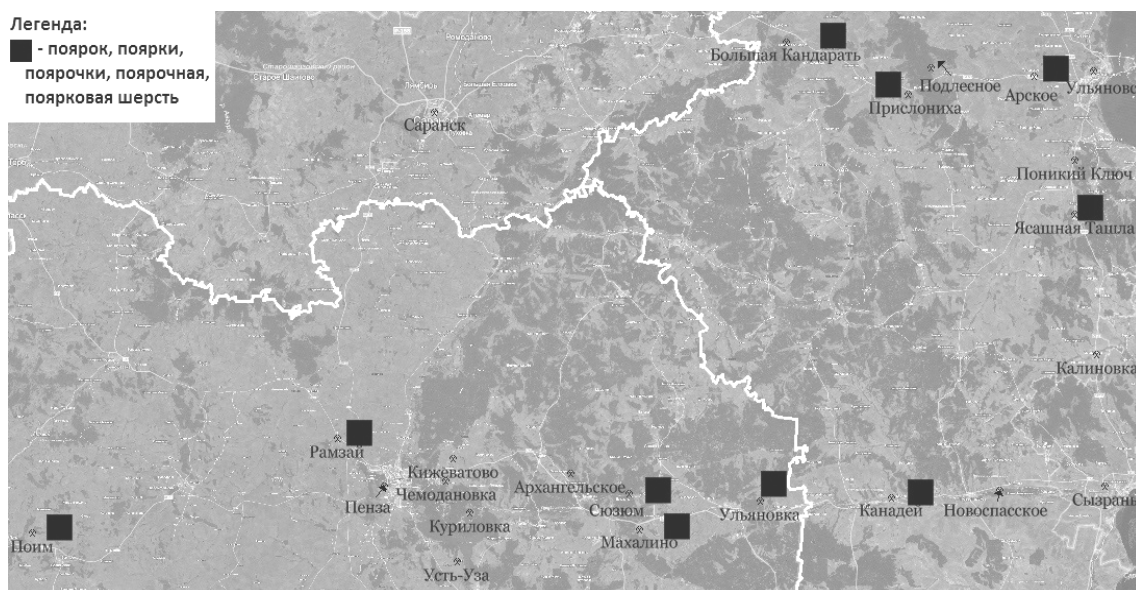
Карта 6. *Лапа*
Map 6. *Lapa*

Данные региональных словарей дополняют материалы картотеки. Они показывают, что слово *лапа* в соответствующем значении зафиксировано в Волгоградской (СДГВО), Рязанской (Деулино), Орловской (СОГ), Псковской (ПОС), Вологодской областях (СВГ) и на территории Республики Карелия.

Поярок

Для обозначения шерсти, снятой с ягненка, на исследуемой территории употребляются слова *поярок* (Поим, Махалино, Арское, Большая Кандарать); *поярки* / *поярочки* (Поим, Махалино, Ульяновка, Канадей, Ясашная Ташла, Рамзай); *поярочная* / *поярочная (шерсть)* (Прислониха); *поярковая шерсть* (Сюзюм). Слово

поярок в соответствующем значении, согласно данным БАС, идентично литературному наименованию. С лингвогеографической точки зрения интерес представляет наличие или отсутствие наименования для данного понятия, поэтому все однокоренные формы наименования рассматриваются вместе. В отличие от некоторых других слов, в Присурском Поволжье данное наименование распространено не отдельными ареалами, а, как можно видеть на карте 7, довольно большими островами. Предположительно, данное наименование ранее употреблялось на всей исследуемой территории, в настоящий момент нами зафиксированы зоны, где это наименование еще сохранилось.

Карта 7. *Поярок*
Map 7. *Poyarok*

В картотеке СРНГ зафиксировано несколько наименований для обозначения данного понятия: *поярка* (39 фиксаций), *поярки* (12 фиксаций), *поярковая* (5 фиксаций), *поярковый* (7 фиксаций), *пояррок* (36 фиксаций), *поярочка* (2 фиксации), *поярочный* (7 фиксаций). Все фиксации имеют сходные значения, поэтому рассматриваются вместе. Таким образом, из всех зафиксированных в картотеке материалов 47 фиксациям соответствует значение 'шерсть первой стрижки', т. е. 'шерсть, остриженная с овцы первого года'. Данное значение зафиксировано на территории Оренбургской, Новосибирской, Омской, Кемеровской, Томской, Саратовской, Кировской, Пензенской, Тверской, Московской, Воронежской, Калужской, Ярославской, Рязанской, Новгородской, Псковской и Волгоградской областей, а также на территории Красноярского, Ставропольского и Алтайского краев (КСРНГ).

Кроме того, на территории Воронежской, Калужской, Тамбовской и Ярославской областей зафиксировано у слов с указанным корнем значение 'шерсть весенней стрижки' (КСРНГ). Но в описываемом здесь материале шерсть весенней стрижки имеет специальное название – *вешник*. Это позволяет сделать предположение, что при полевой фиксации диалектной терминологии без специальной подготовки возможны ошибки в толковании отдельных наименований, например, в данной ситуации собиратель мог ориентироваться на названия шерсти по временам года.

Данные региональных словарей подтверждают и дополняют данные картотеки СРНГ. Слово *поярки* зафиксировано на территории Республики Мордовия (СРГРМ), в Волгоградской (СДГВО), Орловской (СОГ) и Вологодской областях (СВГ), слово *пояррок* – в Волгоградской (СДГВО) и Новгородской областях (НОС); кроме того, в Ярославской (ЯОС) и Смоленской областях (СОС) зафиксировано прилагательное *поярочный* в словосочетании *пояроч/иная шерсть* в соответствующем значении. Слово *поярочный* образуется в данном случае от слова *поярка*, не зафиксированного на исследуемой территории.

Заключение

На основании проведенного лингвогеографического анализа можно сделать вывод о наличии территориального варьирования лексических единиц, составляющих совокупность ремесленной лексики. Это позволяет с уверенностью утверждать, что ремесленная лексика принадлежит к составу диалектной терминологии и что «богатство диалекта специальной лексикой, соответствующей хозяйственному укладу данной местности, является одной из характерных особенностей диалектной лексики» [Аванесов 1949: 177].

Результаты проведенного анализа, с одной стороны, показывают специфику исследуемого региона, с другой стороны, позволяют выделить два ареала внутри исследуемой территории. Один из них расположен в южной и юго-восточной части региона (между городами Пенза и Сызрань), а другой сосредоточен в северной части региона (вокруг Ульяновска и до Республики Мордовия).

В данной статье представлены результаты лингвогеографического анализа лексики валяльного дела и показана специфика лексики конкретного ремесла. В дальнейшем предполагается сравнить полученные данные с лексикой других ремесел, задействованных в исследовании, что позволит составить объективное представление о распространении ремесленной лексики.

Примечание

¹ Здесь и далее ссылки на номер тома и номера страниц в словарях не даются, т. к. слова расположены в них по алфавиту.

Источники

Картотеки

КЛАРНГ – картотека «Лексического атласа русских народных говоров».

КСРНГ – картотека «Словаря русских народных говоров».

Словари

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980–2015. Вып. 1–16.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР; Наука, 1950–1965. Т. 1–17.

Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.: Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа. Т. 1–4. Изд. 2-е. М., 1880–1882.

Деулино – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969.

НОС – Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подг. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. XXVII. 1435 с.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–24. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та; СПб.: Изд-во СПбГУ, 1967–2013.

Программа ЛАРНГ – Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Ч. 1–2. / отв. ред. И. А. Попов. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1994.

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровой. Вып. 1–12. Вологда: Волог. гос. пед. ин-т, 1983–2007.

СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост.: Е. В. Брысина, Р. И. Кудряшова, В. И. Супрун; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Вып. 1. А–Г. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2006. 428 с.

СОГ – Словарь орловских говоров: учеб. пособие. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1909. 160 с.; Словарь орловских говоров / науч. ред. Т. В. Бахвалова. Ярославль, 1989–1991. Вып. 1–4; Орел, 1992. Вып. 5.

СОС – *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск: Смол. пед. ин-т им. К. Маркса, 1914.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.

СРГРМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб.: Наука, 2008.

СТГ – *Пискунова С. В., Махрачева Т. В., Губарева В. В.* Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001.

Чумакова – *Чумакова Ю. П.* Лексика традиционного ткачества в говорах района «Богословщина» Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика). Рязань: Рязан. этнограф. вестник, 1995.

ЯОС – Ярославский областной словарь. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991. Вып. 1–10.

Список литературы

Агапова М. А., Зимина И. В. Лексика ложкарного и посудотокарного промыслов на территории Нижегородской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) – 2000. СПб.: Наука, 2003. С. 128–130.

Баланчик Н. А. Лексика крестьянского текстильного производства и плотнического ремесла: на материале русских говоров Кемеровской и Орловской областей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1992. 12 с.

Гольдин В. Е. Об одном аспекте изучения тематических групп слов // Язык и общество. Изд-во Саратов. ун-та. Саратов, 1970. С. 163–175.

Громов А. В. Из опыта изучения специальной лексики в говорах Костромской области (лен, куст., пряд., тканья) // Доклады на научных конференциях / Ярославский пед. ин-т. Ярославль, 1964. Т. 3, вып. 2. С. 82–86.

Громов А. В. Словарь «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже». Кострома: Инфопресс, 2005. 52 с.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970. 168 с.

Коготкова Т. С. К вопросу о производственно-профессиональной лексике говора и соотношении ее с терминологической лексикой литературного языка // Диалектная лексика 1969. Л.: Наука, 1971. С. 3–20.

Коготкова Т. С. Национальные истоки русской терминологии. М.: Наука, 1991. 120 с.

Литвинов М. Н. Ремесленно-промысловая терминология в словаре В. И. Даля: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955. 15 с.

Маринин А. В. Лексика промыслов и ремесел в говорах Вадского района Нижегородской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Арзамас, 2011. 27 с.

Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров / отв. ред. И. А. Попов. Ч. 1. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1994. 336 с.

Сороколетов Ф. П. Диалектная лексика в ее отношении к словарному составу общенародного языка // Слово в русских народных говорах. Л.: Наука, 1968. С. 222–236.

Сывороткин М. М. Лексика колодезного ремесла в Посерёжье // Эволюция и предыстория русского языкового строя. Взаимодействие лексики и грамматики. Горький: Изд-во Горьков. ун-та, 1984. С. 87–95.

Толикина Е. Н. Русская ремесленно-промысловая терминология первой пол. XIX в. и ее отражение в лексикографии того времени (Словарь В. Бурнашева): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1954. 18 с.

Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках (Этимология и опыт групповой реконструкции). М.: Наука, 1966. 416 с.

Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. С. 227–239.

Халюков Ю. В. Лексика орловских рыбаков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008. 25 с.

Чиждова И. Л. Лексика художественных промыслов Среднего Урала: структурно-семантический, лексикографический и номинативный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 22 с.

Чумакова Ю. П. Лексика традиционного ткачества в говорах района «Богословщина» Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика). Рязань: Рязан. этнограф. вестник, 1995. 228 с.

References

Agapova M. A., Zimina I. V. Leksika lozhkarnogo i posudotokarnogo promyslov na territorii Nizhegorodskoy oblasti [Lexicon of spoon and utensils-turning crafts in the territory of the Nizhny

Novgorod region]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2000* [Lexical atlas of the Russian vernaculars (Materials and researches) 2000]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, pp. 128–130.

Balanchik N. A. *Leksika krestyanskogo tekstil'nogo proizvodstva i plotnicheskogo remesla: na materiale russkikh govorov Kemerovskoy i Orlovskoy oblastey*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Lexicon of the peasant textile production and carpentry craft: a case study the Russian dialects of the Kemerovo and Orel regions. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Orel, 1992. 12 p.

Goldin V. Ye. Ob odnom aspekte izucheniya tematicheskikh grupp slov [About one aspect of studying theme groups of words]. *Yazyk i obshchestvo* [Language and society]. Saratov, Saratov University Press, 1970, pp. 163–175.

Gromov A. V. Iz opyta izucheniya spetsial'noy leksiki v govorakh Kostromskoy oblasti (len, kust., pryad., tkanya) [From experience of studying special lexicon in dialects of the Kostroma region (flax cultivation, spinning, weaving)]. *Doklady na nauchnoy konferentsii* [Reports at a scientific conference]. Yaroslavl, Yaroslavl Pedagogical University Press, vol. 3, issue 2, 1964, pp. 82–86.

Gromov A. V. *Slovar' "Leksika l'novodstva, pryadeniya i tkachestva v kostromskikh govorakh po reke Unzhe"* [Dictionary "Lexicon of Cultivation of Flax, Spinning and Weaving in the Kostroma dialects down the river Unzhe"]. Kostroma, Infopress Publ., 2005. 52 p.

Zakharova K. F., Orlova V. G. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialect partitioning of Russian]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1970. 168 p.

Kogotkova T. S. K voprosu o proizvodstvenno-professional'noy leksike govora i sootnoshenii ee s terminologicheskoy leksikoy literaturnogo yazyka [To the question of production and professional lexicon of a dialect and its ratio with terminological lexicon of the literary language]. *Dialektnaya leksika 1969* [Dialect lexicon 1969]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 3–20.

Kogotkova T. S. *Natsionalnye istoki russkoy terminologii* [National origins of the Russian terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 120 p.

Litvinov M. N. *Remeslenno-promyslovaya terminologiya v slovare V. I. Dal'ya*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Craft and trade terminology in V. I. Dahl's dictionary. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1955. 15 p.

Marinin A. V. *Leksika promyslov i remesel v govorakh Vadskogo rayona Nizhegorodskoy oblasti*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Lexicon of trade and crafts in dialects of the Vadsky district of the Nizhny Novgorod region. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Arzamas, 2011. 27 p.

Programma sobiraniya svedeniy dlya Leksicheskogo atlasa russkikh narodnykh govorov [Program of collecting data for the Lexical atlas of the Russian vernaculars]. Ed. by I. A. Popov. Pt. 1. St. Petersburg, ILI RAN Publ., 1994. 336 p.

Sorokoletov F. P. *Dialektnaya leksika v ee otnoshenii k slovarnomu sostavu obshchenarodnogo yazyka* [Dialect lexicon with regards to the vocabulary structure of the nationwide language]. *Slovo v russkikh narodnykh govorakh* [The word in the Russian vernaculars]. Leningrad, Nauka Publ., 1968, pp. 222–236.

Syvorotkin M. M. *Leksika kolodeznogo remesla v Poserezhe* [Lexicon of well craft in Poseryozhye]. *Evolutsiya i predystoriya russkogo yazykovogo stroya. Vzaimodeystvie leksiki i grammatiki* [Evolution and background of the Russian language system. Interaction of lexicon and grammar]. Gorky, Gorky University Press, 1984, pp. 87–95.

Tolikina Ye. N. *Russkaya remeslenno-promyslovaya terminologiya pervoy pol. XIX v. i ee otrazhenie v leksikografii togo vremeni (Slovar V. Burnasheva)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The Russian craft and trade terminology of the first part of the 19th century and its reflection in lexicography of that time (V. Burnashev's Dictionary). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Leningrad, 1954. 18 p.

Trubachev O. N. *Remeslennaya terminologiya v slavyanskikh yazykakh (Etimologiya i opyt gruppovoy rekonstruktsii)* [Craft terminology in the Slavic languages (Etymology and experience of group reconstruction)]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 416 p.

Filin F. P. O leksiko-semanticheskikh gruppakh slov [About lexicosemantic groups of words]. Filin F. P. *Ocherki po teorii yazykoznaniiya* [Essays on the Theory of Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 227–239.

Khalyukov Yu. V. *Leksika orlovskikh rybakov*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Lexicon of Oryol fishermen. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Orel, 2008. 25 p.

Chizhova I. L. *Leksika khudozhestvennykh promyslov Srednego Urala: strukturno-semanticheskii, leksikograficheskii i nominativnyy aspekty*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Lexicon of art crafts of the Middle Urals: structural-semantic, lexicographic and nominative aspects. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2005. 22 p.

Chumakova Yu. P. *Leksika traditsionnogo tkachestva v govorakh rayona "Bogoslovshchina" Ryazanskoy oblasti (semanticheskaya, dialektologicheskaya i etimologicheskaya kharakteristika)* [Lexicon of traditional weaving in dialects of the district of "Bogoslovshchina" of the Ryazan region (semantic, dialectological and etymological characteristic)]. Ryazan, Ryazan Ethnographic Bulletin, 1995. 228 p.

FELTING CRAFT VOCABULARY IN TERMS OF LINGUISTIC GEOGRAPHY
(a Case Study of Dialects of the Prisurie Area of the Volga Region)

Maria D. Korolkova

Postgraduate Student

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

The paper presents the results of linguogeographical analysis of felting craft vocabulary in dialects of the Prisurie area of the Volga region. The research is based on studying field records of speech of craftspeople speaking different dialects that were made in 20 settlements during five expeditions to the Prisurie area from 2012 to 2015. Thematic classification of the vocabulary by theme groups and subgroups is presented. Each theme group covers vocabulary of one particular craft, lexicon within theme groups is divided into subgroups. The structure of linguogeographical description of craft lexicon includes words-“constants” and words designating the corresponding phenomena in the region under study. These phenomena are divided into those forming areas in the territory under study and those that do not form areas for various reasons. The corresponding phenomena forming areas in the specified territory are analyzed. Based on field materials and lexicon data, distribution areas for the corresponding designations of the craftsman, material, actions and tools are identified, which allows for drawing conclusions about the specificity of the given region. The article provides analysis of felting craft vocabulary and shows the specificity of lexicon of the particular craft.

Key words: dialectology; handcraft vocabulary; linguistic geography; thematic classification; dialect terminology; Penza region; Volga region.

УДК 81.27
doi 10.17072/2037-6681-2017-1-38-45

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПРОВИНЦИАЛКИ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ¹

Наталья Васильевна Логунова

к. филол. н., доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин
Соликамский государственный педагогический институт (филиал)
Пермского государственного национального исследовательского университета
618557, г. Соликамск, ул. Северная, 44. logunovaN@yandex.ru
SPIN-код: 9340-4540
ORCID: 0000-0002-5772-6385
ResearcherID: C-3711-2016

Лариса Львовна Мазитова

к. филол. н., доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин
Соликамский государственный педагогический институт (филиал)
Пермского государственного национального исследовательского университета
618557, г. Соликамск, ул. Северная, 44. mazitova-larisa@rambler.ru
SPIN-код: 2119-2981
ORCID: 0000-0002-6775-8233
ResearcherID: C-3710-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Речевой портрет провинциалки предреволюционной России // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 38–45. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-38-45

Please cite this article in English as:

Logunova N. V., Mazitova L. L. Rechevoy portret provintsialki predrevolyutsionnoj Rossii [A Provincial Woman in Pre-Revolutionary Russia: Speech Portrait]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 1, pp. 38–45. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-38-45 (In Russ.)

В статье реконструируется историческая языковая личность жительницы г. Соликамска Александры Васильевны Мальцевой на основе трех ее писем 1909–1911 гг. к родителям. Цель и задачи описания обусловлены лингвоперсонологическим подходом к объекту анализа – носителю не элитарного, а низового типа речевой культуры. Гендерная составляющая исследования – воссоздание облика языковой личности женщины – актуализируется тем обстоятельством, что в региональных рукописных архивах XIX – начала XX в. совокупный объем женской речевой продукции заметно меньше по сравнению с мужской. Предметом анализа являются тематические предпочтения, особенности стиля и манеры изложения, отраженные в тексте речевые компетенции адресанта, а также внешние параметры писем. Это позволяет выявить конституирующие черты данной исторической языковой личности – представительницы провинциального мещанства, носительницы обыденного языкового сознания и того типа традиционной культуры, которая в значительной мере определяла социальный облик Уральского региона. Полученные результаты заполняют лакуну в лингвистических исследованиях по реконструкции речевого портрета женщины предреволюционной России.

Ключевые слова: лингвистическая персонология; историческая языковая личность; эпистолярный текст; речевые компетенции; речевая культура.

В изучении социокультурной ситуации на Урале XIX–XX вв. накоплен значительный опыт, однако, по мнению Н. Н. Алеврас, существуют определенные пробелы в исследованиях по данной проблематике, поскольку советская историография «с ее известным приоритетом пролетарской истории» гораздо меньше внимания уделяла изучению истории культуры других слоев провинциального общества: крестьянства, дворянства, купечества, мещанства [Алеврас 2009: 29]. При этом социальный облик Уральского региона в значительной мере формировался под влиянием традиционной культуры, носителями которой являлось численно преобладающее на Урале крестьянство (80,4 %, по Всероссийской переписи населения 1897 г.) и мещанство, доминирующее в провинциальных городах [там же]. Традиционная культура включает в себя в качестве одного из значимых элементов определенные стереотипы речевого поведения, изучение которых дает материал для воссоздания портретов исторических языковых личностей, обладающих разным социально-культурным опытом.

В рамках молодого научного направления – лингвоперсонологии [Нерознак 1996] – актуальны исследования, направленные на реконструкцию портретов исторических языковых личностей, которые являются носителями не элитарного, а низового типа речевой культуры и репрезентируют массовое языковое сознание [Иванцова 2002, 2010; Караулов 2010; Плесовских 2014]. Нами предприняты попытки подобных описаний на эпистолярном материале XIX–XX вв., отражающем разный уровень речевых компетенций адресантов (преимущественно мужского пола) [Логунова, Мазитова 2014а, 2014б, 2016; Система образования на Урале 2013]. Отметим при этом, что возможности воссоздания облика языковой личности женщины ограничены, поскольку совокупный объем женской речевой продукции заметно меньше по сравнению с мужской. Опыт реконструкции языковых личностей представителей различных сословий показал, что реализация этой процедуры требует выработки определенных подходов и принципов.

Во-первых, источником для такого описания являются тексты естественной письменной речи [Лебедева 2008; Логунова, Мазитова 2010]. Во-вторых, при отборе материалов для анализа необходимо учитывать, что наиболее информативными являются эпистолярные тексты частного характера, среди которых следует обращать внимание на такие, где отражаются те или иные особенности, рельефно высвечивающие черты отдельной языковой личности. В-третьих, реконструкцию речевых портретов исторических языковых личностей целесообразно выстраивать с

учетом: реализации речевых компетенций адресанта; стилия письма, манеры общения с адресатом; круга затрагиваемых тем; внешних параметров писем (предпочтения в оформлении, наличие или отсутствие признаков саморедактирования, особенности почерка). Кроме того, более достоверным и многогранным становится описание исторической языковой личности при наличии затекстовой информации о ней.

В нашем распоряжении оказались рукописные материалы из архива Соликамского краеведческого музея, относящиеся к периоду конца XIX – начала XX в. и представляющие речевую продукцию жительниц уральской провинции. В перспективе это обстоятельство позволит нам создать галерею женских речевых портретов представителей своей исторической эпохи.

Данная статья посвящена реконструкции исторической языковой личности Александры Васильевны Мальцевой, дочери делопроизводителя Соликамской городской управы В. П. Мальцева. Эпистолярный архив В. П. Мальцева, частью которого являются письма Александры, опубликован нами ранее [Логунова, Мазитова 2015]. Из других материалов этого же архива установлено, что Александра, вероятно, старшая дочь в многодетной семье, в которой было еще пять дочерей и два сына. Как известно, в соответствии с патриархальными традициями российской провинции старшая дочь в семье выполняла функции няньки и помощницы матери в хозяйственных делах. По всей видимости, именно поэтому Александре Мальцевой не удалось получить качественного системного образования (о чем свидетельствуют тексты ее писем), хотя возможности для этого в Соликамске того времени были. По свидетельству краеведа Г. А. Бординских, в Соликамске девочки могли получать начальное образование уже с 1801 г., а к началу XX в. в городе для девушек были и училище, и гимназия [Бординских 2013: 148].

Из писем ее брата Ивана нам известно, что в Перми Александра в течение примерно трех лет проживает с ним для помощи по хозяйству. Письма Ивана, а также и самой Александры раскрывают некоторые подробности ее частной жизни, которые вызвали недовольство членов семьи – рождение внебрачного ребенка от Николая Львовича Гадова, сослуживца Ивана. Это обстоятельство (в соответствии с морально-этическими стереотипами провинциальной мещанской среды того времени) побудило ее родственников искать выход из сложившейся ситуации. В частности, предложения брата Ивана в письме родителям сформулированы таким образом: *Саша живетъ въ Разгуляѣ небольшая комната платитъ 2 рубъ въ мѣсяць. Я былъ у нее*

говоришь углана куда нибудь отдать, она говорит некому; тогда я ее отправлю домой, пусть углана отдаст куда-нибудь въ деревню по близости въ Соликамскѣ, а въ Перми жить ей безъ дѣла нѣтъ смысла, а дома она принесетъ больше пользы [Логонова, Мазитова 2015: 15]². Описание истории отношений Александры с отцом ее ребенка и связанных с этим проблем и составляет значительную часть содержания ее писем.

Итак, воссоздание речевого портрета жительницы провинции дореволюционной России предпринимается нами на основе анализа трех писем Александры Мальцевой к родителям, отправленных ею в Соликамск из Перми в 1909–1911 гг. [там же: 11, 22–23]. Все три письма Александры являются ярким примером текстов, отражающих особенности естественной письменной речи с ее спонтанностью и ориентацией на привычные формы устного общения.

Если говорить о реализации в письмах Александры ее элементарных речевых компетенций – орфографических, пунктуационных, грамматических, – то их уровень свидетельствует о невладении многими простейшими нормами письменной речи. Зачастую адресант ориентируется на произносительный вариант слов и словоформ (*вазале, итагже, призыфь, здала, празникь, продасли* (=продаст ли) и под.), что ведет к нарушению орфографических правил. Письма Александры обнаруживают незнание ею следующих орфографических норм:

- слитные, отдельные или дефисные написания: *Унась, гуляюли, нетли, нахлебы, выкупилабы, комне, коечто, какъ небутъ, отъ пускаетъ, двухъ спалную, спосудой, соборкой* (=с оборкой), *незнаю, не кого, невелить, невыдали, неругался* и под.;
- безударные гласные в разных морфемах: *Слышили, валянковъ, дешевинкой, сомоварь, паспарту, вытенеть, честенко, октебря, мезецъ* и под.;
- правописание звонких и глухих согласных: *потписалъ, увести* (=увезти), *черескаму* (=через Каму), *зделатъ, одать, одасть* и под.;
- неупорядоченность в употреблении прописных и строчных букв: *увани, изусоля, маня, у мезенчихи, изъ пожвы, въ перми, покаме; Папа, Мама, Просимъ, Мы, Слышили, Жаловне, Гонѣетовъ, Шуба, Мой, Он;*
- написание мягкого знака (и разделительного, и обозначающего мягкость): *мальненкую, Досвидане, Жаловне, родительское, платя, возмутъ, одяло, кольца, свадьба, возму толко, изУсоля, денги, здоровья, беле* (=белье) и под.;
- правила употребления **ѣ**: адресант использует его крайне редко и применяет верно только в словах *ѣхатъ, присебѣ, Бѣляева;*

- мягкий знак в возвратных формах инфинитива: *венчатся, собратся, пробится, останеся* и под.;
- выбор частиц **не** и **ни** с разными частями речи: *нечего новаго нетъ; не куда не бывала; некуда нехожу нечего незнаю* и под.

Встречаются и иные единичные случаи нарушения других орфографических правил.

На фонетико-грамматическом и лексико-стилистическом уровнях автор проявляет себя как представитель нижней речевой среды провинциального города (просторечия), в которой ощутимо влияние регионального диалекта. В письмах Александры встречаются разнородные диалектно-просторечные элементы:

- фонетические: *гонѣеты; ичо / ѣчо* (=еще); *решоно; узолокъ; сумневется; которы / которо, попутны; можобуть* (=может быть); *продасли* (=продаст ли), *одасть* (=отдаст); *досвидане, одяло;*
- лексико-словообразовательные: *бамазетка* (бумазейка); *жаловне* (=жалование); *камандироватные* (=командировочные); *посиделка* (=сиделка); *опочинить* (=починить); *ростраивать / расстраивать* (=устраивать, приводить в порядок);
- морфологические: *гонѣетовъ, валянковъ; хочемъ; загуляюсь; кланитесь / кланетесь; попутнихъ;*
- собственно лексические, лексико-семантические и фразеологические: *папоужину* (=в послеобеденное время); *прикормить* (=привадить); *венчатся какъ убегомъ; звать нахлеб;*
- синтаксические: семантическое согласование вместо грамматического (*и народъ Пожве все удивятя*); замена предложного управления беспредложным, характерная для русской диалектной речи в коми-пермяцком окружении [Бакланова 2014: 124]: *и народъ Пожве все удивятя; ѣхатъ колошахъ; сходила началнику; сходить болницу; а остальное можно мешкахъ; боится что Перме загуляюсь; все старался тебя* (=для тебя); *собой возму толко узолокъ.*

На синтаксическом уровне также встречаются не единичные случаи нарушения в реализации различных типов связей между членами предложения: *Желаю всего хорошаго а главнаго здоровья; место нетъ; некуда не бывала* и под.

Очевидно, что у Александры отсутствует навык построения монологической письменной речи – как в определении содержания, так и в речевом оформлении эпистолярного нарратива. Об этом свидетельствуют не только фраза, присутствующая в конце двух писем (*незнаю что*

писать / писать не знаю что), но и наличие во всех трех анализируемых текстах многочисленных структур, свойственных непринужденной обыденной устной речи с ее эллиптичностью, грамматической аморфностью, незавершенностью конструкций, с неразграничением своей и чужой речи: *получили неть посылку мальенькую; бумагъ у него неть не пришли; не знаю замерзнуть неть ноги ~~х~~хатъ колошахъ; Н.Ль. не велитъ ничего вести оставить у Вани; онъ писалъ что все перестроили вкомнатахъ все старался тебя то совсемъ не сталь бы; спрашивалъ когда я поеду поеду приду проводить; некуда не бывала и театръ и картины смотреть не куда; хотела сделать такъ сложить все мешки изъ болшого ящика ли оставить его спосудой; Ваня говрит что место неть оставить негде да оставь где да половину вынуть хотя хорошаго неть но все таки жалко.*

На низкий уровень владения письменной речью указывают многочисленные факты, свидетельствующие, что адресант не понимает разницы между устным и письменным общением. Не имея представления о том, что при письменной коммуникации отсутствуют многие важные компоненты устного ситуативного общения (единство места и времени коммуникантов, интонационное членение фраз, использование мимики и жестов, наличие обратной связи в процессе коммуникации), Александра не осознает необходимости поиска каких-либо средств их компенсации в письменном речи – в частности, например, более четких синтаксических структур и пунктуационного оформления текста. Что касается последнего, то в письмах Александры практически отсутствуют знаки препинания: отмечается редкое и бессистемное использование запятых и точек.

Все перечисленные характеристики писем Александры Мальцевой позволяют квалифицировать ее речевую продукцию как яркий образец текстов естественной письменной речи носителя низовой (просторечной) речевой культуры, которая, по мнению И. В. Шалиной, «характеризуется признаками культурно-социальной отсталости: это нарушение языковых правильностей, бедность языковых ресурсов, стилистическая монотонность, отсутствие проблемы выбора языковых средств, повышенная экспрессивность и др.» [Шалина 2005: 203]. (Все эти особенности, кроме последней, мы наблюдаем в речевой продукции Александры Мальцевой.) Подобная языковая личность не в состоянии реализовать какие-либо конституирующие признаки эпистолярного стиля, за исключением клишированных этикетных фраз приветствия и прощания (*Здравствуйте дорогіе родитли Папа и Мама Просимъ родительское благословеніе; Кланитесь всемъ знакомымъ Досви-*

дане остаемся Живы и здоровы Ваня Саша; досвидане остаемся живы здоровы чего и вамъ желаемъ). По сути, письма Александры представляют собой привычное для нее устное обиходно-бытовое общение, перенесенное на бумагу.

Последнее обстоятельство сказывается в том числе и на тематике писем. Круг тем, затрагиваемых в письмах Александры, ограничивается делами и проблемами повседневной частной жизни – ее и брата Ивана: *Жаловне не получили; денегъ неть у Вани; Шубу и шаль я выкупилабы давно, Ваня посылалъ изъ Пожвы 6 руб. и велель выкупить; Ваня свою шубу выкупилъ давно и коечто купилъ а камадироватныхъ не выдали и дожидается ихъ и хочеть купить троюку а остальные послать папе; Ваня <...> комне ходить честенко то одасть беле стирать то что опочинить; уменя небыло денегъ и пришла к нему Онъ [Ваня] даль и неругался; второй женихъ приходилъ два раза я сказала что дело решено и посланы Метрики; Ваню зовутъ опять туда нахлебы где жить и зовутъ ~~ч~~чо Евдоти еЕгоровны сестра, покуда хочеть остатся на ~~т~~той хозяйка не отъ пускаеть; хотела купить ботинки но денегъ неть одяло какое хочемъ купить ичо нужно.*

Прагматически-бытовым характером отличаются и немногочисленные просьбы в письмах Александры: *Маня купи на юбку бамазенки дешевинкой и шей соборкой и не продасли кто одну подушку нетли у Мезенчихи.*

Процитированные отрывки из писем свидетельствуют о том, насколько жизнь Александры событийно бедна, а интересы ограничены рамками быта. Она ни разу не упоминает ни о достопримечательностях, ни о социально-культурных событиях Перми (кроме единственного посещения новогоднего праздника: *получили неть посылку мальенькую 2 января немного посылала Гоняетовъ которы получила на елке*); и образ жизни Александры в губернском городе исчерпывающе характеризует фраза из ее письма: *въ Перми жить хорошо но все дорого некуда не бывала и театръ и картины смотреть не куда.*

В отличие от брата, чьи письма мы тоже анализировали, Александра не проявляет интереса к подробностям жизни ее родных, близких и друзей, ограничиваясь обобщенно-трафаретными вопросами: *напишите какъ провели праздникъ; Кланитесь всемъ знакомым; кланетесь всемъ.* По ее письмам трудно составить представление о стиле ее эмоциональных отношений с членами семьи, поскольку в текстах практически отсутствует эмотивная составляющая: лишь один раз Александра говорит о своих чувствах, но и эта фраза носит характер попутного замечания: *остаемся живы здоровы чего и вамъ желаемъ, толко скучаю.*

Более подробно (но в той же отстраненно-констатирующей манере) в письмах Александры представлены проблемы, связанные с ее интимными отношениями с Н. Л. Гадовым. Этому отведен значительный объем двух ее писем – сначала о подготовке к предполагаемому венчанию (Н. Ль. <...> велель купить две иконы и два колца а денег не послалъ начто я куплю, и посылаля меня въ Соликамскъ пожитъ боится что Перме загуляюся и спрашивает уВани папоужину гуляюли я ужасно сумнеается; ~~В~~хатъ въ церковь венчатся буду одна не кого нетъ своихъ какъ убегомъ белаго платя нетъ хочу втомъ которо умения мамино серое покупать денегъ нетъ у Вани; не знаю когда будетъ свадьба и какъ буду жить, и народъ Пожве все удивятся что прикормила его), а затем о проблемах, связанных с появлением внебрачного ребенка (незнаю какъ я приеду квамъ сребенкомъ и все узнаютъ и вамъ будетъ не приятно или остатся въ Перми и какъ небутъ пробится сходить болницу непримутъ ли посиделки, а ребенка одать водитса, онъ уже бошой пошолъ восмой мессецъ и начинаетъ ходить). Фрагмент, процитированный последним, показывает: Александра осознает, что нарушила запреты традиционной морали и тем самым запятнала репутацию своей семьи. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в письмах не видно никаких проявлений чувств по отношению к ребенку, как нет и упоминаний ни о его внешности, ни о его поведении, что дополняет психологический облик Александры как человека с пониженной эмоциональностью и – трудно установить – то ли не способного на чувства, то ли не умеющего их выразить.

Если характеризовать внешний облик писем Александры Мальцевой, то их первой яркой особенностью является то, что все они написаны карандашом. Это – с учетом всех остальных известных нам фактов, – по-видимому, указывает на отсутствие у нее навыка письма пером и чернилами, что требовало определенной выучки. В целом письма оформлены аккуратно, строчки ровные, поля неодинаковые, но чаще всего узкие. Признаков саморедактирования – исправлений и вставок над строкой и приписок на полях – практически нет. Почерк достаточно разборчив, хотя плохо сформирован: строчные буквы разнотипны по начертанию, неодинаковы по размеру и написаны с непостоянным углом наклона. Разрывы между буквами в словах отсутствуют. Почерк средний по размеру. По характеру начертания букв (угловатые, округлые и т. п.) почерк адресанта оценить невозможно, поскольку отсутствует единый стиль изображения графем. На основе сделанных наблюдений можно заключить: слабая сформированность у Александры

навыков оформления письменного текста затрудняет почерковедческий анализ ее писем [Особенности почерка].

Таким образом, и признаки почерка, и особенности оформления текста писем Александры Мальцевой коррелируют с общим ощущением аморфности данной исторической языковой личности. У нее отсутствуют не только саморефлексия и собственная шкала ценностей (что является показателем сформированности в человеке личностного начала), но и простейшая эмоциональная оценка окружающих людей и событий. Она не способна выразить в письмах ни своих желаний, ни склонностей, ни интересов, и мы не можем с уверенностью определить, что тому причиной – невладение письменной формой общения или неумение «заглянуть в себя» и осознать свое внутреннее содержание – свои чувства, предпочтения, намерения. Она полностью существует в рамках социокультурных стереотипов традиционного патриархального уклада жизни, являясь его продуктом и воплощая собой всю его косность. Оказавшись вырванной из привычной для нее среды и лишившись ее опоры, Александра не сумела сориентироваться в новых жизненных обстоятельствах. Возможно, свою роль сыграло и «снижение уровня социального контроля», что, по мнению О. Н. Яхно, было характерно для новопоселенцев, прибывающих в крупные города из глубинки [Яхно 2008: 23].

Мы отдаем себе отчет, что реконструированный нами портрет данной исторической языковой личности не может расцениваться как типизированный образ носительницы традиционной культуры, живущей в дореволюционной российской провинции. В нем много таких особенностей, которые, вероятно, обусловлены психотипом индивида, врожденным интеллектуальным потенциалом и, возможно, конкретными обстоятельствами семейной жизни. Знакомство с аналогичной речевой продукцией других жительниц Уральского региона позволяет нам утверждать, что с помощью лингвоперсоналогического исследования мы сможем воссоздать их речевые портреты, выявив характерные черты каждой исторической языковой личности, и затем выйти на уровень типизации – создания обобщенного речевого портрета провинциалки дореволюционной России.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Языковая личность в зеркале эпохи (по рукописным и печатным источникам первой половины XX века): материалы и исследования» № 16-14-59002а(р).

² Здесь и далее при цитировании источников сохраняется графика и орфография оригинала.

Список литературы

Алеврас Н. Н. Специфика провинциального социума дореволюционного Урала в ракурсе социокультурных процессов XVIII – начала XX века // Вестник Челябинского университета. 2009. № 16(154). История. Вып. 32. С. 26–37.

Бакланова И. И. Устойчивые коми-пермяцкие языковые особенности в русской речи Пермского края // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. № 2. С. 121–126. URL: <http://splr.psu.ru/wp-content/uploads/2014/11/Бакланова2014.pdf> (дата обращения: 08.12.2016).

Бординских Г. А. Соликамская энциклопедия / ред. Р. Я. Бординских. Пермь: Агентство «Стиль-МГ», 2013. 266 с.

Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.

Иванцова Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 4(12). Филология. С. 24–32.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

Лебедева Н. Б. Естественная письменная речь: основные понятия и аспекты изучения // Письменная культура народов России: материалы Всерос. науч. конф., 19–21 нояб. 2008 г. / под ред. Б. И. Осипова. Омск: Омск. гос. ун-т, 2008. С. 12–18.

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. О понятии «естественная письменная речь» и перспективах ее изучения // Материалы Междунар. науч. конф. «Проблемы динамической лингвистики», посвящ. 80-летию проф. Л. Н. Мурзина, 12–14 мая 2010 г.; ПГУ, Пермь, 2010. С. 395–401.

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Портрет исторической личности на основе рукописных источников XIX века // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., Пермь, 15 апр. 2014 г. / отв. ред. Н. В. Соловьева, И. И. Русилова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2014а. С. 249–255.

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Реконструкция исторической языковой личности (по данным эпистолярных текстов XIX века) // Лингвокультурные феномены в коммуникативном пространстве полиэтнического региона: материалы I Междунар. науч. конф. (Ростов н/Д, 5–7 нояб. 2014 г.) / под общ. ред. Е. А. Жуковой, И. В. Ковтуненко, Е. В. Маслаковой, О. М. Холомеенко. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2014 б. С. 309–314.

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Портрет исторической языковой личности купца И. С. Щего-

лихина (на материале эпистолярных текстов начала XX века) // Слово и текст в свете современных исследований филологических наук: сб. науч. тр. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф., 30 апр. 2016 г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. С. 94–102.

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Речевая культура жителей Северного Прикамья в начале XX века: материалы и исследования. Соликамск: РТО СГПИ, филиал ПГНИУ, 2015. 377 с.

Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 1996. С. 112–116.

Особенности почерка // Почерковедение.ru URL: <http://pocherkovedenie.ru/osobennosti/> (дата обращения: 24.04.2015).

Плесовских Т. С. Лингвоперсонология в контексте антропологического подхода // Science Time. 2014. Вып. № 4(4). С. 173–179.

Система образования на Урале и уровень образованности населения региона до 1917 года / Н. В. Логунова, Л. Л. Мазитова, Е. В. Протасова; науч. ред. Е. В. Протасова. Соликамск: СГПИ, 2013. 223 с.

Шалина И. В. Просторечная речевая культура: стереотипы и ценности // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 35. С. 203–216.

Яхно О. Н. Провинциальный город на рубеже XIX–XX вв.: противоречивая повседневность // Уральский исторический вестник. 2008. № 1(18). С. 19–25.

References

Alevras N. N. Spetsifika provintsial'nogo sotsi-uma dorevolutsionnogo Urala v rakurse sotsio-kul'turnykh protsessov XVIII – nachala XX veka [The specific character of the provincial society in pre-revolutionary Urals in the frame of social and cultural processes in XVIII – the beginning of XX centuries]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta*. Istoriya [Bulletin of Chelyabinsk State University. History], 2009, issue 16(154), pp. 26–37.

Baklanova I. I. Ustoychivye komi-permyatskie yazykovye osobennosti v russkoy rechi Permskogo kraja [Stable Komi-Permyak linguistic peculiarities in Perm Krai Russian speech]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio- and psycholinguistic studies], 2014, issue 2, pp. 121–126. Available at: <http://splr.psu.ru/wp-content/uploads/2014/11/Бакланова2014.pdf> (accessed 08.12.2016).

Bordinskikh G. A. *Solikamskaya entsiklopediya* [Solikamsk Encyclopedia]. Ed. by R. Ja. Bordinskikh. Perm, Agentstvo “Stil'-MG” Publ., 2013. 266 p.

Ivantsova E. V. *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The phenomenon of the dialect language

personality]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2002. 312 p.

Ivantsova E. V. O termine “yazykovaya lichnost’”: istoki, problemy, perspektivy ispol’zovaniya [On the term of “language personality”: origin, problems, outlooks]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2010, issue 4(12), pp. 24–32.

Karaulov Ju. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost’* [The Russian language and linguistic personality]. Moscow, LKI Publ., 2010. 264 p.

Lebedeva N. B. Estestvennaya pis’mennaya rech’: osnovnye ponyatiya i aspekty izucheniya [Natural written speech: basic concepts and aspects of the study]. *Pis’mennaya kul’tura narodov Rossii: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii 19–21 noyabrya 2008 g.* [Written culture of the peoples of Russia: Proceedings of the all-Russian scientific conference, November 19–21, 2008]. Ed. by B. I. Osipov. Omsk State University Publ., 2008, pp. 12–18.

Logunova N. V., Mazitova L. L. O ponyatii “estestvennaya pis’mennaya rech’” i perspektivakh ee izucheniya [On the concept of “natural written speech” and prospects of its studying]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “Problemy dinamicheskoy lingvistiki”, posvyashhennoy 80-letiyu professora L. N. Murzina, 12–14 maya 2010 g.* [Proceedings of the International scientific conference “Issues of dynamic linguistics”, dedicated to the 80th anniversary of Professor L. N. Murzin, May 12–14, 2010]. Perm, Perm University Press, pp. 395–401.

Logunova N. V., Mazitova L. L. Portret istoricheskoy lichnosti na osnove rukopisnykh istochnikov XIX veka [A portrait of historical personality based on handwritten sources of the 19th century]. *Filologiya v XXI veke: metody, problemy, idei: Materialy II Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf., 15 aprelja 2014 g.* [Philology in the 21st century: methods, problems and ideas: Proceedings of the 2nd all-Russian (with the International participation) science conference, April 15, 2014]. Ed. by N. V. Solov’eva, I. I. Rusinova. Perm, Perm University Press, 2014, pp. 249–255.

Logunova N. V., Mazitova L. L. Rekonstruktsiya istoricheskoy yazykovoy lichnosti (po dannym epistoljarnykh tekstov XIX veka) [The reconstruction of historical linguistic personality (based on epistolary texts of the 19th century)]. *Lingvokul’turnye fenomeny v kommunikativnom prostranstve polietnicheskogo regiona: Materialy I Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Rostov-na-Donu, 5–7 noyabrja 2014 g.)* [Linguocultural phenomena in the communicative space of a polyethnic region: Proceedings of the 1st International scientific conference (Rostov-on-Don, November 5–7, 2014)]. Ed. by E. A. Zhukova, I. V. Kovtunenکو, E. V. Maslakova,

O. M. Kholomeenko. Rostov-on-Don, Southern Federal University Publ., 2014, pp. 309–314.

Logunova N. V., Mazitova L. L. Portret istoricheskoy yazykovoy lichnosti kuptsa I. S. Shchegolikhina (na materiale epistoljarnykh tekstov nachala XX veka) [A portrait of the historical language person of the merchant I. S. Shchegolikhin (based on epistolary texts of the early 19th century)]. *Slovo i tekst v svete sovremennykh issledovaniy filologicheskikh nauk: Sbornik nauchnykh trudov po materialam I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 30 aprelya 2016 g.* [The word and text in the context of modern research in philology: Proceedings of the 1st International scientific-practical conference, April 30, 2016]. Nizhny Novgorod, NOO “Professional’naya nauka” Publ., 2016, pp. 94–102.

Logunova N. V., Mazitova L. L. *Rechevaya kul’tura zhiteley Severnogo Prikam’ya v nachale XX veka: Materialy i issledovaniya: monografiya* [The speech habits of the North Prikamye residents in the early 20th century: Materials and Research: a monograph]. Solikamsk, Solikamsk State Pedagogical Institute (the branch of Perm State University) Publ., 2015. 377 p.

Neroznak V. P. Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny [Linguistic personology: to the determination of the status of the discipline]. *Jazyk. Poetika. Perevod. Sbornik nauchnykh trudov* [Language. Poetics. Translation. Collection of scientific papers]. Moscow, Moscow State Linguistic University Publ., 1996, pp. 112–116.

Osobennosti pocherka [The features of handwriting]. Available at: <http://reset.ivanovo.ac.ru/courses/6-lectures/34-samoident> (accessed 24.04.2015).

Plesovskikh T. S. Lingvopersonologiya v kontekste antropologicheskogo podkhoda [Linguistic personology in the context of anthropological approach]. *Science Time*, 2014, issue 4(4), pp. 173–179.

Logunova N. V., Mazitova L. L., Protasova E. V. *Sistema obrazovaniya na Urale i uroven’ obrazovannosti naseleniya regiona do 1917 goda: monografiya* [The educational system in the Urals and the level of education of the region’s population before 1917: a monograph]. Ed. by E. V. Protasova. Solikamsk, Solikamsk State Pedagogical Institute Publ., 2013. 223 p.

Shalina I. V. Prostorechnaya rechevaya kul’tura: stereotipy i tsennosti [Vernacular language culture: stereotypes and values]. *Izvestiya Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia of Ural Federal University]. Ekaterinburg, 2005, issue 35, pp. 203–216.

Jakhno O. N. Provintsial’nyy gorod na rubezhe XIX–XX vv.: protivorechivaya povsednevnost’ [Provincial city at the turn of the 20th century: contradictions of everyday life]. *Ural’skiy istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal], issue 1(18), 2008, pp. 19–25.

A PROVINCIAL WOMAN IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: SPEECH PORTRAIT

Natalia V. Logunova

**Associate Professor in the Department of Social Disciplines and Humanities
Solikamsk State Pedagogical Institute (the branch of Perm State University)**

Larisa L. Mazitova

**Associate Professor in the Department of Social Disciplines and Humanities
Solikamsk State Pedagogical Institute (the branch of Perm State University)**

This article represents an attempt to reconstruct a historical linguistic persona of the resident of the Solikamsk town Alexandra Vasilievna Mal'tseva on the basis of three of her letters to her parents written in 1909–1911. The purpose and objectives of the description are determined by the linguistic personology approach to the research object, being a representative of a lower type of speech culture than the elite one. The gender component of the research, which is a reconstruction of the image of a woman's linguistic persona, is actualized by the fact that in regional manuscript archives of the 19th – early 20th centuries the total amount of female speech products is much less compared with male ones.

The subject of the analysis embraces thematic preferences, peculiarities of the style and manner of narration, speech competence of the addresser reflected in text, as well as external characteristics of the letters. It allows for revealing the constitutive features of the given historical linguistic persona – a representative of provincial petty bourgeoisie, ordinary language consciousness and the type of traditional culture which largely determined the social face of the Ural region. The results obtained fill the gap in linguistic studies concerning reconstruction of a speech portrait of a woman from pre-revolutionary Russia.

Key words: linguistic personology; historical linguistic persona; epistolary text; speech competences; speech culture.

УДК 81'139
doi 10.17072/2037-6681-2017-1-46-52

ОЦЕНКА СООТВЕТСТВИЯ ПРОЦЕДУРЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ МЕТАФОРЫ MIPVU КРИТЕРИЯМ ПОДЛИННОЙ НАУЧНОСТИ МЕТОДА¹

Светлана Леонидовна Мишланова

д. филол. н., профессор, зав. кафедрой лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. mishlanovas@mail.ru

SPIN-код: 4043-5532

ORCID: 0000-0003-3332-9753

ResearcherID: D-6537-2017

Мария Владимировна Суворова

преподаватель кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. suvorovamary@yandex.ru

SPIN-код: 2544-7688

ORCID: 0000-0003-4957-8738

ResearcherID: D-7208-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мишланова С. Л., Суворова М. В. Оценка соответствия процедуры идентификации метафоры MIPVU критериям подлинной научности метода // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 46–52. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-46-52

Please cite this article in English as:

Mishlanova S. L., Suvorova M. V. Otsenka sootvetstviya protsedury identifikatsii metafory MIPVU kriteriyam podlinnoy nauchnosti metoda [Evaluation of Metaphor Identification Procedure VU (MIPVU) by the Criteria of a Truly Scientific Method]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 1, pp. 46–52. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-46-52 (In Russ.)

В связи с растущим интересом когнитивной лингвистики к метафорическим структурам в языке, дискурсе и мышлении проблема идентификации метафоры в тексте становится все более актуальной. Разработано много методов, позволяющих решать эту проблему с разной степенью точности. Однако следует отметить, что в основе создаваемых методов лежат различные теории, а при разработке алгоритмов ставятся разные цели, например, автоматизация процедуры идентификации метафоры.

Для того чтобы при проведении исследования выбрать наиболее надежный метод, необходимо оценить существующие методы по ряду критериев, которые помогут определить степень их научности. Данная статья посвящена оценке соответствия процедуры идентификации метафоры, разработанной Свободным Университетом Амстердама (MIPVU), девяти критериям подлинной научности метода, принятым в отечественной науке. Анализ изучаемого соответствия предшествует описанию основных шагов, входящих в процедуру идентификации метафоры, и разбор небольшого контекста функционирования метафоры, поэтому данная статья может быть использована также для первичного ознакомления с содержанием MIPVU.

Ключевые слова: метафора; идентификация метафоры; метафора в языке; MIPVU; пятишаговый анализ.

Исследование метафоры в последние десятилетия стало одним из самых распространенных направлений в когнитивной лингвистике. Несмотря на то что эти исследования базировались на соотношении языка и мышления и моделировании знаний о мире посредством метафоры, проблемой стало идентифицировать метафоры в изучаемых текстах.

Попытки решить эту проблему привели к созданию разнообразных алгоритмов идентификации метафоры, которые различаются как по теоретическим основаниям, так и процедурно.

Теоретические основы создания алгоритмов идентификации метафоры могут быть различными. Многие исследователи [Light & Greiff 2002; Ноеу 1995] исходят из алгоритма *selectional preference* – ограничение сочетаемости слов. Метафорическими считаются те употребления, которые преодолевают эти ограничения (*metaphorical language use “violates” the constraints* [Neuman et al. 2013]). Процедурно алгоритмы, построенные на поиске нарушения сочетаемости, отличаются тем, что обязательно включают этап статистического подсчета значимости совместной встречаемости слов.

Другие исследователи [Steen et al. 2010; Krennmayr 2011; Cienki 2010; Neuman et al. 2013] разрабатывают алгоритмы идентификации метафоры, опираясь на достижения теории метафоры, которую в конце прошлого столетия представили Дж. Лакофф и М. Джонсон [Lakoff, Johnson 1980]. В рамках этой теории контекстуальные значения исследуемых единиц сопоставляются с теми значениями этих единиц, которые непосредственно обусловлены сенсомоторным опытом человека. Такое воззрение уходит корнями глубоко в историю науки. В частности, стоит особо упомянуть размышления английского философа Дж. Локка, который писал, что *слова, которыми пользуются для обозначения действий и понятий, весьма далекие от чувства, происходят из этого источника* [Локк 1985: 60]. В более широком смысле такой взгляд на метафору основывается на сведениях об особенностях процесса человеческого познания, которое предполагает осмысление нового в понятиях известного, абстрактного – в понятиях конкретного. Так, например, быстрое чтение книги может быть описано с привлечением образа быстрого проглатывания пищи, ср.: *она проглотила книгу – она проглотила пирожное*. По мнению Г. Стейна, когнитивная лингвистика рассматривает метафору в языке как отражение метафоры в сознании: метафора необходима нам, чтобы проецировать концептуальные структуры из относительно более конкретных, простых и известных областей на области более абстрактные, сложные и неизвестные [Steen 2014].

Среди тех методик идентификации метафоры, в основу которых положена теория Лакоффа–Джонсона, особо выделяются MIPVU – процедура идентификации метафоры, разработанная учеными Свободного Университета Амстердама, – и опирающийся на нее метод пятишагового анализа. Цель исследования, представленного в данной статье, – оценить соответствие MIPVU девяти критериям подлинной научности, разработанным И. Н. Кузнецовым и М. Ф. Шклярком, и тем самым обосновать ценность MIPVU для исследования языковой метафоры. При рассмотрении отдельных критериев нами будут упомянуты и другие алгоритмы идентификации метафоры с указанием на их достоинства и недостатки по отношению к MIPVU: алгоритм наложения конкретных категорий Й. Ноймана, алгоритм П. Терни и др.

Прежде чем обосновывать ценность MIPVU, опишем шаги, входящие в данную процедуру, и приведем пример анализа контекста функционирования метафоры с ее помощью.

Итак, MIPVU состоит из четырех этапов:

- 1) чтение текста;
- 2) определение лексических единиц, составляющих данный текст;
- 3а) определение контекстуального значения каждой лексической единицы текста;
- 3б) определение современного базового значения каждой лексической единицы;
- 3в) выявление контрастности и сходства контекстуального и базового значений лексической единицы;
- 4) маркирование лексической единицы как метафоры при наличии контрастности и сходства контекстуального и базового значений [Steen et al. 2010].

Проанализируем следующий контекст с помощью MIPVU:

Only time <...> will tell [Hawking 2001: 3].

В данном предложении выделим лексические единицы *only, time, will tell*. Опустим показатель будущего времени *will* и приведем контекстуальные и базовые значения указанных единиц на основе статей словаря Macmillan:

1) *only* имеет контекстуальное значение *used for showing that a statement does not apply to anything or anyone else except the person, thing, action, place etc. that you are mentioning*, и базовое значение совпадает с контекстуальным;

2) *time* имеет базовое и контекстуальное значения *the quantity that you measure using a clock*;

3) *tell* имеет контекстуальное значение *if something such as a fact, event, or piece of equipment tells you something, it gives or shows you some information* и базовое значение *if you tell a story*

or a joke, you give someone a spoken account of it [Macmillan Dictionary].

В случаях 1 и 2 базовое и контекстуальное значения совпадают, значит, нельзя говорить о контрастности значений и, соответственно, о метафорическом словоупотреблении. В случае 3 контекстуальное и базовое значения не совпадают. Базовое значение связано со звучащей речью, что предполагает человека в качестве субъекта, тогда как в данном контексте субъектом является время, т.е. налицо случай олицетворения времени и употребления глагола *to tell* метафорически – не человек рассказывает, а время сообщает некую информацию. При разметке корпуса пометам (метафора) ставится только напротив глагола, поскольку технически только он употреблен в непрямом значении.

Приведенный разбор контекста иллюстрирует процесс метафорической разметки текста с использованием MIPVU. Понимается, чем длиннее контекст, чем сложнее синтаксис, чем глубже смысловые связи между контекстами в рамках одного текста, тем больше вопросов возникает перед исследователем. Часть из них будет рассмотрена ниже.

Теперь, представляя себе общий ход анализа, обратимся к критериям научности, по которым мы будем оценивать MIPVU. И. Н. Кузнецов и М. Ф. Шкляр сформулировали 9 основных общих требований, предъявляемых к подлинно научному методу:

- 1) детерминированность метода теорией, объектом и предметом исследования;
- 2) заданность метода целеустановкой исследователя;
- 3) результативность и надежность;
- 4) экономичность и эффективность метода;
- 5) ясность и эффективная распознаваемость метода;
- 6) воспроизводимость метода;
- 7) обучаемость методу;
- 8) допустимость с точки зрения морали и права;
- 9) безопасность для здоровья и жизни людей [Кузнецов 2006: 14; Шкляр 2009: 101].

Рассмотрим каждый из этих критериев в отдельности и оценим по ним методику MIPVU в сравнении с рядом других методик идентификации метафоры.

Первый критерий – это детерминированность метода теорией, а также объектом и предметом исследования. Методику MIPVU можно в полной мере считать детерминированной теорией концептуальной метафоры и ее взглядами на метафору как когнитивный механизм и – шире – человеческое познание. Упомянутый выше когнитивный переход к абстрактному через кон-

кретное, к новому через известное, который отражается в виде метафоры, положен в основу методики MIPVU. Это становится очевидным, если еще раз рассмотреть входящие в нее шаги 3 и 4: они направлены на выявление и сопоставление контекстуального и базового значений. Последнее устанавливается путем анализа словарных дефиниций. Базовым считается значение, наиболее тесно связанное с сенсомоторным опытом человека. Если контекстуальное значение более абстрактно, но все же может быть понято на основе базового, то лексическая единица маркируется как метафора. Примером подобного контраста и сходства, помимо приведенного выше случая с глаголом *to tell*, могут служить пространственно-временные метафоры. Например, в предложении *I'm looking forward to hearing from you* слово *forward* употреблено в отношении ко времени, тогда как базовым значением является пространственное – движение вперед (например: *A car moved forward a little*). Однако можно легко понять временное значение на основе пространственного: человек «смотрит» на событие в будущем так же, как он смотрел бы на расположенный впереди него в пространстве объект.

Не только MIPVU, но и остальные рассматриваемые нами в рамках данной статьи алгоритмы идентификации метафоры имеют свои теоретические основания, которым они вполне адекватны.

Второй критерий – это *заданность метода целеустановкой исследователя, включенной в «тело» метода* [Комарова 2012: 225], что обуславливает его адекватность целям исследования. Методика MIPVU соответствует этому критерию, поскольку направлена на поиск метафоры, понимаемой как когнитивный механизм осмысления абстрактного через конкретное, нового через известное. Методы, которые основаны на теории сочетаемости (*selectional preference*), всегда включают в себя шаги, позволяющие оценить статистическую значимость совместной встречаемости слов. Этот шаг необходим, поскольку, не установив предварительно границ сочетаемости, невозможно искать нарушения этих границ. По этой причине их также можно считать заданными целеустановкой исследователя.

Третий критерий – это результативность и надежность метода. Суть этого критерия состоит в том, что он должен быть таким по своим «разрешающим» способностям, чтобы мог однозначно давать результат с высокой степенью вероятности [Комарова 2012: 225]. Ряд существующих методик идентификации метафоры не соответствуют этому требованию. Результативность их применения значительно ограничена тем, что они разрабатываются специально для

изучения конструкций определенного типа. Так, методика П. Терни применима к конструкциям «прилагательное + существительное», методика Мэйсона – к конструкциям, содержащим глагол, поскольку основана на правилах сочетаемости глаголов [Neuman et al. 2013]. Методика Й. Ноймана – алгоритм наложения конкретных категорий – применима в большем количестве случаев [ibid]. Авторы методики основываются на классификации типов метафоры, предложенной С. Кришнакумараном и С. Жу, которые выделяют три типа метафорических конструкций: конструкции с глаголом *быть*, конструкции «субъект + предикат + объект» и сочетания «объект + атрибут» [ibid]. Сами авторы алгоритма наложения конкретных категорий признают, что это далеко не полный перечень подлежащих анализу конструкций. Действительно, ряд концептуальных метафор нашел отражение, например, в системе предлогов, что особенно актуально для метафоры ВРЕМЯ КАК ПРОСТРАНСТВО. Процедура MIPVU позволяет идентифицировать метафорическое употребление слов любой части речи в любых конструкциях и контекстах.

Еще одна проблема, касающаяся результативности и надежности методик идентификации метафоры, заключается в том, что в ряде случаев эти методики приводят к ошибочным результатам. Рассмотрим подробнее возможные ошибки и погрешности.

Обратимся в первую очередь к методике, которая многими исследователями признается канонической (state-of-the-art) [ibid]. Авторы этой методики – группа ученых под руководством П. Терни. В основу поиска метафорических употреблений авторы положили степень абстрактности входящих во фразу существительных. Пыска, из которой они исходят, такова: чаще всего абстрактное существительное бывает описано посредством конкретной лексики. Такие фразы, в которых этот принцип описания соблюдается, признаются метафорическими. В случае с такими словосочетаниями, как *темное прошлое*, *белая магия* и т.п., данный алгоритм идентификации работает практически безотказно. Однако, как показал в своем исследовании Д. Ассаф, ошибки возникают тогда, когда конкретное по значению существительное само по себе употреблено метонимически или метафорически. Например, алгоритм классифицирует словосочетание *разбитое сердце* как неметафорическое, поскольку существительное *сердце* этим алгоритмом считается конкретным [ibid].

Общей проблемой алгоритмов, основанных на сочетаемости (*selectional preference*), является тот факт, что базовое значение слов далеко не

всегда является самым частотным в употреблении. Й. Нойман приводит пример прилагательного *great* – большой, великий. Базовым является значение, связанное с физическими размерами объектов, а метафорическим – значение, связанное со значимостью событий. Тем не менее именно переносное значение данного прилагательного является наиболее частотным [ibid].

MIPVU позволяет избежать подобных погрешностей, поскольку представляет собой сплошной подробный качественный анализ изучаемого текста. Однако в связи с этой ее особенностью возникает наблюдение, касающееся четвертого критерия подлинно научного метода.

Четвертый критерий – это экономичность и эффективность метода, т. е. *затраты на использование метода должны окупаться полученными результатами исследования, а путь к получению этих результатов – [быть] короче* [Комарова 2012: 225]. На данный момент использование MIPVU предполагает вычитывание массивов текста самим исследователем, поскольку формализация этого метода пока находится на стадии разработки. Многие другие методики исходят хотя бы из частичной автоматической обработки текста, однако тот факт, что работа алгоритма иногда приводит к вышеуказанным ошибкам, позволяет предположить, что исследователю так или иначе приходится перепроверять результаты вручную. Что касается MIPVU, то стоит отметить, что в тех исследованиях, которые предлагают изучение конкретной концептуальной или лингвистической метафоры на материале корпуса, возможно разумное сокращение анализируемого материала посредством использования различных способов поиска информации в корпусе. Применительно к корпусным исследованиям метафоры эти способы кратко и ёмко описаны в статье А. Штефановича [Stefanowitsch 2006: 2–4].

Пятый критерий – ясность и эффективная распознаваемость метода – определяется через возможность любым исследователем пользоваться им при соответствующей подготовке. Рассматривая соответствие различных методик идентификации метафоры этому критерию, стоит отметить, что все они довольно подробно описаны авторами в соответствующих статьях и монографиях и поэтому можно говорить об их ясности и распознаваемости.

Что касается воспроизводимости, то MIPVU, алгоритм наложения конкретных категорий, и алгоритм Терни могут быть задействованы неограниченное количество раз одним или различными исследователями, тогда как, например, алгоритм, разрабатываемый Дж. Мартином, предполагает разработку новых правил для каждого конкретного исследования [Neuman et al. 2013].

С критериями распознаваемости и воспроизводимости метода тесно связан параметр обучаемости методу. Что касается обучаемости, то MIPVU выгодно отличается от других методов идентификации метафоры тем, что предполагает всего четыре шага, следование которым позволяет обнаруживать метафорические употребления в абсолютно любых конструкциях в любых текстах. Как показала практика изучения MIPVU в рамках ежегодной Школы метафоры в Пермском университете, в общем и целом недельного интенсивного тренинга вполне достаточно, чтобы научиться успешно пользоваться процедурой [Suvorova, Mishlanova 2014: 13].

Безусловно, перед исследователем, применяющим MIPVU, возникают определенные трудности. Например, не всегда удается определить базовое значение лексической единицы, поскольку иногда сразу несколько значений так или иначе связаны с сенсомоторным опытом человека и нельзя установить, какое из значений связано с ним сильнее. Данную трудность предлагается разрешать, указывая сразу несколько значений единицы в качестве базовых [Badryzlova, Isaeva, Shekhtman, Kerimov 2013].

Для того чтобы минимизировать количество ошибок, возникающих по различным субъективным и объективным причинам (в особенности на этапе обучения), можно, например, анализировать один и тот же набор контекстов в небольших группах, работая сначала индивидуально, а затем сопоставляя результаты работы с результатами коллег. Именно так тестировалась процедура на этапе разработки. Ее конечный вариант, представленный выше, показывает высокий уровень согласия экспертов (Fleiss' Карра 0.84 [www2.let.vu.nl/oz/metaphorlab/metcor/documentation/MIPVU]), что свидетельствует об объективности получаемых результатов.

Все рассматриваемые методы допустимы с точки зрения морали и права и не представляют угрозы здоровью и жизни людей.

Таким образом, MIPVU соответствует всем девяти критериям, по которым можно оценивать метод на предмет подлинной научности. Продолжать исследование, начатое с помощью MIPVU, целесообразно с помощью метода пятишагового анализа метафоры, разработанного Г. Стейном. Этот метод так же, как и MIPVU, отвечает основным критериям подлинно научного метода [Суворова, Мишланова 2015] и соответствует пониманию метафоры как когнитивного механизма. В совокупности MIPVU и пятишаговый анализ позволяют переходить от метафоры в языке к метафоре в мысли, что открывает широкие возможности для исследования метафорической природы языка и мышления.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проекты № 16-13-59006, № 16-16-59009).

Список литературы

Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. 818 с.

Кузнецов И. Н. Диссертационные работы: Методика подготовки и оформления: учеб.-метод. пособие. М.: Дашков и К°, 2006. 452 с.

Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения: в 3 т. / под ред. И. С. Нарского. М.: Мысль, 1985. Т. 1. 623 с.

Мишланова С. Л., Исаева Е. В., Полякова С. В. Комплексный подход к изучению метафоры: от знаковой системы к когнитивным процессам // Лингвистические чтения – 2012. Пермь: Изд-во Прикамского социал. ин-та, 2012. Цикл 8: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 15 февраля 2012 г.). С. 64–72.

Суворова М. В., Мишланова С. Л. Оценка соответствия метода пятишагового анализа метафоры требованиям, предъявляемым к подлинно научному методу // Вестник молодых ученых ПГНИУ: сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Бячкова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015. Вып. 5. С. 289–293. 18, Мб. 1 эл. опт. диск (CD-ROM); 12 см.

Шкляр М. Ф. Методологические основы научных исследований (экономические науки) // Основы научных исследований: учеб. пособие. М.: Дашков и К., 2009.

Badryzlova Yu., Isaeva E., Shekhtman N., Kerimov R. Annotating a Russian corpus of conceptual metaphor: a bottom-up approach // Proceedings of the First Workshop on Metaphor in NLP. P. 77–86, Atlanta, Georgia, 13 June 2013. URL: <http://www.aclweb.org/anthology/W13-0910> (дата обращения: 03.06.2016).

Cienki A. Multimodal Metaphor Analysis // Metaphor Analysis: Research Practice in Applied Linguistics, Social Sciences and the Humanities / ed. by Lynne Cameron, Robert Maslen. Great Britain: Equinox Publishing, 2010.

Hawking S. A Brief History of Time 2001. 101 p. URL: http://www.fisica.net/relatividade/stephen_hawking_a_brief_history_of_time.pdf (дата обращения: 10.06.2016).

Hoey M. Lexical priming: A new theory of words and language: London: Routledge, 1995.

Krennmayr T. Metaphor in newspapers. LOT Dissertation Series, 276. Utrecht: LOT, 2011.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Light M., Greiff W. Statistical models for the induction and use of selectional preferences. Cognitive

Sci 26(3): 269–281, 2002. doi: 10.1207/s15516709cog2603_4.

Macmillan Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 10.05.2016).

MIPVU. MetaphorLab, VU Amsterdam (Official Web site). URL: <http://www2.let.vu.nl/oz/metaphorlab/metcor/documentation/MIPVU.html> (дата обращения: 10.06.2016).

Neuman Y., Assaf D., Cohen Y., Last M., Argamon S., Howard N. et al. Metaphor Identification in Large Texts Corpora. *PLoS ONE* 8(4): e62343, 2013. doi:10.1371/journal.pone.0062343.

Steen G. J., Dorst A. G., Kaal A. A., Herrmann J. B. & Krennmayr T. A method for linguistic metaphor identification: From MIP to MIPVU. Amsterdam: Benjamins, 2010.

Steen G. J. Translating metaphor: What's the problem? // *Translating figurative language* / D. R. Miller and E. Monti (eds.). Bologna: Alma Mater Digital Library, 2014. P. 1–24.

Stefanowitsch A. Corpus-based approaches to metaphor and metonymy // *Corpus-based approaches to metaphor and metonymy*, Trends in Linguistics / A. Stefanowitsch & S. T. Gries (eds.). Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 2006. P. 1–16.

Suvorova M. V., Mishlanova S. L. The 2nd International Summer School – Metaphor in Science and Arts // RaAM newsletter. No. 15. RaAM Official Web site, 2014. P. 13. URL: <http://www.raam.org.uk/wp-content/uploads/2014/10/newsletter-FALL-2014.pdf> (дата обращения: 24.06.2016).

References

Komarova Z. I. *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike: uchebnoe posobie* [Methodology, method, technique and technology of linguistic research: tutorial]. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2012. 818 p.

Kuznetsov I. N. *Dissertacionnye raboty: Metodika podgotovki i oformleniya: uchebno-metodicheskoe posobie* [Dissertations: Writing and design techniques: tutorial]. Moscow, Dashkov i K^o Publ., 2006. 452 p.

Locke J. Opyt o chelovecheskom razumenii [Essay Concerning Human Understanding]. *Sochineniya: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols.]. Ed. by I. S. Nar-skij. Moscow, Mysl' Publ., 1985, vol. 1. 623 p.

Mishlanova S. L., Isaeva E. V., Polyakova S. V. Kompleksnyy podkhod k izucheniyu metafory: ot znakovoy sistemy k kognitivnym protsessam [An integrated approach to the metaphor studies: from the semiotic system to the cognitive processes]. *Lingvisticheskie chteniya – 2012*. Tsikl 8: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Perm', 15 fevralya 2012 g.) [Linguistic Readings – 2012. Series 8: Proceedings of the International scientific-practical con-

ference (Perm, February 15, 2012)]. Perm, Prikamye Social Institute Publ., 2012, pp. 64–72.

Suvorova M. V., Mishlanova S. L. Otsenka sootvetstviya metoda pyatishagovogo analiza metafory trebovaniyam, pred'yavlyаемym k podlinno nauchnomu metodu [The evaluation of the Five-step metaphor analysis by the criteria of a truly scientific method]. *Vestnik molodykh uchenykh PGNIU* [PSU Young Researchers Herald]. Ed. by V. A. Byachkova. Perm, Perm State University, 2015, vol. 5, pp. 289–293. 18,1 Mb. 1 el. opt. disk (CD-ROM); 12 cm.

Shklyar M. F. Metodologicheskie osnovy nauchnykh issledovaniy (ekonomicheskie nauki) [Methodological basis of scientific research (economics)]. *Osnovy nauchnykh issledovaniy: uchebnoe posobie* [Principles of scientific research: tutorial]. Moscow, Dashkov i K^o Publ., 2009.

Badryzlova Yu., Isaeva E., Shekhtman N., Kerimov R. Annotating a Russian corpus of conceptual metaphor: a bottom-up approach. *Proceedings of the First Workshop on Metaphor in NLP*. Atlanta, Georgia, 13 June 2013, pp. 77–86. Available at: <http://www.aclweb.org/anthology/W13-0910> (accessed 03.06.2016).

Cienki A. Multimodal Metaphor Analysis. *Metaphor Analysis: Research Practice in Applied Linguistics, Social Sciences and the Humanities*. Ed. by Lynne Cameron, Robert Maslen. Great Britain, Equinox Publishing, 2010.

Hawking S. *A Brief History of Time*. 2001. 101 p. Available at: http://www.fisica.net/relatividade/stehen_hawking_a_brief_history_of_time.pdf (accessed 10.06.2016).

Hoey M. *Lexical priming: A new theory of words and language*. London, Routledge, 1995.

Krennmayr T. *Metaphor in newspapers*. LOT Dissertation Series, 276. Utrecht, LOT, 2011.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, University of Chicago Press, 1980.

Light M., Greiff W. Statistical models for the induction and use of selectional preferences. *Cognitive Sci.* 26(3): 269–281, 2002. doi: 10.1207/s15516709cog2603_4.

Macmillan Dictionary Online. Available at: <http://www.macmillandictionary.com/> (accessed 10.05.2016).

MIPVU. MetaphorLab, VU Amsterdam (Official Web site). Available at: <http://www2.let.vu.nl/oz/metaphorlab/metcor/documentation/MIPVU.html> (accessed 10.06.2016).

Neuman Y., Assaf D., Cohen Y., Last M., Argamon S., Howard N., et al. Metaphor Identification in Large Texts Corpora. *PLoS ONE*. 8(4): e62343, 2013. doi:10.1371/journal.pone.0062343.

Steen G. J., Dorst A. G., Kaal A. A., Herrmann J. B., Krennmayr T. *A method for linguistic*

metaphor identification: From MIP to MIPVU. Amsterdam, Benjamins, 2010.

Steen G. J. Translating metaphor: What's the problem? *Translating figurative language*. Ed. by D. R. Miller and E. Monti. Bologna, Alma Mater Digital Library, 2014, pp. 11–24.

Stefanowitsch A. Corpus-based approaches to metaphor and metonymy. *Corpus-based approaches*

to metaphor and metonymy, Trends in Linguistics. Ed. by A. Stefanowitsch, S. T. Gries. Berlin & New York, Mouton de Gruyter, 2006, pp. 1–16.

Suvorova M. V., Mishlanova S. L. The 2nd International Summer School – Metaphor in Science and Arts. *RaAM newsletter*, 2014, no. 15. p. 13. Available at: <http://www.raam.org.uk/wp-content/uploads/2014/10/newsletter-FALL-2014.pdf> (accessed 24.06.2016).

EVALUATION OF METAPHOR IDENTIFICATION PROCEDURE VU (MIPVU) BY THE CRITERIA OF A TRULY SCIENTIFIC METHOD

Svetlana L. Mishlanova

Professor, Head of the Department of Linguodidactics
Perm State University

Maria V. Suvorova

Lecturer in the Department of Linguodidactics
Perm State University

Due to the growing scholarly interest in metaphor in language, discourse, and thought within cognitive linguistics, metaphor identification is now the center of attention. A lot of methods have been developed to identify metaphors with different degrees of accuracy. The algorithms are based on different theoretical premises; their developers pursue various goals, for example, fully automated computer metaphor search.

In order to choose the most reliable method for a given study, it is necessary to evaluate the existing methods by a number of specifically designed criteria. This article is aimed at evaluating Metaphor Identification Procedure VU (MIPVU) by nine criteria that in Russian scientific tradition are considered to be useful for determining whether a method is truly scientific. Before the evaluation is given, the essence of MIPVU (including all steps) is described and a context is analyzed with the help of the procedure, so this paper can also be used for initial familiarization with the procedure.

Key words: metaphor; metaphor identification; metaphor in language; MIPVU; five-step analysis.

УДК 811.163.2
doi 10.17072/2037-6681-2017-1-53-62

ПРЕДЛОЖЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ МОТИВАЦИИ С СОЮЗОМ *A TO* И ИХ БОЛГАРСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Анастасия Геннадьевна Мосинец

аспирант кафедры славянской филологии

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. anastasiamos@gmail.com

SPIN-код: 4417-6630

ORCID: 0000-0001-8439-0373

ResearcherID: P-4756-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мосинец А. Г. Предложения альтернативной мотивации с союзом *a to* и их болгарские параллели // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 53–62. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-53-62

Please cite this article in English as:

Mosinets A. G. Predlozheniya al'ternativnoy motivatsii s soyuzom *a to* i ikh bolgarskie paralleli [Alternative Motivation Sentences with the Conjunction *A TO* and their Equivalents in the Bulgarian Language]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 1, pp. 53–62. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-53-62 (In Russ.)

Русский союз *a to* как средство связи в сложном предложении имеет дискуссионный синтаксический статус. Предложения с данным союзом обычно выделяются в особую группу предложений альтернативной мотивации, которые могут выражать дополнительные семантические оттенки причины, условия, следствия и употребляться в различных контекстах, например, побуждения к действию, логического обоснования или указания на нежелательное последствие действия. Это осложняет перевод данного союза на другие языки.

Среди исследователей болгарского языка нет единого мнения о том, существует ли болгарский эквивалент русскому союзу *a to*. Чаще всего в качестве такового называется болгарский союз *че*, способный оформлять синтаксические конструкции, подобные русским предложениям альтернативной мотивации. В статье анализируются причины того, почему, несмотря на близкую семантику болг. *че* и рус. *a to*, эта пара союзов далеко не всегда выступает в качестве эквивалентов при двуязычном переводе, и описываются условия, при которых переводческими соответствиями *a to* являются иные средства связи.

Ключевые слова: сложное предложение; придаточное причины; союзы причины; перевод; болгарский язык; русский язык.

Сложные предложения с союзом *a to* имеют многоплановую семантику, а потому классифицируются в русской грамматической традиции по-разному. Предложения с этим союзом причисляют к сложносочиненным предложениям с разделительными [Русская грамматика 1980; Шелякин 2001; Диброва 2008; Кустова 2013] или противительными отношениями [Валгина 2003]; некоторыми исследователями [Апресян, Пекелис 2012] союз *a to* включается в состав подчинительных союзов следствия; в работе [Пекелис 2015] он рассматривается среди сою-

зов, контаминирующих отношения условия и причины.

В. А. Белошапкина предлагает считать предложения с союзом *a to* особой подгруппой сложносочиненных предложений – предложениями альтернативной мотивации, см.: [Русская грамматика 1980; Диброва 2008; Кустова 2013], обосновывая это решение тем, что в них присутствует в качестве необходимого связующего звена прямо не указанное, но предполагаемое третье действие, которое могло бы реализоваться в случае неосуществления ситуации, названной в пер-

вой части, и являлось бы несовместимым с действием, о котором сообщается во второй части (в первом примере далее это ситуация «выйти из вагона», во втором – «курить в комнате»): *На остановках не выходите, а то загуляетесь и поезд уйдет* (В. Панова); *Выйдем, что ли, на балкон покурить, а то тут ребенок, неудобно* (Е. Герасимов) [Белошапкина 1970: 14]. Согласно В. А. Белошапкиной, союз *а то* может выступать в качестве связи в двух различных типах предложений – предложениях прямой мотивации и мотивации от противного. Это положение и будет лежать в основе разделения тех двух групп примеров, которые мы будем рассматривать ниже.

В болгаристике нет единства в понимании того, какие аналоги русскому союзу *а то* имеются в болгарском языке. Е. А. Захаревич, Г. В. Крылова рассматривают болгарский многозначный союз *че* в функции причинного как прямой эквивалент союза *а то* [Захаревич, Крылова 1978: 64], такое же соответствие приводится в Новом русско-болгарском словаре [Влахов 2004]. В работе [Иванова, Градинарова 2015: 309–310] утверждается, что прямых эквивалентов русскому союзу *а то* не существует. Далее на материале параллельных русско-болгарского и болгарско-русского корпусов мы постараемся прояснить, какие переводческие соответствия выбирают профессиональные болгарские переводчики для передачи семантики русского союза *а то*, а также семантика каких болгарских союзов может передаваться союзом *а то* в профессиональных переводах болгарских произведений на русский язык.

Материал для исследования (88 употреблений союза *а то* в оригинальных предложениях и в переводах с болгарского языка, а также соответствующие им болгарские предложения) был собран методом сплошной выборки из параллельных русско-болгарского и болгарско-русского корпусов¹, включающих художественные и публицистические произведения русских и болгарских писателей XIX и XX вв. и их переводы.

1. Предложения прямой мотивации

1.1. Семантика предложений прямой мотивации

В предложениях прямой мотивации действие, о котором сообщается в первой части, непосредственно мотивируется фактом существования явления, указанного во второй части. Таким образом, первая часть предложения содержит следствие, а во второй части называется его причина [Белошапкина 1970: 19].

Предложения прямой мотивации семантически близки сложным предложениям причины с постпозитивным придаточным, ср.: *Мы зажгли*

свет, а то стемнело. – *Мы зажгли свет, потому что стемнело.* Более того, такие предложения с союзом *а то*, как и сложные предложения с придаточным причины, могут выражать и несобственно-причинное (причинно-аргументирующее) значение: *Она старается быть ловкой и проворной, а то Иван Иванович не держит у себя увальней.* – *Наверное, она старается быть ловкой и проворной, потому что Иван Иванович не держит у себя увальней* [там же: 19–20].

Однако, несмотря на семантическую близость предложений прямой мотивации с союзом *а то* и СПП причины с постпозитивным придаточным, имеются и существенные различия в семантике данных двух типов предложений. Согласно Л. Н. Оркиной, предложения альтернативной мотивации находятся на периферии функционально-семантического поля причины [Оркина 2012: 459]. Известно, что далеко не во всех случаях замена союза причины на союз *а то* является возможной, напр.: *Он любил эту песню, потому что в ней было что-то особенное, щемлящее* [там же: 21]. Это связано с тем, что значение союза *а то* является более широким, чем просто указание на ситуацию, являющуюся причиной другой ситуации [Белошапкина 1970; Урысон 2008; Левонтина 2013 и др.]. Союз *а то*, по наблюдению В. А. Белошапкиной, может выступать эквивалентом союза причины только при определенных семантических условиях, в частности, в тех случаях, когда цель действия первой части – устранить возможное нежелательное последствие явления, указанного во второй части, при условии неосуществления действия первой: *Вера Михайловна предупредила его, чтоб он нагнул голову, потому что на дворе развешаны веревки для сушки белья.* – *Вера Михайловна предупредила его, чтоб он нагнул голову, а то на дворе развешаны веревки для сушки белья.* И. Б. Левонтина уточняет, что союз *а то* может вводить только ту причину, которая содержит указание на реальную или подразумеваемую в контексте данного высказывания нежелательную ситуацию, напр.: *Дай мне путеводитель, а то мне на следующей неделе в Венецию ехать* (подразумевается, что без путеводителя поездка осложнится); ср.: *Можете перезвонить? – а то мне очень дорого и *Давайте я перезвоню. А то мне это бесплатно* [Левонтина 2013: 451].

1.2. Модально-временная структура предложений прямой мотивации

Все предложения альтернативной мотивации являются предложениями закрытой структуры (двучленными) [Кустова 2013: 278]. Основной грамматической особенностью предложений прямой мотивации является модальность реаль-

ного факта второй части. Это значение может быть выражено глагольными формами в настоящем, прошедшем или будущем времени: *Ну, давайте, скорее переодевайтесь, а то вода льет с вас; Вера вспомнила, что тут у нее тетка лежит, царство ей небесное, надо бы навестить, цветочков принести, а то с прошлого лета не была* (Ю. Трифонов); *Побреду, а то скоро светать начнет* (Ю. Казаков) [Белошапкина 1970: 22]. Таким образом, глаголы-сказуемые придаточной части используются в формах изъявительного наклонения. Для предложений с союзом *a to*, выражающих побуждение, характерно употребление глагола в императиве в главной части, однако побуждение может быть выражено и другими языковыми средствами [Теремова 1985: 52–54].

1.3. Болгарские соответствия русскому союзу *a to* в предложениях прямой мотивации

В болгарском языке имеется ряд союзов со значением причины. Основными союзами дифференцированного значения являются союзы *защото* ('потому что'), *понеже* ('поскольку'), *тъй като* ('так как'). Союз *защото* – наиболее распространенный союз для выражения причины в современном болгарском языке. Союзы *защото* и *понеже* стилистически нейтральны, употребление союза *тъй като* более характерно для научного стиля. Союзом недифференцированного значения является союз *че*. Его основная функция – средство связи в сложных предложениях с придаточным изъяснительным. В функции причинного союза *че* стилистически ограничен: предложения с данным союзом получают ярко выраженный народно-разговорный оттенок. Согласно [Захаревич, Крылова 1978], именно союз *че* из всех причинных союзов в болгарском языке может передавать дополнительную семантику того, что действие, обратное выраженному в главной части, находилось бы в противоречии с содержанием придаточной.

Действительно, в нашем материале в 10 из 18 зафиксированных примеров предложений прямой мотивации в обоих корпусах эквивалентом русскому *a to* в значении причины выступает болгарский союз *че*: *Трясемся, свет погасили и на пол сели под стенку, а то активисты по деревне ходили и в окна заглядывали* (А. Солженицын). – *Ни живи, ни умрели, угасили сме лампата и седим на пода край стената, че активистите цъкат из селото и през прозорците заничат* (пер. В. Райчева); *Само отстранете малко стола си, че ми пречите* (Б. Райнов). – *Только отодвиньте свой стул, а то вы мне мешаете* (пер. А. Собковича).

Союз *защото* выступает эквивалентом русскому *a to* в 6 предложениях из нашего корпуса. При переводе с русского языка на болгарский выбор союза *защото*, а не *че*, может объясняться, в первую очередь, желанием избежать омонимии между изъяснительным и причинным *че* после глагола речевой деятельности, напр.: *Благодарю вас, доктор, – ласково сказал Филипп Филиппович, – а то мне уже надоело делать замечания* (М. Булгаков). – *Благодаря ви, докторе – благо каза Филип Филипович, – защото на мен вече ми омръзна да правя забележки* (пер. Б. Мисиркова). Кроме того, стилистическая ограниченность союза *че* делает его неуместным в речи данного персонажа.

В следующем примере выбор союза *защото* также, скорее всего, основан на том, что он наиболее ясно выражает отношения причины, учитывая неправильное построение высказывания в сбивчивой речи персонажа: *Сашка просил, ломая свой язык. «Хи... Хи... Пит, а то умырат сопсем... Надо пит воды... Хи... Пыньмаши, хи...»* (А. Приставкин) – *Сашка, ломотейки неразбрано, настояваше: «Хи... Хи... Пие, защото умира съвсем... Трябва пие водата... Хи...Разбира, хи...»* (пер. З. Петровой)

Русско-болгарский корпус примеров показывает, что выбор союза *a to* как эквивалента болгарского союза *защото* (2 употребления) совершается, когда в придаточной части обоих предложений содержится указание на ситуацию, которая может иметь негативные последствия, что полностью соответствует значению *a to* как союза прямой мотивации: *Да тръгваме – казвам, – защото отново пуснаха душа. Дъждът наистина внезапно се е засилил* (Б. Райнов). – *Пошли, – говорю я, – а то снова пустили душ. Дождь и в самом деле усилился* (пер. А. Собовича) (в данном примере подразумевается опасность вымокнуть); *Лельо Марийо, можеш ли да дойдеш до половин час. Защото имам лекции след това* (П. Вежинов). – *Конечно, тетя Мария. Только, если можешь, не позже чем через полчаса. А то у меня потом лекции* (пер. Л. Лихачевой) (здесь подразумевается возможность опоздать на занятия или пропустить их, что для говорящего нежелательно).

В болгарско-русском корпусе зафиксирован единственный случай грамматической трансформации, когда два простых предложения болгарского оригинала объединены в переводе в одно сложное с союзом *a to* в качестве средства связи: *Не съм гладна – казва дамата, като сядаме. – Бих пила нещо съгриващо. Навън изведнъж захладя* (букв. '...Я бы выпила что-нибудь согревающее. На улице резко похолодало') (Б. Райнов). – *Я не голодна, – замечает дама,*

когда мы садимся. – Разве что выпить бы чего-нибудь, **а то** немного замерзла (пер. А. Собковича). Как и в двух предыдущих примерах, наличие указания на нежелательную ситуацию (захлядя ‘похолодало’) во втором предложении делает такой вариант перевода уместным.

2. Предложения мотивации от противного

2.1. Семантика предложений мотивации от противного

Вторую группу предложений альтернативной мотивации составляют предложения мотивации от противного. В них вторая часть указывает на возможные последствия невыполнения действия, о котором говорится в первой части [Валгина 2003]: *Ты сегодня же должен поговорить с отцом, а то он будет беспокоиться о твоём отъезде* (А. Ф. Писемский). Причинно-следственными отношениями, таким образом, связаны не действия первой и второй частей предложения, а невыполнение действия, указанного в первой части, и выполнение действия, названного во второй части [Белошапкова 1970: 14].

Существенной особенностью предложений мотивации от противного является нежелательность третьей, неназванной, ситуации, см., напр., толкование В. Ю. Апресян, О. Е. Пекелис: «фразы типа *X, а (не) то Y* предполагают, что если не будет выполнено условие *X*, то возникнет нежелательная ситуация *Y* (т.е. невыполнение *X*-а влечет за собой неприятные последствия *Y*)» [Апресян, Пекелис 2012].

Р. М. Теремова в качестве отличительной черты подобных предложений указывает на то, что в них мотивируется не само действие, а побуждение к его совершению. Для этого говорящий должен обладать знанием подобных ситуаций и последствий неосуществления мотивируемого явления. Оценка говорящим таких последствий всегда отрицательная: *Иди, а то опоздаешь*. – ‘Я говорю тебе: иди, так как знаю, что если ты не пойдешь, то опоздаешь, а опаздывать на лекцию нельзя’ [Теремова 1985: 61].

Союз *а то* в данном типе предложений является синонимичным союзам *а не то, не то, иначе, в противном случае*.

Предложения мотивации от противного имеют многогранную семантику. Выделяются следующие семантические оттенки данного типа предложений:

– причина [Белошапкова 1970; Теремова 1985; Оркина 2012; Пекелис 2015 и др.]. Наличие каузативного компонента значения доказывается возможностью замены союза *а то* на союз причины с лексемами *иначе, в противном случае* [Белошапкова 1970: 15; Подлеская 2000: 46]: *Приходите пораньше, а то не успеем сегодня*

закончить работу. – *Приходите пораньше, потому что иначе не успеем сегодня закончить работу* (пример В. А. Белошапковой);

– условие [Подлеская 2000; Валгина 2003; Кустова 2013; Пекелис 2015]. Наличие условной семантики сближает предложения мотивации от противного с предложениями с союзом *если не ... то*, хотя они далеко не всегда взаимозаменяемы: *Я тебя провожу, а то заблудишься*. – *Если я тебя не провожу, ты заблудишься* [Подлеская 2000: 47]. Союзы *а то, а не то, иначе* выражают условное отношение, осложненное значением причины или мотива (когда вторая часть выдвигается в качестве причины или мотива первой) [там же].

– следствие. В работе [Апресян, Пекелис 2012] указано, что, несмотря на более сложную семантику, союз *а то* может быть условно отнесен к особой подгруппе союзов следствия.

2.2. Модально-временная структура предложений мотивации от противного

Обязательной чертой структуры предложений мотивации от противного является гипотетическая модальность придаточной части. Гипотетичность, наряду с отрицанием, является частью семантики союзов *а то, а не то, иначе* [Подлеская 2000: 46–47]. Поэтому в придаточной части возможно употребление только форм будущего времени (в значении предполагаемого будущего) или формы сослагательного наклонения (в значении неконкретизированного во времени предположения). Формы настоящего времени могут быть использованы здесь только в значении будущего или же при наличии модального значения возможности или долженствования [Белошапкова 1970: 16].

Таким образом, первая и вторая части предложений мотивации от противного связаны между собой как предшествующее явление и последующее действие, в отличие от предложений прямой мотивации, где действие второй части во временном плане предшествует действию, указанному в первой [Белошапкова 1970: 22–23].

2.3. Контексты употребления предложений мотивации от противного

Характерными контекстами употребления предложений мотивации от противного являются: контекст предупреждения [Левонтина 2013] / предостерегающего условия [Кустова 2013]: *Смотрите потом не перекормите его, а то он уснёт на уроке* (Наши дети: Подростки) [Левонтина 2013: 441] и контекст угрозы [Урысон 2008; Апресян, Пекелис 2012] / ультиматума [Кустова 2013]: *Отдай машинку, а то <а не то> маме пожалуюсь* [Урысон 2008].

Р. М. Теремова, рассматривая причинные конструкции в целом, относит предложения по-

добной семантики к конструкциям косвенного обоснования явления следствием его неосуществления и разделяет их на три группы по значению: 1) ситуация косвенного обоснования действия: *Вероятно, их нет дома, иначе в окнах горел бы свет*; 2) ситуация косвенного обоснования побуждения к действию: *Иди, а то опоздаешь*; 3) ситуация косвенного обоснования оценки явления, напр.: *Ну как я рада, что ты в эту сторону пошел, а то бы я так тебя сегодня и не встретила!* (Ф.М. Достоевский). Мотивируемый компонент в предложениях третьего типа содержит два компонента: само оцениваемое явление и оценочное суждение говорящего [Теремова 1985: 58–63].

2.4. Болгарские соответствия русскому союзу *a to* в предложениях мотивации от противного

В «Грамматике современного болгарского литературного языка» значение, подобное альтернативной мотивации, где учитывается неназванное третье действие, рассматривается как обратнo-причинное значение. Такую семантику могут иметь предложения, где в качестве средств связи выступают союзы *че* и *защото*, напр.: *Я ставай, че ще се простудиш на голата земя* (Чудомир). ‘Ну-ка вставай, а то простудишься на голой земле’ [ГСБКЕ 1983: 377–378]. Выделяются некоторые особенности таких предложений: их главная часть имеет значение необходимости, а придаточная часть ориентирована на будущее. Кроме того, лексическое наполнение придаточной части тоже имеет свои отличительные черты: как правило, в придаточном предложении употребляются глаголы, выражающие нежелательные действия, опасные для человека [там же: 378].

В обоих корпусах фиксируется большее разнообразие переводческих соответствий союзу *a to* в данном значении, чем в предложениях прямой мотивации, вероятно, благодаря наслоению разнообразных оттенков значения. Всего в нашем корпусе зафиксировано 80 предложений мотивации от противного.

Основными соответствиями союзу *a to* в нашем материале являются причинный союз *че* и союз *инак/иначе* (*инак* является более архаичным вариантом *иначе*), см. примеры русско-болгарского корпуса: *Под вагон не лезьте, а то раздавит... А?* (А. Приставкин) – *Не се навирайте под вагона, че ще ви сгази... Нали?* (пер. З. Петровой); *Ты ему не говори ничего, а то он подумает, что и я хочу обмануть; а я горд* (А. Островский) – *Недей му казва нищо, инак ще вземе да си помисли, че и аз искам да го излъжа; а аз съм горд* (пер. Б. Мисиркова); примеры болгарско-русского корпуса: *Азманов*

замълча видимо объркан. — Кажете, кажете... Иначе ще си помисля, че сте клеветник (П. Вежинов). – *Азманов замолк, видимо, растерявшись. — Скажите, скажите... А то я подумам, что вы клеветник* (пер. Л. Лихачевой); *Пийте кафето си, че ще изстине* (Б. Райнов). – *Пейте кофе, а то остынет* (пер. А. Собковича).

Выбор перевода союза *a to* на болгарский язык с помощью союза *иначе/иначе* (и, наоборот, болгарского *иначе* с помощью союза *a to*) обуславливается семантической близостью данных средств связи, которая отмечалась выше. Синонимичность предложений с обратнo-причинным значением с союзами *че* и *защото* предложениям с союзным словом *иначе* отмечается и в [ГСБКЕ 1983: 378].

Можно выделить ряд факторов, которые по отдельности или в совокупности обуславливают в наших примерах русско-болгарского корпуса выбор союза *иначе*, а не *че*, в качестве соответствия союзу *a to*:

(1) при наличии в близком контексте глагола, обычно вводящего придаточное изъяснительное: глагола речемыслительной деятельности (*казвам, напомням, зная* и др.), эмоционального состояния (*чувствувам* и др.), так как союз *че* в таком лексическом окружении воспринимается как изъяснительный: *Эй ты, летчик, брось наганто! – крикнули ему. – Брось, говорю, а то не выйдем, убежим!* (Б. Полевой) – *Ей, ти, летецо, хвърли нагана! – извикаха му. – Хвърли го, ти казвам, иначе няма да излезем, ще избягаме!* (пер. К. Георгиева);

(2) при наличии в этом же сложном предложении другого придаточного, вводимого союзом *че*: *И, должно быть, обещания были определенные и серьезные; а то как бы она поверила человеку, который уж раз обманул ее!* (А. Островский). – *И ми се струва, че обещанията са били определени и сериозни; иначе как би повярвала на човек, който веднъж вече я е лъгал?!* (пер. Б. Мисиркова). Как правило, это предложения, содержащие оценку явления, так как для их структуры характерно наличие изъяснительной предикативной единицы в главной части предложения [Теремова 1985: 61];

(3) в единичном случае (см. пример ниже) выбор союза *иначе* можно объяснить (кроме наличия глагола речемыслительной деятельности *прощавам*) постановкой придаточного предложения (придаточного условия) между союзом и остальными компонентами второй части предложения. Такая отдаленность могла бы помешать однозначному восприятию семантики союза *че*, который может вводить различные типы придаточных предложений: *У меня правило: никому ничего не прощать; а то страх забудут, забы-*

ваться станут (А. Островский). – *Аз имам такъв принцип: да не прощавам никому; **иначе**, ако ми нямат страха, започват да се самозабравят* (пер. Б. Мисиркова). Напомним, что исследователи отмечают семантическую близость предложений мотивации от противного в русском языке придаточным условия. В данном примере это позволяет переводчику использовать условные предложения при переводе, восстанавливая подразумеваемое (но прямо не указанное) третье действие;

(4) при наличии сложной глагольной формы во второй части предложений (предположение, выраженное в русском языке формой сослагательного наклонения, в болгарском – формой будущего в прошедшем или сослагательного наклонения): *И бабки никакой у окна не было, **а то** высунулась бы и заорала* (Б. Акунин). – *И никаоя бабка не е зяпала през прозореца, **иначе** щеше да се развряска* (пер. С. Бранц). Для союза *че*, в отличие от *иначе/иначе*, характерно употребление только с формами настоящего или простого будущего времени;

(5) при наличии контекста, не позволяющего употребить союз *че*, имеющий в значении причины ярко выраженный народно-разговорный оттенок: *Свет надо тушить за собой в уборной, вот что я вам скажу, Пелагея Петровна, – говорила та женщина, перед которой была кастрюля с какой-то снedyю, от которой валил пар, – **а то** мы на выселение на вас подадим!* (М. Булгаков). – *Пелагея Петровна, научете се да гасите лампата в клозета, колко пъти ви повтарям – **каза** едната жена, пред която вдигаше пара тенджерата с гозба, – **иначе** ще дадем заявление да ви изселят* (пер. Л. Минковой). В данном случае стилистически нейтральный союз *иначе* больше подходит к бюрократическим штампам, содержащимся в высказывании;

(6) в единичном случае выбор союза *иначе* может быть обусловлен принципом благозвучия: *Вы поосторожнее с ним, **а то** жизни не рады будете* (А. Островский). – *С него бъдете по-предпазлив, **иначе черен** (**че черен*) ще ви се види светът* (пер. Б. Мисиркова).

В русско-болгарском корпусе союз *иначе/иначе* может сочетаться с другими союзными средствами: в двух примерах он выступает вместе с союзом *защото* (напомним об отмечаемом сходстве конструкций с союзом *а то* и *потому что* *иначе* в русском языке) и в единичном случае мы встречаем комбинацию *че* *иначе*, напр.: *Его, Филипп Филиппович, нужно хлыстом отодрать хоть раз, – возмущенно говорила Зина, – **а то** он совершенно избалуется* (М. Булгаков). – *Него, Филип Филипович, поне веднъж трябва да го наперидадим с камшик – възмутено каза Зина, –*

защото иначе съвсем ще се разглези (пер. С. Бранц). Таким образом подчеркивается и семантика причины, и противопоставление, выраженные в русском языке одним союзом *а то*.

Заметим, что союз *че* в нашем материале присутствует только в предложениях, где в первой части содержится побуждение к действию, прямое или косвенное. Практически только союз *че* употребляется в контекстах прямой угрозы (ультимативном значении): *Слезай, **а то** милицию позову!* (М. Булгаков). – *Слизай, **че** ще викна милиция!* (пер. Л. Минковой). Это может объясняться тем, что предложения угрозы обычно простые по структуре и не содержат перечисленных факторов (сложные глагольные формы, изъяснительные придаточные и др.), благодаря которым выбирается *иначе*.

Трансформация, совершаемая при переводе, может отражаться на семантическом типе предложений. Так, в следующем примере при переводе болгарского предложения со значением мотивации от противного на русский язык переводчиком выбрана модель прямой мотивации: *Да свършим и с деловата част, **че** Бистра ще ме чака* (букв. ‘Давай покончим и с деловой частью, а то Бистра будет меня ждать’) (Б. Райнов). – *Давай-ка покончим и с деловой частью, **а то** Бистра там уже заждадася* (пер. А. Собковича). Данная трансформация может объясняться отличием семантики болг. *чакам* (‘ждать’) от русского глагола *заждаться*, который выражает перфективное состояние.

Гораздо более редкими при переводе с русского языка на болгарский являются случаи, когда в качестве параллели союзу *а то* могут использоваться другие болгарские подчинительные союзы.

(1) Зафиксировано два случая перевода предложений с союзом *а то* в значении предупреждения с помощью болгарского союза *защото*: *Папа говорил, про нее надо молчать, **а то** могут отобрать* (Б. Акунин). – *Татко **казваше**, че трябва да си мълчим за него, **защото** може да му го отнемат* (пер. С. Бранц). Здесь выбор союза *защото*, а не *че* в болгарском переводе объясняется наличием в контексте омонимичного *че*, вводящего изъяснительное придаточное (*казваше, че* ‘говорил, что’).

(2) Зафиксировано три случая, когда в качестве параллели русскому *а то* используется союз *докато* не с последующей формой перфекта: *Спрашивай у него документы, **а то** уйдет...* (М. Булгаков). – *Кажми му да си покаже документите, **докато** не е офейкал* (пер. Л. Минковой). Форма перфекта при сочетании *докато* не указывает на ограниченно длящуюся ситуацию [Иванова, Градинарова 2015: 291].

Во всех данных примерах в придаточной части сообщается не просто о нежелательной ситуации, но о такой ситуации, которая значительно ограничена по времени (в главной части речь идет о действиях, которые необходимо выполнить незамедлительно), что обуславливает возможность такого перевода.

(3) Зафиксированы случаи перевода союза *a to* с помощью болгарских целевых союзов *да не би да* и *да* с отрицанием: *Одно боязно, не оторвался бы ящик на ходу, а то правда гробом станет* (А. Приставкин). – *Само едно ги плашеше, да не би сандъкът да се откъсне в движение и наистина да се превърне в ковчег* (пер. З. Петровой); *Ну, ты помаленьку, а то испугаешь; страшно уж очинна* (Ф. М. Достоевский). – *Брей, я по-полека, да не ме изплашиш. Много си страшен* (пер. Г. Константинова).

Выявленные эквиваленты подтверждаются наблюдениями над материалом из обратного, болгарско-русского корпуса. Так, при переводе с болгарского языка на русский союз *a to* выступает в качестве переводческого соответствия:

(1) Болгарским целевым союзам. Связь обратно-причинного и целевого значений отмечается в [ГСБКЕ 1983: 377]: главная часть обратно-причинных предложений связана с целью, обратной содержанию придаточного предложения: *Архитекте, я кажи един виц, че ще заспя (= кажи един виц, за да не заспя.)* ‘Архитектор, расскажи-ка шутку, а то я усну (= расскажи-ка шутку, чтобы я не уснул)’:

а) союз (*за*) *да не би да* (два употребления): *Мисълта ми беше, че трябва да внимавате, за да не би и вие да се “самоубиете”* (Б. Райнов). – *Мне хочется предупредить вас, чтобы вы были поосторожней, а то как бы и у вас дело не дошло до самоубийства* (пер. А. Собковича). Данная параллель возможна, так как значение целевого союза (*за*) *да не би да* осложнено априорным значением из-за входящей в его состав частицы *да не би* [Иванова 2014]. В русском на нежелательную ситуацию указывают союз *a to* и частица *как бы не*. Кроме того, перевод целевым *чтобы* невозможен в данном случае из-за наличия изъяснительного союза *чтобы* в ближайшем окружении;

б) союз *за да* (два употребления): *Хайде, не плачи! – каза тя. – Не плачи, за да не почна и аз* (П. Вежинов). – *Ладно, не плачь! Не плачь, а то я тоже разревусь за компания* (пер. Л. Лихачевой); *Може би наистина трябва да говорим с главния. Обаче не така – ти едно, аз друго, за да реши, че отделът няма единно становище* (Б. Райнов). – *Может быть, в самом деле стоит поговорить с Главным. Но не так – ты одно, а я другое, а то опять скажет, что у от-*

дела нет единого мнения (пер. А. Собковича). Здесь также нежелательность осуществления цели, указанной в придаточной части (что подчеркивается и отрицанием в первом примере), делает возможным перевод союза *за да* на русский язык с помощью союза *a to*;

с) союз *та да* (единичный случай): *А какво повече е детето освен последица на една минала връзка? Тая жена не е знаела предварително, че ще ви срещне, та да се пази за вас* (Б. Райнов). – *Ребенок – всего лишь следствие прежней связи. Не могла ведь эта женщина заранее знать, что встретится с вами, верно? А то непременно поберегла бы себя для вас* (пер. А. Собковича). Целевой союз *та да* в болгарском языке имеет ярко выраженный оттенок следствия, при том что наличие следственной семантики отмечается и у русского *a to* [Апресян, Пекелис 2012]; это позволяет им выступать в качестве переводческих соответствий.

(2) Временному союзу *докато не* (единичный случай): *Не, тоя път незабавно, докато съвсем не се е отказал* (П. Вежинов). – *Нет, на этот раз надо решать немедленно, а то еще передумает* (пер. Л. Лихачевой). Выбор *a to* в качестве соответствия конструкции *докато не + перфект* обусловлен указанием на нежелательную ситуацию, а ограничение по времени здесь подчеркнуто лексически (*незабавно*).

В русско-болгарском корпусе в двух случаях зафиксирована грамматическая трансформация, когда русские предложения с союзом *a to* в значении мотивации от противного были переданы сложными бессоюзными предложениями *Погоди... зайдем в этот дворик и условимся, а то я боюсь, что кто-нибудь из знакомых увидит меня и потом скажут, что я была с любовником на улице* (М. Булгаков). – *Почакай...хайде да се отбием в онова дворче да се разберем – боя се да не ме види някой познат и да не кажат после на мъжа ми, че съм била на улицата с любовник* (пер. Л. Минковой); *Пусть посмешист он нас, а то я боюсь, что это кончится слезами, и все будет испорчено перед дорогой!* (М. Булгаков). – *Нека ни поразсмее, боя се, че иначе ще завършим със сълзи и всичко ще бъде развалено още в началото на пътя!* (пер. Л. Минковой).

Можно предположить, что в этих случаях болгарский союз *че* не выступает как переводческое соответствие, поскольку он в качестве причинного союза присоединяет обычно не сложноподчиненные предложения, а нераспространенные простые предложения. Здесь же, где переводчик старается сохранить предикат *боя се* с последующим придаточным, союз *че* становится излишним.

Выводы

Таким образом, с помощью союза *а то* в предложениях альтернативной мотивации могут передаваться различные оттенки смысла – причины и обоснования, опасения, нежелательного следствия, условия. В болгарском языке в качестве его переводческого соответствия могут выступать разные средства связи в зависимости от семантики и структуры предложения. Союз *че* выступает эквивалентом союза *а то* в большинстве примеров предложений прямой мотивации и во многих предложениях мотивации от противного, однако из-за стилистических (ярко выраженный народно-разговорный оттенок), структурных (несклонность к употреблению с аналитически оформленными временными формами) и семантических (омонимия с изъяснительным союзом после глаголов речемыслительной деятельности) ограничений он не может являться полным эквивалентом русскому союзу *а то*, который таких ограничений не имеет. Союз *иначе* (*иначе*) является наиболее распространенным переводческим соответствием русскому *а то* в предложениях мотивации от противного, что объясняется синонимичностью данных союзных средств, отмечаемой и в русском языке. Как правило, выбор союза *иначе* обусловлен отсутствием возможности употребления союза *че*. Кроме того, в качестве соответствий союзу *а то* могут выступать целевые союзы *за да*, *за да не би да* при наличии беспокойства о нежелательной ситуации, *та да* в случаях, когда на первый план выступает семантика следствия; причинный союз *защото*, когда доминирует семантика причины; союз *докато* с отрицанием, когда речь идет о действиях, требующих незамедлительного принятия мер. Широкий спектр вариантов переводческих соответствий союзу *а то* в болгарском языке обусловлен многогранной семантикой русского союза и доказывает отсутствие в болгарском языке союзного средства, которое бы в полной мере контаминировало все оттенки значения союза *а то*.

Примечание

¹ Корпус параллельных русских и болгарских текстов (<http://rbcopus.com>).

Список литературы

Апресян В. Ю., Пекелис О. Е. Подчинительные союзы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2012. URL: http://rusgram.ru/Подчинительные_союзы (дата обращения: 10.08.2016).

Белощанкова В. А. Предложения альтернативной мотивации в современном русском языке // Исследования по современному русскому языку:

сб. статей, посвящ. памяти проф. Е. М. Галкиной-Федорук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 13–23.

Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис. М.: Высш. школа, 2003. 416 с.

Влахов С. Нов руско-български речник. Новъ руско-български словарь / под ред. Анна Липовска. София: Парадигма, 2004. 904 с.

Грамматика на съвременния български книжовен език / гл. ред. С. Стоянов. Т. 3: Синтаксис. София: Издателство на Българската академия на науките, 1983. 466 с.

Захаревич Е. А., Крылова Г. В. Синтаксис болгарского языка: сложные предложения. Л., 1978. 100 с.

Иванова Е. Ю. Апрехенсив в русском и болгарском языках // *Studi Slavistici* XI, 2014. С. 43–168.

Иванова Е. Ю., Градинарова А. А. Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М.: Языки слав. культуры, 2015. 628 с.

Кустова Г. И. Синтаксис современного русского языка. Курс лекций. М.: ФЛИНТА, 2013. 294 с.

Левонтина И. Б. О причинном значении союза *а то* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12(19): в 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2013.

Оркина Л. Н. К вопросу структурной организации функционально-семантического поля обусловленности в русском языке // От значения к форме, от формы к значению: сб. в честь 80-летия чл.-корр. РАН А. В. Бондарко. М.: Языки слав. культур, 2012. С. 454–461.

Пекелис О. Е. Причинные придаточные. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2015. URL: http://rusgram.ru/Причинны_придаточные (дата обращения: 14.08.2016).

Подлеская В. И. *Иначе, а то, а не то*: резумптивные союзы как способ выражения отрицательного условия // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения: материалы науч. конф. Вып. 1. М.: Рус. учеб. центр, 2000. С. 45–51.

Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 2: Синтаксис. М., 1980.

Теремова Р. М. Опыт функционального описания причинных конструкций. Л., 1985. 70 с.

Урысон Е. В. Союзы *а то* и *а не то*: почему в некоторых контекстах они синонимичны. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/82.htm> (дата обращения: 06.07.2016).

Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка. М.: Рус. язык, 2001. 208 с.

References

- Apresyan V. Yu., Pekelis O. E. Podchinitel'nye soyuzy [Subordinative conjunctions]. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki* [Materials for the project of a corpus-based description of the Russian grammar]. Manuscript copyright. Moscow, 2012. Available at: <http://rusgram.ru> (accessed 14.08.2016).
- Beloshapkova V. A. Predlozheniya al'ternativnoy motivatsii v sovremennom russkom yazyke [Alternative motivation sentences in the modern Russian language]. *Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku: sbornik statey, posvyashhennyy pamyati prof. E. M. Galkinoy-Fedoruk* [Research on the modern Russian language: collected works dedicated to the memory of Professor E. M. Galkina-Fedoruk]. Moscow, Moscow University Press, 1970, pp. 13–23.
- Valgina N. S. *Sovremennyy russkiy yazyk: Sintaksis* [The modern Russian language: Syntax]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2003. 416 p.
- Vlakhov S. *Nov rusko-balgarski rechnik. Novyy rusko-balgarskiy slovar'* [New Russian-Bulgarian dictionary]. Ed. by Anna Lipovska. Sofia, Paradigma Publ., 2004. 904 p.
- Grammatika na savremennija balgarski knizhoven ezik* [Grammar of the Modern Bulgarian literary language]. Ed. by S. Stojanov. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1983, vol. 3. Sintaksis [Syntax]. 466 p.
- Zakharevich E. A., Krylova G. V. *Sintaksis bolgarskogo yazyka: Slozhnye predlozheniya* [Syntax of the Bulgarian language: Complex sentences]. Leningrad, 1978. 100 p.
- Ivanova E. Yu. Aprekhsiv v russkom i bolgarskom jazykakh [The apprehensive in Russian and Bulgarian]. *Studi Slavistici*, 2014, issue 11, pp. 143–168.
- Ivanova E. Yu., Gradinarova A. A. *Sintaksicheskaya sistema bolgarskogo yazyka na fone russkogo* [The syntactical system of the Bulgarian language in comparison with Russian]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2015. 628 p.
- Kustova G. I. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka. Kurs lektsiy* [Syntax of the modern Russian language. Lecture course]. Moscow, "FLINTA" Publ., 2013. 294 p.
- Levontina I. B. O prichinnom znachenii soyuza "a to" [On the causative meaning of the Russian conjunction "a to"]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog"* (Bekasovo, 29 maja – 2 iyunya 2013 g.) [Computational linguistics and intellectual technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialog" (Bekasovo, May 29 – June 2, 2013)]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2013, issue 12 (19), vol. 1. Osnovnaya programma konferentsii [Main conference program].
- Orkina L. N. K voprosu strukturnoy organizatsii funktsional'no-semanticheskogo polya obuslovlennosti v russkom yazyke [On the issue of the structural organization of the functional-semantic field of conditionality in Russian]. *Ot znacheniya k forme, ot forme k znacheniyu: Sbornik v chest' 80-letiya chlena-korrespondenta RAN A. V. Bondarko*. [From the meaning to the expression, from the expression to the meaning: collected works in honor of the 80th anniversary of the corresponding member of the Russian Academy of Sciences A. V. Bondarko]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, pp. 454–461.
- Pekelis O. E. Prichinnye pridatochnye [Causal clauses]. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki*. [Materials for the project of a corpus-based description of the Russian grammar]. Manuscript copyright. Moscow, 2015. Available at: <http://rusgram.ru>. (accessed 14.08.2016).
- Podlesskaya V. I. "Inache", "a to", "a ne to": rezumtivnye soyuzy kak sposob vyrazheniya otritsatel'nogo usloviya ["Inache", "a to", "a ne to": resumptive conjunctions as a way to express negative condition]. *Slozhnoe predlozhenie: traditsionnye voprosy teorii i opisaniya i novye aspekty ego izucheniya: materialy nauchnoy konferentsii* [Complex sentence: traditional issues of theory and description and new aspects of its study: proceedings of the scientific conference]. Moscow, Russkiy uchebnyy centr Publ., 2000, issue 1, pp. 45–51.
- Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, 1980, vol. 2. Sintaksis [Syntax].
- Teremova R. M. *Opyt funktsional'nogo opisaniya prichinnykh konstruksiy* [An attempt of functional description of causal structures]. Leningrad, 1985. 70 p.
- Uryson E. V. *Soyuzy "a to" i "a ne to": pochemu v nekotorykh kontekstakh oni sinonimichny* [Conjunctions "a to" and "a ne to": why they are synonymic in some contexts]. Available at: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/82.htm> (accessed 06.07.2016).
- Shelyakin M. A. *Funktsional'naya grammatika russkogo yazyka* [Functional grammar of the Russian language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2001. 208 p.

ALTERNATIVE MOTIVATION SENTENCES WITH THE CONJUNCTION *A TO* AND THEIR EQUIVALENTS IN THE BULGARIAN LANGUAGE

Anastasiya G. Mosinets

Postgraduate Student in the Department of Slavonic Languages
Saint Petersburg State University

The Russian conjunction *a to* has an ambiguous syntactic status in complex sentences. Sentences containing the given conjunction are usually described as alternative motivation sentences, which can express additional semantic nuances, such as reason, condition and result, and can be used in various contexts, for instance, for urging someone to do an action, providing logical explanation or pointing out undesirable consequences of an action. That is the reason why they are not easily translated into other languages.

There is no agreement of opinion among researchers of the Bulgarian language if the direct equivalent to the Russian conjunction *a to* exists in the Bulgarian language. Sometimes the Bulgarian conjunction *che* is pointed out as one, for it can take part in syntactic structures which are similar to the Russian alternative motivation sentences. In the article, we analyze the reasons why, despite the close meanings of *che* and *a to*, this pair of equivalents is not always used in translations. The conditions when other conjunctions can play the part of translation equivalents are described.

Key words: the complex sentence; clauses of reason; conjunctions of reason; translation; Bulgarian language; Russian language.

УДК 81'255.2 + 81'373.611
doi 10.17072/2037-6681-2017-1-63-67

К ВОПРОСУ О ДЕЛИНЕАРИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МОДЕРНИСТСКОГО ТЕКСТА (на примере романа Дж. Джойса «Улисс»)

Евгения Андреевна Наугольных

к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков

Пермская государственная фармацевтическая академия

614990, г. Пермь, ул. Полевая, 2. pulina_jane@mail.ru

SPIN-код: 4043-2787

ORCID: 0000-0002-8071-8148

ResearcherID: D-1104-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Наугольных Е. А. К вопросу о делинеаризации художественного модернистского текста (на примере романа Дж. Джойса «Улисс») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 63–67. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-63-67

Please cite this article in English as:

Naugolnykh E. A. K voprosu o delinearizatsii khudozhestvennogo modernistskogo teksta (na primere romana Dzh. Dzhoysa "Uliss") [On Delinearization Of Modernist Literary Text (Based On *Ulysses* By James Joyce)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 1, pp. 63–67. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-63-67 (In Russ.)

В статье рассматривается делинеаризация текста как элемент художественной техники Дж. Джойса в романе «Улисс», что является особенно актуальным для системного описания идиостиля писателя. Отмечается неоднократное нарушение формальной и содержательной связности ткани произведения, что неизбежно ведет к увеличению ее ассоциативной плотности и требует активного сотворчества читателя. Выделяются и анализируются четыре типа делинеаризации: появление смысловых разрывов, нарушение лексической и грамматической сочетаемости, переключение кода, многоголосие в тексте. Наблюдаются некоторые различия в зависимости от гендерного типа исследуемого материала. Многократные интенциональные нарушения языковых норм на всех уровнях приводят к возникновению неожиданных смыслов, допускающих множественное понимание, и вызывают особые трудности в процессе межъязыковой трансляции. В частности, неизбежными становятся потери грамматической аморфности, изменения экспрессивности, расширения или сужения смыслового объема переводимых предложений.

Ключевые слова: идиостиль; делинеаризации; художественный прием; языковые девиации; межъязыковая трансляция.

Как известно, «стиль писателя – это система индивидуально-эстетического использования свойственных данному периоду развития художественной литературы средств словесного выражения» [Виноградов 1959: 85]. Индивидуальные художественные стили и их особенности анализируются во многих работах отечественных филологов и литературоведов. Так, московская школа лингвопоэтического анализа рассматривает идиостиль «как сложную систему взаимообусловленных языковых приемов, участ-

вующих в построении художественного мира поэта». Таким образом, идиостиль представителями данной школы трактуется прежде всего как формально-стилистический параметр и относится к способу выражения содержания текста [Григорьев и др. 1990].

И. А. Тарасова понимает идиостиль как «единство ментального и языкового – концептов и когнитивных структур и их языкового воплощения» [Тарасова 2012: 10], что находится в корреляции с классической теорией, определяю-

щей идиостиль как «способ думать и говорить о мире в неразрывной креативной связи друг с другом» [Никитина 1996: 132].

Понятие идиостиля в той или иной мере связано с картиной мира писателя, которую тот создает в художественном тексте особыми языковыми средствами. При этом она отражает индивидуальную картину мира в сознании писателя и воплощается в отборе элементов содержания художественного произведения, отборе используемых языковых средств, а также в индивидуальном пользовании языковыми средствами автором произведения [Попова 2002: 8]. Основополагающим и исходным пунктом для понимания феномена картины мира является тот факт, что она представляет собой создаваемый человеком субъективный образ объективной реальности.

В своих работах В. И. Карасик отмечает, что «поэтическое измерение личности позволяет установить сущность человека как творца, преобразующего действительность в живое слово» [Карасик 2015: 329]. Способы такого преобразования могут быть представлены, по мнению ученого, в виде трехмерной модели, включающей поэтическую рефлексию, поэтическое взаимодействие и поэтическую технику.

К числу приемов поэтической техники, в частности, относится делинеаризация текста, или нарушение его формальной и содержательной связности, ведущее к увеличению его ассоциативной плотности и требующее активного сотворчества читателя. Понятие «нелинейного письма» зачастую связывают с гипертекстовой литературой [Ledgerwood 1998], а следовательно, в список «нелинейных» писателей неизбежно попадает «предшественник» подобной художественной техники – Дж. Джойс. Смена культурных эпох, оформившаяся на рубеже XIX–XX вв., неизбежно «приводит к осмыслению предыдущего опыта и поиску новых эстетических принципов», в том числе посредством художественного слова [Бочкарева 2010: 113]. Вероятно поэтому, роман Дж. Джойса «Улисс» напомнил У. Эко энциклопедию, ведь задача, которую поставил перед собой писатель, – «технически написать книгу с восемнадцати точек зрения и в стольких же стилях», полагая тем самым «конец культуре во всей ее целостности посредством ее полного переваривания, критического разрушения, коренного переустройства» [Эко 2003: 163].

Делинеаризация Дж. Джойса намеренно моделируема. То, что с первого взгляда выглядит как «монолог шизофреника», – четко продуманный ряд операций, позволяющих автору «растворить образ реальности в бесконечно сложной картине мира» и при этом «не разрушить собственную личность, как это делает шизофреник,

а вновь приобрести ее на разрушении чего-то другого» [Юнг 2003: 170].

В. И. Карасик выделяет четыре типа делинеаризации (появление смысловых разрывов, нарушение лексической и грамматической сочетаемости, переключение кода, многоголосие в тексте) [Карасик 2015: 331]. Все они в той или иной степени присутствуют в романе «Улисс» и требуют детального анализа с целью системного описания идиостиля Дж. Джойса – писателя, чья техника письма неизбежно поставила под сомнение принцип первичности языка в художественном тексте. Таким образом, язык Дж. Джойса содержит огромный потенциал для художественного дискурса современности, а его познание и освоение является перспективным направлением филологического и литературоведческого анализа.

Моделируемые смысловые разрывы представляют собой яркий акцент техники Дж. Джойса. Принципиально незавершенные фразы и, как крайняя степень неоконченности высказывания, незавершенные словоформы характерны, прежде всего, для внутренних монологов главных героев. Используя метафорическое высказывание Л. С. Выготского, можно трактовать поток сознания как технику, при которой все черты «испарения речи в мысль» доводятся до предела [Выготский 1934: 277].

Исследователями доказано четкое деление потока сознания в произведениях Дж. Джойса на два типа: женский и мужской [Шервашидзе 1999: 22]. Мужской внутренний монолог отличается лаконичностью, меньшей эмоциональностью. Наиболее ярким примером мужского потока сознания становятся размышления Стивена в эпизоде «Протей», когда он прогуливается на набережной Дублинского залива в Сэндимаунте в разгар дня. Несмотря на ярко выраженную логическую доминанту мыслей героя, в отличие от женского потока сознания Молли или Гертти, в тексте фиксируется рубленность фраз, сжатость, разрывы предложений, происходящие даже на союзах и предлогах, особая пунктуация:

Bald he was and a millionaire, nu estro di callor che sanno. Limit of the diaphane in. Why in. Diaphane, adiaphane. If you can put your five fingers through it, it is a gate; if not a door. Shut your eyes and see [Joyce 1998: 37].

Помимо традиционных для внутренних монологов смысловых разрывов отмечается направленность на лексическую компоненту, наличие важных для восприятия героя ассоциативных рядов, создание окказиональной лексики, как правило, по смешанным моделям словообразования (*contransmagnificandjewbangtiantiality, brightwindbridled* [Joyce 1998: 38]), *laudlatinlaughing* [ibid.: 42]).

Женский поток сознания характеризуется наличием свободно льющейся речи, сопровождающейся неожиданно резкими скачками, переборами мыслей, произвольным сплетением тем, но при этом сохраняющей элемент единства при целостном восприятии. Так, в известном монологе Молли Блум Дж. Джойс опускает знаки препинания. В нем также отсутствует и деление на абзацы. Используя подобную технику, писатель подчеркивает особую логику женщин, которым свойственно порой объединять понятия и явления, опуская одновременно причинно-следственные связи. Это соответствует, по мнению Дж. Джойса, природной женской сути. Отмечается особая плавность, «перетекаемость» женских мыслей, доминантным становится фонетический компонент. В размышлениях Герти (эпизод «Навсикая») смысловые разрывы присутствуют даже в тех местах, где, казалось бы, этого быть не должно, поскольку части фразы соединяются союзом *because*. В приведенном ниже примере мы видим огромное предложение без единого пунктуационного знака, где выделенный нами курсивом отрезок до *because* является «побочными» мыслями героини, нанизанными как семантические бусины на нить содержания, что приводит к размытости причинно-следственных связей, заложенных в союзе.

He was so kind and holy and often and often she thought and thought could she work a ruched teacosy with embroidered floral design for him as a present or a clock *but they had a clock she noticed on the mantelpiece white and gold with a canary bird that came out of a little house to tell the time the day she went there about the flowers for the forty hours' adoration* because it was hard to know what sort of a present to give or perhaps an album of illuminated views of Dublin or some place [ibid: 343].

Очевидно, что адекватная межъязыковая трансляция подобных монологов практически невозможна, поскольку в такие моменты особенно значимым становится синтаксис, порядок слов, ритм, использование инфинитивных, герундиальных и причастных комплексов, которые зачастую не имеют структурных соответствий в языке перевода. Таким образом, высока степень потери грамматической аморфности, изменения экспрессивности, расширения или сужения смыслового объема переводимых предложений и т. д.

Еще одной разновидностью делинеаризации в поэтическом тексте и особенностью техники Дж. Джойса выступает семантическое и грамматическое нестандартное сочетание слов (*listening lips, bust ahumming*). В данном случае речь идет о катехрезе и переосмыслении глубинных грамматических корреляций [Карасик 2013]. В качестве примера приведем предложение, в котором писа-

тель, выходя за рамки традиционного мировосприятия, разрушает логические и причинные связи прежде всего за счет нестандартного сочетания лексем. Глаза у одной из барменш в эпизоде «Сирены» ассоциируются с «женским лоном» и начинают перенимать его функцию. Музыка в этой части романа доминирует, ассоциируется у Дж. Джойса с плавностью, текучестью, жидкостью. Ее присутствие в предложении подчеркнuto наличием лексической единицы *liquid*, именно она становится элементом, стирающим, меняющим уклад привычной картины мира.

A liquid of womb of woman eyeball gazed under a fence of lashes, calmly, hearing [ibid.: 273].

Языковые девиации разных уровней, в том числе нарушение порядка слов и их сочетаемости, позволяют Дж. Джойсу словесно моделировать музыкальную материю на протяжении всего эпизода «Сирены». Так звукопись достигается путем тройного повтора местоимения *them* в следующем примере:

The boots to *them*, *them* in the bar, *them* barmaids came [ibid: 246].

Многочисленные интенциональные нарушения нормы сочетаемости слов приводят к возникновению неожиданных смыслов, допускающих множественное понимание. Невероятная сложность разгадки всех тайн, заложенных Дж. Джойсом в ткань произведения, не раз подчёркивалась исследователями творчества писателя, который «сделал все, чтобы каждое чтение романа «Улисс» происходило как “в первый раз”» [Docherty 2003: 123].

К особой разновидности смыслового разрыва также относят переключение кода или вставку иного текста в ткань произведения. В данном случае принято говорить о цитатах, использовании иноязычных предложений и лексических единиц (*todos covered of gravy, leave me with a child embarazada that old servant Ines*). В результате таких вставок текст перестает быть однородным, нарушается связность, концентрируется смысл.

Многоязычие Дж. Джойса и его проявление в тексте романа подвергалось исследованиям неоднократно. Дж. Джойс «легко усваивал языки, говорил на пятнадцати, ощущал пленительный звуковой рисунок каждого, “совершенно естественно” слышал этимологию каждого слова, обладал уникальным даром редкого лингвистического гения» [Гениева 2011: 32]. В условиях знания нескольких языков могут возникать билингвальные контаминированные образы, которые выражаются в отклонении от нормы родного языка под влиянием иностранного (интерференции) [Столярова 2003: 85]. Особенно яркими становятся созданные Дж. Джойсом интеръязыковые окказиональные единицы (*eyetallyano*,

viragitis, brenningly, basilicogrammate, footboden) [Наугольных 2010: 88].

В некоторых случаях Дж. Джойс, напротив, как будто пытается «скрыть» иноязычные вкрапления, тем самым требуя от своего читателя небывалой эрудиции и мастерства. Так, в размышлениях Стивена (знатока итальянского языка) встречаются следующие строки:

Wont't you come to Sandymount,
Madeline the *mare*? [Joyce 1998: 37].

В данном случае становится очевидным, что *mare* – это не простая английская лексема (*mare* – кобыла), а омограф к итальянскому *il mare* (море). У Дж. Джойса не бывает простых совпадений. Ассоциативная пара, возникшая на фоне знания Стивеном итальянского языка, представляет собой скрытую иллюстрацию внутренней деформированной энергии «потока сознания» героя. Тема моря постоянно прослеживается в романе «Улисс»: писатель нередко играет со звучанием слов *sea/see*, лексема *sea* лежит в основе целых словообразовательных кустов (*sea-bedabbled, seagreen, seasmiling, seabloom, seaweedy, deepsea*).

Что касается многоголосия в тексте художественного произведения, то его наличие в романе Дж. Джойса бесспорно, поскольку оно является неотъемлемой характеристикой литературы модернизма и постмодернизма. Как верно отметил переводчик «Улисса» С. С. Хоружий, расщепленный художник сегодня уже художник не монологический. В романе «Улисс» присутствует элемент полифоничности, многоголосия, элемент, по М. М. Бахтину, разных речевых жанров, которые каким-то образом взаимодействуют, сплетаются друг с другом, переговариваются, перекликаются [Хоружий 1994].

Таким образом, необходимо отметить ярко выраженные элементы делинеаризации в творчестве Дж. Джойса. В романе «Улисс» активно встречаются смысловые разрывы, частотны нарушения лексической и грамматической сочетаемости, постоянны кодовые переключения, четко прослеживается многоголосие в тексте. Все это максимально затрудняет работу переводчиков, перед которыми неизбежно встает необходимость решения сложнейших лингвистических задач. Хочется закончить мудрым высказыванием В. К. Третьяковского: «Ежели творец замысловат был, то переводчику замысловатее надлежит быть» [Третьяковский 1960: 648].

Список литературы

Бочкарева Н. С. Формы выражения кризисного сознания в литературе и культуре рубежа веков // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2(8). С. 111–118.

Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 664 с.

Выготский Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования. М.; Л.: Гос. социально-экон. изд-во, 1934. 362 с.

Гениева Е. Ю. И снова Джойс... М.: ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2011. 368 с.

Григорьев В. П. и др. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: общие вопросы. Звуковая организация текста / В. П. Григорьев, И. И. Ковтунова, О. Г. Ревзина и др. М.: Наука, 1990. 300 с.

Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.

Карасик В. И. Языковое проявление личности. М.: Гнозис, 2015. 384 с.

Наугольных Е. А. Окказионализмы как элемент языковой игры писателя // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6(12). С. 83–90.

Никитина С. Е., Васильева Н. В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. 176 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2002. 61 с.

Столярова И. А., Шехтман Н. А. Лингвокреативные механизмы словообразования. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. 164 с.

Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте. 2-е изд., перераб. М.: Флинта, 2012. 196 с.

Третьяковский В. К. Езда в остров любви. К читателю // Русские писатели о переводе. Л.: Сов. писатель, 1960. С. 648–649.

Хоружий С. С. «Улисс» в русском зеркале. М.: Тетра, 1994. 244 с.

Шервашидзе В. В. Зарубежная литература XX века: учеб. пособие. М.: Изд-во РУДН, 1999. 73 с.

Эко У. Поэтики Джойса. СПб.: Симпозиум, 2003. 496 с.

Юнг К. Г. Дух в человеке, искусстве и литературе. Минск: ООО «Харвест», 2003. 384 с.

Docherty T. “Sound sense”; or “tralala” / “moocow”: Joyce and the anathema of writing // James Joyce and the difference of language. Cambridge: University Press, 2003. P. 112–127.

Joyce J. Ulysses. London: Picador, 1998. 741 p.

Ledgerwood M. D. Hypertextuality and multimedia literature // Semiotics of the media. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1997. P. 547–558.

References

Bochkareva N. S. Formy vyrazheniya krizisnogo soznaniya v literature i kul'ture rubezha vekov [Patterns of spiritual and artistic crisis in literature and

- culture on the verge of centuries]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, issue 2(8), pp. 111–118.
- Vinogradov V. V. *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [On the language of imaginative literature]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1959. 664 p.
- Vygotsky L. S. *Myshlenie i rech. Psikhologicheskie issledovaniya* [Thinking and speech. Psychological investigations]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 1934. 362 p.
- Genieva E. Ju. *I snova Dzhoys...* [And Joyce again...]. Moscow, M. I. Rudomino All-Russia State Library for Foreign Literature Publ., 2011. 368 p.
- Grigoryev V. P. et al. *Ocherki istorii yazyka russkoy poezii XX veka. Poeticheskiy yazyk i idiosstil': obshchie voprosy. Zvukovaya organizatsiya teksta* [Essays on the history of the language of Russian poetry of the 20th century. The poetic language and idiosstyle: general issues. Sound organization of text]. Ed. by V. P. Grigor'ev. Moscow, Nauka Publ., 1990. 300 p.
- Karasik V. I. *Yazykovaya matritsa kul'tury* [The language matrix of culture]. Moscow, Gnozis Publ., 2013. 320 p.
- Karasik V. I. *Yazykovoe proyavlenie lichnosti* [Linguistic manifestation of personality]. Moscow, Gnozis Publ., 2015. 384 p.
- Naugol'nykh E. A. Okkazionalizmy kak element yazykovoy igry pisatelya [Occasional words as a part of the writer's language game]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, issue 6(12), pp. 83–90.
- Nikitina S. E., Vasil'eva N. V. *Eksperimental'nyy sistemnyy tolkovyy slovar' stilisticheskikh terminov* [Experimental System Explanatory Dictionary of Stylistic Terms]. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996. 176 p.
- Popova Z. D., Sternin I. A. *Yazyk i natsional'naya kartina mira* [The language and national worldview]. Voronezh, Istoki Publ., 2002. 61 p.
- Stolyarova I. A., Shekhtman N. A. *Lingvokreativnye mekhanizmy slovoobrazovaniya* [Linguo-creative mechanisms of word formation]. Orenburg, Orenburg State Pedagogical University Publ., 2003. 164 p.
- Tarasova I. A. *Poeticheskiy idiosstil' v kognitivnom aspekte* [Poetic idiosstyle in the cognitive aspect]. Moscow, FLINTA Publ., 2012. 196 p.
- Trediakovsky V. K. *Ezda v ostrov lyubvi. K chitatelyu* [The voyage to the isle of love. To the reader]. *Russkie pisateli o perevode* [Russian writers on the translation]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1960, pp. 648–649.
- Khoruzhiy S. S. *"Uliss" v russkom zerkale* [Ulysses in the Russian mirror]. Moscow, Tetra Publ., 1994. 244 p.
- Shervashidze V. V. *Zarubezhnaya literatura XX veka: uchebnoe posobie* [Foreign literature of the 20th century: textbook]. Moscow, RUDN University Publ., 1999. 73 p.
- Eco U. *Poetiki Dzhoysa* [The poetics of Joyce]. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2003. 496 p.
- Jung C. G. *Dukh v cheloveke, iskusstve i literature* [Spirit in man, art, and literature]. Minsk, Harvest Publ., 2003. 384 p.
- Docherty T. "Sound sense"; or "tralala" / "moocow": Joyce and the anathema of writing. *James Joyce and the difference of language*. Cambridge University Press, 2003, pp. 112–127.
- Joyce J. *Ulysses*. London, Picador, 1998. 741 p.
- Ledgerwood M. D. Hypertextuality and multimedia literature. *Semiotics of the media*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1997, pp. 547–558.

ON DELINEARIZATION OF MODERNIST LITERARY TEXT

(Based on *Ulysses* by James Joyce)

Evgeniya A. Naugolnykh

Associate Professor in the Department of Foreign Languages
Perm State Pharmaceutical Academy

The paper aims at studying text delinearization as one of the key techniques used by J. Joyce in *Ulysses*, which is especially important for the complex description of the writer's idiosstyle. Text formal and content coherence principles are found to be frequently violated, which inevitably leads to an increase in associative density of the novel and requires active co-creation from the novel's reader. Four types of delinearization are distinguished and analyzed: semantic discontinuity, breaking of semantic and grammatical collocation norms, code switching and semantic polyphony. There are observed some differences depending on the gender type of the material. Multiple intentional deviations from language norms at all levels give rise to unexpected meanings allowing for multiple interpretation and cause certain difficulties in the process of interlingual translation. In particular, loss of grammatical amorphism, expressivity changes, expanding or narrowing of the semantic scope of translated sentences turn to be unavoidable.

Key words: idiosstyle; delinearization; stylistic device; language deviation; interlingual translation.

УДК 821-119
doi 10.17072/2037-6681-2017-1-68-76

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (на примере ранней лирики В. Высоцкого)

Екатерина Вадимовна Рякина
соискатель кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. catherinecaulfield@list.ru
SPIN-код: 5898-9090
ORCID: 0000-0002-5910-0861
ResearcherID: B-4164-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Рякина Е. В. Коммуникативный подход к анализу поэтического текста (на примере ранней лирики В. Высоцкого) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 68–76. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-68-76

Please cite this article in English as:

Ryakina E. V. Kommunikativnyy podkhod k analizu poeticheskogo teksta (na primere ranney liriki V. Vysotskogo) [The Communicative Approach to the Analysis of Poetic Text (a Case Study of Vysotsky's Early Lyrics)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 1, pp. 68–76. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-68-76 (In Russ.)

Целью статьи является анализ стихотворений раннего периода творчества В. Высоцкого с точки зрения коммуникативной грамматики. По мнению Г. А. Золотовой, в основе речи находится пять коммуникативных регистров: репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтивный и реактивный. Коммуникативные регистры выражают отношение говорящего к содержанию высказывания и адресату. С помощью коммуникативного подхода можно понять внутреннюю структуру текста. При этом важно отметить, что границы между коммуникативными регистрами условны. В статье затрагивается вопрос о лирическом герое в произведениях этого поэта. Многие его стихотворения раннего периода были написаны под влиянием блатного фольклора, и с этим связаны особенности лирического героя. Кроме того, ранняя лирика В. Высоцкого носит повествовательный характер. Неотъемлемыми чертами его поэзии являются сюжетность и диалогичность. В сюжетных стихотворениях широко применяется репродуктивный регистр. В связи с огромной ролью диалогов в стихотворениях В. Высоцкого активно используются волюнтивный и реактивный регистры. Характерными чертами анализируемых текстов являются эллиптические конструкции, междометные глаголы и междометные фразеологизмы.

Ключевые слова: Высоцкий; коммуникативный регистр; лирический герой; сюжетность; диалогичность.

Коммуникативный подход актуален для анализа текста литературного произведения, так как с его помощью выявляется отношение автора к содержанию высказывания и адресату. Верным представляется утверждение Л. А. Голяковой о том, что «в плане коммуникативно-прагматического аспекта художественное произведение трактуется как адресное сообщение автора, который кодирует текст, тесно переплетая эксплицитно и имплицитно выраженные смыслы» [Голякова

2011: 94]. Целесообразность использования коммуникативного метода при изучении художественного, в т. ч. поэтического, текста определяется способностью этого метода помочь исследователю аналитически раскрыть порядок организации, внутреннюю структуру произведения, установить ее связь с творческими целями и задачами, решаемыми автором произведения. Кроме того, как отмечает Г. А. Золотова, «недостаточно изученных вопросов еще много в обла-

сти соотношения синтаксиса и семантики», а это значит, что необходимо проводить исследования по этой теме [Золотова 2010: 16].

В статье анализируются стихотворения раннего периода творчества Владимира Высоцкого (60-е гг.) с целью выявления важных особенностей его лирики, которые касаются смысла и композиции стихов. Их структура рассматривается в русле коммуникативной грамматики. Необходимо заранее оговориться, что речь пойдет о тех стихах, которые поэт исполнял под гитару. Сам Высоцкий говорил о своих произведениях, что это не песни, а стихи, положенные на музыку: «Я пишу стихи и пытаюсь исполнять их под музыку для того, чтобы они ещё лучше работали» [Высоцкий 2000: 152].

Согласно классификации, предложенной Г. А. Золотовой, речь – как форма общения, как средство выражения (будь то в устном или в письменном виде) – имеет в своей основе пять типов организации речевого действия (пять коммуникативных регистров по терминологии Г. А. Золотовой): «репродуктивный», «информативный», «генеритивный», «волюнтивный» и «реактивный» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 33]. Кратко охарактеризуем их.

1. **Репродуктивный.** Говорящий воспроизводит в речи непосредственно наблюдаемое. Г. А. Золотова заключает высказывания репродуктивного типа в модусную рамку «*Я вижу, как...*», «*Я слышу, как...*», «*Я чувствую, как...*» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 29]. Для данного коммуникативного регистра характерны любые описания.

2. **Информативный.** Говорящий сообщает о каких-либо фактах, событиях, свойствах, и это знания, полученные не путем прямого наблюдения, а в результате опыта или мыслительных операций [там же]. Высказывания такого типа можно заключить в модусную рамку «*Я знаю, что...*», «*Известно, что...*» [там же].

3. **Генеритивный.** «Говорящий обобщает информацию, соотнося ее с универсальным опытом ... и поднимаясь на высшую ступень абстракции от событийного времени и места» [там же: 30]. Такие высказывания обычно облачаются в форму умозаключений, афоризмов, пословиц [там же].

4. **Волюнтивный.** Говорящий побуждает адресата к действию с целью внести изменение в тот или иной фрагмент действительности или что-то узнать [там же: 32–33].

5. **Реактивный.** Представляет собой оценочную реакцию говорящего на ситуацию. Реактивный регистр часто используется в диалогах.

Говоря о регистре репродуктивном, Г. А. Золотова также отмечает, что «диалогический блок ... в виде воспроизводимой прямой речи

включается обычно в репродуктивный регистр, так что волюнтивные и реактивные высказывания находятся как бы в двойном подчинении...» [там же: 33].

Существуют также следующие разновидности репродуктивного и информативного регистров: «репродуктивно-описательный» (описание ситуации), «репродуктивно-повествовательный» (изложение событий), «информативно-описательный» (констатация факта, вывод, мнение), «информативно-повествовательный» (изложение повторяющихся, многократных действий) [там же: 30–31].

Следует подчеркнуть, что формальная характеристика текста в соответствии с названными (так сказать, *основными, базовыми*) коммуникативными регистрами отнюдь не предполагает раздельного, обособленного существования последних, поскольку практика литературно-художественного творчества порождает *контактные виды коммуникативных регистров*. Это объясняется тем, что в текстах поэтических в силу максимальной концентрации смыслов возможно сочетание двух и более коммуникативных регистров (например, информативного и реактивного) даже в рамках одной предикативной единицы.

Разумеется, для анализа стихотворений В. Высоцкого с точки зрения коммуникативной грамматики важны как базовые позиции, так и их контактные варианты.

Ранняя лирика Высоцкого носит повествовательный характер. Многие песни этого периода поэт написал под влиянием блатного фольклора. Вл. Новиков пишет, что это «четыре десятка историй, перетекающих друг в друга, перекликающихся, образующих вместе единый текст, своего рода роман с весьма небезупречным главным героем» [Новиков 2006: 60]. Надо отметить, что, поскольку поэт сам никогда не сидел в тюрьме, возникает вопрос о том, какой герой перед нами: ролевой или лирический. Многие исследователи размышляли на эту тему. А. Рощина критикует те классификации героев и образа повествователя, в основе которых лежит морально-этический принцип, справедливо замечая, что это противоречит научному подходу [Рощина 1998: 132]. Автор утверждает, что исследователи нередко судят о том, лирический это герой или ролевой, основываясь на его моральных качествах, например, в ранней (блатной) лирике Высоцкого они видят именно ролевого героя и отказываются видеть героя лирического. Верным представляется вывод Я. Кормана: «...подавляющее большинство произведений, которые мы привыкли считать ролевыми, являются таковыми лишь по форме, а ролевые персонажи – это лишь

маски и образы лирического героя» [Корман 2006: 5–6], поскольку исследователь опирается на слова самого поэта: «Я пишу от первого лица по двум причинам: первая – это то, что, может быть, мне как актеру ... чтобы играть разных людей, намного удобнее говорить от первого лица, и вторая – из-за того, что в этих вещах есть мое собственное мнение и суждение о том предмете, о котором я разговариваю. Это всё только мои собственные мысли, поверьте мне» [Корман цит. по: Высоцкий 2000: 5]. В блатной лирике Высоцкого перед нами лирический герой, и этот герой – бунтарь. Этим он и близок автору, поскольку его творчество является примером ярко выраженного личностного начала. По словам А. В. Подобрый, «Любой писатель является выразителем не только коллективного, но и личностного начала, и его стремление создать свою художественную реальность может быть противопоставлено родовым культурным представлениям о мире и о человеке в этом мире» [Подобрый 2013: 140]. Отметим также, что Высоцкий был не только поэтом и бардом, но и актером, поэтому, безусловно, его талант к перевоплощению помог ему создать множество образов людей разных профессий и социальных кругов.

И. В. Шумкина и И. А. Некрасов в статье «Окуджава и Высоцкий в русской речи» справедливо утверждают, что для лирики Высоцкого характерна сюжетность [Шумкина, Некрасов 2008: 465]. В этом можно убедиться на примере таких стихотворений, как «Сорок девять дней», «Тот, кто раньше с нею был», «Татуировка», «Лежит камень в степи», «Я был душой дурного общества».

Одним из самых показательных примеров поэтического произведения с ярко выраженным сюжетом является стихотворение «Сорок девять дней» (1960) [Высоцкий 1991: 15], посвященное реальным событиям. Автор рассказывает историю таким образом, что читатели живо представляют себе происходящее, а это означает, что в этом стихотворении проявляется «кинематографичность». И. А. Мартынова определяет явление кинематографичности так: «...это характеристика текста с монтажной техникой композиции, в котором различными, но прежде всего композиционно-синтаксическими средствами изображается динамическая ситуация наблюдения» [Мартынова 2002: 240]. В этом можно убедиться на примере следующего фрагмента:

Суров же ты, климат охотский, –
Уже третий день ураган.
Встает у руля сам Крючковский,
На отдых – Федотов Иван.
[Высоцкий 1991: 15]

В первой строке стихотворения используется информативный регистр, так как фраза *Суров же ты, климат охотский* представляет собой некоторое умозаключение об охотском климате. Со второй строки происходит переход от несюжетного времени к сюжетному – это репродуктивно-описательный регистр: описывается погода, и это описание служит фоном для событий, которые далее происходят. В третьей и четвертой строках передается последовательность действий, поэтому эти строки актуализируют репродуктивно-повествовательный регистр. В третьей строке употреблен глагол в форме несовершенного вида, выражающий однократное действие. В строке *На отдых – Федотов Иван* также выражено однократное действие, а эллиптическая конструкция придает этому действию динамичность. По словам Т. В. Кузьминой, «...время (темпоральность) в тексте выражается не только глагольными формами (явно, эксплицитно), но и синтаксическими конструкциями, не содержащими этих форм (неявно, имплицитно)» [Кузьмина 2014: 114]. Эффект кинематографичности достигается за счет использования глаголов в форме настоящего времени несовершенного вида (далее – НСВ) при изложении событий вместо глаголов в форме прошедшего времени совершенного вида (далее – СВ).

Весьма показательна и третья строфа стихотворения:

Суровой, ужасней лишенья,
Ни лодки не видно, ни зги, –
И принято было решенье –
И начали есть сапоги.
[там же: 15]

Первые две строки представляют собой репродуктивно-описательный регистр, поскольку передают обстоятельства, в которых оказались персонажи на тот момент: *Суровой, ужасней лишенья, / Ни лодки не видно, ни зги*. В третьей и четвертой строках *последовательность действий* выражена регистром репродуктивно-повествовательным: *И принято было решенье – / И начали есть сапоги*.

Сюжетом стихотворения «Татуировка» (1961) [там же: 17] является история о любви двух мужчин к одной женщине. Первая строка *Не делили мы тебя и не ласкали* представляет собой информативно-повествовательный регистр, поскольку в ней речь идет о повторяющихся действиях в прошлом. Эти действия выражены с помощью глаголов НСВ. В строках *А что любили – так это позади, – / Я ношу в душе твой светлый образ*, Валя лирический герой сообщает факты, а это означает, что перед нами информативно-описательный регистр. Последняя строка

А Леша выколол твой образ на груди актуализирует репродуктивно-повествовательный регистр, описывая однократное действие, выраженное глаголом СВ.

Предпоследняя строфа стихотворения почти полностью относится к репродуктивно-повествовательному регистру, так как в ней передается последовательность событий:

Но недавно мой товарищ, друг хороший,
Он беду мою искусством поборол:
Он скопировал тебя с груди у Леша
И на грудь мою твой профиль наколот.
[Высоцкий 1991: 15]

Однако уточнение *друг хороший* актуализирует информативный регистр, потому что оно выражает то, что лирический герой знает и думает о своем друге.

Стихотворение «Тот, кто раньше с нею был» (1962) [там же: 27–28] также представляет собой историю с захватывающим сюжетом, в котором динамику передают глаголы в форме СВ, актуализируя, таким образом, репродуктивно-повествовательный регистр, а кинематографичность, наглядность отдельных эпизодов в этом стихотворении передают глаголы в форме НСВ, актуализируя репродуктивно-описательный регистр:

В тот вечер я не пил, не пел –
Я на нее всю глядел,
Как смотрят дети, как смотрят дети.
Но тот, кто раньше с нею был,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Что мне не светит [там же: 27].

Очевидно, что первые две строки относятся к репродуктивно-описательному регистру: *В тот вечер я не пил, не пел – / Я на нее всю глядел*. Фраза *Как смотрят дети, как смотрят дети* относится к информативному регистру, поскольку представляет собой некое умозаключение. Остальные четыре строки актуализируют репродуктивно-повествовательный регистр, но в пятой и шестой строках он сочетается с волюнтивным регистром, поскольку «тот, кто раньше с нею был» выражает свою волю (*Сказал мне, чтоб я уходил*), а в седьмой – с регистром информативным (*Что мне не светит*) в виде простого придаточного предложения глагольно-безличной группы (*Что мне не светит*).

В третьей строфе преобладает репродуктивный регистр. Первые две строки выражают информативный регистр: *Но тот, кто раньше с нею был, / Меня, как видно, не забыл*. Третья строка относится к репродуктивно-повествовательному регистру (*И как-то в осень, и как-то в осень*), остальные строки представляют собой репродуктивно-описательный регистр. Этот от-

рывок дает читателю возможность стать непосредственным наблюдателем ситуации:

Иду с дружкой, гляжу – стоят, –
Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд –
Их было восемь [там же: 28].

Особенно динамична четвертая строфа. Первая часть первой строки актуализирует репродуктивно-повествовательный регистр, а фраза, которая следует после двоеточия до конца второй строки, – информативный регистр, так как она выражает то, что лирический герой думал в тот момент: *Со мною – нож, решил я: что ж, Меня так просто не возьмешь*. Следующая строка выражает мысленную угрозу и, таким образом, относится к волюнтивному регистру: *Держитесь, гады! Держитесь, гады!* Волюнтивный регистр актуализируется и в строке *К чему задаром пропадать*. Пятая и шестая строки представляют собой репродуктивно-повествовательный регистр и передают динамику действия: *Ударил первым я тогда, / Ударил первым я тогда*. Подводящая итог событиям констатация, выражающая точку зрения лирического героя на собственный поступок, – *Так было надо* [там же] – воплощена в информативном регистре.

В нескольких песнях Высоцкого повторяется один и тот же сюжет: женщина предаёт лирического героя, и они расстаются. Этот сюжет представлен в стихотворении «Бодайбо» (1961) [там же: 22], где лирический герой обращается к бывшей возлюбленной с упреками, но с первой же строфы ясно, что в это время она далеко от героя и не может ответить на эти упреки. Поэтому перед нами не диалог, а монолог:

Ты уехала на короткий срок,
Снова свидеться нам – не дай бог, –
А меня в товарный – и на восток,
И на прииски в Бодайбо [там же].

Первая строфа почти полностью относится к репродуктивно-повествовательному регистру, кроме второй строки, которая актуализирует волюнтивный регистр, так как в ней лирический герой высказывает нежелание снова встретиться с героиней: *Снова свидеться нам – не дай бог*. Эта идея выражена с помощью междометного фразеологизма *не дай бог*. Во фразе *А меня в товарный – и на восток, / И на прииски в Бодайбо* используется эллиптическая конструкция (подразумевается глагол *отправили*).

Вторая строфа относится к информативному регистру, кроме фразы *Ну а мне плевать*, которая выражает оценочную реакцию на ситуацию, а значит, актуализирует реактивный регистр, несмотря на то, что это не ответная реплика в диалоге:

Не заплачешь ты и не станешь ждать,
Навещать не станешь родных, –
Ну а мне плевать – я здесь добывать
Буду золото для страны.
[Высоцкий 1991: 22]

В последней строфе лирический герой обращается к героине:

Ты не жди меня – ладно, бог с тобой, –
А что туго мне – ты не грусти.
Только помни – не дай бог тебе со мной
Снова встретиться на пути! [там же]

Эта строфа актуализирует волюнтивный регистр (кроме фразы *А что туго мне*, которая относится к информативному регистру), но волеизъявление здесь выражено разными способами. В первую очередь, это глаголы в форме повелительного наклонения: *не жди, не грусти, помни*. Кроме того, это междометные фразеологизмы *бог с тобой* и *не дай бог (тебе со мной встретиться)*.

В стихах Высоцкого много диалогов, которые способствуют продвижению сюжета. Как правило, это диалоги между персонажами.

Эту мысль подтверждает анализ стихотворения «Счетчик щелкает» (1964) [там же: 65]:

Твердил он нам: «Моя она!»
«Да ты смеешься, друг, да ты смеешься!»
Уйди, пацан, – ты очень пьян, –
А то нарвешься, друг, гляди, нарвешься!»
[там же]

В первой строке фраза *Твердил он нам* актуализирует репродуктивно-описательный регистр, а реплика персонажа «*Моя она!*» – информативный. Ответная реплика «*Да ты смеешься, друг, да ты смеешься*» представляет собой реакцию на предыдущее высказывание, и, следовательно, это реактивный регистр. Фраза *Уйди, пацан*, относится к волюнтивному регистру. Вывод лирического героя о его собеседнике *ты очень пьян* актуализирует информативный регистр. К информативному регистру также относится угроза *А то нарвешься, друг, гляди, нарвешься!*

Диалог включается в репродуктивный регистр. По репликам персонажей чувствуется, как атмосфера накаляется; ясно, что конфликт неизбежен:

Ударил в виски мне кровь с вином –
И, так же продолжая улыбаться,
Ему сказал я тихо: «Все равно
В конце пути придется рассчитаться!»
[там же]

Первая строка относится к репродуктивно-повествовательному регистру. Интересно, что в ней используется метафора: *Ударил в виски мне кровь с вином*, которая возникла в результате

контаминации двух фразеологизмов *кровь бросилась (кинулась, ударила) в голову* «Кто-либо пришел в иступление, сильное возбуждение» [Войнова и др. 1968: 213] и *ударять в голову* «оказывать опьяняющее действие» [там же: 490]. Вторая строка относится к репродуктивно-описательному регистру. Фраза *Ему сказал я тихо* актуализирует репродуктивно-повествовательный регистр. Реплика «*Все равно / В конце пути придется рассчитаться!*» представляет собой информативный регистр. Это предупреждение, адресованное собеседнику.

А жизнь мелькает, как в немом кино, –
Мне хорошо, мне хочется смеяться, –
А счетчик – щелк да щелк, – да все равно
В конце пути придется рассчитаться...
[Высоцкий 1991: 65]

Первая строка актуализирует информативный регистр, поскольку в ней используется необычное сравнение, которое выражает субъективный взгляд лирического героя на жизнь. Фраза *Мне хорошо* также относится к информативному регистру. Фраза *мне хочется смеяться* – к волюнтивному, поскольку она представляет собой волеизъявление. *А счетчик – щелк да щелк* – к репродуктивно-описательному (отметим использование междометного глагола *щелк*, который придает четверостишию экспрессию). Произнесенная в самом конце фраза *да все равно / В конце пути придется рассчитаться* превращается в философское обобщение, поэтому она актуализирует генеритивный регистр. У этого стихотворения открытый финал и не сказано, кто победил. Рассчитаться придется обоим персонажам, вне зависимости от того, кто победит, и, кроме того, в стихотворении также выражена идея, что всем людям однажды придется ответить за свои поступки.

Стихотворение «Весна еще в начале» (1962) [там же: 32–33] имеет один из характерных для ранней лирики Высоцкого сюжетов – неудачный побег из тюрьмы (примерно такой же сюжет и у стихотворения «Зэка Васильев и Петров зэка» [там же: 45]). Этот текст включает в себя диалог:

Спросил я Катю взглядом:
«Уходим?» – «Не надо!»
«Нет, хватит, – без Весны я не могу!»
И мне сказала Катя:
«Что ж, хватит так хватить», –
И в ту же ночь мы с ней ушли в тайгу.
[там же: 32–33]

Первая, четвертая и шестая строки актуализируют репродуктивно-повествовательный регистр, так как в них дана последовательность действий. Реплика лирического героя «*Уходим?*» представ-

ляет собой волюнтивный регистр: она выражает конкретное желание, намерение. Реплика Кати «*Не надо!*» относится к реактивному регистру, поскольку это негативная реакция на предложение уйти. Следующая реплика лирического героя «*Нет, хватит, – без Весны я не могу!*» совмещает в себе реактивный и информативный регистры: это и негативная реакция на реплику Кати, и заявление о том, что этот персонаж больше не может находиться в заключении. Следовательно, это контактная форма двух регистров. Последняя реплика героини «*Что ж, хватит так хватит*» является реакцией на данное заявление и поэтому относится к реактивному регистру.

Сюжет, диалоги, а также отдельные реплики персонажей играют важную роль и в стихотворении «Рецидивист» (1963) [Высоцкий 1991: 50–51]:

Это был воскресный день – и я не лазил по карманам:
В воскресенье – отдыхать, – вот мой девиз.
Вдруг – свисток, меня хватают, обзывают хулиганом,
А один узнал – кричит: «Рецидивист!»
[там же: 50]

В первой строке дано описание ситуации – это репродуктивно-описательный регистр: *Это был воскресный день – и я не лазил по карманам*. Во второй строке лирический герой сообщает о характерном для него правиле поведения, но поскольку оно индивидуально, а не предназначено для всех, правильнее считать это информативным регистром, а не генеритивным: *В воскресенье – отдыхать, – вот мой девиз*. Следующая строка передает смену действий, поэтому она актуализирует репродуктивно-повествовательный регистр. Динамика этих действий передается с помощью глаголов настоящего времени НСВ: *Вдруг – свисток, меня хватают, обзывают хулиганом*. Фраза *А один узнал – кричит* актуализирует репродуктивно-повествовательный регистр. Реплику одного из милиционеров «*Рецидивист!*» можно трактовать, с одной стороны, как информативный регистр (человек выражает свое мнение о лирическом герое), а с другой стороны, как реактивный регистр (реплика представляет собой реакцию на ситуацию и выражает негативную оценку).

«Брось, товарищ, не ершишь,
Моя фамилия – Сергеев, –
Ну а кто рецидивист –
Ведь я ж понятия не имею».
[там же]

Представленная реплика лирического героя является реакцией на арест, о котором говорится в предыдущей строке. Здесь сочетается несколько регистров: реактивный, волюнтивный и информативный. Реактивный регистр относится ко

всей строфе в целом, волюнтивный регистр – к фразе *Брось, товарищ, не ершишь*, а остальные строки актуализируют информативный регистр.

Приведем диалог между лирическим героем и милиционером:

«Сколько раз судились вы?»
«Плохо я считать умею!»
«Но все же вы – рецидивист?»
«Да нет, товарищ, я – Сергеев».
[там же]

Эта строфа представляет собой обмен репликами, где нечетные строки актуализируют волюнтивный регистр, а четные – реактивный, поскольку они выражают иронию лирического героя по отношению к вопросам, которые ему задают. Четвёртую строку можно трактовать также как сочетание реактивного и информативного регистров, так как персонаж не только реагирует на вопрос, но и сообщает о себе некоторую информацию.

У Высоцкого есть также стихи, полностью состоящие из обмена репликами, как, например, «*Большой Каретный*» (1962) [там же: 38–39] и «*Эй, шофер, вези – Бутырский хутор...*» (1963) [там же: 48] (которое представляет собой диалог между бывшим заключенным и шофером):

– Эй, шофер, вези – Бутырский хутор,
Где тюрьма, – да поскорее мчи!
– Ты, товарищ, опоздал,
ты на два года перепугал –
Разбирают уж тюрьму на кирпичи [там же].

Первые две строки актуализируют волюнтивный регистр. Слова *Ты, товарищ, опоздал, / ты на два года перепугал – / Разбирают уж тюрьму на кирпичи* представляют собой ответную реплику, в которой содержится и фактическая информация, и оценочная реакция – ирония, насмешка. Именно поэтому данная реплика совмещает в себе информативный и реактивный регистры.

В. Высоцкий обладал потрясающей способностью вовлечь слушателя (или читателя) в диалог. В этом можно убедиться на примере стихотворения «*Большой Каретный*», которое фактически представляет собой разговор и лирического героя со всеми, кто когда-то жил в этом переулке, и с самим собой. В этом убеждает и то, как Высоцкий исполняет это стихотворение под музыку вместе с хором, выкрикивающим некоторые реплики. Сначала припев он поет один, сам отвечая на собственные вопросы. Потом он задает вопросы, а хор отвечает. После этого хор задает вопросы, а отвечает Высоцкий.

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?

На Большом Каретном.
Где твой чёрный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.
[Высоцкий 1991: 38–39]

Известно, что поэт жил в Большом Каретном переулке с отцом и мачехой (в 1956 г. переулок переименовали в улицу Ермоловой, а в 1993 г. ему вернули прежнее название). Как утверждают А. Е. Крылов и А. В. Кулагин, «Большой Каретный был для поэта символом дружбы и начала творческого пути» [Крылов, Кулагин 2009: 44]. Очевидно, что эти вопросы лирический герой адресует и самому себе, а также то, что он в данном произведении максимально близок автору, совпадает с ним (а это значит, что слова *ты* и *твой* следует понимать не только в прямом значении, но и как *я* и *мой*).

Из всего вышесказанного следует, что в данном случае справедливы две трактовки. Первая: все нечетные строки – это вопросы, обращенные ко всем, кто когда-либо жил «на Большом Каретном» (волюнтивный регистр), все четные – их ответы (реактивный регистр в сочетании с информативным). Вторая: все нечетные строки – это вопросы, которые лирический герой задает самому себе, погружаясь в воспоминания (волюнтивный регистр), а все четные строки – его же ответы на эти вопросы (реактивный регистр в сочетании с информативным). В обоих случаях это чередование волюнтивного и реактивного регистров, но адресаты разные.

В следующем фрагменте сложно однозначно определить коммуникативный регистр:

Переименован он теперь,
Стало все по новой там, верь не верь.
И все же, где б ты ни был, где ты ни бредешь,
Нет-нет да по Каретному пройдешь.
[там же: 38]

Первая и вторая строки представляют собой информативный регистр, так как это всего лишь констатация факта: *Переименован он теперь, / Стало все по новой там, верь не верь*. Что касается высказывания *И все же, где б ты ни был, где ты ни бредешь, / Нет-нет да по Каретному пройдешь*, возможны две трактовки: 1) эти слова относятся только к одному человеку – лирическому герою и актуализируют информативный регистр; 2) это обобщение, которое касается всех, кто когда-то жил «на Большом Каретном», и в таком случае это генеритивный регистр.

Анализ стихотворений В. Высоцкого с точки зрения коммуникативных регистров подтверждает тот факт, что сюжетность и диалогичность являются неотъемлемыми чертами его ранней поэзии. Для изложения того, что происходит по

сюжету, используется репродуктивно-повествовательный регистр, а так как лирика сюжетная, именно этот регистр довольно часто встречается в стихотворениях у Высоцкого (при этом глаголы стоят в форме СВ). Нередко при этом автор прибегает к эллиптическим конструкциям, междометным глаголам и междометным фразеологизмам. Все эти средства делают повествование более динамичным. Кроме того, довольно часто употребляется репродуктивно-описательный регистр – в тех случаях, когда описывается та или иная ситуация, причем глаголы употреблены в форме НСВ. В связи с этим выделим такую особенность ранней лирики В. Высоцкого, как кинематографичность. Следует также отметить огромную роль диалогов в стихотворениях поэта. Именно поэтому в них широко используются волюнтивный и реактивный регистры. Иногда это диалоги между персонажами, иногда обращение лирического героя либо к читателям, либо к другому персонажу, ответные реплики которого в тексте не представлены. Диалоги необходимы автору для развития сюжета и для того, чтобы показать своих персонажей в коммуникативных актах.

Таким образом, коммуникативный подход к стихотворениям В. Высоцкого представляется целесообразным и весьма продуктивным, а эти тексты благодаря своей структуре – это богатый материал для коммуникативной грамматики.

Список литературы

- Владимир Высоцкий. Монологи со сцены / лит. запись О. Л. Терентьева. Харьков: Фолио; М.: Издательство АСТ, 2000. 208 с.
- Войнова Л. А., Жуков В. П., Молотков А. И., Федоров А. И. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. Изд. 2-е, стереотип. М.: Сов. энцикл., 1968. 543 с.
- Высоцкий: время, наследие, судьба / под ред. С. Л. Яценко. Киев (без вых. данных). Особ. вып. 8 с.
- Высоцкий В. С. Сочинения: в 2 т. М., 1991. Т. 1. 640 с.
- Голякова Л. А. Ритм художественного произведения: коммуникативно-прагматический аспект // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3(15). С. 94–99.
- Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Изд. 6-е. М.: КомКнига, 2010. 368 с.
- Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.
- Корман Я. И. Владимир Высоцкий: ключ к подтексту. Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 381 с.

Крылов А. Е., Кулагин А. В. Высоцкий как энциклопедия советской жизни. Комментарий к песням поэта. М.: Булат, 2010. 384 с.

Кузьмина Т. В. Формы имплицитного (синтаксического) выражения времени в поэзии Б. А. Ахмадулиной // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3(27). С. 113–120.

Новиков В. И. Высоцкий. М.: Молодая гвардия, 2006. 412 с.

Мартьянова И. А. Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности. СПб., САГА, 2002. 236 с.

Подобрий А. В. Преемственность – традиция – диалог – новаторство (к вопросу о литературной эволюции) // Мировая литература в контексте культуры. 2013. Вып. 2(8). С. 139–144.

Рощина А. А. Автор и его персонажи. Проблема соотношения ролевого и лирического героев в поэзии В. Высоцкого // Мир Высоцкого: Исследования и материалы / сост. А. Е. Крылов и В. Ф. Щербак. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1998. С. 122–135.

Шумкина И. В., Некрасов И. А. Окуджава и Высоцкий в русской речи. Опыт сравнительного анализа // Голос надежды: новое о Булате: сб. Вып. 5. М.: Булат, 2008. С. 464–484.

References

Vladimir Vysotskiy: Monologi so steny [Vladimir Vysotsky: The Monologues from the Stage]. Recorded by O. L. Terent'ev. Kharkov, Folio Publ.; Moscow, AST Publ., 2000. 208 p.

Voynova L. A., Zhukov V. P., Molotkov A. I., Fedorov A. I. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Ed. by A. I. Molotkov. 2nd Stereotype Edition. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1968. 543 p.

Vysotskiy: vremya, nasledie, sud'ba [Vysotsky: Time, Heritage, Fate]. Ed. by S. L. Yatsenko. Special Edition. Kiev. 8 p.

Vysotsky V. S. *Sochineniya: v 2 t.* [Works in two volumes]. Moscow, 1991, vol. 1. 640 p.

Golyakova L. A. *Ritm khudozhestvennogo proizvedeniya: kommunikativno-pragmaticheski aspekt* [Rhythm of the Work of Art: Communicative and Pragmatic Aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2011, issue 3(15), pp. 94–99.

Zolotova G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [The Communicative Aspects of

Russian Syntax]. 6th Edition. Moscow, KomKniga Publ., 2010. 368 p.

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [The Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, 2004. 544 p.

Korman Ya. I. *Vladimir Vysotskiy: klyuch k podtekstu* [Vladimir Vysotsky: the Key to the Implied Sense]. 2nd Edition, revised and augmented. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2006. 381 p.

Krylov A. E., Kulagin A. V. *Vysotskiy kak entsiklopediya sovetskoy zhizni. Kommentariy k pesnyam poeta* [Vysotsky as an Encyclopedia of Soviet Life. The Comment on the Poet's Songs]. Moscow, Bulat Publ., 2010. 384 p.

Kuz'mina T. V. *Formy implitsitnogo (sintaksicheskogo) vyrazheniya vremeni v poezii B. A. Akhmadulinoj* [Forms of Implicit (Syntactic) Expression of Tense in B. A. Akhmadulina's Poetry]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2014, issue 3(27), pp. 113–120.

Novikov V. I. *Vysotskiy* [Vysotsky]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2006. 412 p.

Mart'yanova I. A. *Kinovek russkogo teksta: paradoks literaturnoy kinematografichnosti* [The Age of Cinema in Russian Text: the Paradox of Cinematic Writing]. St. Petersburg, SAGA Publ., 2002. 236 p.

Podobriy A. V. *Preemstvennost' – traditsiya – dialog – novatorstvo (k voprosu o literaturnoy evolyutsii)* [Succession – Tradition – Dialogue – Innovation (to the Question of Literary Evolution)]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture], 2013, issue 2(8), pp. 139–144.

Roshchina A. A. *Avtor i ego personazhi. Problema sootnosheniya rolevogo i liricheskogo geroev v poezii V. Vysotskogo* [The Author and his Characters. The Problem of Correlation between the Role-playing Character and the Lyrical Character in Vysotsky's Poetry]. *Mir Vysotskogo: Issledovaniya i materialy* [Vysotsky's World: Researches and Materials]. Comp. by A. E. Krylov and V. F. Shherbakova. Moscow, V. S. Vysotsky State Cultural Center and Museum Publ., 1998, pp. 122–135.

Shumkina I. V., Nekrasova I. A. *Okudzhava i Vysotskiy v russkoy rechi. Opyt sravnitel'nogo analiza* [Okudzhava and Vysotsky in the Russian Speech. The Experience of the Comparative Analysis]. *Golos nadezhdy: novoe o Bulate* [The Voice of Hope: News about Bulat]. Moscow, Bulat Publ., 2008, issue 5, pp. 464–484.

THE COMMUNICATIVE APPROACH TO THE ANALYSIS OF POETIC TEXT (a Case Study of Vysotsky's Early Lyrics)

Ekaterina V. Ryakina

**Postgraduate Student in the Department of Russian Language
Saint Petersburg State University**

The article is aimed at analyzing poems by V. Vysotsky written in the early period of his work from the perspective of communicative grammar. According to G. A. Zolotova's opinion, speech is based on five communicative registers: reproductive, informative, generative, volutive and reactive. Communicative registers express the speaker's attitude to the semantic content of the utterance and to the addressee. With the help of the communicative method, we can understand the inner structure of the text. However, it is important to mention that the borders between communicative registers are conditional. In the article, the question of the lyrical hero in the works of V. Vysotsky is tackled. Many of his poems of that period were written under the influence of the thieves' folklore and the peculiarities of the lyrical hero are connected with it. Moreover, early lyrics by V. Vysotsky are mostly narrative. Narrativity and dialogueness are the intrinsic traits of his poetry. In narrative poems, the reproductive register is widely used. The volutive and reactive registers are actively used in Vysotsky's poems because dialogues play a great role in these texts. The characteristic features of the texts under study are elliptical structures, interjectional verbs and interjectional phraseological units.

Key words: Vysotsky; communicative register; lyrical hero; narrativity; dialogueness.

УДК 811.161
doi 10.17072/2037-6681-2017-1-77-86

ПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ КОМПАРАТИВА В ПОЭЗИИ А. А. АХМАТОВОЙ

Ольга Геннадьевна Твердохлеб

**к. филол. н., доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка
Оренбургский государственный педагогический университет**

460844, г. Оренбург, ул. Советская, 19. ogtwr@gmail.com

SPIN-код: 2149-7656

ORCID: 0000-0002-8309-0245

ResearcherID: R-8405-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Твердохлеб О. Г. Предикативное употребление компаратива в поэзии А. А. Ахматовой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 77–86. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-77-86

Please cite this article in English as:

Tverdokhlebova O. G. Predikativnoe upotreblenie komparativa v poezii A. A. Akhmatovoy [Predicative Use of the Comparative in the Poetry by A. A. Akhmatova]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 1, pp. 77–86. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-77-86 (In Russ.)

В статье предпринята попытка установить связь языковых особенностей поэтических текстов А. А. Ахматовой с основными идейными установками акмеистов, среди которых – требование внимания к вещным деталям и требование логичности. Приведены количественные данные об использовании компаративов в функции сказуемого (именной части составного именного сказуемого) с материально выраженной незнаменательной связкой *быть* и с нулевой связкой с целью создания четкой логической синтаксической структуры в поэзии Ахматовой. На большом иллюстративном материале показано, что связка *быть* представлена обычно: а) в двусоставных предложениях трех- (чаще) и двухкомпонентной (реже) структуры сравнения; б) в форме изъявительного наклонения прошедшего времени единственного числа: женского рода в конструкциях, где субъектом сравнения является ‘я-поэтесса’, ‘я-лирическая героиня’, и мужского рода – с субъектом сравнения, номинирующим лирического героя. Выявлено, что нулевую связку поэтесса чаще использует в двусоставных предложениях, не отдавая предпочтения трех- либо двухкомпонентным сравнительным конструкциям, употребляя их даже при одном и том же субъекте сравнения. Указано, что разнообразные субъекты сравнения при компаративах с нулевой связкой обозначены именами существительными, номинирующими лирического героя, части его тела, натурфакты и артефакты, абстрактное понятие. Отмечена наибольшая частотность в качестве субъекта сравнения при компаративе личного местоимения 1-го лица единственного числа, используемого А. А. Ахматовой для достижения акмеистической реалистичности при передаче через обыденное душевных переживаний ‘я-поэтессы’, ‘я-лирической героини’. Автор приходит к выводу, что наибольшая частотность компаративов при нулевой связке в поэзии А. А. Ахматовой связана с акмеистическим принятием мира «во всей совокупности красот и безобразий», «здесь», «в русской современности». Результаты, полученные в работе, могут оказаться интересными для литературоведов, исследующих творчество А. А. Ахматовой, а также поэзию Серебряного века. Полученные результаты могут найти применение и в практике составления словаря поэтессы.

Ключевые слова: акмеизм; компаратив; А. А. Ахматова; вещьность; глагол-связка, логичность.

Возросшее внимание лингвистов к проблемам художественной речи поэтов Серебряного века и особая значимость в современной науке междисциплинарных исследований на стыке литературоведения и лингвистики, когда лексика, семантика и стилистика художественного языка изучаются в единстве с поэтикой, делает наше исследование актуальным.

Изучение поэзии акмеизма, представителями которого были С. М. Городецкий, А. А. Ахматова, Н. С. Гумилев, О. Э. Мандельштам, М. А. Кузмин, М. А. Зенкевич, со времени своего возникновения (см. сборник статей критиков-современников: [Акмеизм... 2014]) вызывает интерес как литературоведов (В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум, М. Л. Гаспаров, Л. Г. Кихней, О. А. Клинка, Е. В. Меркель, О. А. Лекманов, Р. Д. Тименчик, О. В. Червинская и мн. др.), так и лингвистов (В. В. Виноградов, С. С. Аверинцев и др.).

Особое место в литературе Серебряного века, и в частности, акмеизма, занимает поэтический мир Анны Андреевны Ахматовой (1889–1966).

Ее поэзия в большей степени исследовалась в литературоведческом и философском аспектах [Жирмунский 1928; Тименчик 1973; Артюховская 1982; Кормилов 1998; Бурдина 2009; Бурдина 2010; Васильева 2008; Кихней, Меркель 2012; Яковлева 2014].

Имеются работы, посвященные и ее поэтическому языку [Эйхенбаум 1969; Виноградов 1922; Виноградов 1976], и, в частности, вопросам его синтаксиса и лаконичности [Жирмунский 1928; Адмони 1992]. Есть исследования стилистики ее ранней лирики [Кашкарова 2010], концепта «любовь» [Данькова 2000], фразеологизмов [Кудрина 2008], одоративной лексики [Кулаковский 2011] и лексического повтора [Метлякова 2011].

Однако до сих пор остается много невыясненного.

I. В программных манифестах акмеистов были заявлены требования внимания к вещным деталям и логичности. Так, С. М. Городецкий в статье «Некоторые течения в современной русской поэзии» (1913) постулирует «бесповоротное приятие» акмеизмом мира «во всей совокупности красот и безобразий» [Городецкий 1997: 205], что потребовало смены «поэзии намеков и настроений» на логически ясное «искусство точно вымеренных и взвешенных слов» [Жирмунский 1916: 31], когда логика «есть царство неожиданности», а «мыслить логически значит непрерывно удивляться» [Мандельштам 1993].

Требование логичности потребовало вовлечения в акмеистический художественный текст определенных грамматических построений. Как мы указывали ранее, «логико-лингвистическими построениями, свойственными русскому синтак-

сису, становятся у акмеистов разные сравнительные конструкции, особенно включающие грамматическую форму, способную самостоятельно выражать компаративную семантику – степень сравнения имен прилагательных, наречий, слов категории состояния» [Твердохлеб 2016а].

Поскольку сравнение, обычно включающее в себя три элемента [Ефимов 1961: 224], выражающихся эксплицитно или имплицитно: *субъект сравнения* (то, что сравнивается), *объект сравнения* (то, с чем сравнивается) и *основание (признак) сравнения* (общее у сравниваемых предметов), отражает реальность вне действия, т. е. статически, то компаративные формы, предназначенные для выражения градационного сравнения (по соотношению измеряемого), для акмеистического обозначения «вещей» в состоянии статичности оказываются весьма кстати. Именно компаративные конструкции позволяют автору в статически подробных сравнениях разных «вещей» между собой акцентировать внимание читателя не на каком-либо событии или действии, а на самих «вещах», их «деталях».

С таким «проникновением в поэзию чуждой эпохе символизма рациональной стихии» В. М. Жирмунский связывал появление «логического синтаксиса», «логических форм синтаксической связи как основы композиционного оформления» в акмеистических текстах Анны Ахматовой [Жирмунский 1928: 332–336].

II. Имена прилагательные, наречия и слова категории состояния в сравнительной степени, являющиеся грамматическими омонимами, принято называть компаративами. Объектом данной статьи стал язык поэзии А. А. Ахматовой, в том числе компаративные конструкции, способствующие выполнению задач, заявленных акмеистами в их программных статьях.

Путем выборки из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) ¹ [Национальный...] нами было обнаружено более 2,5 тысяч конструкций с компаративами от прилагательных, наречий и слов категории состояния (безличных предикативов, предикативных наречий), с разной степенью частотности используемых поэтами-акмеистами (подробный анализ статистических данных см. в нашей предыдущей работе: [Твердохлеб 2016б]). При этом в подборке «компаративы» по подкорпусу «А. А. Ахматова» НКРЯ выдал:

– 216 документов из найденных 945 общим объемом 5 316 предложений;

– 346 вхождений – 0,85 % от 56 504 слов.

Компаративы как логические грамматические средства выражения неравной меры проявления признака, присущего сопоставляемым предметам, в предложении номинируют осно-

вания сравнения. В предложении они выступают в функции сказуемого (именной части составного именного сказуемого), определения и обстоятельства.

Рассмотрим далее предикативное употребление компаратива в поэзии А. А. Ахматовой.

III. Проведенный нами анализ полученных в результате этой выборки конструкций выявил, что наиболее часто (более 100 примеров, т. е. почти 1/3 всех выявленных случаев) компаративы в предикативном употреблении функционируют с материально выраженной незнаменательной связкой *быть* и с нулевой связкой. Опишем это детально.

1. Модель «компаратив + *быть*»

Наиболее употребляемая в русском языке связка *быть* выражает «констатацию» наличия признака предмета в «чистом» виде [Лекант 1976: 96–97], поэтому компаративные конструкции указанной модели в акмеистической поэзии Ахматовой, с ее вниманием к «вещизму» и логичности, представлены очень широко (25 примеров, или почти 1/4 всех выявленных случаев компаративов в предикативном употреблении):

1) в двусоставных предложениях (большинство случаев):

— обычно трехкомпонентной структуры (субъект сравнения + основание сравнения + объект сравнения), ср.: *Как была я ему запретней / Всех семи смертельных грехов* (Поэма без героя). С лексемами *всего*, *всех* в позиции объекта обычно образуется сложная превосходная степень, выражающая «значение большой степени проявления признака» [Русская грамматика 1980: § 1307], напр.: *И будет свиданье / Печальней стократ / Всего, что... (Путем вся земля); Белей всего на свете / Была ее рука* («Горят твои ладони...»); *...и я была как все, / И хуже всех была* («Оставь, и я была как все...»);

— реже двухкомпонентной структуры (субъект сравнения + основание сравнения), где объект сравнения не выражен, а компаратив в таких имплицитно релятивных (абсолютивных) конструкциях опирается на абстрактную норму признака, ср.: *Была еще обыкновенней встреча* («Обыкновенным было это утро...»); *Но тот был выше и стройней / И даже, может быть, моложе* (Подражание корейскому);

2) в безличных (примеры единичны): *Так сказала: «Он по ней, / С ним ей будет веселей»* (Сказка о черном кольце).

Поэтесса использует материально выраженную связку *быть*:

а) обычно в форме изъявительного наклонения прошедшего времени (многочисленные примеры ниже);

б) в форме будущего времени (единичные примеры), ср.: *И будет свиданье / Печальней стократ / Всего, что... (Путем вся земля), ср. также безличное предложение: *С ним ей будет веселей»* (Сказка о черном кольце);*

в) в форме настоящего времени (единственный пример, включающий связку *есть*): *О, есть ли что на свете мне знакомей, / Чем шпилей блеск и отблеск этих вод!* (Ленинград в марте).

Разная частотность перечисленных временных связочных форм объясняется несколькими факторами. Большая активность форм прошедшего времени при компаративе связана, видимо, с акмеистическим требованием внимания к деталям: поэтесса как бы оглядывается назад, логически анализируя через сравнение какую-либо реалистическую ситуацию в прошлом, ведь то, что уже произошло (имело место в прошлом), можно и охарактеризовать детальнее, и оценить. Такое сравнение для читателя более закономерно и более реалистично: он больше поверит описанию того, что уже было, а не тому, что будет (будущее событие в какой-то степени лишь предсказание, которое может и не произойти). Этим объясняется, на наш взгляд, ограниченное использование при сравнении-компаративе связки в будущем времени. Для выражения же настоящего времени в русском литературном языке обычно связка опускается (об использовании нулевой связки см. ниже); отсюда и единственное употребление стилистически окрашенной книжной связки настоящего времени *есть*.

А. А. Ахматова использует формы прошедшего времени:

а) женского рода единственного числа, в частности, в конструкции, где субъектом сравнения является:

• я-поэтесса, я-лирическая героиня (обычно), ср. многочисленные примеры с личным местоимением 1-го лица единственного числа *я* в именительном падеже: *И старше была я века / Ровно на десять лет* (Из цикла «Юность»); *...и я была как все, / И хуже всех была* («Оставь, и я была как все...»); *Неужто я всех виноватей / На этой планете была?* (Подражание Кафке); *Как была я ему запретней / Всех семи смертельных грехов* (Поэма без героя); *Удивляйтесь, что была печальней / Между молотом и наковальной, / Чем когда-то в юности была...* («Удивляйтесь, что была печальней...»);

• другое понятие: часть тела, природное явление, абстрактное понятие (реже), ср. имена существительные в именительном падеже: *Белей всего на свете / Была ее рука* («Горят твои ладони...»); *Заря была себя самой алее* (Приморский сонет); *Была еще обыкновенней встреча* («Обыкновенным было это утро...»); *И песня*

любви нашей чистой была, / Прозрачнее лунного света («Над черною бездной с тобою я шла...»);

б) мужского рода единственного числа – с субъектом сравнения, номинирующим:

- лирического героя, ср. примеры с указательным и относительным местоимением в именительном падеже: Но тот был выше и стройней / И даже, может быть, моложе (Подражание корейскому); Тот, кто был других смелее, / Уговаривал меня (Сказка о черном кольце);

- другое понятие: часть тела, название государства, абстрактное понятие (реже), ср. имена существительные в именительном падеже: Но конец отравленного жала / Был острее веретена («Я сошла с ума, о мальчик странный...»); И город, смертно обессилен, / Был Трои в этот час древней (В разбитом зеркале);

в) среднего рода единственного числа – с субъектом сравнения, называющим абстрактное понятие, ср. имя существительное и местоимение в именительном падеже: Все горше и страннее было сходство / Мое с моим изображеньем новым («Покинув рощи родины священной...»); ...и это, верно, было / Всего страшней («Так вот он – тот осенний пейзаж...»);

г) множественного числа – с субъектом сравнения, называющим природное явление, ср. имя существительное в именительном падеже: Ведь звезды были крупнее («Любовь покоряет обманно...»).

Отмеченная выше многочисленность сравнительных конструкций, образованных по модели «компаратив + *быть*», с личным местоимением 1-го лица единственного числа *я* в именительном падеже, особенно свойственных творчеству А. А. Ахматовой, объяснима акмеистическим требованием реалистичности, в частности, при передаче через обыденное душевных переживаний ‘я-поэтессы’, ‘я-лирической героини’.

Субъекты сравнения расположены по отношению к компаративу:

- ▶ контактно: И будет свиданье / Печальней стократ / Всего, что... (Путем вся земля);

- ▶ дистантно (чаще): Я была тебе весной и песней, / А потом была еще чудесней («Я была тебе весной и песней...»);

- ▶ в препозиции (чаще): Заря была себя самой алее (Приморский сонет);

- ▶ в постпозиции: Белей всего на свете / Была ее рука («Горят твои ладони...»); Белее сводов Смольного собора <...> Она была («Тот голос, с тишиной великой споря...»).

Наибольшая частотность описанных конструкций с расположением субъекта сравнения по отношению к основанию сравнения в препозиции, на наш взгляд, объясняется стремлением поэтессы синтаксически (при помощи прямого

порядка слов) отобразить (подчеркнуть) время, идущее в одном направлении (из прошлого к настоящему, к моменту речи, в котором находится наблюдатель – автор стихотворения), при этом преобладание дистантного расположения способствует зрительному «вытягиванию» этой стрелы времени (читателю предлагается как бы подольше понаблюдать за сравнением, элементы которого синтаксически дистанционно развертываются в стихотворении).

В роли объекта сравнения в стихах Анны Ахматовой представлены:

- чаще имя в форме родительного падежа (*песня была прозрачнее лунного света*) (о тематическом своеобразии объектов сравнения при компаративах в поэзии А. Ахматовой см. нашу работу: [Твердохлеб 2016в]);

- единично сравнительный оборот или сравнительное предложение с союзом *чем* (*что знакомей, чем шпилей блеск и отблеск этих вод; была печальней, чем когда-то в юности была*).

2. Модель «компаратив + нулевая связка»

Нулевая связка при компаративе передает значение настоящего времени: И серп поднебесный желтее, чем липовый мед (Бежецк); На дне песок белее мела («Земля хотя и не родная...»); Значит, мягче воска гранит... (Поэма без героя). Указанная модель в поэзии А. А. Ахматовой представлена в нашей картотеке наиболее широко (более 80 случаев, или более 4/5 всех выявленных случаев компаративов в предикативном употреблении), что мы связываем с программным заявлением акмеизма оглянуться «ясным, зорким оком», «принять все, что увидел» «здесь», «в русской современности» и «пропеть жизни и миру аллилуйя» [Городецкий 1997: 205].

И, видимо, поэтому встречается всего один пример нулевой связки при компаративе в предложении с ирреальной (условной) модальностью, передаваемой при помощи частицы *бы*: Лучше бы поблескиванье дул / В грудь мою направленных винтовок («Страх, во тьме перебирая вещи...»).

1. Нулевую связку поэтесса чаще использует в двусоставных предложениях:

- трехкомпонентной структуры, ср.: Руки голы выше локтя (Рыбак); Взоры огненной огня («Взоры огненной огня...»); И холоднее льда уста мои («Они летят, они еще в дороге...»); И прекрасней мраков Рембрандта / Просто плесень в черном углу («И прекрасней мраков Рембрандта...»); Грудь белее нагорного снега («Я умею любить...»), в том числе и в эллиптически-неполном предложении, в котором объект сравнения однозначный, точный, легко восстанавливаемый из контекста типа: *Чем хуже этот*

век предшествующих (веков. – О. Т.)? («Чем хуже этот век предшествующих? Разве...»). С лексемами *всего*, *всех* в позиции объекта находим реализацию сложной превосходной степени, напр.: Сильней *всего на свете* / Лучи *спокойных глаз* («Горят твои ладони...»); ...всех выше <...> Голова *Madame de Lamballe* (Поэма без героя);

— двухкомпонентной структуры, напр.: Память о солнце в сердце слабеет. / Желтей трава («Память о солнце в сердце слабеет...»); Все сильней биенье *крови* / В теле, раненом тоской (Рыбак); Даже звонче голос *нежный* («Веет ветер лебединый...»); ...голос глуше, / Белых рук движенья *верней*... («Не убил, не проклял, не предал...»). Абсолютность таких конструкций, описывающих абстрактную норму (обычное положение дел) признака, особенно демонстрирует ряд предложений с лексемой *каждый*, являющейся «универсальной» «в утверждениях, касающихся всех объектов некоторого класса» [Падучева 2002: 134] и употребляемой со значением ‘один из ряда подобных, который взят подряд, без исключений, без пропусков, причем предметы, к которым оно применяется, вместе составляют единую совокупность’ [Синько 2008: 21], ср.: С каждым утром сильнее мороз («Хорошо здесь: и шелест и хруст...»); И каждая встреча чудесней («Под крышей промерзшей пустого жилья...»); Я тебе послушней с каждым днем («Ты всегда таинственный и новый...»); Осталось вас немного, / Мне оттого вы с каждым днем милей... («Не мудрено, что похоронным звоном...») и др.

Наш материал показывает, что поэтесса не отдает предпочтения трех- либо двухкомпонентным сравнительным конструкциям, употребляя даже при одном и том же субъекте сравнения обе указанные конструкции, ср. пары стихотворных предложений:

— с лексемой *дом*: Дом пестрей *комедьянтской фуры* (Поэма без героя); С каждым шагом все дальше дом (Строфы, не вошедшие в Поэму без героя);

— с лексемой *встреча*: И встречи горестней разлуки (Из Дневника путешествия); И каждая встреча чудесней («Под крышей промерзшей пустого жилья...»);

— с лексемой *глаза*: А глаза синей, чем лед (Рыбак); Темней и темней глаза (Тамаре Платоновне Карсавиной);

— с лексемой *дорога*: А дорога до погоста / Во сто раз длинней, / Чем тогда, когда я просто / Шла бродить по ней («За узором дымных стекол...»); Но мне всего милей / Лесная и полая дорога («Бессмертник сух и розов. Облака...»).

Разнообразные субъекты сравнения представлены:

а) именами существительными, номинирующими:

• лирического героя, части его тела: Твоя избранница покорней / Других (Последнее письмо); Эти глаза зеленее моря / И кипарисов наших темнее ... (У самого моря);

• другое понятие: растительный мир, натурфакты и артефакты, абстрактное понятие: Память о солнце в сердце слабеет. / Желтей трава («Память о солнце в сердце слабеет...»); На дне песок белее мела («Земля хотя и не родная...»); И серп поднебесный желтее, чем липовый мед (Бежецк); Дом пестрей *комедьянтской фуры* (Поэма без героя); И дыханье их понятней слова (Ташкент зацветает); И слаще хвалы серафима / Мне губ твоих милая лесть... («Ты мог бы мне сниться и реже...»); Всего прочнее на земле печаль / И долговечней – царственное Слово («Кого когда-то называли люди...»);

б) местоимениями (многочисленные примеры), указывающими:

• на я-поэтессу, я-лирическую героиню (достаточно часто), ср. примеры с личным местоимением 1-го лица единственного числа *я*: А я белей, чем снег (Песенка); Я всех на земле виноватей, / Кто был и кто будет, кто есть («Кому и когда говорила...»); Разве я других виноватей? (Поэма без героя); Я тебе послушней с каждым днем («Ты всегда таинственный и новый...»); Врачуй мне душу, а не то / Я хуже чем умру («Врачуй мне душу, а не то...»);

• лирического героя (также достаточно часто), ср. примеры с личным местоимением 2-го лица единственного числа *ты*: А ты теперь тяжелый и унылый, / Отрекшийся от славы и мечты, / Но для меня непоправимо милый, / И чем темней, тем трогательней ты («А ты теперь тяжелый и унылый...»); Отчего же, отчего же ты / Лучше, чем избранник мой? («Сердце к сердцу не приковано...»); А ты, конечно, всех проворней... (Последнее письмо); Несносен ты и своенравен, / Но почему-то всех милей (Последнее письмо); и множественного числа (единичный случай): Осталось вас немного, / Мне оттого вы с каждым днем милей... («Не мудрено, что похоронным звоном...»); либо с относительным местоимением *кто*: И доблесть народа, и доблесть того, Кто нам и родней, и дороже всего («Нам есть чем гордиться и есть что беречь...»);

• другое понятие (местоимениями *он*, *они*, *то*, *кто*, *что*): часть тела, животное (птица), природное явление, абстрактное понятие (реже): Только глаза подымать не смей <...> Первых фиалок они светлей (9 декабря 1913); Я голубку ей дать хотела, / Ту, что всех в голубятне белей («Муза ушла по дороге...»); Он и праведный, и

лукавый, / И всех месяцев он страшней (Август); Они тебя сожгли... / О, встреча, что разлуки тяжелее! (Городу Пушкина); Прощали мне (и то всего милее)... («О, как меня любили ваши деды...»);

в) субстантивированным наречием: Ты свободна, я свободна, / Завтра лучше, чем вчера, – / Над Невою темноводной, / Под улыбкою холодной / Императора Петра («Сердце бьется ровно, мерно...»).

Отметим, что достаточно частое обозначение субъекта сравнения личным местоимением 1-го лица единственного числа я в именительном падеже, в сравнительных конструкциях, образованных по модели «компаратив + нулевая связка», так же как и в сравнительных конструкциях, образованных по модели «компаратив + быть» (об этом см. выше), обусловлено акмеистическим требованием реалистичности при передаче через обыденное душевных переживаний ‘я-поэтессы’, ‘я-лирической героини’.

Субъекты сравнения расположены по отношению к компаративу:

► контактно: Еловой рои свежий шум / Покойнее рассветных дум (Песенка); Белых рук движенья верней... («Не убил, не проклял, не предал...»); Ты сладогратней, ты телесней (Поэма без героя);

► дистантно: Удары сердца чаще (Исповедь); Пускай я не сон, не отрада / И меньше всего благодать (Первое предупреждение);

► в препозиции: ...голос глуше («Не убил, не проклял, не предал...»); Разве я других виноватей? (Поэма без героя);

► в постпозиции: ...презреннее всех на земле / Нарушитель клятвы не данной («Быть может, презреннее всех на земле...»); И чем темней, тем трогательней ты («А ты теперь тяжелый и унылый...»).

В роли объекта сравнения в стихах Анны Ахматовой представлены:

○ имя в форме родительного падежа (пестрей фуры, понятней слова, покойнее дум, слаще хвалы);

○ сравнительный оборот или сравнительное предложение с союзом чем (белей, чем снег; желтее, чем липовый мед; лучше, чем вчера; длинней, чем тогда, когда я просто шла бродить по ней).

2. В немногочисленных безличных предложениях, используемых поэтессой, описываемая компаративная модель выражает большее проявление известного состояния (ясней, страшней) в разное время (с каждой минутой, с каждым мигом) у лирических героев (людей), для указания на которых использованы формы местоимений в дательном падеже: И в старой Ев-

ропе все больше людей, / Которым с каждой минутой ясней, Откуда приходит свет («Напрасно кровавою пеленой...»); Что делаем – не знаем сами, / Но с каждым мигом нам страшней (В зазеркалье).

Особенно яркими, неожиданными, индивидуальными являются сравнения с локативным детерминантом в позиции субъекта сравнения, ср. местоименные наречия там, где в компаративной модели, указывающей на большее проявление признака цвета (светлей) при разных обстоятельствах (места): Там среди стволов еще светлее (Приморский сонет); Я места ищу для могилы. / Не знаешь ли, где светлей? (Похороны).

Таким образом, языковые особенности компаративов в предикативном употреблении в поэтических текстах А. А. Ахматовой связаны с основными идейными установками акмеистов, среди которых – требование внимания к вещным деталям и требование логичности. С целью создания четкой, логической синтаксической структуры А. А. Ахматова использует сравнительные конструкции с компаративами в функции сказуемого (именной части составного именного сказуемого) с материально выраженной незначительной связкой быть и с нулевой связкой, позволяющие поэтессе сравнивать разные «вещи» между собой, статически подробно, вне действия рассматривать их «детали», свойства, особенности.

Связка быть при компаративах представлена обычно: а) в двусоставных предложениях трех- (чаще) и двухкомпонентной (реже) структуры; б) в форме изъявительного наклонения прошедшего времени единственного числа: женского рода в конструкциях, где субъектом сравнения является ‘я-поэтесса’, ‘я-лирическая героиня’ (обычно), и мужского рода — с субъектом сравнения, номинирующим лирического героя.

Нулевая связка при компаративе в поэзии А. А. Ахматовой представлена: а) наиболее широко, что связано с акмеистическим принятием мира «во всей совокупности красот и безобразий», «здесь», «в русской современности»; б) чаще в двусоставных предложениях (без явного предпочтения трех- либо двухкомпонентных сравнительных конструкций); в) при разнообразных субъектах сравнения, репрезентированных именами существительными, номинирующими лирического героя, части его тела, натурфакты и артефакты, абстрактное понятие; г) особенно часто с субъектом сравнения, обозначенным личным местоимением 1-го лица единственного числа, – для достижения акмеистической реалистичности при передаче через обыденное душевных переживаний ‘я-поэтессы’, ‘я-лирической героини’.

Примечание

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.11.2015). Здесь и далее все примеры даются по НКРЯ.

Список литературы

Акмеизм в критике. 1913–1917 / сост. О. А. Лекманова и А. А. Чабана; вступ. ст., примеч. О. А. Лекманова. СПб.: Изд-во Тимофея Маркова, 2014. 544 с.

Адмони В. Г. Лаконичность лирики Ахматовой // «Царственное слово». Ахматовские чтения. М.: Наследие, 1992. Вып. 1. С. 29–40.

Артюховская Н. И. Акмеизм и раннее творчество А. Ахматовой (поэт и течение): дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 198 с.

Бурдина С. В. Архитектурный пейзаж Петербурга в зеркалах «Поэмы без героя» А. Ахматовой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2(8). С. 36–140.

Бурдина С. В. Парадоксы хронотопа в «Реквиеме» А. Ахматовой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 6. С. 60–66.

Васильева А. С. Категории пространства и времени в поэзии А. А. Ахматовой (на примере анализа одного стихотворения) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Вып. 31(69). Аспирантские тетради: науч. журн. СПб., 2008. С. 46–48.

Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски) // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. Избранные труды. М.: Наука, 1976. С. 367–459.

Виноградов В. В. О символике А. Ахматовой // Литературная мысль. Альманах I. Пг.: Колос, 1922. С. 92–237.

Городецкий С. Некоторые течения в современной русской поэзии // Антология акмеизма: Стихи. Манифесты. Статьи. Заметки. Мемуары / вступ. ст., сост. и примеч. Т. А. Бек. М.: Московский рабочий, 1997. С. 202–207.

Данькова Т. Н. Концепт «любовь» и его словесное воплощение в индивидуальном стиле А. Ахматовой: дис. ...канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 214 с.

Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. М.: МГУ, 1961. 508 с.

Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // Русская мысль. М., 1916. № 12. С. 25–56. URL: http://postsymbolism.ru/joomla/index.php?option=com_content&task=view&id=20&Itemid=39 (дата обращения: 05.06.2016).

Жирмунский В. М. К вопросу о синтаксисе А. Ахматовой // Жирмунский В. М. Вопросы теории литературы. Статьи 1916–1926. Л.: Academia, 1928. С. 332–336. URL: <http://matova.niv.ru/matova/kritika/zhirmunskij-k-voprosu-o-sintaksise-matovoj.htm> (дата обращения: 05.06.2016).

КашикарOVA О. Н. Из стилистического арсенала ранней лирики А. Ахматовой // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. 2010. № 2. С. 49–54.

Кихней Л. Г., Меркель Е. В. Семантика «границы» в картине мира Анны Ахматовой // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. 2012. № 3. С. 55–62.

Кормилов С. И. Поэтическое творчество Анны Ахматовой. М.: МГУ, 1998. 128 с.

Кудрина Н. В. Предметные фразеологизмы в поэзии Анны Ахматовой: дис. ...канд. филол. наук. Курган, 2008. 236 с.

Кулаковский М. Н. Одоративная лексика в лирике Анны Ахматовой // Ярослав. пед. вестник. 2011. Т. 1, № 2. С. 209–213.

Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: Высш. шк., 1976. 143 с.

Мандельштам О. Э. Утро акмеизма // Собрание сочинений: в 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 1. URL: http://rvb.ru/mandelstam/01text/vol_1/03prose/1_250.htm (дата обращения: 05.06.2016).

Метлякова Е. В. Лексический повтор как семантико-стилистическая категория организации лирического текста в раннем творчестве Анны Ахматовой: дис. ...канд. филол. наук. Ижевск, 2011. 230 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.11.2015).

Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Эдиториал УРСС, 2002. 232 с.

Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 1–2. URL: <http://rusgram.narod.ru> (дата обращения: 11.07.2016).

Синько Л. А. Функционирование местоимений: коммуникативно-дискурсивный подход // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. 2008. № 2. С. 21–27.

Твердохлеб О. Г. Объекты сравнения в поэзии Н. С. Гумилева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016а. № 3(35). С. 59–66.

Твердохлеб О. Г. Простые формы сравнительной степени прилагательных, наречий и слов категории состояния в поэзии акмеистов (статистические данные) // Научная интеграция: сб. науч.

тр. М.: Изд-во «Перо», 2016б. С. 1170–1172. URL: [http://olimpiks.ru/d/797165/d/nauchnayaintegratsiya\(2\).pdf](http://olimpiks.ru/d/797165/d/nauchnayaintegratsiya(2).pdf) (дата обращения: 05.06.2016).

Твердохлеб О. Г. «Вещность» и объекты сравнения, выраженные формой родительного падежа имени, в поэтическом языке акмеистов: А. А. Ахматова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2016в. № 2 (21). С. 43–53.

Тименчик Р. Д. К семиотической интерпретации «Поэмы без героя» // Труды по знаковым системам. Т. VI. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1973. Вып. 308. С. 438–442.

Эйхенбаум Б. М. Анна Ахматова. Опыт анализа // Эйхенбаум Б. О поэзии. Л.: Сов. писатель, 1969. С. 75–147.

Яковлева Л. А. Апокалипсическая семантика в поэзии Анны Ахматовой: дис. ... канд. филол. наук. Нерюнгри, 2014. 208 с.

References

Akmeizm v kritike. 1913–1917 [Acmeism in criticism. 1913–1917]. Lekmanov O. A., Chaban A. A. (comp.) St. Petersburg, Timofey Markov Publ., 2014. 544 p.

Admoni V. G. Lakonichnost' liriki Akhmatovoy [Brevity of Akhmatova's lyrics]. "Tsarstvennoe slovo". *Akhmatovskie chteniya* [A "Royal word". Akhmatova's readings]. Moscow, Nasledie Publ., 1992, vol. 1, pp. 29–40.

Artyukhovskaya N. I. *Akmeizm i rannee tvorchestvo A. Akhmatovoy* (poet i techenie). Diss. kand. filol. nauk. [Acmeism and early works of A. Akhmatova (a poet and the literary trend). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1981. 198 p.

Burdina S. V. Arkhitekturnyy peyzazh Peterburga v zerkalakh "Poemy bez geroya" A. Akhmatovoy [The Architectural landscape of St. Petersburg in the mirror "Poem without a hero" by Anna Akhmatova]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, vol. 2(8), pp. 36–140.

Burdina S. V. Paradoksy khronotopa v "Rekvieme" A. Akhmatovoy [The Paradoxes of the chronotope in "Requiem" by Anna Akhmatova]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2009, vol. 6, pp. 60–66.

Vasilyeva A. S. Kategorii prostranstva i vremeni v poezii A. A. Akhmatovoy (na primere analiza odnogo stikhotvoreniya) [The categories of space and time in A. A. Akhmatova's poetry (through the ex-

ample of one poem)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. Vyp. 31 (69). Aspirantskie tetrad. Nauchnyy zhurnal [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Science]. Vol. 31 (69). St. Petersburg, 2008, pp. 46–48.

Vinogradov V. V. O poezii Anny Akhmatovoy (Stilisticheskie nabroski) [About Anna Akhmatova's poetry (Stylistic sketches)]. *Vinogradov V. V. Izbrannyye trudy. Poetika russkoy literatury* [The Poetics of Russian literature: Selected works]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 367–459.

Vinogradov V. V. O simvolike A. Akhmatovoy [About the symbolism of Anna Akhmatova]. *Literaturnaya mysl'. Al'manakh I* [Literary thought. Almanac I]. Petersburg, Kolos Publ., 1922, pp. 92–237.

Gorodetskiy S. Nekotorye techeniya v sovremennoy russkoy poezii [Some trends in contemporary Russian poetry]. *Antologiya akmeizma: Stikhi. Manifesty. Stat'i. Zametki. Memuary* [Acmeism Anthology: Poems. Manifestos. Articles. Notes. Memoirs]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1997, pp. 202–207.

Dan'kova T. N. *Kontsept "lyubov" i ego slovesnoe voploshchenie v individual'nom stile A. Akhmatovoy*. Diss. kand. filol. nauk. [The concept "love" and its verbal expression in the individual style of Anna Akhmatova. Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2000. 214 p.

Efimov A. I. *Stilistika khudozhestvennoy rechi* [Stylistics of literary speech]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1961. 508 p.

Zhirmunskiy V. M. Preodolevshie simvolizm [Who Overcame the symbolism]. *Russkaya mysl'* [Russian thought], Moscow, 1916, issue 12, pp. 25–56. Available at: http://postsymbolism.ru/joomla/index.php?option=com_content&task=view&id=20&Itemid=39 (accessed 05.06.2016).

Zhirmunskiy V. M. K voprosu o sintaksise A. Akhmatovoy [To the question on the syntax of Anna Akhmatova]. *Zhirmunskiy V. M. Voprosy teorii literatury. Stat'i 1916–1926*. [Problems in the theory of literature. Articles of 1916–1926]. Leningrad, Academia Publ., 1928, pp. 332–336. Available at: <http://matova.niv.ru/matova/kritika/zhirmunskiy-k-voprosu-o-sintaksise-matovoj.htm> (accessed 05.06.2016).

Kashkarova O. N. Iz stilisticheskogo arsenala ranney liriki A. Akhmatovoy [From the stylistic arsenal of the early lyric poetry of Anna Akhmatova]. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh state University. Series: Philology. Journalism], 2010, issue, 2, pp. 49–54.

Kikhney L. G., Merkel' E. V. Semantika "grantsy" v kartine mira Anny Akhmatovoy [The semantics of the "border" in the world view of Anna Akh-

matova]. *Vestnik TvGU. Seriya: Filologiya* [Herald of Tver State University. Series: Philology], 2012, issue 3, pp. 55–62.

Kormilov S. I. *Poeticheskoe tvorchestvo Anny Akhmatovoy* [Anna Akhmatova's poetry]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1998. 128 p.

Kudrina N. V. *Predmetnye frazeologizmy v poezii Anny Akhmatovoy*. Diss. kand. filol. nauk. [Substantive phraseological units in Anna Akhmatova's poetry. Cand. philol. sci. diss.]. Kurgan, 2008. 236 p.

Kulakovskiy M. N. *Odorativnaya leksika v lirike Anny Akhmatovoy* [Odorative vocabulary in Anna Akhmatova's poetry]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. [Yaroslavl pedagogical Bulletin], 2011, vol. 1, issue 2, pp. 209–213.

Lekant P. A. *Tipy i formy skazuemogo v sovremennom russkom yazyke*. [Types and forms of the verb in the modern Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1976. 143 p.

Mandelstam O. E. *Utro akmeizma* [Morning of Acmeism]. *Sobranie sochineniy v 4 t.* [Collected works in 4 vols.]. Moscow, Art-Business-Centre Publ., 1993. Vol. 1. Available at: http://rvb.ru/mandelstam/01text/vol_1/03prose/1_250.htm (accessed 05.06.2016).

Metlyakova E. V. *Leksicheskiy povtor kak semantiko-stilisticheskaya kategoriya organizatsii liricheskogo teksta v rannem tvorchestve Anny Akhmatovoy*. Diss. kand. filol. nauk. [Lexical repetition as the semantic and stylistic category of the organization of the lyrics in the early works of Anna Akhmatova. Cand. philol. sci. diss.]. Izhevsk, 2011. 230 p.

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka. [National corpus of the Russian language]. Available at: <http://search.ruscorpora.ru> (accessed 25.11.2015).

Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeniy)* [The statement and its correlation with reality (referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 232 p.

Russkaya grammatika [Russian grammar]: in 2 vols. Ed. by N. Yu. Shvedova [et al.]. Moscow, Nauka Publ., 1980. Vol. 1–2. Available at: <http://rusgram.narod.ru> (accessed 11.07.2016).

Sin'ko L. A. *Funktsionirovanie mestoimeniy: kommunikativno-diskursivnyy podkhod* [The func-

tioning of pronouns: a communicative-discursive approach]. *Vestnik MGOU. Seriya "Russkaya filologiya"* [MRSU magazine. Series "Russian Philology"], 2008, issue 2, pp. 21–27.

Tverdokhlebo O. G. *Ob'ekty sravneniya v poezii N. S. Gumileva* [The objects of comparison in N. S. Gumilev's poetry]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2016, vol. 3(35), pp. 59–66.

Tverdokhlebo O. G. *Prostye formy sravnitel'noy stepeni prilagatel'nykh, narechiy i slov kategorii sostoyaniya v poezii akmeistov (statisticheskie dannye)* [Simple forms of comparative degree of adjectives, adverbs and words of category of state in the poetry of acmeists (statistical data)]. *Nauchnaya integratsiya. Sbornik nauchnykh trudov* [Scientific integration. Collection of scientific works]. Moscow, Pero Publ., 2016, pp. 1170–1172. Available at: [http://olimpiks.ru/d/797165/d/nauchnayaintegratsiya\(2\).pdf](http://olimpiks.ru/d/797165/d/nauchnayaintegratsiya(2).pdf) (accessed 05.06.2016).

Tverdokhlebo O. G. "Veshchnost'" i ob'ekty sravneniya, vyrazhennyye formoy roditel'nogo padezha imeni, v poeticheskom yazyke akmeistov: A. A. Akhmatova ["Materiality" and the comparison of objects expressed by the genitive form of the name, in the poetic language of acmeists: A. A. Akhmatova]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya"* [Scientific Herald of the Voronezh state University of Architecture and Construction. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2016, issue 2 (21), pp. 43–53.

Timenchik R. D. *K semioticheskoy interpretatsii "Poemy bez geroya"* [To semiotic interpretation of the "Poem without a hero"]. *Trudy po znakovym sistemam* [Works on sign systems]. Tartu, Tartu State University Publ., 1973, vol. VI, issue 308, pp. 438–442.

Eichenbaum B. M. *Anna Akhmatova. Opyt analiza* [Anna Akhmatova. Experience of the analysis]. Eichenbaum B. *O poezii* [About poetry]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1969, pp. 75–147.

Yakovleva L. A. *Apokalipsicheskaya semantika v poezii Anny Akhmatovoy*. Diss. kand. filol. nauk. [Apocalyptic semantics in the poetry of Anna Akhmatova. Cand. philol. sci. diss.]. Neryungri, 2014. 208 p.

PREDICATIVE USE OF THE COMPARATIVE IN THE POETRY BY A. A. AKHMATOVA

Olga G. Tverdokhle

Associate Professor in the Department of Linguistics and Methods of Teaching Russian Language
Orenburg State Pedagogical University

The author of the article makes an attempt to reveal how linguistic characteristics of the poetry by A. A. Akhmatova are interconnected with the basic ideological views of acmeists, including the requirement of attention to material details and the requirement of logicality. Quantitative data are provided on the use of comparatives in the function of the predicate (a nominal part of the compound nominal predicate) with the linking verb *to be* or a zero link-verb, which was aimed at creating a clear and logical syntactical structure in A. A. Akhmatova's poetry. Based on a wide range of examples, the linking verb *to be* is shown to be usually used: a) in two-member sentences of three-component (more frequently) and two-component (less frequently) constructions of the comparison; b) in the form of the indicative mood of the past tense singular: feminine in constructions where the subject of comparison is "I'm a poetess", "I'm a lyrical heroine" (usually), masculine – when the subject of comparison nominates the lyrical hero. It has been revealed that the poet often uses the zero link-verb in two-member sentences, without giving preference to three- or two-component comparative constructions, using them even with the same subject of comparison. In comparative constructions with a zero link-verb, various subjects of comparison are denoted by nouns, nominating a lyrical character, parts of his body, naturfacts and artifacts, and an abstract concept. The most frequent subject of comparison is a personal pronoun in the form of the 1st person singular, used by A. A. Akhmatova to achieve acmeistic realism in expressing her feelings and emotions by means of depicting everyday life. The author comes to the conclusion that comparative constructions with a zero link-verb are most frequently determined in the poetry of A. A. Akhmatova by the perception of the world "in the totality of its beauty and ugliness", "here", "in Russian modernity". The research results may be interesting for specialists studying literature and exploring the works by A. A. Akhmatova as well as the Silver Age poetry. The results obtained can be applied in compiling a dictionary of the poet.

Key words: acmeism; the comparative; A. A. Akhmatova; materiality; a linking verb; logicality.

УДК 81'36
doi 10.17072/2037-6681-2017-1-87-92

МЕСТОИМЕННИЯ ПЕРВОГО И ВТОРОГО ЛИЦА КАК СРЕДСТВО ДИАЛОГИЗАЦИИ В ЛЕКЦИОННОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ

Цин Ян

аспирант кафедры риторики и стилистики русского языка

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. auroraufu@mail.ru

SPIN-код: 2437-6310

ORCID: 0000-0001-5401-3956

ResearcherID: D-1742-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Цин Ян Местоимения первого и второго лица как средство диалогизации в лекционной коммуникативной практике // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 87–92. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-87-92

Please cite this article in English as:

Qing Yang Mestoimeniya pervogo i vtorogo litsa kak sredstvo dialogizatsii v lektсионной коммуникативной практике [First-Person and Second-Person Pronouns as a Means of Dialogization in Lecture Communicative Practice]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 1, pp. 87–92. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-87-92 (In Russ.)

Рассматривается способ диалогизации лекционного монолога с помощью личных местоимений первого и второго лица. Диалогизация представляет собой комплекс приемов, направленных на установление коммуникативного комфорта адресата при восприятии интеллектуально сложного монолога. Набор данных приемов в целом моделирует форму диалога, внедряемого в монологический текст с прагматической целью. Местоимения первого и второго лица входят в ядро языковых средств диалогизации. Они обеспечивают условную персонификацию подачи научной информации.

Проблема, которой посвящена данная статья, состоит в выявлении характерных для лекционной коммуникативной практики приемов диалогизации, которые опираются на использование названных групп местоимений. Эти приемы делятся на две разновидности: выделяющие одну из сторон коммуникации и объединяющие коммуникантов. На основе контекстного анализа определяются речевые смыслы личных местоимений в академической лекции и описывается типовое функционально-смысловое наполнение личных местоимений в составе приемов диалогизации. Делается вывод о жанровой специфике данных приемов, выделяются приемы, наиболее актуальные для жанра академической лекции.

Ключевые слова: академическая лекция; монолог; диалог; личное местоимение; контекстный смысл; диалогизация монолога; прием воздействия.

Монолог и диалог как виды речевой коммуникации существенно различны. Диалогическое речевое общение происходит «соответственно перемежающимся формам взаимодействий, подразумевающим сравнительно быструю смену акций и реакций взаимодействующих индивидов» [Якубинский 1986: 25]. Речевые акции и реакции реализуются в репликах коммуникантов, так что диалог представляет собой цепь реплик. Монолог же – это «организованная система об-

леченных в словесную форму мыслей, отнюдь не являющаяся репликой, а преднамеренным воздействием на окружающих» [Щерба 1957: 115]. Однако и монологи участвуют в коммуникативных отношениях и характеризуются свойством диалогичности [Бахтин 2000: 303; Дускаева 2003]. Если же коммуникативная цель особенно важна, автор монолога прибегает к диалогизации, под которой понимается «намеренное надевание монологической речи чертами диалога,

экспликация речевого взаимодействия коммуникантов во время монологического речевого общения» [Матвеева 2010: 89–90]. Данная имитация диалогических действий воспроизводит модель гармоничного общения коммуникантов.

Диалогизация как система открытых приемов выражения диалогичности в монологе включает в себя такие приемы: 1) словесное выражение *я*-позиции, *вы*-позиции и субъектно совмещенной *мы*-позиции коммуникантов; 2) побудительные конструкции; 3) прямое обращение к адресату текста. Реже в составе монолога встречается прямая имитация диалогической речи [Богомолов 1987; Жуланова 2002].

Диалогизация лекции – повсеместное явление, диалогичность входит в число жанрообразующих признаков данного типа речевых произведений. Лекция как жанр характеризуется передачей адресату интеллектуальной информации в процессе прямой, непосредственной коммуникации с аудиторией. Объективными интегрирующими признаками коммуникативного события лекции являются спланированность, институциональность, публичность, устная форма предъявления адресату [Васильева 1976; Куприна 1998]. Для лекции характерны стандартные стратегии и тактики, строгий контроль речевого поведения и жесткая заданность темы [Борисова 2005: 44]. Диалогичность данного монолога обусловлена нацеленностью лектора не только на информирование, но и на воздействие, логическое и психологическое приобщение адресата к освоению материала лекции.

Письменный текст лекции не полностью отражает реализацию коммуникативного намерения лектора в его общении с аудиторией. Лингвистический анализ такого текста не позволяет в полной мере учитывать обратную связь между адресатом и адресантом, характеризовать непосредственные реакции слушателей. В план анализа не могут также войти характерные для лекции фрагменты-эспромты, частные логические уточнения и ассоциативные отвлечения от темы, продиктованные восприятием аудитории. Тем не менее опубликованный или записанный текст лекции дает возможность целостного рассмотрения данного жанра как монолога, рассчитанного на устное восприятие, и выявления типичных приемов диалогизации.

В данной статье поставлена цель выявления и определения жанровой специфики приемов диалогизации академического монолога на материале опубликованных текстов лекций искусствоведа Паолы Волковой. Статья построена на сплошном обследовании материала¹, объектом наблюдения послужила совокупность использованных лектором высказываний, содержащих открытые

сигналы диалогизации, а именно: личные местоимения *я*, *мы*, *ты*, *вы* и соответствующие притяжательные местоимения *мой*, *наш*, *твой*, *ваш*. Учитывались также высказывания с побудительными формами глагола, имплицитно содержащими указание на второе лицо коммуникации. Этот набор формально выраженных сигналов диалогизации отражает ядро данной категории как функционально-семантической структуры, включающее в себя «средства, репрезентирующие категории автора, адресата и совокупного адресата» [Жуланова 2002: 9].

Основные функции местоимений идентифицируются исключительно в составе речевого акта [Василенко 2012: 98]. Личное местоимение первого и второго лица, как правило, подчеркивает персональность высказывания.

Применительно к жанру лекции названные выше личные местоимения целесообразно разбить на две группы, отражающие их роль в обозначении сторон коммуникации. В этом отношении местоимения *я*, *мой* и *ты*, *твой*, *вы*, *ваш* выделяют одну сторону коммуникации: указывают либо на адресанта, либо на адресата текста. Местоимения *мы*, *наш* противопоставляются всем названным выше, поскольку они объединяют участников коммуникации. Рассмотрим эти группы в обозначенной последовательности.

Местоимения *я*, *ты*, *вы* в составе приемов диалогизации

Исходно личное местоимение *я* соответствует «каждый раз единственному индивиду, взятому именно в его единственности» [Бенвенист 2002: 286], и в тексте лекции этот индивид – лектор. Наш материал показывает более сложную картину. Применительно к авторскому *я* в текстах лекций выделяем биографическую и обобщенную разновидности.

Биографическое авторское *я* реализуется, когда субъект высказывания действует в составе хронотопа «там и тогда». Так оформляются отсылки к собственному жизненному опыту лектора (в связи с излагаемым теоретическим материалом). Контекстные сигналы данной функции – это лексика, обладающая семантикой времени или места, вплоть до конкретных дат и географических названий, а также бытийные глаголы и глаголы перемещения. Например: *В 1996 году во время пребывания в Англии я посетила одно- временно Стоунхендж и театр «Глобус», который уже отстроился и давал пьесы Шекспира (14)²*. Именно такое употребление подчеркивает «единственность индивида», т.е. преподносит определенный факт конкретной авторской биографии или его личные устойчивые состояния: *У меня есть в Лондоне знакомые друиды (7)*.

Точечно включая в текст лекции сведения о своей жизни, лектор отходит от традиции сугубо отвлеченного изложения сложного интеллектуального содержания, персонифицирует подачу научных сведений и сближает личностную дистанцию сторон коммуникации.

Лекторское *я* приобретает черты обобщенности, когда субъект речи (лектор) действует в ситуации, не ограниченной конкретным местом и временем: *Моя лекционная речь пространна, и для публикации курса потребовались бы тома, что невозможно. А пишу я, напротив, экономно, стремлюсь к сжатому тексту* (7). Здесь лектор фиксирует свое состояние в творческом процессе, выражает обобщенное представление о двух формах лекции, но биографичность данных употреблений доминирует над обобщенностью. Для подобных высказываний характерны речевые действия объяснения своего поступка и самооценки.

Обобщение субъективной позиции достигает максимума, когда местоимение *я* указывает на любого человека. Контекстным показателем данного значения являются слова обобщающей семантики, например: *Должно быть развито самосознание, понятие того, что я – единица общества* (129). Здесь *я* – любой человек, что подтверждается применением методики субституции, ср.: [(любой) человек] – *единица общества; А дома я совсем другой* (131) и *А дома [человек] совсем другой*. Косвенным показателем обобщенности является включение местоимения в состав стилистической фигуры, фиксирующей некое общее положение: *Вот оплот фамилии. Мой дом – моя крепость* (131). В этом афористическом выражении, основанном на синтаксическом параллелизме с лексической анафорой, обобщение касается любого человека, в том числе лектора и каждого его слушателя. Применение личного местоимения служит целям выразительности, достигаемой за счет персонификации.

Местоимения *ты* и *вы* указывают на адресата. Специфика обучающей ситуации такова, что лектор общается с группой собеседников, поэтому местоимение 2-го л. преимущественно употребляется в форме множественного числа *вы*, для которой имплицитное указание на близость собеседников отсутствует. В текстах лекций нами выделены три функциональные разновидности использования местоимений второго лица: конкретно-ситуативная, обобщенная и изобразительная.

Конкретно-ситуативная разновидность реализуется, когда сигналы второго лица указывают на аудиторию. Так лектор побуждает слушателей к участию в процессе осмысления содержания лекции. Характерной чертой данной функции

является использование глаголов повелительного наклонения при отсутствии местоимения *вы*: *Прочтите его «Хвастливого воина», «Грубьяна», «Перса» и вы поймете, что его произведения вне времени* (125); *Посмотрите на фрески, сохранившиеся в помпейских домах* (148). Другим контекстным показателем позиции «*вы* аудитории» является опора на лексику интеллектуальной деятельности: *посмотреть, прочитать, учесть, подумать, представить себе, сопоставить* и др.

Обобщенная позиция осуществляется, когда личное местоимение *ты / вы* или соответствующие глаголы указывают на любого человека. При этом возрастает количество форм единственного числа, а всё высказывание приобретает черты афористичности: *Хочешь блага для общества – начни с себя* (69). Здесь контекстный смысл *ты*-формы включает в себя и конкретного адресата высказывания, и, шире, любого человека, ср. трансформацию данной фразы: [*если человек хочет*] блага для общества – [*пусть он начнет*] с себя. Иногда обобщение ограничено составом определенной социальной группы, что выражено в контексте: *Ибо, когда пишешь стихи, обращаешься в первую очередь не к современникам, не говоря уже о потомках, но к предшественникам* (132).

Изобразительная разновидность контекстных смыслов местоимений второго лица реализуется, когда в высказывании достигается эффект присутствия. Контекстными показателями данной функции являются прежде всего элементы повествовательности, реализуемые с помощью глаголов изъявительного наклонения: *Вы вступаете на мост, украшенный мифологическими скульптурами, в руках которых факелы* (128). Лектор описывает ситуацию с помощью конкретно-предметных существительных *мост, скульптуры, руки, факелы*, конкретного глагола движения *вступать*. Конкретизироваться может и вымышленная ситуация: *Вы переходите через реку времени, Лету, город за вашей спиной, впереди – вход в другой мир* (128). В этом высказывании картина пути в другой мир также раскрывается в своей конкретике: *река времени, город, за спиной, впереди, переходит реку*. Рассмотренный прием является эффективным способом воздействия, поскольку базируется на технике художественной речи, а персонификация усиливает впечатление: мысленно адресат оказывается участником рисуемой ситуации.

Ещё один прием диалогизации, более редкий, – это прием имитации диалога с применением местоимений *я* и *ты*. В текст лекции включается имитация фрагмента реального диалога: *Диалог возможен при условии слышимости, т. е. аку-*

стики «понимания». *Я тебя слышу-понимаю со- знанием, а не только ухом. Я тебя слышу, т. е. понимаю, что ты говоришь* (84). В данном случае наблюдается эффект расшифровки понятия 'диалог' (см. первое слово высказывания) с помощью местоимений *я* и *ты*.

Таким образом, приемы диалогизации с помощью местоимений первого и второго лица до некоторой степени моделируют диалог между лектором и слушателями. Они персонифицируют категории автора и адресата лекции, погружают интеллектуальный материал монолога в контекст непосредственного общения лектора с его аудиторией или в обобщенный, но персонифицированный контекст. В плане восприятия сообщения это важно, поскольку придает интеллектуальному общению сторон коммуникации «человеческое измерение».

Местоимение *мы* в составе приемов диалогизации

При субъективно-модальном оформлении научного содержания лекции ее автору важно подчеркнуть общность своеобразного «научного коллектива», который образуется во время лекционной работы. Видимо, поэтому автор часто заменяет авторское *я* обобщенным *мы* – личным местоимением 1-го лица множественного числа (в лекциях П. Волковой личное местоимение *мы* употребляется гораздо чаще, чем *я* и *ты*, например, в лекции 1 это 28 словоупотреблений против 4).

Особое наполнение данного местоимения – это этикетная замена авторского *я*: *Обратный пример – Вавилонская башня – <...>, о чем подробнее мы будем рассказывать в другой части нашей книги* (39). Местоимением множественного числа заменяется местоимение *я* биографического подтипа. Контекстным указателем этикетной формы являются глаголы, связанные с указанием на лекционную деятельность: *говорить (о чем), рассказывать, вернуться (к чему), упомянуть, оставлять* и др. С их помощью лектор продвигает содержание лекции, помогая адресату в оценке его компонентов без привлечения внимания к самому себе: *Античная мифология не подтверждается данными критской археологии, как мы уже говорили* (30) – подчеркивается повторный характер информации; *Но этот вопрос мы оставляем за скобками* (43) – определяется значимость данного фрагмента информации.

Местоимение *мы* как способ объединения автора с адресантом в текстах лекций имеет две разновидности. Конкретизированная разновидность реализуется, когда автор и адресат предстают в качестве коммуникативного единства в данной ситуации общения. *Мы* означает «я и вы,

мои собеседники», здесь возможна замена слова *мы* словосочетанием *мы с вами*: *Здесь нас интересуется место рождения – пещера* (27). *Но мы давно договорились, что золотая маска Агамемнона Афинского музея, золотые украшения <...>, керамика, шлемы и есть микенско-минойский слой* (28); *Мы видим, знаем этот сюжет по европейской живописи* (29). В таких случаях адресат лекции интеллектуально подтягивается к ее автору, чем обеспечивается эффект позитивного психологического влияния со стороны лектора. Контекстными показателями конкретизации является лексика интеллектуальной деятельности.

Обобщенная разновидность контекстных смыслов местоимения *мы* осуществляется, когда за ним стоит несколько субъектов, в том числе говорящий и его адресат. В этом случае «значение *мы* включает в себя *я* или даже образуется несколькими *я*» [Норман 2002: 217]. Обобщенность контекстного смысла доказывается методом субституции. *Мы обязаны задавать себе вопросы. Вопрос главнее ответа* (8), ср.: *мы* и [*люди*], [*все люди*]. *До нас дошли изображения императора, описывающие обе его сущности* (48), ср.: *до нас* и [*до современников*]. При этом очевидно, что «обобщенное *мы*» включает в себя и конкретное авторское *я*, и адресата высказывания. Смысл обобщенного *мы* заключается в следующем: «все (многие), в том числе *я* (автор) и вы (мои читатели, слушатели)».

Таким образом, использование местоимения *мы* делает прием диалогизации особенно емким. В нем обобщенный смысл сочетается с конкретизированным, а воздействующий эффект опирается на психологическую силу объединения лектора и его аудитории во время интеллектуальной деятельности. Базовый же смысл местоимений *я* и *мы*, не исчезающий в случаях семантического расширения, обеспечивает эффект персонификации содержания.

Распределение рассмотренных средств диалогизации в тексте лекции зависит от функционально-смысловых модификаций личных местоимений. Во вступительной части лекции активно используется «биографическое авторское *я*», в основной части наиболее широко представлены варианты «*мы* коммуникативного единства». Они формируют совокупный субъект лекции, состоящий из лектора и его аудитории. Обобщенные функционально-смысловые варианты местоимений *я*, *ты*, *вы*, *мы* употребляются в логически значимых фрагментах основной части. Как правило, на их основе формируется какое-либо общее положение, необходимое лектору как большая посылка того или иного тезиса. С их помощью фиксируется общее место рассужде-

ния, в опоре на которое автор далее излагает свой аргумент. Личное местоимение в составе изобразительного приема обычно является частью текстовой иллюстрации.

Наши наблюдения подтверждают, что диалогизация в жанре лекции является повсеместным явлением, а личные местоимения первого и второго лица служат основным средством диалогизации. Категория персональности относится к основным ценностям русской культуры [Дементьев 2013]. Рассмотренные приемы служат для условной персонификации сугубо интеллектуального содержания академической лекции, что психологически облегчает его восприятие. Вероятно, индивидуальная лекторская манера связана с отбором и повышением частотности ряда конкретных приемов из числа их общего речевого состава. Так, для лекторской работы П. Волковой наиболее актуальны формы «мы обобщенного субъекта», а также «вы аудитории». Исследование диалогизации в лекциях ряда авторов позволит судить об индивидуальной специфике и общежанровом наборе приемов.

Примечания

¹ Волкова П. Мост через бездну. Комментарий к античности. М.: АСТ; 2015. 340 с. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10254466 (дата обращения: 15.01.2016).

² Цифра в скобках указывает на номер страницы в текстовом источнике материала.

Список литературы

Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.

Бенвенист Э. Природа местоимений // Общая лингвистика. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 285–291.

Богомолов М. А. Диалогизация выступления как один из аспектов персонификации телевизионного сообщения // Значение и смысл слова: художественная речь, публицистика. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 92–99.

Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М.: КомКнига, 2005. 320 с.

Василенко Е. Н. Местоимения как средство реализации коммуникативной стратегии убеждения (на материале политического дискурса) // Вестник Полоцкого государственного университета. 2012. С. 98–102.

Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка: Научный стиль речи. М.: Русский язык, 1976. 187 с.

Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: Категория персональности в

лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. 336 с.

Дускаева Л. Р. Диалогичность речи (письменной) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 45–53.

Жуланова Е. А. Диалогичность учебно-научного монолога в речевой ситуации школьного обучения: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 23 с.

Куприна С. В. Устная и письменная монологическая речь одного лица: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1998. 186 с.

Матвеева Т. В. Диалогизация // Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С. 89–90.

Норман Б. Ю. Русское местоимение мы: внутренняя драматургия // Russian Linguist. Netherland: Kluwer Academic Publishers, 2002. С. 218–234.

Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку: М.: Гос. учеб.-пед. изд-во министерства просвещения РСФСР, 1957. 188 с.

Якубинский Л. П. О диалогической речи // Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 17–58.

References

Bakhtin M. M. *Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [The author and the character: philosophical foundations of the humanities]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 336 p.

Benveniste E. *Priroda mestoimeniy* [The nature of pronouns]. *Obshchaya lingvistika* [Problems in General linguistics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, pp. 285–291.

Bogomolov M. A. *Dialogizatsiya vystupleniya kak odin iz aspektov personifikatsii televizionnogo soobshcheniya* [Dialogization of speech as an aspect of personification of television communication]. *Znachenie i smysl slova: khudozhestvennaya rech, publitsistika* [The meaning of the word: literary speech, journalism]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1987, pp. 92–99.

Borisova I. N. *Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika* [Russian spoken dialogue: structure and dynamics]. Moscow, KomKniga Publ., 2005. 320 p.

Dement'ev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoy kul'tury: Kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative values of Russian culture: the category of personality in vocabulary and pragmatics]. Moscow, Global Kom Publ., 2013. 336 p.

Duskaeva L. R. *Dialogichnost' rechi (pis'mennoy)* [Dialogueness of speech (written)]. *Stilisti-*

cheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2003, pp. 45–53.

Kuprina S. V. Ustnaya i pis'mennaya monologicheskaya rech' odnogo litsa. Diss. kand. filol. nauk [Oral and written monologic speech of one person. Cand. philol. sci. diss.]. Saratov, 1998. 186 p.

Matveeva T. V. Dialogizatsiya [Dialogization]. Matveeva T. V. *Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete dictionary of linguistic terms]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2010, pp. 89–90.

Norman B. Yu. Russkoye mestoimeniye my: vnutrennyaya dramaturgiya [Russian personal pronoun we: inner dramaturgy]. *Russian Linguist.* Netherland, Kluwer Academic Publishers, 2002, pp. 218–234.

Shcherba L. V. Izbrannye raboty po russkomu yazyku [Selected works on the Russian language]. Moscow, Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatelstvo ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1957. 188 p.

Vasilenko E. N. Mestoimeniya kak sredstvo realizatsii kommunikativnoy strategii ubezhdeniya (na materiale politicheskogo diskursa) [Pronouns as means of communicative strategy of conviction (based on material of political discourse)]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Vestnik of PGU], 2012, pp. 98–102.

Vasil'eva A. N. Kurs lektsiy po stilistike russkogo yazyka: Nauchnyy stil' rechi [Lectures on stylistics of the Russian language: scientific style of speech]. Moscow, Russian Language Publ., 1976. 187 p.

Yakubinskiy L. P. O dialogicheskoy rechi [About dialogized speech]. Yakubinskiy L. P. *Izbrannyye raboty. Yazyk i ego funktsionirovanie* [Selected works. Language and its functioning]. Moscow, 1986, pp. 17–58.

Zhulanova E. A. Dialogichnost' uchebno-nauchnogo monologa v rechevoy situatsii shkol'nogo obucheniya. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Dialogization of a teaching-scientific monologue in schooling. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2002. 23 p.

FIRST-PERSON AND SECOND-PERSON PRONOUNS AS A MEANS OF DIALOGIZATION IN LECTURE COMMUNICATIVE PRACTICE

Qing Yang

Postgraduate Student in the Department of Rhetoric and Stylistics of the Russian Language
Ural Federal University

The article considers dialogization of a lecture monologue by means of first-person and second-person pronouns. Dialogization is a set of techniques aimed at the establishment of communicative comfort for addressees in understanding an intellectually complex monologue. Generally, these techniques model a dialogic form, included into a monologue for a pragmatic aim. First-person and second-person pronouns belong to the core linguistic methods of dialogization. They provide conditional personification in conveying scientific information.

The research subject are dialogization techniques typical of lecture communicative practice. These techniques are based on the use of the indicated groups of personal pronouns and divided into two groups: those distinguishing one of the communicative parties and those combining two communicative parties. Based on the context analysis, the author identifies discourse meanings of personal pronouns in an academic lecture and describes functional meanings of personal pronouns as dialogization techniques. A conclusion is drawn about genre features of these techniques; those mostly relevant to the academic lecture genre are identified.

Key words: academic lecture; monologue; dialogue; personal pronoun; contextual meaning; dialogization of a monologue; technique of influence.

УДК 81'37(81.161.1+811.58)
doi 10.17072/2037-6681-2017-1-93-97

О НАЦИОНАЛЬНОМ СВОЕОБРАЗИИ ЦВЕТОВОЙ СИМВОЛИКИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Цун Япин

профессор Института иностранных языков

Шаньдунский университет

250100, Китай, провинция Шаньдун, г. Цзинань. cyaping@sdu.edu.cn

SPIN-код: 2942-9020

ORCID: 0000-0001-7854-126X

ResearcherID: Q-5037-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Цун Япин О национальном своеобразии цветовой символики в русском и китайском языках // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С 93–97. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-93-97

Please cite this article in English as:

Cong Yaping O natsional'nom svoeobrazii tsvetovoy simboliki v russkom i kitayskom yazykakh [On the National Specificity of Color Symbolism in the Russian and Chinese Languages]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 1, pp. 93–97. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-93-97 (In Russ.)

Статья посвящена исследованию национального своеобразия цветовой символики, воплощенной в цветочных словах, в русском и китайском языках. Каждому цвету в языковой системе присуща когнитивная и эмоционально-информационная функции для всех народов мира, но в национальной культуре каждый цвет служит особым символическим знаком, вызывающим у носителей языка сходные или разные эмоциональные ассоциации, отражает богатую национальную культуру. «Цветовые» слова, обладая символическими свойствами, не только являются одним из важных средств для описания мира, но и выполняют культурно-языковую функцию для передачи эмоций человека определенной нации. В русском и китайском языках существует множество «цветовых» слов с ярко выраженным национальным колоритом, они не только могут вызывать богатые ассоциации и выражать эмоциональные переживания и чувства человека, но и формируют особую национальную цветовую культуру и оказывают большое влияние на жизнь человека двух стран. Через яркий контраст между двумя языками можно глубже постичь семантическую мотивированность «цветовых» слов, оттенки значений цветовой символики и национально-культурную специфику.

Ключевые слова: цветовая символика; эмоциональные ассоциации; национальная культура; «цветовые» слова в русском и китайском языках.

Система цветообозначений представляет собой культурно маркированную ценность нации и часть ее культурного наследия. Ее формирование тесно связано с разными функциональными свойствами предметов и явлений внешнего мира, с самим восприятием человеком окружающего мира [吴国华(Ву Гохуа) 1996: 117]. В языковой картине мира цветочные слова не только рассматриваются как вид информации, который стоит в одном семантическом ряду «цвет – информация – эмоция», но и являются мощным средством эмоционального воздействия на человека, сильно влияя на культуру нации [Комлев 2003]. Между

русской и китайской культурами существует как схождение (интернациональная культура), так и расхождение (национальная культура), все эти культурные компоненты неизбежно отражаются в русском и китайском языках, в том числе и в «цветовых» словах.

В русском и китайском языках почти каждое слово, обозначающее цвет, может вызывать богатые ассоциации и выражать эмоциональные переживания и чувства человека [Бородина 1979]. В процессе длительного исторического развития цвет приобретал символическое значение и теснейшим образом был связан с вероис-

поведением людей разной национальной принадлежности. В Древней Руси народ сравнивал четыре цвета радуги с четырьмя естественными силами природы: зеленый был цветом воды, синий – воздуха, красный – огня, черный – земли. А в представлениях китайского народа широко распространяется «ориентированность символов цвета на стороны света»; определенный цвет не только соответствует каждой из сторон света, но и имеет символическое значение. Напр., луйсэ (зеленый цвет) обозначает Восток, хунсэ (красный цвет) – Юг, байсэ (белый цвет) – Запад, хэйсэ (черный цвет) – Север [赵敏善 (Чжао Миньшань) 1994: 3].

Цвет в языковой системе обладает познавательными и эмоционально-информационными свойствами для всех народов мира. Поэтому в русском и китайском языках существуют «цветовые» слова, имеющие одинаковый символический смысл. Например, для русского и китайского народов зеленый цвет (луйсэ) символизирует рост всего живого и вечность природы, красный (хунсэ) – солнце, процветание, черный (хэйсэ) – причастность к темным силам, из чего вытекает, что зеленый знаменует собой жизнь и пышное ее процветание, красный – радость, успех и счастье, черный – горе и зло.

Цвет несет в себе важную информацию о чувствах. Восприятие цвета в русской и китайской культурах может вызывать разные социально-религиозные ассоциации [Базыма 2005]. Поэтому у каждого народа имеется свой традиционный национальный цвет, любовь к которому выражается в обычаях и традициях. Для примера можно привести слова «белый» и «хунсэ» (красный). Среди любимых и поэтизируемых в России цветов значимое место занимает белый цвет [Кульпина 2007: 133]. Белый в русском языке несет на себе наибольшую цветовую нагрузку, он дает самую богатую семантико-символическую парадигму. В соответствии со славянской культурой и христианской символикой белый – это пространство, которое расположено между небом и землей. Он является божественным цветом, символом причастности к ангельскому чину и лику блаженных, святых [Бахилина 1975], а также символом света, чистоты, незапятнанности и истины. В эпоху зарождения цивилизации белый цвет символизировал главное, верховное божество, которое отождествлялось с солнцем. Отсюда происходят белые одежды небесных богов и их земных наместников – царей, жрецов, вельмож. Даже традиционные положительные герои в русских народных сказках, напр., «добрый молодец», «красная девица», носили белую одежду. Белый цвет в христианстве не только символизирует очищение, возвышенность и духовность, но

и ассоциируется со свадебным нарядом [Воевода 2012: 114]. На русской свадьбе невеста вся в белом: белое платье, фата, перчатки, туфли, свадебный букет и т. д. А тонкие длинные свечи белого цвета служат важным элементом на свадьбе, они символизируют счастливую и долгую жизнь. В народной традиции белый еще является цветом очищения от грехов, крещения и причастия, праздников Рождества, Пасхи и Вознесения [Новосад 2016].

В Китае же самым любимым цветом является хунсэ (красный цвет) и называется «чжун гуо хун» (китайский красный цвет). Китайский народ считает этот цвет почтительным и возвышенным, символизирующим процветание, успех, радость, красоту и счастливую судьбу. Поэтому в Китае торжественные радостные события чаще всего связываются с хунсэ (красным цветом). Например, китайский Новый год – Праздник Весны – почти весь в красной атмосфере: хундэнлоу (красные фонари), хунлачжу (красные свечи), хундулянь (красные новогодние парные надписи), хунчуанхун (красные бумажные орнаменты на окнах), хунфуцзы (красный иероглиф «счастье»); многие женщины одеваются во все красное, так называемое хунчжуан (красный пышный наряд), носят на голове красные цветы из бархата или шелка т. д. В китайском языке распространена такая фраза, как «хунхунхоухуогуожицзы» (радостно и счастливо прожить жизнь). По китайской философии любовь и брак тесно связаны с жизнью и плодородием, в связи с этим вся свадьба сопровождается красным цветом. Особенно в последнее время появилась тенденция к возвращению старой культурной традиции; так, все больше молодых предпочитают быть в красном на свадьбе: хунхуа (красные искусственные цветы), дахунао (красная шелковая стеганая куртка), хунцюнь (красное платье), хунгайтоу (красный головной убор), хунсе (красные туфли). По обычаю на окне или на двери квартиры новобрачных наклеиваются хунсицзы (красные иероглифы «радость»); после свадьбы близким друзьям и родственникам раздаются хунситан (свадебные конфеты в красной упаковке) [张会森 (Чжан Хуйсэнь) 2004: 364].

Цвет традиционно наполняется морально-этическими смыслами. Для русского и китайского народов отношение к различным цветам свое, специфическое. У каждого народа существуют определенные предпочтения или отвращения, которые влияют на мировоззрение человека и отражают национально-культурную специфику [丛亚平 (Цун Япин) 1996: 45]. К примеру, возмем слово «желтый» (хуансэ). Слово, обозначающее такой цвет в русском и китайском языках, имеет разную культурологическую значимость и

приводит в движение разные ассоциативные цепочки. Русский народ считает, что желтый цвет символизирует разлуку, предательство, обман, измену и опасность [Брагина 1981: 112], поэтому у русских не принято дарить желтые цветы своим близким. Это нашло отражение во многих художественных произведениях. Например, в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» читаем: «Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы. Черт их знает, как их зовут, но они первые почему-то появляются в Москве. И эти цветы очень отчетливо выделялись на черном ее весеннем пальто. Она несла желтые цветы! Нехороший цвет» [Булгаков 2010: 454]. Из этих высказываний следует, что желтые цветы для русских тревожны и даже отвратительны. А китайскому народу, наоборот, нравятся хуансэ (желтый цвет). По древнему китайскому учению «У-Син» пять стихий, основных элементов природы, – это му (дерево), хо (огонь), ту (земля), цзинь (металл), шуй (вода). Земля находится в центре основных элементов природы, хуансэ (желтый цвет) стал центральным цветом и занял почетное место среди других цветов. Бог Земли был назван «хуанди» (желтый император, по преданию, это предок китайской нации). Китайцы называют себя «хуанчжунжэнь» (желтая раса) и «яньхуанцзысунь» (потомки реки Хуанхэ), а мать-река Китая называется «Хуанхэ» (Желтая река) и является символом китайской нации. В древнем Китае хуансэ (желтый цвет) считался императорским цветом, означающим могущество, богатство и владычество представителя китайской нации. В мемуарах последнего императора Китая Пу И написано: «Каждый раз при воспоминании о детстве перед моими глазами всплывает сплошной желтый туман: глазурированная черепица на крыше – желтая, паланкин – желтый, подстилки на стульях – желтые, подкладки на одежде и шапке, кушак, фарфоровая посуда, занавески – все желтого цвета. Этот существующий на правах личной собственности так называемый “блестящий желтый” цвет с детства заронил в мою душу чувство собственной исключительности; я считал себя необыкновенным и непохожим на остальных людей» [阎国栋 (Янь Годун) 2001: 211].

Но в Китае хуансэ (желтый цвет) иногда связывается и со смертью, загробным миром, например, слово «хуанцюань» означает «желтый подземный источник в царстве мертвых», к которому умерший отправится.

Появление и развитие цветовой символики тесно связывается с когнитивными процессами в сознании человека. С развитием общества в русском и китайском языках «цветовые» слова переживали определенные семантические измене-

ния и приобретали новые культурные смыслы. Для примера возьмем слова «белый» (байсэ) и «зеленый» (люйсэ). Белый цвет является широко распространенным, привычным для России. Выступая у русского народа не только символом чистоты, но и символом Родины, он может вызывать богатый ряд ассоциаций. Однако во время Гражданской войны в России белый цвет использовался в политике для обозначения антибольшевистских сил. Такая цветосимволика нашла свое отражение в разных письменных документах этого периода и таких лексических единицах, как *белая гвардия, белая армия, белый офицер, белый террор, белый мятеж, белый флаг* и т. п.

В китайской же культуре цвет байсэ (белый цвет) – это традиционно траурный цвет. Для китайцев очевидно, что байхуа (белые искусственные цветы), байсе (белые туфли) и байи (траурные одежды белого цвета) обычно носят в дни траура. По представлениям китайцев, белыми одеждами умершего провожают, посвящают в новую жизнь. Однако в настоящее время представления китайцев о байсэ (белом цвете) также претерпели изменения: на нынешней свадьбе невеста часто в белом платье, белых перчатках и белых туфлях, что символизирует девичью чистоту. Кроме этого, в Китае часто говорят, что, «Вырастая из грязи, хэхуа (белый лотос) никогда не бывает испачкан». Здесь слово «хэхуа» (белый лотос), имея национально-символическое значение, сравнивается с целомудренным человеком, к которому не пристаёт никакая грязь, он всегда остается чистым.

В русском и китайском языках зеленый цвет (люйсэ) является символом природы и плодородия, т. е. имеет одинаковую цветосимволику, которая формируется именно через метафорически преобразованный образ природы и плодородия. Например, слово люйсэгэмин (зеленая революция) означает «преобразование сельского хозяйства на основе современной агротехники». А слово «зеленые» в нынешних различных экологических движениях России и Китая уже стало условным знаком борьбы за экологию. Нужно заметить, что слово «зеленый» (люйсэ) в обоих языках еще ассоциируется с разными реалиями, что отражает своеобразие национальной ценности и общность мировой культуры. К примеру, зеленый цвет (люйсэ) может связываться и с банкротством, и с супружеской изменой, вероломством. В некоторых европейских странах «зеленая шляпа» означает банкротство, потому что банкроты обязаны носить шляпу зеленого цвета. А у китайцев слова «люймаоцзы» (зеленая шляпа) и «люйвугуй» (зеленая черепаха) обозначают неверную супружескую любовь, измену в

любви. Кроме этого, слово «зеленый» в русском языке обладает еще образно-переносным значением для характеристики человека как личности. Например, словосочетания «зеленый юнец», «зеленая молодежь» указывают на юного, неопытного человека [黄苏华 (Хуан Сухуа) 2000: 204]. Ср.: в китайском языке для обозначения незрелости в отношении к жизни используется слово «хуансэ» (желтый цвет), например, слово «хуанмаосяоцзы» – это мальчик с желтыми волосами.

Таким образом, как в русском, так и китайском языках бытует символика цветообозначений, которая воплощается в словах, обозначающих цвет. В языковой картине мира эти «цветовые» слова, содержащие в себе богатые национально-культурные семантические компоненты, не только выполняют коммуникативную функцию, но и приобретают дополнительные смысловые ассоциации и эмоциональную окрашенность благодаря цветовым символам, известным народам двух стран. Через яркий контраст между двумя языками можно глубже постичь семантическую мотивированность «цветовых» слов, оттенки значений цветовой символики и национально-культурную специфику.

Список литературы

Базыма Б. А. Психология цвета. Теория и практика. М.: Речь, 2005. 205 с.

Бахилина Н. Б. История цветообозначения в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.

Бородина М. А., Гак В. Г. К типологии и методике историко-семантических исследований. Л.: Наука, 1979. 232 с.

Брагина А. А. Лексика языка и культура страны. М.: Русский язык, 1981. 176 с.

Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М.: Эксмо, 2010. 816 с.

Воевода Е. В. Цветовосприятие и ассоциативные поля в русском и английском языках // Научный вестник ВГАСУ. 2012. № 2. С. 113–123.

Ву Гохуа Культурная лексикология. Харбин: Хэйлунцзянское народное изд-во, 1996. 330 с. // 吴国华. 文化词汇学. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1996. 330 p. (Wu Guohua. Wen hua ci hui xue. Hei long jiang ren min chu ban she, 1996. 330 p.).

Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: Едиториал УРСС, 2003. 192 с.

Кульпина В. Г. Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М.: КомКнига, 2007. С. 126–184.

Новосад А. Характеристики цветов. Тона. Психологическое воздействие цвета. Магия цвета. 2016. URL: <http://www.happy-giraffe.ru> (дата обращения: 27.08.2016).

Хуан Сухуа Лингвострановедческий словарь русского языка. Пекин: Изд-во «Современный Китай», 2000. 745 с. // 黄苏华. 俄罗斯语言国情学词典. 北京: 现代出版社, 2000. 745页. (Huang Suhua. E luo si yu yan guo qing xue ci dian. Beijing: Xian dai chu ban she, 2000. 745 p.)

Цун Япин О коннотативном значении цветочных прилагательных в русском языке // Шаньдунское обучение иностранным языкам. 1996. № 3. С. 44–47 // 丛亚平. 俄语中表颜色形容词的词义引申 // 山东外语教学. 1996. № 3. Р. 44–47. (Cong Yaping. E yu zhong biao yan se xing rong ci de ci yi yin shen // Shan dong wai yu jiao xue. 1996. № 3. Р. 44–47).

Чжан Хуйсэнь Сравнительное изучение русского и китайского языков. Шанхай: Изд-во «Обучение иностранным языкам», 2004. Т. 2. 496 с. // 张会森. 俄汉语对比研究 (下卷). 上海: 外语教育出版社, 2004. 496页. (Zhang Huisen. E han yu dui bi yan jiu. Shanghai: Wai yu jiao yu, 2004. 496 p.)

Чжао Миньшань Разыскания по сопоставлению культурной информации в русском и китайском языках. Шанхай: Изд-во «И Вэнь», 1994. 297 с. // 赵敏善. 俄汉语对比研究. 上海: 译文出版社, 1994. 297页. (Zhao Minshan. E han yu dui bi yan jiu. Shanghai: Yi wen chu ban she, 1994. 297 p.).

Янь Годун Китайская культура. Тяньцзинь: изд-во «Университет Нанькай», 2000. 303 с. // 阎国栋. 中国文化概观. 天津: 南开大学出版社, 2001. 303 p. (Yan Guodong. Zhong guo wen hua gai guan. Tianjin: Nan kai da xue chu ban she, 2001. 303 p.).

Reference

Novosad A. *Kharakteristiki tsvetov. Tona. Psikhologicheskoe vozdeystvie tsveta. Magiya tsveta* [Characteristics of colors. Shades. Psychological influence of color. Magic of color]. 2016. Available at: <http://www.happy-giraffe.ru> (accessed: 27.08.2016).

Bazyma B. A. *Psikhologiya tsveta. Teoriya i praktika* [Psychology of colors. Theory and practice]. Moscow, Rech' Publ., 2005. 205 p.

Bakhikina N. B. *Istoriya tsvetooboznacheniya v russkom yazyke* [The history of color designation in the Russian language]. Moscow, Nauka, 1975. 288 p.

Borodina M. A., Gak V. G. *K tipologii i metodike istoriko-semanticheskikh issledovaniy* [On typology and methods of historic-semantic research]. Leningrad, Nauka, 1979. 232 p.

Bragina A. A. *Leksika yazyka i kul'tura strany* [Vocabulary of the language and culture of the country]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1981. 176 p.

Bulgakov M. A. *Master i Margarita* [The Master and Margarita]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 816 p.

Voevoda E. V. tsvetovospriyatie i assotsiativnye polya v russskom i angliyskom yazykakh [Perception of colors and associative fields in the Russian and English languages]. *Nauchnyy Vestnik VGASU* [Scientific Herald of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering], 2012, issue 2, pp. 113–123.

Wu Guohua. *Kul'turnaya leksikologiya* [Cultural lexicology]. Harbin, Heilongjiang People's Publishing House, 1996. 330 p.

Komlev N. G. *Komponenty sodержatel'noj struktury slova* [Components of a word's content structure]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 192 p.

Kul'pina V. G. Sistema tsvetooboznacheniy russkogo yazyka v istoricheskom osveshchenii [The system of color designations of the Russian language from the historical perspective]. *Naimenovaniya tsveta v indoevropeyskikh yazykakh: Sistemnyj i istoricheskiy analiz* [Designation of colors in the

Indo-European languages]. Moscow, KomKniga Publ., 2007, pp. 126–184.

Huang Suhua. *Lingvostranovedcheskiy slovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary of linguistic geography]. Pekin, Sovremennyy Kitay Publ., 2000. 746 p.

Cong Yaping. O konnotativnom znachenii tsvetovykh prilagatel'nykh v russskom yazyke [About the connotative meanings of color adjectives in Russian]. *Shan'dunskoe obuchenie inostrannym yazykam* [Shandong Foreign Languages Teaching Journal], 1996, issue 3, pp. 44–47.

Zhang Huisen. *Sravnitel'noe izuchenie russkogo i kitayskogo yazykov* [The comparative study of the Russian and Chinese languages]. Shanghai, Shanghai Foreign Language Education Press, 2004, vol. 2. 496 p.

Zhao Minshang. *Razyskaniya po sopostavleniyu kul'turnoy informatsii v russskom i kitayskom yazykakh* [Contrastive culture information of Chinese and Russian]. Shanghai, Shanghai Translation Publishing House, 1994. 297 p.

Yang Guodong. *Kitayskaya kul'tura* [Chinese Culture]. Tianjin, Nankai University Press, 2001. 303 p.

ON THE NATIONAL SPECIFICITY OF COLOR SYMBOLISM IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Cong Yaping

Professor in the Institute of Foreign Languages
Shandong University

The article is devoted to the research on the national specific features of color symbolism embodied in color words in the Russian and Chinese languages. In a language system, each color is characterized by cognitive, emotional and information functions for all the peoples of the world. However, in a particular culture each color serves as a special symbol, which can be associated by native speakers with similar or different emotions and reflect rich potential of national cultures. Color words, having symbolic properties, are not only important means to describe the world, but also they perform a cultural-linguistic function to convey emotions of people belonging to different nations. In the Russian and Chinese languages, there are many color words with a strong national flavor. Apart from evoking rich associations and expressing emotional experiences and feelings, they also form a distinct national color culture and have a great influence on human life of the two countries. The vivid contrast between the two languages helps to comprehend the semantic motivation of color words, shades of meanings of color symbolism and cultural identity.

Key words: color symbolism; emotional associations; national culture; color words in the Chinese and Russian languages.

УДК 81'25
doi 10.17072/2037-6681-2017-1-98-107

ОБРЫВ КАК ХЕЗИТАЦИОННОЕ ЯВЛЕНИЕ В РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Чэн Чэнь

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. honey.susanna.91@mail.ru

SPIN-код: 1828-8393

ORCID: 0000-0003-0274-9157

ResearcherID: A-7179-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Чэн Чэнь Обрыв как хезитационное явление в русской речи носителей китайского языка // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 98–107. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-98-107

Please cite this article in English as:

Cheng Chen Obryv kak khezitatsionnoe yavlenie v russkoy rechi nositeley kitayskogo yazyka [A Break as a Hesitation Phenomenon in Russian Speech of the Chinese]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 1, pp. 98–107. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-98-107 (In Russ.)

Статья посвящена описанию обрыва как разновидности хезитационных явлений в русской устной речи носителей китайского языка. Внимание сосредоточено на обрыве-хезитации, который является неизбежным элементом любого спонтанного монолога. Материалом для исследования стали 70 текстов, записанных от 10 испытуемых – носителей китайского языка (5 мужчин и 5 женщин одного – студенческого – возраста, с разным психотипом (экстраверты – интроверты) и разным уровнем владения русским языком): чтение (сюжетное и несюжетное), пересказ (сюжетный и несюжетный), описание изображения (сюжетного и несюжетного), а также свободный рассказ на тему «Как вы проводите свободное время на каникулах?» – по 7 текстов от каждого информанта. В ходе исследования случаи обрыва анализировались с позиции типа произведенной говорящим операции отмены – нулевой, частичной или полной. Учитывался также тип реакции говорящего на обрыв – on-line (сразу после «точки сбоя») или off-line (дистантно), а также качество произведенной говорящим коррекции – удачной или неудачной. Анализ показал, что в материале исследования преобладают операции нулевой отмены (без коррекции), а также мгновенная (on-line) реакция говорящего на хезитационную заминку, что говорит о внимании иностранцев к своей русской речи и желании все сразу исправить. Удалось также установить некоторые причины, приводящие к обрыву, – как универсальные, свойственные любой спонтанной речи, так и характерные именно для речи на неродном языке (в той или иной степени интерферированной).

Ключевые слова: русская спонтанная речь; звуковой корпус; сбалансированная аннотированная текстотека; хезитационное явление; обрыв; русский язык как иностранный.

1. Введение

Устная спонтанная речь – один из наиболее интересных объектов современной лингвистики, интерес к которому уже многие десятилетия остается неизменно высоким. Существует много работ, в которых устная речь анализируется в рамках разных лингвистических направлений. Так, известны серьезные исследования в области фонетики (см., например: [Фонетика спонтанной

речи 1988]), социолингвистики [Крысин 1989; Ерофеева Т. 1991, 1996; Ерофеева Е. 2005], комплексного изучения устной диалогической [Сиротинина 1974; Лаптева 1976; Земская 1979; Земская и др. 1981] и монологической [Лаптева 1985] речи. Нет сомнения, что устная речь представляет собой весьма сложное явление в различных аспектах – как в чисто лингвистическом, так и с позиций социо- и психолингвистики.

Одной из «характернейших особенностей спонтанной устной речи (как непринужденной, разговорной, так и более официальной), отражающей ее сиюминутность, творческий характер», являются разного рода *хезитационные явления* (ХЯ) [Фонетика спонтанной речи 1988: 144]. К числу таких явлений относятся и *обрывы*, недоговоренные или самопрерванные слова, ср.: «Spontaneous speech usually includes redundant information such as disfluencies, fillers, repetitions, repairs, and word fragments» («Спонтанная речь обычно включает неважные для передачи смысла фрагменты, такие как ошибки и сбои, паузы хезитации, повторы, коррекции и *обрывки* слов») (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Ч. Ч.) [Furu et al. 2004: 401]; «неподготовленная устная речь самоорганизуется в процессе порождения, в отличие от речи письменной, где наблюдается только фиксированный результат. Речь как будто рождается в муках – оговорках, *самоперебивках*, самокоррекции, *обрывках*, повторах» [Звуковой корпус... 2013: 27]. Именно обрывам как хезитационному явлению и посвящена настоящая статья.

2. Определение понятия

Обрыв как неотъемлемую характеристику устной спонтанной речи отмечают многие исследователи (см., например: [Русская разговорная речь 1973, 1983; Сиротинина 1974; Земская и др. 1981; Бондаренко 1984; Разговорная речь... 2003; Александрова, Иваницкий 2003; Степанова 2006; Сапунова 2009; Белицкая 2014] и мн. др.). При этом под обрывом понимают своеобразное «заикание» говорящего, когда в потоке речи он по каким-либо причинам сбивается, обрывает слово и часто затем повторяет его [Звуковой корпус... 2013: 179]. Обрыв относят также к *самопрерванным конструкциям*, среди которых выделяют незаконченные высказывания, рестарты (повторные начала) (*лю... любимые передачи*), и фальстарты (неудачные начала) (*то есть не для пу... не предлагается для обсуждения*).

В настоящей работе *обрыв* рассматривается как признак сбивчивости речи. Обрыв как «точка сбоя» может возникнуть в любом месте высказывания и иногда провоцирует появление паузы хезитации, после которой говорящий возобновляет свою речь.

3. Материал и информанты

Материалом для анализа стали спонтанные монологи 4 типов: чтение и пересказ прочитанного текста, описание изображения и свободный рассказ на заданную тему¹. Монологи были записаны от 10 информантов, студентов СПбГУ, носителей китайского языка (5 мужчин и

5 женщин примерно одного возраста: 23–27 лет), достаточно хорошо говорящих по-русски (2-й и 3-й уровень ТРКИ, по данным тестирования²).

Все информанты перед записью заполнили социологическую анкету и прошли психологический тест Г. Айзенка на китайском языке (см.: <http://types.yuzeli.com/survey/epq85>), что позволило разделить их на несколько групп с учетом психотипа: интроверты (И), экстраверты (Э), амбиверты (А) (см. подробнее: [Чэн 2016а]). Этот материал стал частью сбалансированной аннотированной текстотеки (САТ) – одного из блоков Звукового корпуса русского языка, создаваемого на филологическом факультете СПбГУ (подробнее о нем см.: [Звуковой корпус... 2013]). Во всех случаях, кроме свободного рассказа, исходными стимулами для порождения монолога были два разных предтекста/изображения – сюжетный и несюжетный, что открывает дополнительные возможности для анализа материала, который в результате может производиться с учетом не только различных характеристик информантов (социо- и психолингвистический аспект), но и характеристик самого материала (собственно лингвистический аспект).

Все звучащие тексты были подвергнуты слуховому анализу, расшифрованы и представлены в псевдоорфографическом виде без знаков препинания, но с детальной интонационной разметкой. В процессе расшифровки особое внимание было уделено хезитационным явлениям: отмечались все типы физических пауз, неречевые звуки (*н-н, ы-н, н* и т. п.), разного рода ошибки, повторы и *обрывы*, анализ которых и стал предметом настоящего исследования.

4. Обрыв и операция отмены

В данной работе принимается актуальное для интерферированной речи разграничение ситуаций, когда слово после обрыва либо повторяется (*договаривается*) информантом, либо не повторяется (*не договаривается*). В каком-то смысле это свидетельствует о том, насколько говорящий следит за своей русской речью, важна ли для него правильность такой речи. При изучении иностранного языка подобный «контроль качества» может стать причиной более или менее успешно овладения новым языком.

Выход на результат преодоления говорящим «точки сбоя», возникшей в речи запинки, может дать рассмотрение этого процесса с позиций типологии так называемых *операций отмены*.

Операция отмены – самая распространенная операция в естественной спонтанной речи, и она не случайно привлекает внимание лингвистов. Термин «операция отмены» несколько уже термина «коррекция», он может быть определен как

механизм текстообразования. Операции отмены подвержена часть текста до «точки сбоя», далее эта часть переговаривается со значительными или незначительными изменениями³. В линейной последовательности в физическом смысле существуют два отрезка – до и после «точки сбоя», – которые соотносятся структурно, и операция отмены одновременно является одним из способов приращения текста (подробнее об этом см.: [Филиппова 2010; Звуковой корпус... 2013: 428–432]).

Выделяют три типа операций отмены: нулевая, частичная и полная.

В результате операции *нулевой отмены* оборванное слово повторяется без всякой коррекции. Можно предположить, что говорящий не вполне доволен тем, что начал произносить, хочет изменить его, порой гезитирует, но не может подобрать лучшего варианта и вынужден повторить (договорить) исходное слово (в примере (1) оно подчеркнуто), чтобы не нарушать структурного единства фразы:

- 1) как я [проводил] ле... летние каникулы (И2, муж., 3 ур., И, рассказ)⁴.

При операции *частичной отмены* происходит повторение оборванной звуковой последовательности с какими-либо изменениями, например, добавляются новые, уточняющие, элементы или меняется форма слова:

- 2) потому что времени не хватает / а после этого я-я [с... (а) планируюс... (б) [планировался] поехать в Пекине (И2, муж., 3 ур., И, рассказ).

Оборванное слово (б) в примере (2) повторено (договорено) говорящим с некоторой коррекцией (в тексте подчеркнуто). В данном случае коррекция оказалась неудачной, что тоже важно при анализе интерферированной речи: в дальнейшем этот момент будет специально оговариваться.

Есть в контексте (2) и еще один случай обрыва (а), но это уже пример осуществления говорящим операции *полной отмены* того, что он начал произносить и что его по каким-то причинам не устроило. Оборванное слово в данном случае просто брошено говорящим, и он к нему больше не возвращается. По-видимому, информант в этом последнем случае хотел сказать *собирался* (поехать), но потом решил заменить глагол на «более солидный» – *планировал*, с которым, как видно из контекста, так и не справился. Такое стремление говорить лучше, чем можешь, вполне свойственно многим говорящим в условиях записи на диктофон, и часто это приводит к *гиперкоррекции* – ошибке «от усердия». Ср.: «наличие микрофона влияет определенным образом на говорящего. Он оформляет свою речь более тщательно» [Земская 1988: 24]. Л. В. Бондарко также относит подобную речь к виду «тщательной»

речевой деятельности [Бондарко 1998: 258-259], но «иногда эта “тщательность” оказывается чрезмерной, сродни гиперкоррекции, особенно при отсутствии у говорящего навыков публичной речи» [Звуковой корпус... 2013: 24]. В нашем случае – и при недостаточном уровне владения русским языком. Такие случаи в ходе анализа также будут специально отмечаться.

Дальнейший контекстный анализ материала произведен с учетом предложенной типологии операций отмены. В ходе анализа фиксируются и многие другие особенности спонтанной речи китайцев на неродном для них (русском) языке.

4.1. Обрыв и нулевая отмена

Обрыв слова, как уже отмечалось выше, чаще всего свидетельствует об общей гезитационной заминке говорящего, вызванной разными причинами. Тщательный анализ материала позволяет в какой-то степени систематизировать эти причины. Рассмотрим это на конкретных примерах.

В ряде случаев говорящий обрывает слово, которое оказалось для него слишком сложным фонетически, и с первого раза произнести его просто не удалось, ср.:

- 3) после их работы / я почувствь... я *сАма⁵ почувствую* себя [это очень счастливо (И10, муж., 3 ур., Э, рассказ);

- 4) потом он [] ы увидел что / ы волос растёт ис... (а) илис... (б) с... (в) слишком [быстро (И9, муж., 2 ур., И, описание сюж.).

В примере (4) говорящий трижды обрывает себя в попытках произнести слово *слишком*. В результате под определение нулевой отмены подпадает только обрыв (в) – с... *слишком*. Первые же два обрыва (а) и (б) демонстрируют операцию *частичной отмены*, когда слово в конечном счете переговаривается с некоторыми изменениями. По-видимому, говорящий, дважды ошибившись и в третий раз начав произносить слово вполне правильно, все же снова обрывает себя, как бы проверяя, действительно ли ему это удалось или нет. И, даже повторив слово правильно, он еще раз останавливается, запинаясь, о чем свидетельствует физическая пауза гезитации (//), – и лишь потом заканчивает фразу: с... *слишком* [*быстро*. Видно, что контроль речи осуществляется говорящим весьма тщательно. Его реакция на обрыв слова может быть квалифицирована как *on-line* коррекция⁶: информант сначала преодолевает возникший сбой и лишь затем продолжает свою речь.

Результат всех стараний информанта И9 оказался вполне удачным – слово в конце концов произнесено правильно, – чего нельзя сказать о примере (3), в котором итоговая (переговоренная) форма оказалась правильной только фонетически, но не грамматически (правильно долж-

но быть *почувствовал* или *чувствую*) (И10). Эта реакция на ошибку относится к разряду *off-line* коррекций, так как говорящий поправляется не сразу после «точки сбоя», а с некоторой (хотя и небольшой) дистанцией: *я почувств... я сама почувствую себя*.

Любопытно взглянуть на эти два контекста и с позиций психолингвистики: И9 (мужчина-интроверт) в примере (4) долго «борется» с текстом, но добивается в конце концов правильного варианта произнесения трудного слова; И10 (мужчина-экстраверт) в примере (3) менее «щепетилен»: он не сразу реагирует на ошибку, правильного варианта так и не добивается и делает в ходе коррекции новые ошибки (*сама* вместо *сам*). Эти наблюдения вполне соответствуют литературным данным о специфике речевого поведения двух основных человеческих психотипов – экстравертов и интровертов⁷.

Приведем еще примеры on-line коррекций в рамках операции нулевой отмены:

- 5) *в Пекин / к своему научному руководителю / чтобы серьезно обсуж... (а) обсудить [а с ней / о моей [диссертационной работе / хотя / тс она пока ещё не сы... (б) сырая* (И7, жен., 3 ур., И, рассказ);
- 6) *они восхищалась-сь [рекаИ / и около / пышной пышной ы деревья [де... (а) деревья / есть [аллея / и-и дальше суще... (б) есть [замОк* (И10, муж., 3 ур., Э, описание несюж.);
- 7) *потому что-о / я-я с... (а) [ы-н [сняла [ы-н [коммунальна... (б) ы коммунальную комнату* (И4, жен., 3 ур., И, рассказ);
- 8) *у нас ещё-ё [много дру... [ы [другие // надо [делать* (И4, жен., 3 ур., И, рассказ).

В контекстах (5б) и (6а) мы видим незамедлительную реакцию говорящего на речевой сбой, в примерах (7а) и (8) – коррекции (повтору оборванного слова предшествует затяжная хезитационная пауза, частично физическая, частично заполненная неречевыми звуками: [ы-н]). Заметим, что информанты во всех случаях – интроверты, тщательно контролирующие свою речь. Хотя в большинстве контекстов коррекция все же оказалась неудачной: *она пока ещё не сы... (б) сырая* (вм. *пока еще не готова / пока еще сырая*); *много дру... [ы [другие* (вм. *много другого*); *около / пышной пышной ы деревья [де... (а) деревья* (вм. *около пышных деревьев*).

В следующих примерах говорящий, оборвав слово и раздумывая над его правильной формой, либо повторяет фрагменты этого недоговоренного слова (9)–(10), либо в попытке повторить обрывает еще раз (11а)–(11б). В первых двух случаях результат on-line коррекции оказывается неудачным (*за небольшими лесом; необходимо /*

начал [резать [лишние волосы), в третьем – вполне правильным, по крайней мере, в том, что касается данной формы (*в природе*):

- 9) *волосы-ы [ы-н [вырастут ы [очень быстро и-и без остановки / он нео... о... не... он необходимо / начал [резать [лишние волосы* (И4, жен., 3 ур., И, описание сюж.);
- 10) *на [дальнейшей плане картины / находится-я [Гатчинский дворец / за-а [за небольшими... ши... за небольшими лесом* (И2, муж., 3 ур., И, описание несюж.);
- 11) *в картине / это-о [как гармония / н-н [[ы-н [[и-и [а видим картину / а-а [у нас есть такое чувство / а-а человек живут ву-у [пейзаже / в приро... (а) в а в природь... (б) в природе / м-м [с гармо... (в) [а-а [с гармонией / и-и [всё-ё в порядке* (И3, жен., 2 ур., И, описание несюж.).

Оба варианта коррекции в рамках операции нулевой отмены представлены в контекстах (12)–(13): on-line после обрывов (12б) / (13а) / (13г) и off-line после обрывов (12а) / (13б):

- 12) *я думаю [надо [се... (а) заниматься ч... (б) чем-то серьезным* (И7, жен., 3 ур., И, рассказ);
- 13) *они они [как будто что [о чём-то [говорят / и вдали / ы-н изображается очень [старый [дворец / н но мож... (а) можно сказать что это за... (б) дре... (в) ста... (г) // старый [замок* (И9, муж., 2 ур., И, описание несюж.).

В контексте (13) видна еще попытка говорящего выбрать подходящее определение к слову *замок*: *древний* или *старый*. Здесь также присутствует обрыв слова, что можно охарактеризовать как операцию *полной отмены*: слово начато, оборвано и полностью заменено другим. Уже приведенные примеры показывают, как много обрывов разного типа в монологах китайцев, говорящих на неродном языке. Не останавливаясь более на деталях, приведем еще ряд контекстов, в которых шрифтом выделены все случаи операции *нулевой отмены*: оборванное слово договаривается (on-line или off-line, удачно или неудачно) без всяких изменений:

- 14) *ы-ы [первое мая э... [первое мая это-о / праздник весны и труда* (И3, жен., 2 ур., И, рассказ);
- 15) *он хоте... (а) [он хотел [чтобы ы [волосы очень быстро [растёт / а во втор... (б) во втором во в... (в) второй день когда он зас... (г) [ы проснулся* (И9, муж., 2 ур., И, описание сюж.);
- 16) *у не... (а) у него // н-н [[ра... (б) [ы-н [рас- тился волосы // он [так рад / и-и [начал [н-н [[ра-асы-ы... (в) [н-н [н-н [расчё-*

- сыва... (г) вал волосы // н-н || и-и [расчё-сы... (д) расчёсывал [вал волосы || н-н || и-и [расчёсывал || красиву-ую-ю || н-н || при-Аску // н-н || он расчёсывал расчёсывал (И1, жен., 2 ур., Э, описание сюж.);*
- 17) *он [ы сАма [ы стретИть волосы но стре... (а) но стретИть волосы / и волосы быстрее выра... (б) выразить (И10, муж., 3 ур., Э, описание сюж.);*
- 18) *человек с... (а) ы смот... (б) || н-н || смо-о-т... (в) когда люди смотрЯт [на ём (И9, муж., 2 ур., И, описание несюж.);*
- 19) *после экзамена я сразу же проехала в Китай / н-я-я н-н [вс... (а) н в Китае н-я-я отдыхала и н-н || и погуляла / ы-н вс... (б) н-н [всего через сорок дней (И6, жен., 2 ур., И, рассказ);*
- 20) *люди-и [погуляли в парке / и-и [в карте / н [написа... (а) [написала [ы Гат... (б) напи... (в) написала [ы пышные пышная [деревьа (И10, муж., 3 ур., Э, описание несюж.);*
- 21) *слева / дерево там [н-н н-н [есть н [что-то мен... (а) металлические [металлические [ы-н т... (б) ы-н [н монумент готовить-ся [к вступительному экзамену в маги-стра... (в) в аспирантуру (И6, жен., 2 ур., И, описание несюж.);*
- 22) *в к... (а) в картине нахо... (б) [мы можем увидеть что / увидеть [ы-н [озеро / дво-рец (И5, муж., 2 ур., А, описание несюж.);*
- 23) *кроме этого / художник-к / ы [ещё ис-пользовал || н-н [контра-ст... (а) дон... (б) контра-ст цвета / и-и [тень [чтобы зрители [ы-н [можно [ы [как будто-о [увидеть реальные красоты природы (И4, жен., 3 ур., И, описание несюж.);*
- 24) *ес... (а) если летом / мне понравится по... (б) путешествовать в других городах (И1, жен., 2 ур., Э, рассказ).*

В небольшом контексте (24) можно видеть сразу два типа операций отмены после обрыва слов: нулевую, повтор без коррекции (*ес... если*) и частичную, повтор с коррекцией (*по... путеше-ствовать*).

В первом случае (24а) информант, с одной стороны, видимо, раздумывает, о чём говорить дальше, с другой стороны, сомневается в выборе союза. Первая причина обрыва (запинки, речевого сбоя) может считаться универсальной, свойственной устной речи на любом языке, поскольку такая речь порождается, как правило, в условиях временного дефицита и невозможности предварительного обдумывания. Вторая же причина – грамматическая – характеризует, надо полагать, только речь на неродном языке и продиктована недостаточным знанием говорящим русского языка.

Во втором случае (24б) информант, похоже, хотел употребить слово с приставкой (*поездить, попутешествовать*), но передумал, оборвал начатую единицу и употребил другой глагол, без приставки. Вряд ли можно отнести этот сбой к ошибкам речи на неродном языке – такая запинка может встретиться и в русской речи русских.

Важно, что в обоих случаях в этом фрагменте оборванные слова договорены информантом – с коррекцией или без нее. Коррекцию при этом можно признать вполне правильной (успешной).

В других примерах успешная коррекция встречается довольно редко (ср.: *но стре... (а) но стретИть волосы; волосы быстрее выра... (б) выразить; смо-о-т... (в) когда люди смотрЯт; что-то мен... (а) металлические*), что говорит об общих сложностях спонтанного речепорождения на русском языке – особенно для носителей китайского языка.

4.2. Обрыв и частичная отмена

Рассмотрим весьма немногочисленные в материале исследования примеры частичной отмены оборванного слова, т. е. его договаривание с какой-то коррекцией:

- 25) *кроме этих я-я почти каждый день встал рано / и-и [н-н пое... аха... пи... по... походили на-а фисклуб (?) (И2, муж., 3 ур., И, рассказ);*
- 26) *в Пекин / к своему научному руководителю / чтобы серьезно обсуж... обсудить [а с ней / о моей [диссертационной работе / хотя / тс она пока ещё не сы... сырая (И7, жен., 3 ур., И, рассказ);*
- 27) *поэтому он начинали там [постоянно [опять с... [делать стрижку (И8, муж., 3 ур., А, описание сюж.);*
- 28) *они-и [может быть-ть разговаривают между собой-й / и-и [э-н [всмо... (а) вс... (б) засмотрелся в [ы-н вид того... (в) такого прекрасном такой прекрасной природы (И2, муж., 3 ур., И, описание несюж.);*
- 29) *в воскресенье у героя есть вечеринка / поэтом... (а) [он хочет купить ку... (б) какую-нибудь рубашку / покрасивей (И1, жен., 2 ур., Э, пересказ сюж.).*

В случае (29б) представлена произведенная on-line частичная отмена, с вполне удачной коррекцией; речевого сбоя, приведший к обрыву слова, может быть вызван влиянием фонетически близкого начала предшествующего слова *купить*. Обрыв (29а) можно квалифицировать как полную отмену, но это может быть и просто сильная редукция – до нуля – последнего согласного в слове *поэтому*.

- 30) *новые рубашки / э-ы / теперь / по... завсе-гда садятся (И1, жен., 2 ур., Э, пересказ сюж.).*

В примере (30) также видим произведенную on-line операцию частичной отмены с удачной коррекцией незнакомого говорящему слова.

- 31) *охота было / знаете / **покры...** (а) поприличнее / одеться / хотелось какую-нибудь рубашку **покра...** (б) покрасивей / купить (И1, жен., 2 ур., Э, чтение сюж.).*

В обоих случаях обрыва в контексте (31) можно видеть реакцию говорящего на сложную (и достаточно редкую) грамматическую форму слов (*поприличнее, покрасивее*). В случае (31а) перед нами произведенная on-line операция частичной отмены с удачной коррекцией, в случае (31б) – нулевая отмена, также произведенная on-line.

Видно, что говорящий в процессе хезитации часто подсознательно решает сразу несколько задач: выбор слова, или словосочетания (*поехал – пошел, стричь – делать стрижку, всегда*), его грамматической (*пошел – походил, обсуждать – обсудить*), или фонетической формы (*того... – такого, ку... – какую-нибудь*). Не во всех случаях коррекция оказывается удачной, но наблюдения такого рода проливают свет на сам механизм порождения речи, в том числе на неродном языке.

4.3. Обрыв и полная отмена

В контекстах (32)–(40) приведены примеры операций *полной отмены*: с заменой слова (тип самокоррекции) (33, 35, 36, 40) или просто отмены (32, 34, 37, 38, 39), ср.:

- 32) *я могу там **пото...** [я могу [<вдох> как можно отдыхать в природе смотреть какой [красивый пейзаж вокруг (И8, муж., 3 ур., А, рассказ);*
- 33) *он хоте... (а) [он хотел [чтобы ты [волосы очень быстро [растёт / а во втор... (б) во втором во ... (в) второй день когда он **зас...** (г) [ты проснулся (И9, муж., 2 ур., И, описание сюж.);*
- 34) *через сорок дней / ты-я вернулась [в Россию опять / н-н [ты-н в **то е...** ву-у в начале августа (И6, жен., 2 ур., И, рассказ);*
- 35) *мне надо [будет [подготовиться [к вступительному экзамену в **магистра...** в аспирантуру (И7, жен., 3 ур., И, рассказ);*
- 36) *они восхищалась-сь [рекаИ / и около / пышной пышной ты деревья [де... (а) деревья / есть [аллея / и-и дальше **суще...** (б) есть [замОк (И10, муж., 3 ур., Э, описание несюж.);*
- 37) *люди-и [погуляли в парке / и-и [в карте / н [написала... (а) [написала [ты **Гат...** (б) напи... (в) написала [ты пышные пышная [деревья (И10, муж., 3 ур., Э, описание несюж.);*
- 38) *в к... (а) в картине **нахо...** (б) [мы можем увидеть что / увидеть [ты-н [озеро / дворец (И5, муж., 2 ур., А, описание несюж.);*

- 39) *кроме этого / художни-к / ты [ещё использовал [н-н [контраст... (а) **дон...** (б) контра-ст цвета / и-и [тень [чтобы зрители [ты-н [можно [ты [как будто-о [увидеть реальные красоты природы (И4, жен., 3 ур., И, описание несюж.);*

- 40) *они-и [может быть-ть разговаривают между собой-й / и-и [э-н [**всмо...** (а) **вс...** (б) засмотрелся в [ты-н вид того... (в) **такого прекрасном...** такой прекрасной природы (И2, муж., 3 ур., И, описание несюж.).*

В следующих двух контекстах представлены сразу по несколько разных типов обрыва, включая операцию полной отмены: (41а) – полная отмена (по-видимому, говорящий собирался употребить более знакомое ему слово *хотел*); (41б) – нулевая отмена, on-line, реакция на редкое слово *пытался*; (42а) – полная отмена; (42б) – нулевая отмена, off-line; (42в) – нулевая отмена, on-line; (42г) – полная отмена:

- 41) *герой [заскочил в магазин и х... (а) **пыта...** (б) [и пытался купить [новую рубашку (И2, муж., 3 ур., И, пересказ сюж.);*
- 42) *эт... (а) [герой за... (б) вдруг заметил что / н-н [**рубаш...** (в) рубашка которая после **стира...** (г) [уже-е [не-е [ему не подходит (И2, муж., 3 ур., И, пересказ сюж.).*

Во всех случаях замены оборванного слова, что в какой-то степени сближает эту операцию с частичной отменой, говорящий осуществляет выбор между словами, которые так или иначе связаны друг с другом: *заснул – проснулся* (антонимические отношения), *магистратура – аспирантура*, *всмотрелся – засмотрелся* (семантическая близость понятий), *существует – есть, хотел – пытался* (синонимические отношения). В случаях полной отмены говорящий, как правило, полностью меняет грамматическую структуру высказывания. Происходит отмена чаще сразу, в режиме on-line, иногда, впрочем, с использованием других ХЯ (33–40), реже дистантно, после повторов, физических и заполненных пауз колебания или паралингвистических элементов (32, 42б). Видно, что и примеров полной отмены в материале исследования оказалось также не слишком много.

5. Выводы

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов об использовании обрыва слова как ХЯ в устной спонтанной речи носителей китайского языка. Так, чаще говорящий все же договаривает оборванное слово, осуществляя своеобразный «контроль качества» своей русской речи. При этом чаще слово договаривается без всяких изменений (операция нулевой отмены), даже если договоренное слово оказывается ошибочным. Эти случаи можно отнести к чистой хезитации,

без самокоррекции. Но и произведенная коррекция (операция частичной отмены) часто бывает неудачной, что свидетельствует о больших принципиальных затруднениях китайцев в порождении русской спонтанной речи.

Случаев on-line коррекции (мгновенной реакции говорящего на речевой сбой) встретилось существенно больше, чем off-line коррекции, т. е. носителю китайского языка легче сразу попытаться исправить замеченную ошибку или преодолеть «точку сбоя», чем помнить о ней какое-то время и потом вернуться к сложному участку речевой цепи. По-видимому, для изучающих русский язык китайцев все же вполне естественно следить за качеством своей русской речи и пытаться ее корректировать по мере возможности. Этому способствует и тот факт, что большинство информантов оказались интровертами, для которых вопрос качества их речи более важен, чем для экстравертов.

Что касается причин возникновения такого хезитационного явления, как обрыв, то анализ материала позволил отметить следующие: фонетическая трудность слова, которое говорящему просто не удастся произнести (правильно или неправильно) с первой попытки, или фонетическая аналогия с только что произнесенным словом; гиперкоррекция – желание говорить в микрофон лучше, чем человеку свойственно, в данном случае – чем позволяет его уровень владения русским языком; заминка при встрече с редким или незнакомым словом, а также при выборе одного из синонимов или близких по значению слов, выбор правильной грамматической формы или путаница антонимичных единиц. Видно, что часть этих причин приводит к обрывам в любой спонтанной речи, в том числе на родном языке, а часть (в первую очередь грамматические и связанные с системными отношениями в лексике) свойственна в большей мере говорящим по-русски иностранцам. Но во всех случаях анализ хезитационных явлений, в том числе обрывов, проливает свет на работу механизма порождения речи, что выводит исследование на уровень когнитивистики и тем самым еще повышает его значимость.

Анализ показал также, что обрывы встречаются во всех типах текстов, от чтения до свободного рассказа на заданную тему. Важен в этом случае не тип коммуникативного сценария, а сам факт спонтанного (любой степени спонтанности) речепорождения.

Примечания

¹ Исходными текстами для чтения и пересказа стали следующие: рассказ М. Зощенко «Рубашка фантази» (сюжетный) и отрывок из рассказа В. Г. Короленко «Река играет» (несюжетный);

исходными стимулами для описания – комикс Х. Бидструпа «Эликсир для волос» (сюжетный) и репродукция с картины С. Ф. Щедрина «Вид на Гатчинский дворец с Длинного острова» (несюжетный). Тема рассказа была общей для всех испытуемых: *Как Вы проводите свободное время на каникулах?*

² Тестирование информантов не входило в задачи настоящего исследования, оно проводится в СПбГУ централизованно для всех иностранных учащихся.

³ В этом смысле *обрыв* как хезитационное явление тесно связан с двумя другими ХЯ, также свойственными устной спонтанной речи, – *повтором* и *самокоррекцией*. Подробнее о результатах анализа материала настоящего исследования в этих двух отношениях см.: [Чэн 2016б, в].

⁴ Все тексты-иллюстрации в статье атрибутируются с указанием номера информанта, его гендерной принадлежности, уровня ТРКИ и психотипа, а также типа спонтанного монолога. Данный текст (1) – это фрагмент из свободного рассказа, произнесенного информантом № 2, мужчиной-интровертом, с 3-м уровнем ТРКИ. Знак (/) в расшифровках обозначает физическую (незаполненную) паузу хезитации.

⁵ Прописная буква в слове *сАма* показывает ударение, которое реализовал говорящий и которое отличается от нормативного. Форма *сАма* несколько неожиданна в речи информанта-мужчины, но не исключено, что он все же хотел произнести *сам*, но сделал огласовку после конечного согласного, что и привело к появлению ненормативной (аномальной, девиантной) формы – и в смысле ударения, и в смысле логики и грамматики.

⁶ Вслед за В. И. Подлесской и А. А. Кибриком в работе используется противопоставление двух разных стратегий, которыми пользуется говорящий, реагируя на допущенную ошибку (речевой сбой): он исправляет себя либо сразу после ошибочного произнесения фрагмента – *on-line коррекция*, или дистантно, после какой-то новой порции текста, в течение которой он продолжает помнить об ошибке и после которой возвращается к «точке сбоя», чтобы все исправить, – *off-line коррекция* (см.: [Подлесская, Кибрик 2005]). На материале настоящего исследования оба типа коррекции были специально проанализированы в работе [Чэн 2016 б].

⁷ Так, *экстраверт* в принципе на все «реагирует быстро, часто сначала делает, потом думает» [Журавлева 2008]. *Экстраверсию* можно назвать активной, но при этом энергозатратной установкой психики [там же], ведущей к расширению сферы активности. Общей чертой речи *экстравертов* можно назвать ее быстрый темп и яркое

внешнее выражение эмоций. Направленность их внимания на содержание речи относительно невысокая [там же]. *Интроверт* «прежде, чем совершить действия, тщательно продумывает их <...>. Психологические защитные средства включают в себя добросовестность, щепетильность, педантичность, бережливость, осторожность, недоверчивость, умеренность, совестливость, честность, прямоту, вежливость». *Интроверсия* – это пассивная, но энергоэкономная и защитная установка психики, ведущая к освоению и углублению уже имеющегося, сосредоточенная на внутреннем мире [там же]. Обычно *интроверты* предпочитают письменную речь устной. В своей речи они не инициативны, поэтому предпочитают ответные реплики. Однако направленность внимания на содержание диалога у них высокая, именно поэтому их реплики характеризуются подготовленностью и продуманностью [там же].

Список литературы

- Александрова О. А., Ивануцкий В. В.* Пауза колебания – комплексный феномен современной коммуникации // Вестник Новгородского государственного университета. 2003. № 25. С. 95–101.
- Белицкая А. А.* О роли хезитационных пауз в спонтанной речи // Филология и литературоведение. 2014. № 2. URL: <http://philology.snauka.ru/2014/02/697> (дата обращения: 12.01.2017).
- Бондаренко Л. П.* Пауза колебания и порождение высказывания // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы. Л.: ЛГУ, 1984. Вып. 1. С. 158–166.
- Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка: учеб. пособие. СПб.: СПбГУ, 1998. 276 с.
- Ерофеева Е. В.* Вероятностные структуры идиомов. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005. 320 с.
- Ерофеева Т. И.* Опыт исследования речи горожан (территориальный, социальный и психологический аспекты). Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. 136 с.
- Ерофеева Т. И.* Стратификационное описание речи горожанина в параметрах социобиопсихологических характеристик // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания: Семантика и коммуникация / под ред. Л. В. Сахарного. СПб.: СПбГУ, 1996. Вып. 4. С. 190–199.
- Журавлева А. А.* Влияние психотипа личности диктора на специфику его устной речи: докл. на междунар. конф. по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2008». Бекасово, 4–8 июня 2008 г. URL: <http://www.wikiznanie.ru> (дата обращения: 10.01.2017).
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян.* СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.
- Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979. 240 с.
- Земская Е. А.* Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи / отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. М.: Наука, 1988. С. 5–44.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 275 с.
- Крысин Л. П.* Некоторые принципы словарного описания русской разговорной речи (Постановка задачи) // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 110–118.
- Лантева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976. 399 с.
- Лантева О. А.* Общие особенности устной публичной (научной) речи // Современная русская устная научная речь. Т. 1. Общие свойства и фонетические особенности / под ред. О. А. Лаптевой. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1985. С. 12–39.
- Подлесская В. И., Кибрик А. А.* Коррекция сбоев в устной спонтанной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Междунар. конф. «Диалог'05» (Звенигород, 1–7 июля 2005 г.) / под ред. И. М. Кобозевой, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М.: РГГУ, 2005. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2416/podlesskaya-kibrik.pdf> (2005) (дата обращения: 12.01.2017).
- Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Грамматика / под ред. О. Б. Сиротининой.* М.: Едиториал УРСС, 2003. 312 с.
- Русская разговорная речь / под ред. Е. А. Земской.* М.: Наука, 1973. 486 с.
- Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест.* М.: Наука, 1983. 240 с.
- Сапунова Е. М.* Неподготовленное чтение как вид речевой деятельности и тип устного спонтанного монолога (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 237 с. (машинопись).
- Сиротинина О. Б.* Современная разговорная речь и её особенности. М.: Знание, 1974. 144 с.
- Степанова С. Б.* Общее и индивидуальное в хезитациях (на материале русской спонтанной речи) // Материалы XXXV Междунар. филол. конф. Фонетика. 13–16 марта 2006 г. Секция фонетики. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2006. С. 24–32.

Филиппова Н. С. Принципы построения устного описательного дискурса (на материале русской спонтанной речи): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 220 с. (машинопись).

Фонетика спонтанной речи / под ред. Н. Д. Светозаровой. Л.: ЛГУ, 1988. 243 с.

Чэн Ч. Русская спонтанная речь на неродном языке: анализ хезитаций (на материале русской речи китайцев) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016 а. Вып. 1(33). С. 53–62.

Чэн Ч. О способах «выхода» говорящего из хезитационной заминки: *on-line* и *off-line* коррекция в русской речи носителей китайского языка // Коммуникативные исследования. 2016б. № 3(9). С. 55–66.

Чэн Ч. Повтор как хезитационное явление в речи китайцев на русском языке // Вестник Бурятского государственного университета. 2016в. Вып. 3. Филология. С. 112–120.

References

Aleksandrova O. A., Ivanitsky V. V. Pauza kolebania – kompleksnyy fenomen sovremennoy kommunikatsii [Hesitation Pause – a Complex Phenomenon of Modern Communication]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University], 2003, issue 25, pp. 95–101.

Belitskaya A. A. O roli khezitatsionnykh pazv v spontannoy rechi [On the Role of Hesitation Pauses in Spontaneous Speech]. *Filologia i Literaturovedenie* [Philology and Literature], February 2014, issue 2. Available at: <http://philology.snauka.ru/2014/02/697> (accessed 12.01.2017).

Bondarenko L. P. Pauza kolebania i porozhdenie vyskazyvaniya [Hesitation Pauses and Utterance Production]. *Ekspertimetal'no-foneticheskiy analiz rechi: problemy i metody* [Experimental-Phonetic Speech Analysis: Problems and Methods], Leningrad, 1984, issue 1, pp. 158–166.

Bondarko L. V. *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka. Uchebnoe posobie* [Phonetics of the Modern Russian Language. Textbook]. St. Petersburg, 1998. 276 p.

Erofeeva E. V. *Veroyatnostnye struktury idiomov* [The Probability Structure of Idioms]. Perm, 2005. 320 p.

Erofeeva T. I. *Opyt issledovaniya rechi gorozhan (territorial'nyy, sotsial'nyy i psikhologicheskii aspekty)* [An Essay on Speech of Citizens (Regional, Social and Psychological Aspects)]. Sverdlovsk, 1991. 136 p.

Erofeeva T. I. Stratifikatsionnoe opisanie rechi gorozhanina v parametrah sotsiobiopsikhologicheskikh kharakteristik [A Group-Based Taxonomy of a Citizen's Speech (Social and Biopsychological Pa-

rameters)]. *Problemy sovremennogo teoreticheskogo i sinkhronno-opisatel'nogo yazykoznanija. Semantika i kommunikatsiya* [Problems of Modern Theoretic and Taxonomical Linguistics: Semantics and Communication], St. Petersburg, 1996, issue 4, pp. 190–199.

Zhuravleva A. A. Vliyanie psikhotipa lichnosti diktora na spetsifiku ego ustnoy rechi [Influence of the Psychological Type on a Person's Speech]. *Doklad na mezhdunarodnoy konferentsii po kompyuternoy lingvistike i intellektual'nykh tekhnologiyam "Dialog 2008"* [A Report at the International Conference on Computational Linguistics and Intellectual Technologies "Dialogue 2008"]. Bekasovo, June, 4–8, 2008.

Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast' 1. Chtenie. Pereskaz. Opisaniye [Speech Corpus as a Basis for Analysis. Collective Monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description]. St. Petersburg, 2013. 532 p.

Zemskaya E. A. *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskiy analiz i problemy obucheniya* [Russian Colloquial Speech: Linguistic Analysis and Study Problems]. Moscow, 1979. 240 p.

Zemskaya E. A. Gorodskaya ustnaya rech' i zadachi ee izucheniya [City Oral Speech and Goals of its Study]. *Raznovidnosti gorodskoy ustnoy rechi* [Types of City Oral Speech]. Moscow, 1988. pp. 5–44.

Zemskaya E. A., Kitaygorodskaya M. V., Shiryayev E. N. *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian Colloquial Speech. General Issues. Word Derivation. Syntax]. Moscow, 1981. 275 p.

Krysin L. P. Nekotorye printsipy slovarnogo opisaniya russkoy razgovornoy rechi (Postanovka zadachi) [Some Principles of Making a Russian Colloquial Speech Dictionary (Setting the Problem)]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2008, issue 2(16), pp. 110–118.

Lapteva O. A. *Russkiy razgovornyy sintaksis* [Russian Colloquial Syntax]. Moscow, 1976. 399 p.

Lapteva O. A. Obshchie osobennosti ustnoy publichnoy (nauchnoy) rechi [General Features of Public (Academic) Speech]. *Sovremennaya russkaya ustnaya nauchnaya rech. Tom 1. Obshchie svoystva i foneticheskie osobennosti* [Modern Russian Academic Speech. Vol. 1. General Qualities and Phonetic Features]. Krasnoyarsk, 1985, pp. 12–39.

Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. Korrektsiya sboev v ustnoy spontannoy rechi: opyt korpusnogo issledovaniya [Disfluency Correction in Spontaneous Speech: a Corpus Study]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2005"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2005"], Moscow,

2005. Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/2416/podlesskaya-kibrik.pdf>. (accessed 12.01.2017).

Razgovornaya rech v sisteme funkcional'nykh stiley sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Grammatika [Colloquial Speech in the system of functional styles of the Russian literary language: Grammar]. Moscow, 2003. 312 p.

Russkaya razgovornaya rech [Russian Colloquial Speech]. Moscow, 1973. 220 p.

Russkaya razgovornaya rech. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest [Russian Colloquial Speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow, 1983. 240 p.

Sapunova E. M. *Nepodgotovlennoe chtenie kak vid rechevoy deyatel'nosti i kak tip ustnogo spontannogo monologa (na materiale russkogo yazyka)*. Avtoreferat diss. dokt. filol. nauk [Unprepared Reading as a Speech Activity and a Type of Spontaneous Monologue (a case study of the Russian language) Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2009. 237 p. (typescript).

Sirotnina O. B. *Sovremennaya razgovornaya rech i ee osobennosti* [Modern Colloquial Speech and its Features]. Moscow, 1974. 144 p.

Stepanova S. B. *Obshchee i individual'noe v khezitatsiyakh (na materiale russkoy spontannoy rechi)* [The Common and the Individual in Hesitation Pauses (a Case Study of Russian Spontaneous Speech)]. *Materialy XXXV mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii. Fonetika* [Proceedings of the XXXV International Philological Research Conference. Phonetics]. St. Petersburg, 2006, pp. 24–32.

Filippova N. S. *Printsipy postroeniya ustnogo opisatel'nogo diskursa (na materiale russkoy spon-*

tannoy rechi). Diss. dokt. filol. nauk [Principles of Oral Descriptive Discourse (a Case Study of Russian Spontaneous Speech) Dr. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2010. 220 p. (typescript).

Fonetika spontannoy rechi [Spontaneous Speech Phonetics]. Leningrad, 1988. 243 p.

Cheng Ch. *Russkaya spontannaya rech' na nerodnom yazyke: analiz khezitatsiy (na materiale russkoy rechi kitaytsev)* [Russian Spontaneous Speech as a Foreign Language: Analysis of Hesitation (a Case Study of Chinese Students' Speech)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2016, issue 1(33), pp. 53–62.

Cheng Ch. *O sposobakh "vykhoda" govora shchego iz khezitatsionnoy zaminki: on-line i off-line korrektsiya v russkoy rechi nositeley kitayskogo yazyka* [On the "ways" to bypass a hesitation stammer: on-line and off-line correction in Russian speech of Chinese native speakers]. *Kommunikativnye issledovania* [Communication Studies], 2016, issue 3 (9), pp. 55–66.

Cheng Ch. *Povtor kak khezitatsionnoe yavlenie v rechi kitaytsev na russkom yazyke* [Repetition as a Hesitation Phenomenon in the Russian-Language Speech of the Chinese]. *Vestnik Bur'atskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [The Buryat State University Bulletin. Philology], 2016, issue 3, pp. 112–120.

Furui S., Kikuchi T., Shinnaka Y., Hori Ch. *Speech-to-Text and Speech-to-Speech Summarization of Spontaneous Speech*. *IEEE Transactions on Speech and Audio Processing*, vol. 12, issue 4, July 2004, pp. 401–408.

A BREAK AS A HESITATION PHENOMENON IN RUSSIAN SPEECH OF THE CHINESE

Cheng Chen

Postgraduate Student in the Department of Russian Language
Saint Petersburg State University

The article describes a break as a type of hesitation in Russian oral speech of Chinese native speakers. The attention is focused on a hesitation break, being an integral part of any spontaneous monologue. Data under study include 70 texts recorded from 10 Chinese native speakers (5 male and 5 female students with different psychological types (extra- and introverts) and levels of proficiency): reading (narrative and non-narrative), retelling (narrative and non-narrative), describing a picture (narrative and non-narrative) and free speaking on the topic "How do you spend your recess?" – totally 7 texts on each subject. Cases of break have been classified by the type of the break occurring – zero, partial or full. The way of reacting to a break (on-line correction – right after the break, or off-line – distantly), along with the quality of correction (successful or not) have also been considered. The research has shown the predominance of a zero breakage (without correction) and an instant (on-line) correction, which evidences foreigners' attentiveness to their Russian speech and readiness to correct mistakes right away. Several breakage triggers have also been identified, some of them being universal and typical of spontaneous speech in any language, while others being peculiar to speaking a non-native language (as a process interfered to a greater or lesser extent).

Key words: Russian spontaneous speech; speech corpus; balanced annotated collection of texts; hesitation phenomenon; break; Russian as a foreign language.

УДК 81'272
doi 10.17072/2037-6681-2017-1-108-121

НАРУЖНАЯ РЕКЛАМА КРУПНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ГОРОДА: КОНТЕНТ И СТРАТЕГИИ ВЛИЯНИЯ

Светлана Сергеевна Шляхова

д. филол. н., зав. кафедрой иностранных языков и связей с общественностью

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

614990, г. Пермь, Комсомольский просп., 29. shlyakhova@mail.ru

SPIN-код: 9276-9307

ResearcherID: D-1271-2017

Scopus Author ID: 55934110900

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шляхова С. С. Наружная реклама крупного промышленного города: контент и стратегии влияния // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 108–121. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-108-121

Please cite this article in English as:

Shlyakhova S. S. Naruzhnaya reklama krupnogo promyshlennogo goroda: kontent i startegii vliyaniya [Outdoor Advertising in a Large Industrial City: the Content and Perception]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 1, pp. 108–121. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-108-121 (In Russ.)

В статье представлены контент-анализ наружной рекламы крупного промышленного города (на материале Перми), а также восприятие рекламного текста горожанами в зависимости от коммуникативной стратегии. Установлено, что 88,8 % наружной рекламы является коммерческой; 11,2 % составляет социальная реклама. Более 70 % социальной рекламы направлено на профилактику наркотизации и СПИДа; около 30 % приходится на пропаганду здорового образа жизни, благотворительности, патриотизма, безопасности дорожного движения и пр. Наиболее агрессивную политику в области коммерческой рекламы ведут продавцы бытовой техники, мебели, одежды и продуктов питания (базовые потребности среднего жителя), а также компании, предоставляющие услуги связи и банковские услуги (более 80 % рекламоносителей). Исследование показывает, что рекламные кампании в сфере наружной социальной рекламы чаще всего получают негативную оценку горожан. Выдвинута гипотеза о том, что в восприятии социальной рекламы (по аналогии с коммерческой) базовыми механизмами являются идентификация и самоимидж (self-image). Агрессивные стратегии в подаче информации вызывают отторжение индивида, поскольку он не хочет идентифицировать себя с негативными персонажами социальной рекламы. Данные опросов с целью выявления оценки наружной социальной рекламы жителями города показали, что 72 % респондентов относят содержание рекламного сообщения к себе, а 85 % респондентов оценивают рекламу положительно в том случае, если информация представлена в контексте гармонизирующих стратегий. Полученные в ходе экспериментов данные согласуются с характеристиками рекламной деятельности в психологии.

Ключевые слова: наружная реклама; outdoor-реклама; ООН-реклама; ООН-реклама; коммерческая реклама; социальная реклама; self-image; идентификация; восприятие; коммуникативные стратегии.

1. Введение

Реклама многократно привлекала внимание исследователей как социальный (Ж. Бодийер, А. Романов, В. Л. Музыкант, О. А. Феофанов, В. Г. Зазыкин, В. Т. Ганжин, Б. С. Ерасов, Е. А. Ма-

карова и др.), экономический (В. Г. Фрайбургер, К. Ротцолл, Ф. Котлер, Г. Армстронг и др.), манипулятивный (Т. Адорно, Г. Лебон, Х. Ортега-и-Гассет, Г. Маркузе и др.), мифологический и культурный (Р. Барт, У. Эко, А. В. Ульяновский,

А. Н. Притчин, Б. С. Терemenko, Л. Л. Геращенко и др.), гендерный (И. В. Грошева, В. А. Суковатая и др.), лингвистический (Н. Н. Кохтев, В. И. Карасик, Л. А. Кочетова, Т. Г. Никитина, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Е. Елина, А. Кривонос и др.), психологический (Р. И. Мокшанцев, А. Н. Лебедев-Любимов, В. Зазыкин, М. Ю. Коноваленко, В. Ценев, В. И. Шуванов, И. Ш. Резепов и др.) феномен.

Современная реклама не только «оказывает влияние на поведение людей, формируя определенный образ жизни. Она закрепляет в сознании потребителя некий набор ценностей, идеалов, стереотипов и предпочтений и тем самым оказывает регулятивное воздействие на жизнь различных социальных групп» [Елина 2014].

Сегодня рекламу «уже недостаточно рассматривать только как инструмент маркетинга, воздействующий на аудиторию». Рекламу необходимо изучать как специфическую черту «сотворения» культуры конца XX в. с особыми социокреативными функциями [Торичко 2001: 3].

Рис. 1. Здание «Промстройпроекта» на Октябрьской площади (Пермь)
Fig. 1. The building of “Promstroyproekt” in Oktyabr’skaya square (Perm)

Изменения городской среды под воздействием наружной рекламы влияют на имидж города, его культурную среду, качество и образ жизни горожан. Современные рекламные технологии изменяют световую среду города, определяя психофизиологические нагрузки жителя современного мегаполиса.

К преимуществам наружной рекламы (употребляются термины *outdoor-реклама* или *ООН* (англ. *out of home*)) относят широкий охват аудитории, частоту и гибкость в размещении рекламы, относительно невысокую стоимость одного контакта, долговременность воздействия на аудиторию, большое количество рекламных контактов, четкое обозначение географических гра-

Несмотря на то что реклама весьма активно исследуется в различных аспектах, наружная реклама не так часто становится предметом специального рассмотрения.

Цель статьи – провести контент-анализ наружной рекламы крупного промышленного города (на материале Перми) и выявить восприятие стратегий влияния рекламного текста на потребителя рекламы.

Наружная реклама современного мегаполиса формирует визуальную городскую среду, создавая эмоциональный фон, который влияет на уровень комфортности проживания для горожанина. Реклама по степени воздействия становится сопоставимой с архитектурными и монументально-декоративными формами, в том числе способна нивелировать, а иногда и полностью уничтожать (рис. 1) архитектурный облик города. Иногда реклама создает эмоциональный контекст, который не всегда соответствует ожиданиям горожан (рис. 2).

Рис. 2. Рекламная кампания снеков «Абырвалг» (Пермь)
Fig. 2. Advertising campaign for snacks “Abyrvalg” (Perm)

ниц воздействия рекламы [Бердышев 2010; Назайкин 2014; Устин 2009]. Вышеперечисленные факторы обуславливают актуальность исследования содержания и восприятия наружной рекламы современного города.

По общему количеству рекламных конструкций, установленных в городе (по данным сайта MediaCatalog.ru на 15.04.2016), Пермь занимает средние позиции в России, уступая Москве и Санкт-Петербургу, а также другим крупным промышленным городам Урала. Количество наружных рекламоносителей в Перми в 2–3 раза меньше, чем в Челябинске и Екатеринбурге, но в 2–4 раза больше, чем в Казани, Ижевске, Уфе, Владивостоке и Хабаровске (рис. 3).

По количеству рекламных носителей на 1 км² Пермь уступает (рис. 4) не только Москве, Санкт-Петербургу, Екатеринбург, Челябинску, Нижнему Новгороду, но и Ижевску и Казани, общее количество конструкций в которых меньше, чем в Перми, в 2 раза. Возможно, это объясняется и тем, что 42,4 % площади Перми занимают городские

леса, в которых рекламоносители размещаются редко. В то же время количество рекламных конструкций на одного жителя (введем такой условный показатель) в Перми такое же, как и в Москве, но немного ниже, чем в Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде. По этому показателю лидируют Челябинск и Екатеринбург (рис. 5).

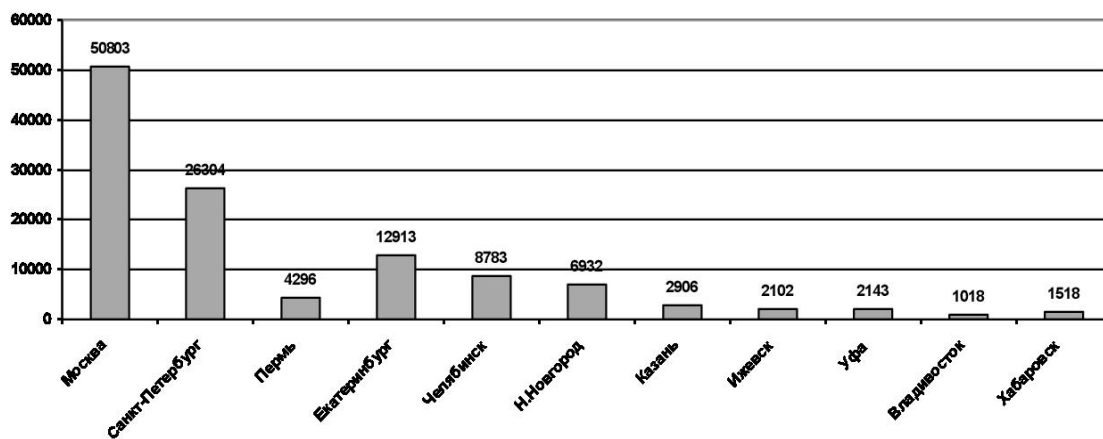

Рис. 3. Общее количество рекламоносителей по ряду городов (на 15.04.2016)

Fig. 3. The number of all advertising media

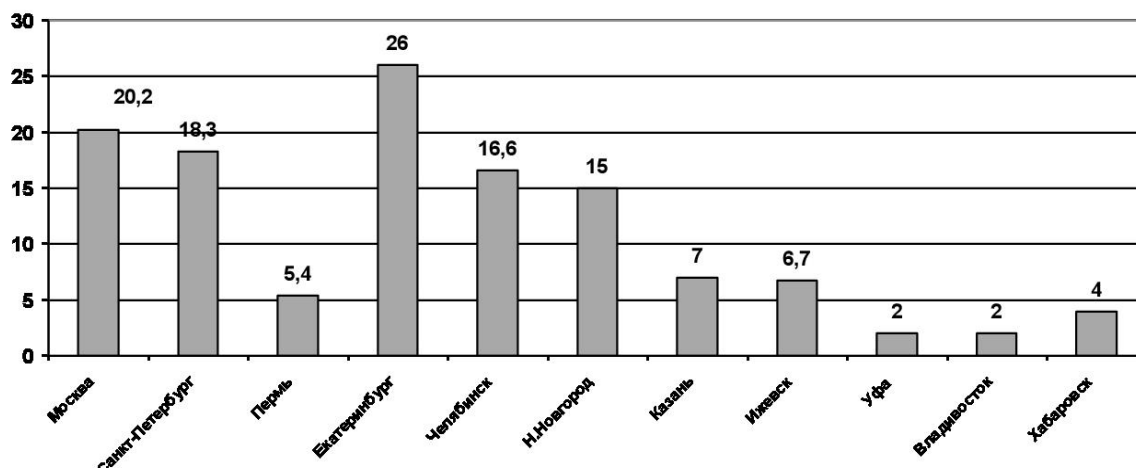

Рис. 4. Количество рекламоносителей на 1 км²

Fig. 4. The number of advertising media per 1 km²

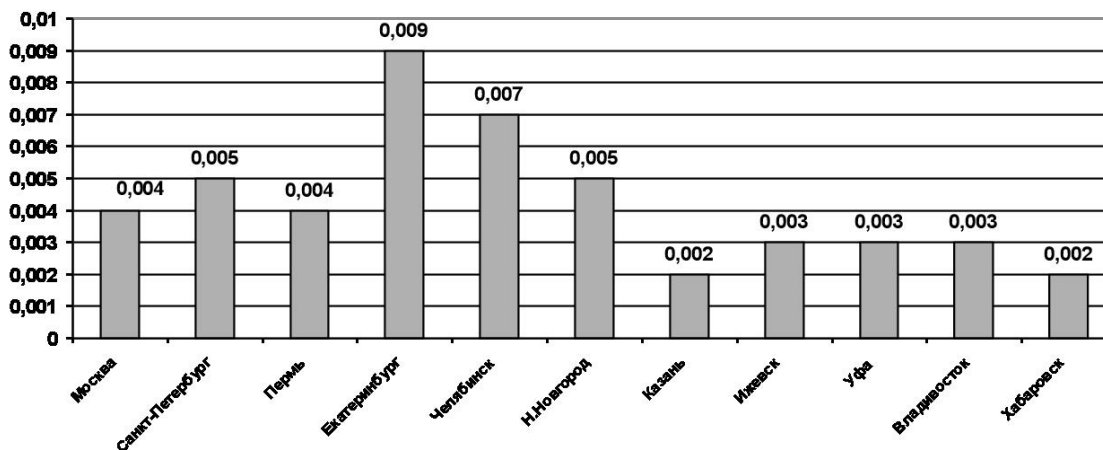

Рис. 5. Количество рекламоносителей на 1 жителя

Fig. 5. The number of advertising media per 1 citizen

Количество рекламных конструкций на одного жителя в Ленинском (центральном) районе Перми превышает этот же показатель в Москве и Санкт-Петербурге. В остальных районах Перми количество рекламных конструкций на одного жителя значительно ниже, чем в других российских городах.

Эти данные показывают, что Пермь занимает средние позиции на рекламном рынке применительно к крупным промышленным городам, что позволяет на примере Перми установить средние показатели относительно содержания и восприятия наружной рекламы крупного промышленного города.

2. Материал и методы исследования

Материалом исследования явились 206 рекламных конструкций, расположенных в 3 районах Перми (ноябрь–декабрь 2015 г.): отдаленные: Садовый – 68 рекламоносителей, Парковый – 68; центральный: Ленинский – 70 рекламоносителей.

Материалом исследования также явились данные серии опросов (пилотное исследование), которые проводились на улицах города с целью

выявления оценки наружной рекламы жителями города. Респондентам задавали 2 вопроса: 1) Нравится ли вам эта реклама? 2) Относится ли эта реклама к вам? Предлагаемые ответы – «да, скорее да» и «нет, скорее нет». Всего было опрошено 66 горожан, получена 131 реакция.

Кроме того, были проанализированы реакции интернет-пользователей на рекламные кампании, проводимые в г. Перми.

Методами исследования послужили контент-анализ и соцопрос.

3. Контент-анализ наружной рекламы

Контент-анализ показал, что в среднем 88,8 % наружной рекламы в Перми является коммерческой; 11,2 % составляет социальная реклама (рис. 6).

3.1. Контент-анализ социальной рекламы

Контент-анализ показывает (рис. 6), что большая часть (19,4 %) социальной рекламы располагается в центре города; в отдаленных районах процент социальной рекламы снижается более чем в 2–4 раза по сравнению с центром.

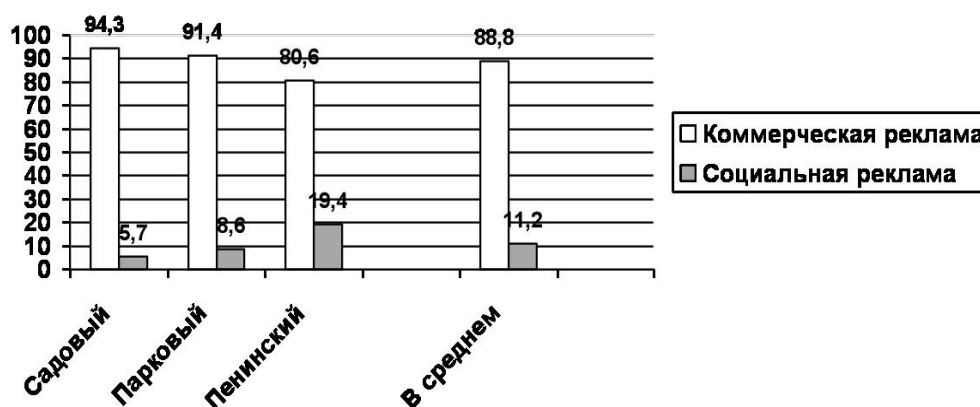

Рис. 6. Соотношение социальной и коммерческой рекламы в Перми

Fig. 6. The ratio between social and commercial advertising in Perm

Анализ содержания социальной рекламы Перми показывает (рис. 7), что около 30 % рекламоносителей приходится на пропаганду здорового образа жизни, благотворительности, патриотизма, безопасности дорожного движения и государственной поддержки (развитие бизнеса, детские сады и пр.).

Однако большая часть рекламы направлена на профилактику наркотизации (39 %) и СПИДа

(32,4 %), что в целом составляет более 70 %. Существование этих проблем в связке закономерно, поскольку в Пермском крае в 2015 г. преобладал половой путь заражения СПИДом (57,5 % случаев), при этом большинство инфицированных половыми партнерами имели наркопотребителей (64,8 %). На наркотический путь передачи пришлось 41,6 % всех инфицированных ВИЧ [Центр по профилактике и борьбе...].

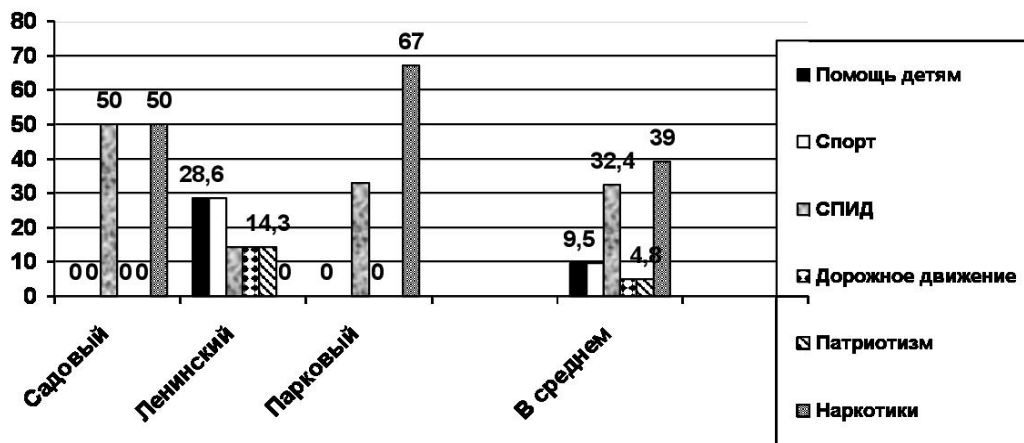

Рис. 7. Содержание социальной рекламы в Перми

Fig. 7. The content of social advertising in Perm

В отдаленных районах (Парковый и Садовый) доминирует реклама, направленная на профилактику наркотиков (в среднем 58,5 %) и СПИДа (в среднем 41,2 %). Агрессивная среда побуждает человека к агрессивным действиям. Как правило, в новых микрорайонах с противоестественной визуальной средой число правонарушений больше, чем в центральной части города [Филин 2001].

Разрушающей для человека считается агрессивная (темно-серый цвет, прямые линии и углы, статичность, большие площади плоскостей) и гомогенная (преобладание одинаковых элементов, «дома-сетки») визуальная среда, которая нарушает полноценную работу бинокулярного аппарата глаз, влияя на психическое состояние человека [там же] (рис. 8).

Рис. 8. Типичная агрессивная и гомогенная визуальная среда новостроек Перми: микрорайоны Садовый (слева) и Парковый (справа)

Fig. 8. Typical aggressive and homogeneous visual environment of newly erected apartment blocks in Perm: microdistricts Sadovyy (on the left) and Parkovyy (on the right)

Агрессивная визуальная городская среда «спальных» районов порождает психологический дискомфорт, состояние депрессии, асоциальное поведение, которые могут привести к асоциальному образу жизни, в том числе к употреблению наркотиков.

В центральном районе (Ленинский) социальная реклама носит не только «негативный», но и «позитивный» характер: пропаганда здорового образа жизни и благотворительности (по 9,5 %), а также патриотизма и безопасности дорожного движения (по 4,8 % относительно общего числа).

В целом наружная реклама в крупном промышленном городе выполняет следующие функции: информирование и привлечение внимания к проблеме; предостережение о возможных необратимых последствиях; воспитательная и имиджевая функции – формирование определенной модели поведения; патриотическая функция, в том числе законопослушание и формирование гражданской ответственности; функция социальной психотерапии [Рязанова 2007].

3.2. Контент-анализ коммерческой рекламы

Контент-анализ коммерческой рекламы Перми показывает (рис. 9), что ее большая часть ре-

кламирует бытовую технику, мебель, одежду (22,7 %), услуги связи (20,8 %), продукты питания (13,9 %), банковские услуги (11 %). Далее следуют автомобили (9,8 %), новостройки (6,8 %), государственная поддержка (детские сады, развитие бизнеса – 6 %), развлечения и досуг (4,5 %), лекарственные препараты (3 %), политика (2,3 %) и услуги страхования (1,2 %).

В отдаленных районах (Парковый и Садовый) доминирует реклама бытовой техники, мебели, одежды (в среднем 32,3 %), услуг связи (в среднем 27,7 %), банковских услуг (в среднем 14,85 %), господдержка (в среднем 7 %). Незна-

чительна реклама досуга (в среднем 1,5 %), лекарственных препаратов (в среднем 3 %). В нашем материале отсутствует реклама новостроек, услуг страхования и политическая реклама, которая располагается в центре.

В центральном районе (Ленинский) доминирует реклама новостроек (20,7 %), продуктов питания (17,5 %), автомобилей (17,2 %), банковских услуг (13,7 %), досуга (10,7 %); незначительна реклама бытовой техники, мебели, одежды (3,5 %), услуг связи (6,9 %); отсутствует реклама лекарственных препаратов и господдержки.

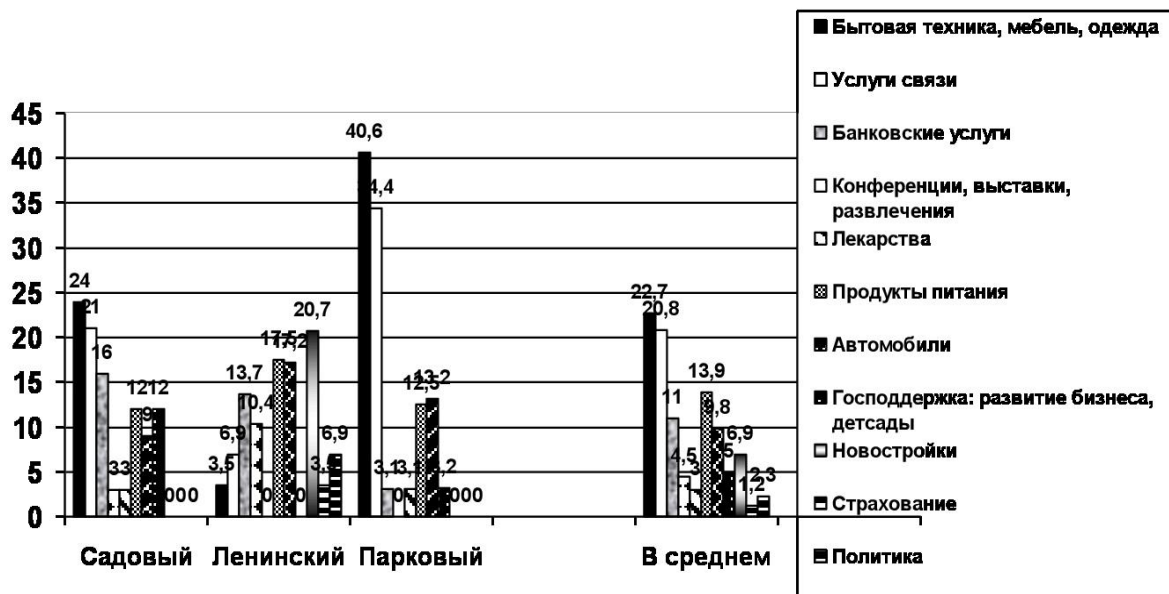

Рис. 9. Содержание коммерческой рекламы в Перми

Fig. 9. The content of commercial advertising in Perm

В целом коммерческая реклама в крупном промышленном городе выполняет следующие экономические функции: информационно-коммуникативная; дифференциация товаров; формирование, стимулирование спроса и управление спросом; распределение продукции; ускорение оборота капитала; долгосрочные инвестиции; содействие экономическому развитию; ценообразование; поддержание конкуренции [Песоцкий 2007: 215]. Доминирующие функции – информационно-коммуникативная; дифференциация товаров; формирование, стимулирование и управление спросом.

Поскольку коммерческая наружная реклама в основном связана с продуктами и услугами, направленными на удовлетворение базовых потребностей человека, характер ее восприятия принципиально не влияет на развитие экономических процессов в целом (процесс потребления будет происходить в любом случае).

Что же касается социальной рекламы, то она должна и может существенно регулировать поведенческие модели жителей города, что повышает значимость положительного или отрицательного восприятия этой рекламы.

4. Восприятие и оценка наружной рекламы

4.1. Рекламные кампании и их оценка интернет-пользователями

Социальная реклама может решать следующие задачи, значимые для развития общества: формирование общественного мнения; привлечение внимания к актуальным проблемам общественной жизни; стимулирование действий по решению проблем общественной жизни; поддержка государственной политики; укрепление институтов гражданского общества; демонстрация социальной ответственности бизнеса; формирование новых типов общественных отношений; изменение поведенческих моделей в обществе [Социальная реклама].

Рекламные кампании социальной направленности носят нерегулярный характер и обычно связаны с политическими факторами или ситуацией «по случаю» (например, выигранный грант). Спорадичность проведения таких кампаний не приводит к должному эффекту и вызывает неоднозначную оценку.

Рассмотрим рекламные кампании, которые проводились в Перми.

В 2011 г. в Перми шла широкая рекламная кампания «Мода на мозги», которая преследовала социально значимые цели: поддержка одаренных детей; повышение уровня владения иностранным языком; создание вузов мирового уровня; создание инновационной инфраструктуры и т. п. Проект «Мода на мозги» получил Гран-при международного конкурса проектов в

сфере маркетинга территорий «Золотой Кулик» (<http://interra-forum.ru/news/read/569952>).

Рекламные баннеры в стиле агит-поп информировали о проектах, с помощью которых краевые власти пытались удержать в регионе талантливую молодежь и перспективные научные кадры: отличники и хорошисты старших классов ежемесячно получали стипендии 460 руб. (*Хорошо за месяц школьнику получать четыре стольника*); студенты пермских государственных вузов, набравших на ЕГЭ более 225 баллов по трем предметам, на 1–3 курсах получали стипендии 5000 руб. (*Напиши ЕГЭ не халтура, получи Хабаровск на купюре*); доктора наук, преподающие в пермских вузах, – ежемесячную доплату до 30 тысяч руб. (*Ученый, проснись, долой лень и скуку! Неплохо платят за дружбу с наукой!*) и пр. (рис. 10).

Рис. 10. Рекламная кампания «Мода на мозги»
Fig. 10. Advertising campaign “Fashion for brain”

Появление на улицах Перми рекламы со слоганами вроде «*Напиши ЕГЭ не халтура, получи Хабаровск на купюре*» сначала дало положительные результаты: количество студентов, получающих «губернаторскую» стипендию 5000 руб., увеличилось в два раза: с 607 в 2010 г. до 1047 в 2011.

Несмотря на то что «губернаторские» выплаты студентам и докторам наук продолжают и по сей день, цель рекламной кампании (создать атмосферу инновационного региона, создать ощущение, что умным быть модно и престижно) не была достигнута, поскольку работала не на продвижение территории, а привлекала лишь материальной составляющей (что положительно оценивали все, кто получал доплаты). Однако материальный стимул школьников вызвал наибольшее недовольство пермяков. Записи в блогах:

– «*Мир сошел с ума! Платить школьникам за то, что они свое будущее формируют, знания получают???? Перестали мы ценить бесплатное, пока, образование(((Доплачиваем теперь, чтоб учились.*

А может, если не хочет, так пусть идет копать от обеда до забора?»;

– «*Не тем путем идем мы товарищи по образованию страны, аукнется это все потом, все к деньгам с малолетства, нехорошо это, это страшное явление, люди перестали быть людьми, в погоне за деньгами, опомнитесь, осмотритесь, не отдавайте своих детей в подобные затеи, задуманные всякими реальными пацанами, учитесь в средних школах пока они есть, и смотрите если они превращаются в что-то иное, бейте тревогу»;*

– «*...шалости с деньгами за хорошие оценки, и подобные мутяты, это все дурь в башке недоученных экономистов-новоиспеченных-чинушей образования, пишите президенту, хватит экспериментов с образованием, долой дурь в средней школе»;*

– «*...это прямой путь к джамшиштству, реальным пацанам, и прочему квну, т. е. в итоге к отупению нации, так как кроме квна таких детей потом никто не возьмет»;*

– «*Не деньгами надо прельщать, а идеями, т. е. набором в специальные секции доп. обучения по поступлению в вузы, по занятию спортом вплоть до плавания»* (<http://59.ru/text/newsline/380111.html>).

В 2011 г. в Перми проводилась рекламная кампания «Пермь меняется! Меняйся и ты. Мы – культурная столица», которая призывала пермяков к цивилизованному поведению в общественных местах. В городе были размещены плакаты,

на которых были изображены пьющая женщина с перечеркнутой бутылкой, мужчина с перечеркнутой битой, справляющий нужду мужчина с перечеркнутой струей и человек, выбросивший мусор мимо урны (рис. 11).

Рис. 11. Рекламная кампания «Пермь меняется! Меняйся и ты»
Fig. 11. Advertising campaign “Perm is changing! Change yourself as well!”

Несмотря на благие цели, которые преследовала эта кампания, пермяки отнеслись к данной рекламе весьма негативно. Записи в блогах:

– «Данный вид рекламы, как бы странным это не казалось, будет вызывать крайне противоположную реакцию. Люди, которые гадают, настроены отнюдь не благодушно к городу (иначе они бы этого не делали). А тут им красным плакатом в лицо фактически... Обозначив жителя города бездушным белым человечком, они фактически стерли грань взаимопонимания. Это не плакат, это какой-то указатель. В общем позитивных посылов, стимулирующих к улучшению, ровным счетом 0. В город такое точно бы не хотел»;

– «По ощущениям, в Перми живет много пьющих женщин, людей, засоряющих улицы, мужчин, которые мочатся только на тротуар, и вандалов. И их всех нужно срочно менять»;

– «...судя по щитам, мальчикам можно бухать, а девочкам всё остальное – т. е. мусорить, с..ть и совершать акты вандализма. Недоработка однако»;

– «Пермь меняется – меняйся и ты! Не ешь бутылки!».

В 2013 г. в Перми проводилась федеральная рекламная кампания «Пятница погубит субботу», которую реализовывал крупнейший оператор наружной рекламы Russ Outdoor в рамках проекта «Всё равно?!».

Цель кампании – в очередной раз предостеречь россиян от неумеренного употребления алкоголя. Идея и визуальное воплощение принадлежат московскому рекламному агентству «Ателье Вентура». Основное внимание в постерах «Пятница погубит субботу» сосредоточено не на гипотетических последствиях чрезмерного пристрастия к спиртному, которые могут наступить через много лет, а на последствиях неумеренного употребления алкоголя, которые наступают на следующий же день, – на похмельном синдроме (рис. 12).

Рис. 12. Рекламная кампания «Пятница погубит субботу»
Fig. 12. Advertising campaign “Drunk Friday will spoil Saturday”

Данная рекламная кампания основана на фактах. По статистике, последствия похмелья испытывали на себе более 70 % жителей России. Более четверти россиян считают употребление алкоголя по пятницам эффективным способом снять накопившийся стресс. Показатель потребления спиртного на душу населения в России составляет 12 литров в год, свидетельствуют данные ВОЗ [Сайт проекта социальной рекламы «Все равно?!»]. Несмотря на актуальность рекламной кампании для российской реальности, оценка ее чаще была критической. Записи в блогах:

– Это реклама от бывших алкоголиков, которые перестали пить и теперь вместо того, чтобы расслабиться в конце недели, они пьют антидепрессанты и ходят на приём к психотерапевту.

– БЕЗ-ОБРАЗ-НАЯ реклама! Вызывает отвращение к тем, кто ТАКОЕ придумал и пропустил на экраны городов нашей страны (<http://kolotiv.livejournal.com/318756.html>).

– Непонятное информативное содержание плаката, нет ни визуального образа, ни информативной наполненности. Уж тогда цифры бы на плакате написали, как раз о 12 литрах в год. Ребенка алкоголика, чтоб мерзенько стало (ведь именно об этом речь, на душу населения, и пьющий и непьющий под статистику попадает).

– Плюсю – я не пью (совсем) – но эта реклама – полный отстой. По-моему, её авторы преследуют другую цель – исказив термин пятница – ввести новое искажённое и жутко режущее слух слово, к тому же завязанное на алкоголь. Как будто все подряд в пятницу выпивают. Впечатлительные, что на населении методы НЛП отрабатывают. Реальной пользы – 0.0.

– Лучшие бы реальным делом занялись – кстати) – создавали бы клубы трезвости, объясняли с научной точки зрения вред алкоголя и др. А пятницу не трогайте.

– Невнятная реклама. Я должен посмотреть на плакат и сразу захотеть купить или сделать то, что мне предлагают. А когда первый раз увидел плакаты “Пятницы”, то не сразу понял, то ли мне сейчас продают алкогольные напитки, то ли в клуб вечером в пятницу зовут с подтекстом: «Вечер пятницы, а ты дома? Иди и отдохни как следует, чтобы завтра вообще ходить не мог!» (<http://vse-ravno.net/campaigns/health/pyatnica>).

В Перми на ул. Ленина был установлен вариант социального лайтбокса «Пятница погубит субботу» (рис. 13), который располагался перед выходом из большого алкогольного супермаркета. На самом лайтбоксе было установлено зеркало, растягивающее и затемняющее лица. Человек выходит из алкогольного магазина, замечает это «кривое» зеркало со своим отражением и, по замыслу рекламистов, должен осознать весь трагизм ситуации.

Рис. 13. Лайтбокс

«Пятница погубит субботу» в Перми

Fig. 13. Lightbox

“Drunk Friday will spoil Saturday” in Perm

Однако данная реклама не вызывала у горожан положительных эмоций. Большая часть опрошенных нами людей даже не поняла, о чем гласит слоган, расположенный под кривым зеркалом. Многие подумали, что это реклама нового ночного клуба. После объяснения смысла рекламы возмущение горожан только росло: «Если бы я хотел на свои кривые отражения посмотреть, я бы пошел в комнату смеха».

Таким образом, все рекламные кампании, которые широко проводились на улицах Перми, чаще всего получали негативную оценку горожан, что приводит к снижению эффективности этих рекламных кампаний. На наш взгляд, положительная или отрицательная оценка рекламы часто зависит от позитивной или негативной коммуникативной стратегии подачи материала.

4.2. Оценка рекламы в зависимости от коммуникативной стратегии

Реклама одной проблематики может носить и позитивный, и негативный характер, что обусловлено стратегией подачи информации в рекламном тексте: агрессивной или гармонизирующей.

В психологии рекламы базовыми механизмами по отношению к предлагаемому продукту называют идентификацию и собственный имидж, самоимидж (self-image). Можно полагать, что эти же механизмы играют большую роль и в восприятии социальной рекламы.

Понятие «идентификация» широко используется в социологии и социальной психологии (Ч. Кули, Дж. Г. Мид, Парсонс и др.); здесь идентификация рассматривается как важнейший механизм социализации, состоящий в принятии индивидом социальных ролей, усвоении социокультурных образцов и моделей поведения [Николаев 1996]. Агрессивные стратегии в подаче информации вызывают отторжение индивида, поскольку он не хочет идентифицировать себя с негативными персонажами социальной рекламы.

Особенно широко в рекламе используется self-image, «имидж», в котором покупатель ищет и находит отражение самого себя. Self-image должен подтвердить высокое мнение покупателя о самом себе. «Имидж» приобретаемого товара в представлении покупателя подкрепляет его принадлежность к той социальной группе, с которой он хотел бы себя идентифицировать [Феофанов 1974: 131]. В случае идентификации с негативным содержанием рекламы создается негативный self-image, который устраивает далеко не каждого человека и вызывает неприятие рекламы.

На наш взгляд, рекламные кампании «Пермь меняется! Меняйся и ты» и «Пятница погубит субботу» получали негативные оценки именно потому, что демонстрировали агрессивные коммуникативные стратегии по отношению к жите-

лям города: они представляли пермяков как нецивилизованных, малокультурных, пьющих и страдающих похмельем людей. Большинство горожан не могли отнести именно к себе посылаемое сообщение, а потому не идентифицировали себя с предлагаемым содержанием. Для проверки этой гипотезы был проведен ряд экспериментов, направленных на выяснение отношения горожан к предлагаемым рекламным текстам.

Было опрошено 18 пермяков, которые выходили из алкогольного супермаркета и видели себя в кривом зеркале социального лайтбокса «Пятница погубит субботу», установленного на ул. Ленина. Респондентам задавали 2 вопроса: 1. Нравится ли вам эта реклама? 2. Относится ли эта реклама к вам? Предлагаемые ответы – «да, скорее да» и «нет, скорее нет» (рис. 14).

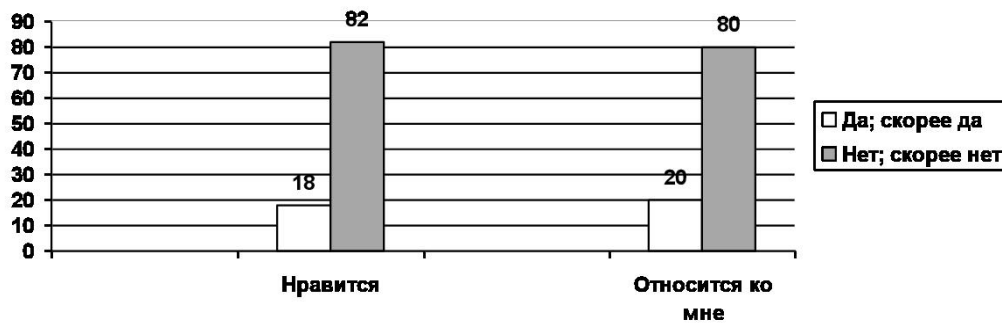

Рис. 14. Оценка лайтбокса «Пятница погубит субботу»

Fig. 14. Assessment of the lightbox “Drunk Friday will spoil Saturday”

Опрос показал, что 80 % респондентов не соотносят себя с этой рекламой, несмотря на то, что все опрошенные выходили из специализированного алкогольного супермаркета. Только около 18 % пермяков оценили рекламу положительно, на что более всего повлиял фактор оригинальности (искривленное лицо в кривом зеркале).

В то же время реклама, которая носит информационно-предупреждающий характер, не предлагая агрессивные интерпретации, получает более позитивную оценку горожан. Эти же вопросы были заданы 16 горожанам, которые проезжали по ул. Революции мимо светодиодного экрана, демонстрирующего ролик о противопожарной безопасности (рис. 15). Здесь всегда большое скопление машин, довольно долго стоящих на светофоре.

Сюжет видеоролика: мужчина приходит домой после тяжелого рабочего дня, садится на диван, закуривает сигарету и засыпает. Сигарета падает на ковер, все охвачено огнем.

Рис. 15. Светодиодный экран, транслирующий ролик о противопожарной безопасности

Fig. 15. LED screen transmitting a video about fire safety

Ролик транслируется раз в три минуты, длится не более 30 секунд. В сюжете отсутствуют негативные характеристики человека, а демонстрируется лишь его неосторожность. Результаты опроса представлены на рис. 16.

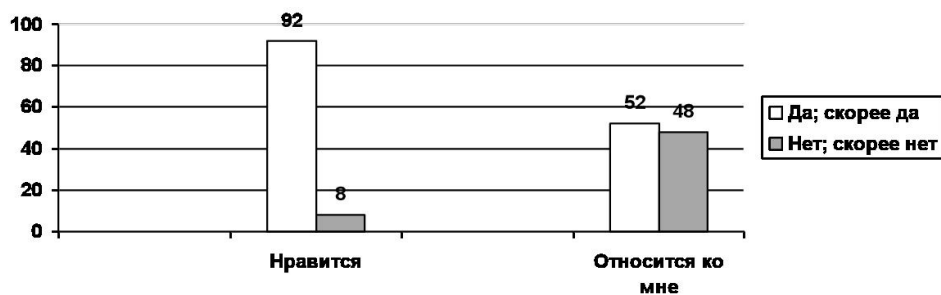

Рис. 16. Оценка видеоролика о пожарной безопасности

Fig. 16. Assessment of the video about fire safety

Большинство респондентов (92 %) оценили видеоролик положительно; более половины (52 %) соотносят себя с этим сюжетом, который демонстрирует не «порочную» природу человека, а его неосторожность.

Для определения характера восприятия рекламы в зависимости от агрессивной и гармонизирующей коммуникативной стратегии также

был проведен опрос на улицах Перми около билбордов с рекламой против наркотиков: места расположения билбордов на ул. Уинской (рис. 17) и на Бульваре Гагарина (рис. 18) в Мотовилихинском районе. Было опрошено по 15 и 17 человек соответственно.

Рис. 17. Билборд «Наркотикам нет» на ул. Уинской

Fig. 17. Billboard “Say NO to drugs” in Uinskaya street

Рис. 18. Билборд «Жизнь без наркотиков» на Бульваре Гагарина

Fig. 18. Billboard “Life without drugs” in boulevard Gagarina

Билборд «Наркотикам нет» условно назовем негативным, поскольку он построен на агрессивных коммуникативных стратегиях (агрессивные «кровавые» цвета, «колючий» шрифт, демонстрация атрибутов наркомана, стратегия устрашения). Билборд «Жизнь без наркотиков» будем считать позитивным, т. к. он ориентирован на

гармонизирующие коммуникативные стратегии (чистые голубой и светлый цвета, стратегия гармонии с миром и надежды на будущее). Респондентам также задавали по 2 вопроса: 1. Нравится ли вам эта реклама? 2. Относится ли эта реклама к вам? Предлагаемые ответы – «да, скорее да» и «нет, скорее нет» (рис. 19).

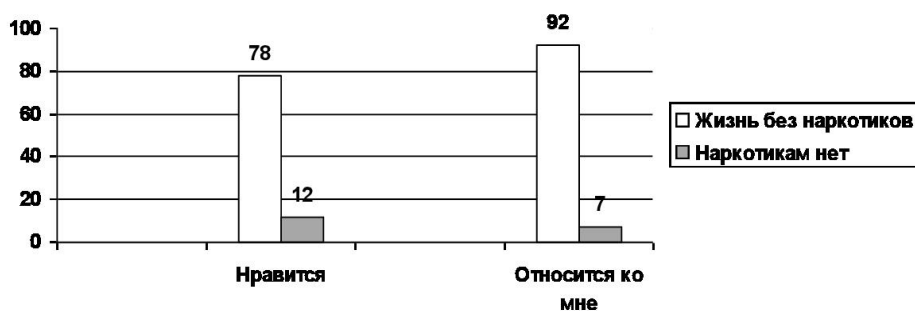

Рис. 19. Оценка билбордов рекламы против наркотиков

Fig. 19. Assessment of billboards with advertising against drugs

Опрос показал, что агрессивная стратегия рекламы (стратегия устрашения) отталкивает людей, поскольку создает негативный эмоциональный фон: 88 % респондентов заявили, что им не нравится реклама «Наркотикам нет» и 93 % считают, что к ним эта реклама не относится.

Гармонизирующие стратегии рекламы (вера в доброе будущее) рождают позитивные эмоции: 78 % опрошенных оценили билборд «Жизнь без наркотиков» позитивно и 92 % относят эту рекламу к себе.

Можно предположить, что размещение в агрессивной визуальной городской среде новостроек негативных рекламных сообщений приводит к еще более депрессивному эмоциональному фону жителей этих районов.

В среднем по четырем рекламоносителям в зависимости от агрессивных и гармонирующих стратегий были получены следующие результаты (рис. 20).

Социологический опрос показал, что степень идентификации потребителя рекламы с героем или темой рекламы возрастает в том случае, если информация представлена в позитивном контексте гармонирующих стратегий: в среднем 72 % респондентов относят содержание рекламы к себе; 85 % респондентов в этом случае ролик нравится. Эти данные соотносятся с утверждением о том, что социокультурные аспекты рекламной деятельности тесно связаны с этическими и эстетическими категориями [Лебедев-Любимов 2002].

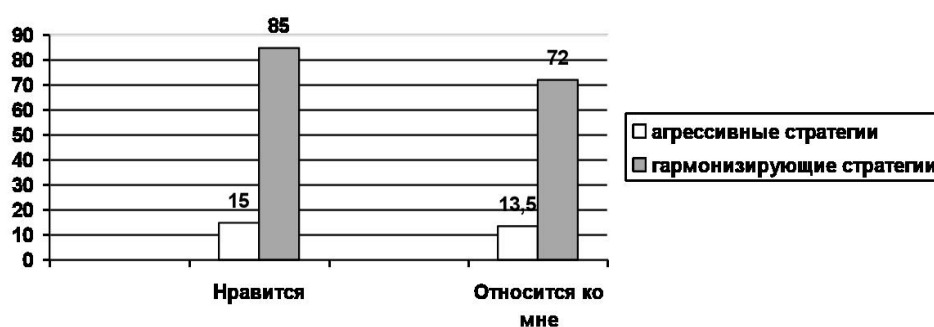

Рис. 20. Оценка рекламы в зависимости от коммуникативных стратегий
Fig. 20. Assessment of advertising depending on the communicative strategies

5. Выводы

Контент-анализ 206 наружных рекламных конструкций, расположенных в Перми (ноябрь–декабрь 2015 г.), показал, что 88,8 % наружной рекламы в Перми является коммерческой; 11,2 % составляет социальная реклама.

Более 80 % коммерческой рекламы рекламирует бытовую технику, мебель, одежду, услуги связи, продукты питания, банковские услуги, автомобили, новостройки и пр. Около 20 % рекламы связано с развлечениями и досугом, лекарственными препаратами, политикой и услугами страхования. Наиболее агрессивную политику в области наружной рекламы Перми ведут продавцы бытовой техники, мебели, одежды и продуктов питания (базовые потребности среднего жителя), а также компании, предоставляющие услуги связи и банковские услуги.

Более 70 % социальной рекламы направлено на профилактику наркотизации (39 %) и СПИДа (32,4 %); около 30 % приходится на пропаганду здорового образа жизни, благотворительности, патриотизма, безопасности дорожного движения и государственной поддержки (развитие бизнеса, детские сады и пр.). Большая часть (19,4 %) социальной рекламы располагается в центре горо-

да; в отдаленных районах процент социальной рекламы снижается более чем в 2–4 раза по сравнению с центром.

Более значимой по степени влияния на поведение горожан является социальная реклама, что обусловило интерес к исследованию коммуникативных стратегий социальной рекламы и их восприятия жителями города.

Для анализа восприятия рекламных кампаний в сфере наружной рекламы, проводимых в г. Перми («Мода на мозги», «Пермь меняется. Меняйся и ты», «Пятница погубит субботу»), были проанализированы реакции интернет-пользователей, которые чаще всего имели негативную оценку горожан.

Была выдвинута гипотеза о том, что положительная или отрицательная оценка рекламы часто зависит от агрессивной или гармонирующей коммуникативной стратегии подачи материала. В восприятии социальной рекламы (по аналогии с коммерческой рекламой) по отношению к предлагаемому содержанию базовыми механизмами являются идентификация и самоимидж (self-image).

Агрессивные стратегии в подаче информации вызывают отторжение у индивида, поскольку он

не хочет идентифицировать себя с негативными персонажами социальной рекламы. В случае идентификации с негативным содержанием рекламы создается негативный self-image, который и вызывает неприятие рекламы.

Для подтверждения этой гипотезы была проведена серия социологов с целью выявления оценки наружной рекламы жителями города. Было установлено, что степень идентификации потребителя рекламы с героем или темой рекламного текста возрастает в том случае, если информация представлена в контексте гармонизирующих стратегий: в среднем 72 % респондентов относят содержание рекламного сообщения к себе; 85 % респондентов в этом случае реклама нравится. Полученные в ходе экспериментов данные согласуются с характеристиками рекламной деятельности в психологии.

Положительное восприятие гармонизирующих стратегий рекламы обусловлено факторами «социального познания» (S. T. Fiske, S. E. Taylor и др.), «социального научения» (A. Bandura и др.), самопрезентации (M. R. Leary и др.), «социальных и групповых норм» (M. Sherif и др.), «оценок и самооценок» (S. L. Bem, M. Webster, B. Sobieszek, K. J. Gergen, M. Leary и др.), «само-сознания» и «Я-концепции» (C. H. Cooley, G. H. Mead, C. Rogers, H. Markus и др.), «само-восприятия» (D. Bem, D. Laird и др.), «самоактуализации» (A. Maslow и др.), «социальной перцепции, совместной деятельности, коллективной деятельности» (Г. М. Андреева, А. А. Бодалев, А. И. Донцов и др.), «общения, совместной деятельности, коллективного субъекта деятельности» (Б. Ф. Ломов, А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев, В. В. Знаков и др.).

Восприятие агрессивных стратегий рекламы связано с «когнитивным диссонансом» (L. Festinger, J. M. Carlsmith и др.), снижением «уровня притязаний» (K. Levin, T. Dembo, F. Hoppe и др.) и «мотивацией достижения успеха и избегания неудачи» (D. C. McClelland, J. W. Atkinson, H. Neckhausen и др.).

Поскольку реклама выступает как психологическая основа создания новых форм культурной среды, социального мифотворчества, формирования системы культурных норм и ценностей [Лебедев-Любимов 2002], то именно гармонизирующие стратегии, позитивно воздействуя на сознание потребителя рекламы, наиболее успешно способствуют решению этих задач.

Список литературы

Бердышев С. Н. Эффективная наружная реклама. М.: Дашков и Ко, 2010. 132 с.
Елина Е. А. Семиотика рекламы. М.: Дашков и Ко, 2014. 136 p. URL: <http://www.libma.ru/delo->

[vaja_literatura/semiotika_reklamy/index.php](http://www.libma.ru/delovaja_literatura/semiotika_reklamy/index.php) (дата обращения: 25.04.2016).

Лебедев-Любимов А. Н. Психология рекламы. СПб.: Питер, 2002. 368 с: URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3799909/> (дата обращения: 25.04.2016).

Назайкин А. Н. Наружная, внутренняя, транзитная реклама. М.: Солон-пресс, 2014. 521 с.

Николаев В. Г. Идентичность // Культурология XX века. Энциклопедия. М., 1996. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/364/ИДЕНТИЧНОСТЬ (дата обращения: 25.04.2016).

Песоцкий Е. Современная реклама. Теория и практика. Ростов н/Д, 2007. 315 с.

Рязанова Н. Ю. Воздействие рекламы на массовое поведение: социолого-управленческий анализ: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2007. 24 с.

Сайт проекта социальной рекламы «Все равно?!» URL: <http://vse-ravno.net/about> (дата обращения: 25.04.2016).

Социальная реклама. Теория и практика рекламной деятельности // Индустрия рекламы. URL: <http://adindustry.ru/doc/1132> (дата обращения: 25.04.2016).

Торичко Р. А. Реклама как мифологическая коммуникативная система: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2001. 18 с.

Устин У. Б. Искусство наружной рекламы. М.: АСТ, Астрель, Кладезь, 2009. 304 с.

Феофанов О. А. США: реклама и общество. М.: Мысль, 1974. 266 с.

Филин В. А. Видеоэкология. Что для глаза хорошо, а что – плохо. М.: МЦ «Видеоэкология», 2001. 312 с. URL: <http://www.videoecology.ru/b1.html> (дата обращения: 16.04.2016).

Центр по профилактике и борьбе со СПИД. URL: <http://aids-centr.perm.ru/Статистика/ВИЧ-в-Пермском-крае> (дата обращения: 13.03.2016).

MediaCatalog.ru. Рекламные щиты и билборды России. URL: <http://www.mediacatalog.ru/> (дата обращения: 16.04.2016).

References

Berdyshev S. N. *Effektivnaya naruzhnaya reklama* [Effective outdoor advertising]. Moscow, Dashkov and K^o Publ., 2010. 132 p.

Elina E. A. *Semiotika reklamy* [Semiotics of advertising]. Moscow, Dashkov and K^o Publ., 2014. 136 p. Available at: http://www.libma.ru/delovaja_literatura/semiotika_reklamy/index.php (accessed 25.04.2016).

Lebedev-Lyubimov A. N. *Psikhologiya reklamy* [Psychology of advertising]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 368 p. Available at: <http://www.studfiles.ru/preview/3799909/> (accessed 25.04.2016).

Nazaykin A. N. *Naruzhnaya, vnutrennyaya, tranzitnaya reklama* [Outdoor, indoor and transit advertising]. Moscow, Solon-press Publ., 2014. 521 p.

Nikolaev V. G. Identichnost' [Identity]. *Kul'turologiya XX vek. Entsiklopediya* [Cultural studies of the 20th century. Encyclopedia]. Moscow, 1996. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/364/ИДЕНТИЧНОСТЬ (accessed 25.04.2016).

Pesotskiy E. *Sovremennaya reklama. Teoriya i praktika* [Contemporary advertising. Theory and practice]. Rostov-on-Don, 2007. 315 p.

Ryazanova N. Yu. *Vozdeystvie reklamy na massovoe povedenie: sotsiologo-upravlencheskiy analiz*. Avtoreferat diss. kand. sociolog. nauk [The impact of advertising on mass behavior: socio-managerial analysis. Abstract of Cand. sociolog. sci. diss.]. Moscow, 2007. 24 p.

The website of the project of social advertising "Vsye ravno?!" ["Doesn't it matter?"]. Available at: <http://vse-ravno.net/about> (accessed 25.04.2016).

Sotsial'naya reklama. Teoriya i praktika reklamnoy deyatel'nosti [Social advertising. Theory and practice of promotional activities]. *Industriya reklamy* [Advertising industry]. Available at: <http://adindustry.ru/doc/1132> (accessed 25.04.2016).

Torichko R. A. *Reklama kak mifologicheskaya kommunikativnaya sistema*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Advertising as a mythological communication system. Cand. philol. sci. diss.]. Barnaul, 2001. 18 p.

Ustin U. B. *Iskusstvo naruzhnoy reklamy* [The art of outdoor advertising]. Moscow, AST, Astrel', Kladez' Publ., 2009. 304 p.

Feofanov O. A. *SShA: reklama i obshchestvo* [USA: advertising and society]. Moscow, Mysl' Publ., 1974. 266 p.

Filin V. A. *Videoekologiya. Chto dlya glaza khorosho, a chto – plokho* [What is good for eyes and what is bad]. Moscow, Videoekologiya Publ., 2001. 312 p. Available at: <http://www.videoecology.ru/b1.html> (accessed 25.04.2016).

Tsentr po profilaktike i bor'be so SPID [Center for prevention and control of AIDS.] Available at: <http://aids-centr.perm.ru/Statistika/VICH-v-Permskom-krae> (accessed 25.04.2016).

MediaCatalog.ru. Reklamnye shchity i bilbordy Rossii [Billboards in Russia.] Available at: <http://www.mediacatalog.ru/> (accessed 25.04.2016).

OUTDOOR ADVERTISING IN A LARGE INDUSTRIAL CITY: THE CONTENT AND PERCEPTION

Svetlana S. Shlyakhova

**Head of the Department of Foreign Languages and Public Relations
Perm National Research Polytechnic University**

The article presents analysis of outdoor advertising in a large industrial city (through the example of Perm) in terms of the content and perception. It has been found that 88,8 % of outdoor advertising is commercial, 11,2 % belongs to social advertising. More than 70 % of social advertising is aimed at the prevention of drug addiction and AIDS. About 30 % aims to promote a healthy lifestyle, charity, patriotism, road safety, etc. Sellers of household appliances, furniture, clothing and food (these being the basic needs of an average resident of a metropolis), as well as companies providing telecommunication and banking services are the most aggressive in the area of commercial advertising (more than 80 % of advertisements). As the analysis shows, outdoor advertising campaigns in the sphere of social advertising in most cases receive negative assessment from citizens. The hypothesis was put forward that the mechanisms underlying perception of social advertising (by analogy with commercial advertising) are identification and self-image. Aggressive strategies in presenting information cause an individual's rejection since he/she does not want to identify themselves with negative characters from social advertising. A series of surveys was conducted to identify evaluations of social advertising by residents of the metropolis. 72 % of the respondents attribute the content of advertising to themselves and 85 % of the respondents assess advertising positively if the information is presented in the context of positive communication strategies. The data obtained are consistent with the characteristics of advertising activities in psychology.

Key words: outdoor advertising; DOOH-advertising; commercial advertising; social advertising; self-image; identification; perception; communication strategies.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1(09)
doi 10.17072/2037-6681-2017-1-122-129

ЛАТИНИЗМЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ КНИГАХ «ДИКИЙ ШИПОВНИК» ОЛЬГИ СЕДАКОВОЙ И «ТРУДЫ И ДНИ МОНАХИНИ ЛАВИНИИ» ЕЛЕН ШВАРЦ

Александр Викторович Марков

д. филол. н., профессор кафедры кино и современного искусства

Российский государственный гуманитарный университет

125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, корп. 5. markovius@gmail.com

SPIN-код: 2436-2520

ORCID: 0000-0001-6874-1073

ResearcherID: Q-7934-2016

IstinaResearcherID (IRID): 7972665

Про́сьба ссыла́ться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Марков А. В. Латинизмы в поэтических книгах «Дикий шиповник» Ольги Седаковой и «Труды и дни монахини Лавинии» Елены Шварц // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 122–129. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-122-129

Please cite this article in English as:

*Markov A. V. Latinizmy v poeticheskikh knigakh “Dikiy shipovnik” Olgi Sedakovoy i “Trudy i dni monakhini Lavinii” Eleny Schwartz [Latinisms in *The Wild Rose* by O. Sedakova and *Works and Days of Nun Lavinia* by E. Schwartz]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 1, pp. 122–129. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-122-129 (In Russ.)*

Рассматривается функция латинизмов в поэзии Ольги Седаковой и Елены Шварц. При различии поэтик этих авторов они близки принципиальным многоязычием поэтического мира, употреблением слов и оборотов из разных языков. Функция этого многоязычия проясняется в данной статье исходя из поэтологических и религиозно-философских установок обеих поэтесс. По мнению Седаковой и Шварц, язык не является первой и последней реальностью, но он один из инструментов реализации воли Бога в мире, тогда как речь человека – это всегда работа самого человека со своими когнитивными возможностями и мистическими интуициями. Поэзия Седаковой строится как метафизический трактат, а поэзия Шварц – как магический ритуал. Латинизмы в этой системе выполняют двойную функцию: они отсылают к классическим истокам религиозной метафизики и выступают как квазитермины, указывающие на достоверность мистического познания. Уточнение функции латинизмов позволяет реконструировать отношения между религиозно-философскими и литературными задачами русской независимой поэзии.

Ключевые слова: метафизика; религиозная поэзия; Шварц; Седакова; ритуал; латинизмы; многоязычие.

Независимая русская поэзия 1970–80-х гг. обращалась к другим языкам и культурам как важнейшему ресурсу собственного существования: если можно сказать так, как говорил Будда, Гораций или трубадуры, то возможно продолжение поэтической речи, альтернативной господствующему стилистическому канону. Лидеры женской независимой поэзии Ольга Седакова и Еле-

на Шварц много обращались к латинской традиции, опираясь как на университетские знания классической латинской поэзии (или независимые занятия этой поэзией), так и на изучение западной христианской духовности.

Сразу необходимо оговорить, что термин «латинизм», вынесенный в заглавие статьи, означает не только слова латинского происхождения, осо-

знаваемые в русском языке как специальная «ученая» или «историческая» терминология, но и семантические латинизмы: метафоры, которые непонятны, если не обратиться к латинским истокам этих метафор. Латынь воспринимается русским языковым сознанием прежде всего как источник афоризмов, крылатых выражений и непереводаемых идиом. Поэтому в поэзии идиоматическое употребление слов, смещение в семантике которых происходит именно благодаря латинскому субстрату (калькированию латинских выражений или семантике латинских терминов), должно быть признано латинизмами наравне с латинскими идиомами в собственном смысле: они равно воспринимаются как знак чего-то значительного, «непереводаемого», стоящего за привычными значениями слов и за привычными ситуациями. В настоящей статье мы покажем, что все эти латинизмы как образцовые «непереводаемости» в мире Седаковой и в мире Шварц обладают одинаково высоким потенциалом фигуральности, и выясним цель этой фигуральности.

В обоих случаях следует чаще говорить об эмпатическом восприятии латинских традиций как экзотических, и при этом экзистенциально важных. Как писала Ольга Седакова в статье памяти Елены Шварц: «Горация Лена любила («Две сатиры в духе Горация») и читала в оригинале:

Курю табак турецкий, оду
Горация с трудом перевожу,
И часто мой словарь ныряет в воду.
(«Времяпровождение»)

В оригинале она читала и других любимых поэтов» [Седакова 2003: 567].

О. Седакова, упоминая в процитированной статье «вспышки иноязычных слов» в поэзии Шварц, указывает на то, что присутствие иноязычных слов «как сверкнувшее в прореху языковой ткани известие о том, что поэт в действительности пишет на всех языках сразу». Иноязычное слово – это часть экзотического опыта, который может подобрать для себя любой язык, как средство передачи сообщения, а не как способ работы с сообщением. Сама Седакова, описывая собственное многоязычие, отмечала, что для нее важна возможность выбора даже не слов или фраз на разных языках, а ритмико-синтаксических решений, отсутствующих в русской традиции. Тем самым творчество, обогащенное иноязычными традициями, преодолевает рутинность местной поэтической традиции: «Мне всегда были интересны иные, чем традиционная для нашего стиха силлаботоника, системы версификации: античные метры, фольклорный стих, молитвословный стих. Те, где рит-

мика словесного ряда еще не отделена от мелоса. Думая о «Тристане и Изольде», я вслушивалась в немецкую строфу «Нибелунгов», в староитальянские лауды (в обоих случаях игра идет длинной строки). Еще я училась отмечать на слух число слогов: от этой привычки отучивает сильное в русском языке ударение, мы слышим не реальную длину слова, а ударение и смутное безударное облако вокруг [Седакова 1996: 240].

В данном рассуждении Седакова описывает произведения, создававшиеся в то же время, что и книга «Дикий шиповник», содержащая наиболее яркие латинизмы. Более того, в отдельных интервью Седакова объясняет многоязычие как выбор уже не ритмико-синтаксических решений, а чисто музыкальных прообразов для поэтических форм: «То, что для музыки, можно сказать, уже рутинно, предмет школьных упражнений — для словесной композиции свежая и богатая возможность. Впрочем, и в античности, и в средневековье поэтические формы рождались из музыки. А со времён разлуки двух искусств музыка проделала такой труд формообразования — как было кому-нибудь из стихотворцев этого не заметить?» [Седакова 1999: 237].

Язык музыки содержит «труд формообразования», и потому его присутствие позволяет решать те формальные задачи, которые не может решить простое многоязычие, простое употребление иноязычных слов или оборотов в стихах. Фактически, открывается новая логика символизации: иноязычные слова сигнализируют о наличии общих задач в мировой поэзии, а музыкальные решения внутри словесной композиции – об инструментальности языка, о превращении его в носитель для тех содержаний, которые обоснованы метафизически. Такой двойной ход вызывал как неприятие критиков [Славянский 1995], так и междисциплинарные интерпретации [Городецкая 2016; Марков 2015: 55–62; Марков 2016: 20–23; Сандлер 2016: 20–27]. Седакова прямо доказывает возможность метафизического обоснования речевой семантики: «И как только мы обращаемся к надстроенной над лексическим словарем семантической вертикали значения, мы выходим за пределы «непосредственного называния», простых отношений типа «имя – вещь» в область трансформирующих или организующих смыслы культурных парадигм» [Седакова 1989: 173].

Для Елены Шварц такое метафизическое обоснование осуществляется не как воздействие культурных запасов на возможности поэтической речи, но как совершение ритуала, по отношению к которому не только язык и ритм, но и ситуативное чтение оказывается служебным. «Ведь поэт – он поневоле какой-то жрец. Помню,

я даже несколько шокировала Ольгу Седакову, говоря, что чувствую себя священником, когда читаю стихи. Потому что это – сакральное жертвоприношение, когда по-настоящему читаешь стихи» [Шварц 2000: 315].

Важно, что Шварц, в отличие от Седаковой, говорит не о чтении стихов как о культурной практике, которая может быть встроена в некоторые общие законы семантической трансформации звучащего поэтического слова, но о ситуативном чтении стихов, которое и делает многоязычие просто одним из аспектов такой ситуативности, что имеет параллели и в других традициях, например греческой [Марков 2014].

Таким образом, мы вправе ждать от многоязычия Седаковой исследования способов существования в культуре, а от многоязычия Шварц – исследования предельных жестов. Анализ показывает, что данные ожидания не просто оправдываются, но конкретизируют то понимание культуры и духовности, которое свойственно тому и другому автору.

Сборник Седаковой «Дикий Шиповник» [Седакова 2010] обычно републикуется в редакции 1973 г., предшествующие редакции недоступны читателю. Сборник соединяет принцип концерта с «музыкальными антрактами» и принцип сборника легенд и сказаний, душеполезного чтения. Оба принципа должны заставить читателя пережить собственную ситуацию как экзистенциальную, как полного подчинения музыкальной стихии и метафизической судьбе.

Одно из первых стихотворений сборника «Смерть Алексея, Римского угодника» [там же: 63–64] излагает известную легенду о юноше из патрицианской семьи, который инсценировал свою смерть и при этом жил в своем же доме под видом бродяги, не признанный никем до смерти. Это стихотворение знаменует главный мотив «Дикого шиповника»: неузнанность поэзии в социальном мире, который презирает поэзию из-за ее бедности (невозможности вносить вклад в технический и социальный прогресс). Разумеется, в этом стихотворении латинизмы мотивированы как сюжетом, так и ярким, в виде легенды, представлением магистральной поэтологической темы «ценностно означающего» взгляда [Задирко 2016: 93] и подводящей итог неортодоксальной религиозности русского модернизма как исканий, кончающихся чистым созерцанием [Kelly 2016: 265], или постоянным преодолением готовой формы [там же: 183].

Поставленные в рифму «патрицианский» и «медитерранский» (средиземноморский) в стихотворении, посвященном римскому святому Алексею, не только передают величественный колорит жизни угодника, выросшего в аристо-

кратическом доме, но и вводят рифму, причем в отличие от латинизмов, служивших созданию «богатой» рифмы в поэзии русского модернизма, здесь рифма оказывается просто точная. Латинская поэзия Рима не знала рифмы, и введение ее должно напомнить, что перед нами изложение средневековой легенды.

Далее в этом же стихотворении латинизмы оказываются скрытыми, например, «и так колонны расцветают» может означать как роскошный декор колонн, от которого бежал юный аскет, так и чудесное появление цветов на месте подвига. Учесть оба значения позволяет латинское слово *pulcher* – означающее «красивый» в смысле «блестящий, гладкий, отполированный»: тогда расцветающие колонны следует понимать просто как отполированные колонны, которые прекрасны, а уже слово «прекрасный» в наших языковых привычках ведет к значению «цветущий». Такая эволюция в понимании красоты от гладкости, светоносности и блеска к виду цветущей природы или спелых плодов происходила во многих языках, скажем, новогреческое *ωραῖος* (прекрасный) означает буквально «спелый, пришедший ко времени», а «цветущий возраст» и «прекрасный возраст» утвердились как синонимы в европейской традиции. Дальнейшее рассуждение:

... зачем нас в горе покидают
и в радости зовут назад

– выглядит как перифраз хрестоматийных строк Овидия:

*Donec eris felix multos numerabis amicos,
Tempora si fuerint nubila, solus eris.*
Овидий [Скорбные элегии, I, 9, 5]

Но если у Овидия горе, «мрачные времена», происходят по воле рока после столь же необъяснимого счастья, то у Седаковой необъяснимым оказывается само устройство мира, а одиночество в горе и дружба в счастье – отдельные стороны такой непредсказуемости.

«Как в слабоумном отражении» – слово «слабоумный» имеет тоже два значения в русском языке: «умственно отсталый» (*debilis*) и «выживший из ума» (*demens*), с перевесом в сторону второго, хотя этимологически слово ближе к первому значению. Если понимать «слабоумное отражение» как «отражение внутри слабого ума, не способного вместить откровение», то это будет серьезный семантический сдвиг слова, но вполне обоснованный латинским *demens*, если его понимать этимологически, не как «выживший из ума», а как «безумец» или «не владеющий своим умом». Иначе говоря, непредсказуемость проявлений природы делает безумным любое ее «отражение».

«И сердце просит: – Разорви»: сначала не ясно, нужно ли разорвать само сердце, пережить сердечное сокрушение или разорвать с прошлым. Если понимать это медицински, как *ruptura*, то это не столько разрыв, сколько ломка, подрыв, и тогда тема сокрушения начинает звучать сильнее мелодраматической темы разрыва с прошлым; но сокрушение понимается не как порыв отчаяния, но как единственная жизнь сердца. Так латинизм опять возвращает нас к «естественности» метафизики при полной непредсказуемости ее проявлений.

Он здесь уже. Семья большая
со светом требует меня.

«Со светом» – калька с латинского *in luce*, на рассвете. Без учета латинского смысла получалось бы, что скорбящая («больная») семья хочет видеть Алексея в живых, считая, что он умер, и думает, что в светлую часть дня можно его найти, что надежда умирает последней. Но в стихотворении говорится о другой надежде: не об иллюзорной надежде, поддерживаемой яркими впечатлениями дня, но о настоящей надежде, сохраняющейся и днем и ночью.

Изнеможение поэтической речи сравнивается с изнеможением блудного сына, растратившего всё имущество. К этой теме исчерпанности традиционного высказывания О. А. Седакова много раз обращается в прозе. Но эту тему вводит латинизм «флагеллант», который можно было бы считать просто историческим термином. Но флагелланты, адепты экстатического покаяния как самобичевания, оказываются в единственном числе. Канцона, только что сочиненное произведение, сравнивается с самобичевателем – в чем нельзя не видеть развитие темы знаменитого стихотворения Бодлера «Геаутонтиморуменос» («Самоистязатель»), в котором изображается неразличимое слияние ярости палача и патетичности жертвы: гнев как специальный аффект и аффект вообще переходят друг в друга.

Но флагеллант, когда последний кнут
он истрепал – последними глазами
он мысленный занес бы за плечом.
Так ты, моя канцона, встань. И тут
дорога будет вобрана зрачками.
[Седакова 2010: 68]

У Седаковой мы видим уже не слияние гневного аффекта и аффекта вообще, но слияние действия и воображения. Социальная экзистенция Бодлера переосмыслена как поэтологическая тема принятия собственной экзистенции как невероятной. Действие понимается как своеобразный гнев воображения, которое и останавливается вдруг в мире воображаемом, вобранном зрачками.

И зренье мешалось, как увещеванье
про большие беды над меньшей бедой.
[там же: 72]

Конструкция копирует просторечные латинские конструкции с *de*. Важно подчеркнуть сразу две стороны увещевания: что это утешение и что это предупреждение. Можно понять как *vaticinatio* – пророческое вещание, крик, и одновременно крик радости: так воображаемый опыт оказывается и опытом экзистенциального принятия высших причин существования.

... всю лиру легкую, когда найдет на ней,
сияя мелочью невиданных вещей,
полубожественное снаряжение.
[там же: 75]

Снаряжение – это *instrumentum*, иначе говоря, чистый проводник высшего импульса, что продолжает тему латинизмов как способа превращения вещей и слов в чистые проводники метафизического воздействия.

...золотой иглой попадает в ганглий
мяч, летающий внутри.
[там же: 106]

Траектория мяча – как на нитке, поэтому воображаемая игла. И чтобы воображаемое стало реальным, нужно попадание в ганглий (слово греческое по происхождению, но как медицинский термин воспринимается как латинизм), в центр нервного раздражения.

И хочется мне измененную чашу
тебе поднести, баснословный фиал,
звучащий, как сердце промытое наше,
чтоб Моцарт Горация перепевал.
[там же: 119]

Фиал – это бутыль, закрытый сосуд, что вводит тему хранилища закрытого, иначе говоря, поминания в кругу друзей, которое опять же сохраняет внутренний мир. Сосуд поминальный, дружеский и символизация внутреннего мира оказываются слиты в один комплекс, который подтверждается и другим примером:

писать и описывать ту же победу,
и вишни дрожит золотой Гулистан,
и тополь стоит, как латыни стакан,
и яблоня-мать, молодая Ригведа.
[там же: 125]

Латынь поминальна – тополя вдоль кладбища. Латыни стакан – надписи на кладбище, собранные в умозрительный стакан – что ставят, ставят на стол для поминания. При этом после любви-вишни (налитая вишня сходна с поцелуем) и смерти воскресение – причем у древа познания, увешанном яблоками. И в таком дружеском поминании проводником метафизики в конце кон-

цов оказываются не только слова и вещи, но и сама экзистенциальная данность художника:

Но возле пастухов, оборотясь,
стоит художник. Sapienti sat.
Все исчезает, как висячий сад,
и он один стоит в степи пустой.

[там же: 127]

Sapienti sat означает «можно угадать художника, и не называя его имени». Иначе говоря, узнав портретные черты художника и узнав его неподражаемую манеру, мы сразу назовем имя художника. Но манера оказывается чудесным фокусом, висячим садом, который исчезает, тогда как портретные черты и оказываются чертами имени. Автопортрет художника оказывается не автопортретом характера, но наиболее надежным проводником метафизического воздействия. Так тема метафизики, стоящей за вещами и словами как их непредсказуемая естественность, завершается в личной ответственности художника за метафизику.

Поэма Елены Шварц «Груды и дни Лавинии, монахини из ордена обрезания сердца» [Шварц 1997] изображает фантастический монастырь, «глядящий внутрь себя» [Воронцова 2016: 38] и более всего похожий на францисканский (т. е. с латинским богослужением); но при этом коллизия поэмы – столкновение свободной мистики Лавинии и суровой и требовательной мистики, не названной по имени Аббатиссы. Латинизмов в поэме немного, так как для характеристики внутреннего мира Лавинии подходят больше фольклоризмы, просторечные выражения или устойчивые обороты из различных мистических традиций, но тем значимее оказывается каждый из них. Поэтому у латинизмов функция другая, чем у Седаковой: не ответственность художника за восприятие непредсказуемой природной глубины метафизики, но превращение художественного вдохновения вольной монахини в некоторые правила для построения метафизического и при этом поэтического высказывания. Поэтому латинизмы Шварц оказываются тайными, что соответствует тайне монашеского устава.

Первый латинизм, именование Тайной вечера:

На вечерю прощанья и любви.
[Шварц 1987: 17]

Если вечера любви – обычное и в греческой традиции именование Тайной вечера, последней встречи Иисуса с учениками, то «вечера прощания» — необычное выражение, как будто сокращение от «прощальная беседа», которая и была на Тайной вечере. Это латинизм, где «прощание» и «прощальная беседа» будут названы одним сложным словом *valedictio*. Функционально та-

кой оборот отвечает сюжету эпизода: Аббатисса велит Лавинии умом представить Тайную вечерю, увидев, что на ней происходит. Визионер видит значимые жесты, и как раз уместно обозначить их многозначительными словами, как «прощание» и «любовь». Тем самым вольный метафизик обретает структурированную речь.

Далее, в песне волхвов, появляется Венера, латинское обозначение богини и звезды, как противоположность Вифлеемской звезде:

Во тьме есть страшная Девица,
Всей черной кровию кипящей
Она за Богом шла и пела
И мир крутила будто перстень.
Она звалась тогда – Венера.
[там же: 19]

Венера отрицает непорочное Рождество, настаивая, что мужчина первенствует во всем, а значит, рождение от Девы невозможно:

Шли три царя. Не понимали,
Куда идут и сколько дней.
И только знали, что зачали,
Что их самих родят вначале, –
Но и они родят теперь.
Венера в космосе кричала,
Что Человек – он есть мужчина.
[там же: 19]

Крику Венеры противопоставлено представление о новом, мистическом рождении всех людей, каждое из которых символизирует непорочное рождение. Символизация собственного когнитивного опыта, которой придерживаются волхвы, отличается от крика Венеры, которая благословляет мужское начало как единственное достойное быть началом. Конечно, это именно Венера, как известный алхимический символ соединения противоречивых начал, а не греческая Афродита, благословляющая разные виды любви и разные гендерные идентичности.

О царе Давиде, отождествляемом с цветком (имеются в виду, вероятно, и красота библейского Давида, и некоторое соответствие позы лотоса позы игры Давида как арфиста), сказано:

Ангелы, пленясь его игрой,
Свои жилы отдают на струны.
[там же: 23]

Струна по-латыни *nervus*, и в классической латыни этим словом обозначаются не нервы, а жилы как телесный инструмент физического, а не более привычного нам морального напряжения. Если понимать жилы только в современном смысле физической силы, то окажется, что ангелы отказываются от своей силы ради того, чтобы прозвучала дивная мелодия царя Давида. Но учет латинского значения позволяет понять, что анге-

лы на самом деле просто напряженно слушают царя Давида, они напряглись, но это напряжение и позволяет прозвучать мелодии Давида как предназначенной для слуха всех живых. Ангелы оказываются не жертвенными помощниками певцу, а проводниками его виртуозности, благодаря которым и можно услышать песнь библейского поэта как общезначимую весть. Именно так понимается Давид во многих стихотворениях Елены Шварц: как экстатический поэт, соответствующий Орфею в греческом мире; но только если Орфея разрывают вакханки, он не примирил плоть и дух, то Давида танцующая плоть подбрасывает вверх, в область духа. В отличие от Венеры, которая кричит, плоть может производить осмысленную речь.

То же превращение ангелов в проводников мистической жизни мы видим и при употреблении уже прямого латинизма в просторечной огласовке:

Телеграмму во сне получила
За подписью – "Силы, Престолы".
На бланке простом официальном
О том, что я все же спасусь.
[Шварц 1987: 27]

Ангелы отнюдь не помогают монахине спастись, но только извещают о будущем спасении как достижении цели. Спасением оказывается само созерцание ангелов во сне, и из сна протагонистка приносит как чудесный подарок эту телеграмму. Слово «официальный» означает здесь опять же не «принадлежащий государственной норме», а скорее принадлежащий канцелярскому порядку документооборота, относящийся к выполнению заданий (*officium* – долг, должность). Ангелы не могут стать помощниками, потому что они получили другое задание, но при этом нормативно не поведение ангелов, а умение монахини увидеть свое спасение. Такое видение мучительно, как мы видим из другого латинизма, относящегося уже к искреннему покаянию.

Свое покаяние за оплошный поступок Лавиния описывает необычным сложным сравнением:

Расцветает пышно-жутко
Дерево стеклянных слез.
[там же: 25]

Стекланный, *vitreus*, означает в латыни просто «прозрачный как стекло». Если учитывать только русскую семантику, покаяние Лавинии окажется ступором, недоумением, как мы говорим о «стеклянном взгляде» как состоянии ступора. Но если речь о прозрачных слезах, сложный образ становится понятен: прозрачные слезы стекают по щекам, образуя узоры как дерево, щеки начинают гореть (расцветать), а ужас именно в том, что эти слезы остановить нельзя, как нельзя прекратить

вглядываться в себя. Как и природа ангелов, так и природа слез служит только проводником мистического явления метафизической реальности.

Латинизм *de profundis* (Псалом 129, «Псалом восхождения») чаще всего в культуре новой Европы означал бедственное положение, из которого не существует обычного выхода, любой шаг либо невозможен, либо еще больше ухудшает положение, поэтому остается только молиться. Но в псалме это выражение означает не глубину падения, не яму, из которой невозможно выбраться, а глубокую нужду, долговую яму, и призыв означает призыв выкупить из рабства. *Profundus* буквально означает «достигший дна». Это и описывается в одном из эпизодов, где монахиня Серафима, восторженная и воспевающая песнопения высоким голосом, вдруг при виде муравьиной кучи ощущает свое сродство с муравьями. Она бросается спиной (вряд ли Елена Шварц неграмотно употребляла слово «навзничь» не в значении «на спину») на муравейник и экстатически смотрит в небо над ней.

Вдруг Серафима навзничь повалилась,
Почти зарылась в темный их песок.
И – де профундис – так она молилась,
И так она из кучи той кричала –
Господь наш Бог! ОН ЖИВ! Он жив один!
[там же: 32]

Без учета латинской семантики выражения окажется, что монахиня просто предает свое тело на растерзание муравьям, чтобы искупить грехи плоти. Но на самом деле речь идет о том, что Серафима ощущает себя в рабстве вместе со всей природой, на дне общей долговой ямы, и ждет искупления из рабства, которое может дать только Жизнь. Перед нами не образ покаяния за свои грехи, но экстатическое ощущение общего со всей природой страдания после грехопадения. В той же русской транскрипции латинизм «вице верса» [там же: 41] («наоборот», «обращенно») передается, когда описывается разговор двух соперничающих ангелов-хранителей: важно, что они договариваются друг с другом именно поверх привычных представлений о «взаимности» как основе справедливости. Замечательно, что смена в середине поэмы ангела-волка на ангелальва, на возвышенный звериный образ, одновременно оказывается сменой латинизмов на грецизмы, такие как «мириады» [там же: 69] или «иероглиф» [там же: 71], – хотя эти слова могут не ощущаться уже как греческие, они достаточно изысканные, чтобы восприниматься не как часть латинской терминологии, но как принадлежащие некоторой возвышенной традиции, которая в русском языке ассоциируется с выпестованным на греческой риторике высоким стилем.

Еще один латинизм – «инкуб» («лежащий сверху», мужской сексуальный демон), обозначающий беса плотского искушения, появляется в жизни Лавинии, когда она не употребляет во время техники экстаза и оказывается женой собственного тела:

И тело все дрожит, томлением светясь,
И в полусне с инкубом вступишь в связь.
[Шварц 1987: 34]

Тело лежит сверху души, *incubit*, и тем самым оказывается, что речь не только о плотском искушении, но и о падении души, которая оказывается даже ниже тела, и только жизнь как экзистенциальное переживание может спасти от неизбежного плотского грехопадения. Опять тема «глубины» как унижения духа, а не плоти, что и требует жреческого ритуала, а не просто приобщения плоти каким-то смыслом, утверждается латинизмами.

Мы можем сделать выводы, что латинизмы обладают достаточным ресурсом экзотичности и историчности, чтобы восприниматься и как язык культуры, и как язык духовности. Вместе с тем латинизмы в творчестве Шварц и Седаковой не сводят духовность к истории духовной культуры, но позволяют раскрыть экзистенциальные основы духовности. В мире Седаковой поэтические высказывания понимаются как природная жизнь, нуждающаяся в метафизике для своего продолжения, а в мире Шварц – как проводники метафизики, спасающие обреченную природную жизнь. В поэтике «стесненной свободы» [Сандлер 2016: 45] Седаковой латинские цитаты оказываются знаком метафизических задач опыта внимания, опыта ученого настроения, а в поэтике Шварц «тесной близости загробного мира» [Воронцова 2016: 82] семантические латинизмы свидетельствуют о присутствии инобытия в приметах повседневного бытия. При этом и у Седаковой есть мотивы слова как проводника метафизического воздействия, и у Шварц – мотивы природы как ритуала, а не только чистого опыта существования. Но в обеих поэтиках утверждается превосходство речи над языком и метафизика понимается не как производная от когнитивного опыта, но как способ структурировать когнитивный опыт, избавив его от мучительных экзистенциальных противоречий. Латинизмы, с их терминологичностью и при этом традиционной фундированностью, помогают и упорядочивать опыт, ставить ему терминологические границы, и уточнять характеристики метафизических персонажей. При этом в творчестве обеих поэтесс реализуются те предпосылки, которые излагаются обоими рассмотренными авторами в теоретических декларациях и служат

своеобразным комментарием к тому, что в сжатой форме сказано в декларациях. Изучение латинизмов в творчестве Шварц и Седаковой позволило уточнить статус деклараций в независимой русской поэзии и показать взаимодействие теории и практики в обновлении художественного языка новейшей русской поэзии.

Список литературы

- Воронцова К. В. Пространство, время, андрогин: модели пространства в поэзии Елены Шварц. Краков, 2016. 122 с.
- Городецкая В. Ф. Муза: звуковой анализ стиха // Артикульт. 2016. № 21. С. 46–62.
- Задирко Е. С. Смотреть и видеть: взгляд в лирическом цикле Ольги Седаковой «Стелы и надписи» // Глаза как зеркало: зрение и видение в культуре. М., 2016. С. 85–93.
- Келли М. Искусство перемен: адаптация и апофатическая традиция в «Китайском путешествии» Ольги Седаковой // Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения: сб. науч. ст. / ред. Стефани Сандлер. М.: Новое лит. обозрение, 2016. С. 182–215.
- Марков А. В. Историческая поэтика духовности. М., 2015. 78 с.
- Марков А. В. Одиссеас Элитис. СПб., 2014. 240 с.
- Марков А. В. Пальмы Сиона: 42 этюда об экфрасисе в поэзии. М., 2016. 166 с.
- Сандлер С. Стесненная свобода: о снах и рифмах в поэзии Ольги Седаковой // Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения: сб. науч. ст. / ред. Стефани Сандлер. М.: Новое лит. обозрение, 2016. С. 19–48.
- Седакова О. А. «Чтобы речь стала твоей речью», Ольга Седакова беседует с Валентиной Полухиной // Новое лит. обозрение. 1996. № 17. С. 318–354.
- Седакова О. А. *L'antica fiamma*: Елена Шварц (2003) // Седакова О. А. *Poetica*. М., 2010. С. 567–579.
- Седакова О. А. Дикий шиповник // Седакова О. А. Стихи. М., 2010. С. 59–142.
- Седакова О. А. Стихотворный язык: семантическая вертикаль слова (1989) // Седакова О. А. *Poetica*. М., 2010. С. 169–176.
- Седакова О. А. Урок Целана: Беседа с Антоном Нестеровым // Контекст-9. 1999. № 7. С. 230–245.
- Славянский Н. Из полного до дна в глубокое до краев // Новый мир. 1995. № 10. С. 220–224.
- Шварц Е. А. Поэтика живого: Беседа с Антоном Нестеровым // Контекст-9. 2000. № 8. С. 314–326.
- Шварц Е. А. Труды и дни Лавинии, монахини из ордена обрезания сердца. Анн Арбор, 1987. 107 с.

Kelly Martha *Unorthodox Beauty: Russian Modernism and Its New Religious Aesthetic*. Northwestern U. P., 2016. 304 p.

References

Vorontsova K. V. *Prostranstvo, vremya, androgyn: modeli prostranstva v poezii Eleny Schwartz* [Space, time and androgyn: models of space in E. Schwarz's poetry]. Krakow, 2016. 122 p.

Gorodeckaya V. F. Muza: zvukovoy analiz stikha [Muse: Sound Analysis of the Verse]. *Artikul't* [Articult], 2016, issue 21, pp. 46–62.

Zadirko E. S. Smotret' i videt': vzglyad v liricheskom tsikle Ol'gi Sedakovoy "Stely i nadpisi" [To look and to see: a view in the lyrical cycle by O. Sedakova "Stelae and Inscriptions"]. *Glaza kak zerkalo: zrenie i videnie v kul'ture* [Eyes as a mirror: eyesight and vision in culture]. Moscow, 2016, pp. 85–93.

Kelly M. *Iskusstvo peremen: adaptatsiya i apofaticheskaya traditsiya v "Kitajskom puteshestvii" Ol'gi Sedakovoy* [Art of changes: adaptation and apophatic tradition in the "Voyage to China" by Olga Sedakova]. *Ol'ga Sedakova: stikhi, smysly, prochteniya*. Sbornik nauchnykh statey [Olga Sedakova: verses, senses, readings. Collected articles]. Ed. by Stephanie Sandler. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, pp. 182–215.

Markov A. V. *Istoricheskaya poetika dukhovnosti* [Historical poetics of spirituality]. Moscow, 2015. 78 p.

Markov A. V. *Odisseas Elitis* [Odysseas Elytis]. St. Petersburg, 2014. 240 p.

Markov A. V. *Pal'my Siona: 42 etyuda ob ekfrasis v poezii* [Palms of Zion: 42 essays on ekphrasis in poetry]. Moscow, 2016. 166 p.

Sandler S. *Stesnennaya svoboda: o snakh i rifmakh v poezii Ol'gi Sedakovoy* [Constrained liberty: on dreams and rhymes in Olga Sedakova's poet-

ry]. *Ol'ga Sedakova: stikhi, smysly, prochteniya*. Sbornik nauchnykh statey [Olga Sedakova: verses, senses, readings. Collected articles]. Ed. by Stephanie Sandler. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, pp. 19–48.

Sedakova O. A. "Chtoby rech' stala tvoey rech'yu", Ol'ga Sedakova beseduet s Valentinoy Polukhinoy ["For the speech to become your own speech: an interview with V. Polukhina]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 1996, issue 17, pp. 318–354

Sedakova O. A. *Dikiy shipovnik* [The wild rose]. *Stikhi* [Poems]. Moscow, 2010, pp. 59–142.

Sedakova O. A. *L'antica fiamma: Elena Schwartz* (2003). *Poetica*. Moscow, 2010, pp. 567–579.

Sedakova O. A. *Stikhotvornyy jazyk: semanticheskaya vertikal' slova* (1989) [Poetic language: semantic vertical of the word]. *Poetica*. Moscow, 2010, pp. 169–176.

Sedakova O. A. *Urok Celana: Beseda s Antonom Nesterovym* [The lesson by Paul Celan, an interview with A. Nesterov]. *Kontekst-9* [Context-9], 1999, issue 7, pp. 230–245.

Schwartz E. A. *Poetika zhivogo: Beseda s Antonom Nesterovym* [Poetics of the living, an interview with A. Nesterov]. *Kontekst-9* [Context-9], 2000, issue 8, pp. 314–326.

Schwartz E. A. *Trudy i dni Lavinii, monakhini iz ordena obrezaniya serdtsa* [Works and days of Lavinia, the nun from the order of the heart circumcision]. Ann Arbor, Ardis, 1987. 107 p.

Slavyanskiy N. *Iz polnogo do dna v glubokoe do kraev* [From the full to the bottom into the deep to the brim: a pamphlet against Sedakova's poetry]. *Novyy mir* [The New World], 1995, issue 10, pp. 220–224.

Kelly Martha. *Unorthodox Beauty: Russian Modernism and Its New Religious Aesthetic*. Northwestern U. P., 2016. 304 p.

LATINISMS IN THE WILD ROSE BY O. SEDAKOVA AND WORKS AND DAYS OF NUN LAVINIA BY E. SCHWARTZ

Alexander V. Markov

Professor in the Department of Cinema and Modern Art
Russian State University for the Humanities

This paper examines the function of Latinisms in the poetry of O. Sedakova and E. Schwartz. The difference between the poetics of these authors is moderated due to the multilingual poetic world, use of words and phrases from different languages, which is typical of both poets. The function of the multilingualism is clarified based on poetic-religious and philosophical systems of the poets. Sedakova and Schwartz believe that language is not the first and last reality, but one of the tools for the implementation of the will of God in the world, while our human speech is always work of a human him(her)self on his(her) cognitive abilities and mystical intuitions. Sedakova's poetry is constructed as a metaphysical treatise, Schwartz's – as a magical ritual. Latinisms in this system have a dual function: they refer to the classical roots of religious metaphysics and act as quasi-terms, indicating the accuracy of mystical knowledge. Clarification of the function of Latinisms allows for reconstructing relationship between religious-philosophical and literary tasks of the independent Russian poetry.

Key words: metaphysics; religious poetry; Schwartz; Sedakova; ritual; Latinisms; multilingualism.

УДК 821161.1(1-83)
doi 10.17072/2037-6681-2017-1-130-137

ОБРАЗ ИТАЛИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. Ф. ХОДАСЕВИЧА

Дарья Александровна Сухоева

соискатель кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. darya.sukhoeva@gmail.com

SPIN-код: 9100-3271

ORCID: 0000-0003-4797-5078

ResearcherID: D-1064-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сухоева Д. А. Образ Италии в творчестве В. Ф. Ходасевича // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 130–137. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-130-137

Please cite this article in English as:

Sukhoeva D. A. Obraz Italii v tvorchestve V. F. Khodasevicha [The Image of Italy in Works by V. F. Khodasevich]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 1, pp. 130–137. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-130-137 (In Russ.)

В представленной статье анализируется образ Италии в прозе и поэзии В. Ф. Ходасевича 1910–1920-х гг. «Итальянские» произведения писателя можно разделить на две группы. Одни из них написаны до Первой мировой войны, другие – в период эмиграции писателя. Исследуются противопоставления «Италия – Европа», «живое – мертвое», природа – цивилизация. Рассматриваются образы природы и культуры Италии в раннем и позднем творчестве писателя. Кроме того, анализируются черты национального характера итальянцев, описанные в основном в очерках писателя, в сопоставлении с образами итальянцев в творчестве об Италии писателей XIX в. и современников Ходасевича. Автор приходит к выводу, что характерный для ранних поэтических произведений поэта, посвященных Италии, романтический пафос сменяется трагическим. Изменение пафоса «итальянских» произведений писателя, по мнению исследователя, выражает смену мироощущения Ходасевича в 1920-е гг.

Ключевые слова: образ Италии; противопоставления; природа, культура, национальный характер.

К образу Италии В. Ф. Ходасевич обращался на протяжении всего творчества. Произведения поэта об Италии можно разделить на две группы: стихотворения и проза, написанные до Первой мировой войны (1911–1913); произведения, созданные после Октябрьской революции (1920–1926). Первый период связан с путешествием писателя в Италию («1911, июнь–август – путешествие в Италию для лечения; живет в Нерви с Е. В. Муратовой, затем в Венеции» [Шубинский 2012: 512]), второй – с путешествием по Италии вместе с Н. Н. Берберовой и с посещением М. Горького в Сорренто в 1920-х гг.

Долгое время образ Италии в творчестве Ходасевича исследовался фрагментарно. Литературоведы рассматривали либо ранние итальянские стихотворения [Устинов 2010; Успенский 2014 и др.], либо поздние произведения поэта об Италии [Betha 1980; Göbler 1988; Богомолов 2004 и др.]; кроме того, на «итальянские» про-

изведения Ходасевича обращали внимание исследователи венецианского текста в русской литературе [Меднис 1999 и др.]. В данной статье делается попытка выявить специфику и место поэзии и прозы обоих «итальянских» периодов в творчестве поэта.

Рассмотрим ключевые образы произведений Ходасевича об Италии. Прежде всего, ранние и поздние «итальянские» произведения писателя связывает **образ природы** («гор прибрежные отроги» [132]¹, «в круге пальм, и вишен, и причуд» [126], «вскипанье волн, созвездий бег» [309], «узловатая олива» [270] и др.).

В стихотворениях «Вечер» (1913) и «Пан» (1924) встречаются **образы моря, небесных светил, гор**, однако эти произведения различаются проблематикой:

*Красный Марс восходит над агавой <...>
Меркнут гор прибрежные отроги,
Пахнет пылью, морем и вином <...>*

*Не в такой ли час, когда ночные
Небеса синели надо всем,
На таком же ослике Мария
Покидала тесный Вифлеем? [132]
(1913)*

*Смотря на эти скалы, гроты,
Вскипанье волн, созвездий бег,
Забывать убогие заботы
Извечно жаждет человек.
Но диким ужасом вселенной
Хохочет козлоногий бог [309].
(1924)*

В первом стихотворении присутствуют аллюзии на Библию: образ Девы Марии и образ рождественской звезды («Красный Марс восходит над агавой»)². Второе содержит образы из греческой мифологии (образ языческого бога Диониса). В обоих стихотворениях появляется мотив бегства. В первом речь идет о библейском сюжете бегства девы Марии с младенцем на руках [Успенский 2014: 127], во втором – о бегстве души лирического героя от языческого, «демонического» бытия к быту, «под кровлю ресторана»:

*Плачет мать. Дитя под черной тальмой
Сонными губами ищет грудь,
А вдали, вдали звезда над пальмой
Беглецам указывает путь [132].*

*Душа замрет. Не будь же строг,
Когда под кровлю ресторана,
Подавлена, угнетена,
От ею вызванного Пана
Бегом спасается она [309].*

Время и пространство в обоих стихотворениях выходят за границы реального. В раннем стихотворении настоящее время совмещается с временем библейским, в позднем – с мифологическим временем. В первом пространство расширяется до небесного свода, это гармоничное пространство («Небеса синели надо всем»). Во втором стихотворении поэт создает атмосферу экзистенциального ужаса, который испытывает лирический герой, оставшийся один на один с безграничной вселенной («диким ужасом вселенной»). В позднем творчестве пространство расширяется до космического, безграничного и всеобъемлющего.

Образы гор, моря, небесных тел, ночных огней («Вечер», «Успокоение»), **образ возлюбленной, мотив зеркала** («Успокоение») в ранних стихотворениях Ходасевича связаны с романтическим мировидением автора:

*Сладко жить в твоей, царевна, власти,
В круге пальм, и вишен, и причуд <...>
Тихий вечер мирно и спокойно
Сыплет в море синие цветы.
Там, внизу, звезда дробится в пене,
Там, вверху, темнеет сонный куст [126].*

Образ царевны (возлюбленной) является одним из центральных не только для цикла «Звезда над пальмой» (1918), но и в целом для ранней лирики Ходасевича. Однако в прозаических текстах – ранних очерках писателя об Италии – отсутствует образ возлюбленной, более того, один из очерков носит название «Город разлук. В Венеции» (1911). В очерке «Город разлук» писатель отступает от общего романтического настроения стихотворного цикла «Звезда над пальмой» и дважды мифологизирует пространство Венеции. Во-первых, мифологизация касается событий личной жизни³. Во-вторых, Ходасевич наделяет «живой» город чертами царства Аида, живых людей – чертами призраков:

«Седой старик, в рубахе, расстегнутой на груди, с засученными рукавами, стоит на корме и, напрягаясь, огромным веслом толкает барку вперед. Он похож на Харона.

О, легкие тени венецианского утра! Вы, похожие на людей, – только лукавые призраки. Не в жутком сумраке ночи, но в добела раскаленном и трепетном воздухе дня проплываете вы словно из кулисы в кулису. Да, из сырого Аида поднялись вы сюда, на поверхность земли, еще раз погреться на солнце, мелькнуть и исчезнуть» [Ходасевич 1997(III): 12].

В этом символистском описании «мертвой» Венеции Ходасевич близок А. А. Блоку («Холодный ветер от лагуны, / Гондол безмолвные гроба» [Блок 1955: 523]). Образ венецианских гондол-гробов у Блока, который также появляется в ранней прозе Ходасевича, указывает на преемственность Ходасевича Блоку. «Венецианская действительность давала предпосылки для такого осмысления образа. Как известно, гондолы, кроме всего прочего, служили и служат в Венеции катафалками» [Меднис 1999: 120].

Исчезают из поздних произведений писателя и светлые библейские образы (за исключением образов Девы Марии и агнца в «Соррентинских фотографиях»), вместо библейских аллюзий появляются мрачные мифологические образы Диониса, теней Стигса и ветра из царства Аид («застигийские тени» [350], «айдесский ветер» [272], «козлоногий бог» [309]). Это объясняет появление трагических интонаций:

*Смотря на эти скалы, гроты,
Вскипанье волн, созвездий бег,
Забывать убогие заботы
Извечно жаждет человек [309];*

*Уж и возвышенным и низким
По горло сыт,
И только к теням застигийским
Душа летит [350].*

Италия в понимании лирического героя – последнее пристанище души. Ходасевич не одинок в таком восприятии Италии. Как о последнем приюте пишет о ней в «Римских сонетах» Вяч. Иванов. Цикл стихов Иванова создавался в одно время с поздними «итальянскими» стихотворениями Ходасевича⁴:

*Приветствую, как свод родного дома,
Тебя, скитаний пристань, вечный Рим.*
[В. Иванов 1962: 106]

Однако поэты по-разному изображают Италию. В «Римских сонетах» Иванова (1924 г.) Рим воспевается как вечный город с героической историей. В позднем творчестве Ходасевича Италия не героизируется, а обывовляется:

*Некто мудрый и сердитый,
Однажды поглядит сюда,
Нечаянно развеселится,
Весь мир улыбкой озаря,
На шаль красотки заглядится,
Забудется, как нынче я [269].*

Как отмечает В. И. Шубинский, «Ходасевичу показалось, что «Венеция заметно одряхла за тринадцать лет» <...> Скорее всего, изменился не мир, а собственный взгляд поэта» [Шубинский 2012: 362]. Подтверждением этому может служить стихотворение «Брента, рыжая речонка», созданное в 1920 г., т. е. через несколько лет после первого путешествия в Италию, после революции 1917 г. и до эмиграции Ходасевича. Это произведение – своеобразный манифест о смене поэтического курса («С той поры люблю я, Брента, / Прозу в жизни и в стихах» [141])⁵. Брента, романтически воспетая Байроном, Пушкиным, Баратынским, Вяземским [Богомолов 1999], осмысливается Ходасевичем иронически, ее образ прозаизируется. С этого стихотворения начинается разрыв Ходасевича с традицией изображения Италии в русской поэзии XIX – начала XX в.:

*Я и сам спешил когда-то
Заглянуть в твои отливы,
Окрыленный и счастливый
Вдохновением любви.
Но горька была расплата.
Брента, я взглянул когда-то
В струи мутные твои [141].*

В поздних «итальянских» стихотворениях Ходасевича наблюдается характерная для его позднего творчества тенденция к прозаизации поэтического начала. Это может свидетельствовать об изменении мироощущения Ходасевича после революции 1917 г. Прозаизация в стихотворениях Ходасевича проявляется на лексическом и смысловом уровнях («мотоциклетка

стрекотнула» [272], «по горло сыт» [350] и др.). Мотоциклетка в «Соррентинских фотографиях» (1926) Ходасевича и автомобили и велосипеды во «Флоренции» (1909) Блока представляют технократическую сторону современной культуры:

*Хрипят твои автомобили,
Твои уродливы дома,
Всеевропейской желтой пыли
Ты предала себя сама!
Звенят в пыли велосипеды
Там, где святой монах сожжен,
Где Леонардо сумрак ведал,
Беато снился синий сон!*
[Блок 1955: 320]

У Блока технократическая сторона культуры противостоит культуре высокой, классической, тогда как у Ходасевича в эмигрантском творчестве всякая культура, классическое искусство и технический прогресс, обывовляются, прозаизируются («По залам прохожу лениво, / Претит от истин и красот. / Еще невиданные дива, / Признаться, знаю наперед» [268]). Принципиально, что у Ходасевича прозаизация касается лишь цивилизации, искусства и человеческого мира – итальянская природа, как и прежде, изображается в романтическом ключе. Здесь заметны характерные для романтической культуры мотивы безудержной стихии, неудержимой силы природы, присутствуют элементы романтического пейзажа:

*Там, над отвесною громадой,
Начав разбег на вышине,
Шумы, поток, играй и прядай,
Скача уступами ко мне <...>
Лети с неудержимой силой,
Чтобы корыстная рука
Струи полезной не схватила
В долбленный кузов черпака [309].*

Помимо описания природы, в ранних и поздних «итальянских» произведениях Ходасевич показывает **черты национального характера** итальянцев и культуру Италии. В ранних очерках и поздних стихотворениях писатель акцентирует такие национальные черты итальянцев, как карнавальность; импульсивность, выраженную в быстрой речи и яркой жестикюляции; веселость; природную красоту. В определении черт итальянского характера Ходасевич близок писателям XIX и XX вв.⁶

В оценке речи итальянцев Ходасевич продолжает гоголевскую линию, которой следует также и Горький. Для характеристики речи Ходасевич использует всего пару эпитетов (легкий, приятный). Ходасевич делает акценты на противоположности итальянского мировоззрения европейскому, на некоторой экономической и политической несостоятельности итальянцев:

*Интриги бирж, потуги наций,
Лавина движется вперед <...>
И все исчезнет невозвратно
Не в очистительном огне,
А просто – в легкой и приятной
Венецианской болтовне [269].*

Быстрота и легкость итальянской речи и жестуляции сопутствуют легкости и беззаботности итальянцев. Беззаботность также можно назвать отличительной чертой итальянцев, которая обусловлена историко-культурным контекстом. Несерьезность и беззаботность итальянцев противостоят общеевропейской напряженности.

Как черту национального характера некоторые писатели выделяют врожденное стремление к карнавалу, без которого невозможна обыденная жизнь итальянца. Ходасевич в «Ночном празднике» и «Городе разлук» и Муратов в «Образы Италии»⁷ пишут о «врожденной» карнавальности венецианцев:

«Там, где в минувшие времена карнавал продолжался шесть месяцев, где полгода ходили в масках, простота теряет всякую цену. Жизнь становится игрой, опасной и тонкой.

Потому так понятны и милы подведенные брови, накрученные губы и слишком заботливо обутые ноги венецианок. Потому так влекут нас их черные шали и ночные певучие шаги по звонкому камню» [Ходасевич 1997(III): 13].

«XVIII век был веком маски. В Венеции маска стала почти что государственным учреждением, одним из последних созданий этого утраченного всякий серьезный смысл государства. С первого воскресенья в октябре и до Рождества, с шестого января и до первого дня поста, в день св. Марка, в праздник Вознесения, в день выборов дожа и других должностных лиц каждому из венецианцев было позволено носить маску» [Муратов 1994: 23].

Антропологически точное, безоценочное суждение Муратова и экспрессивное высказывание Ходасевича о карнавальной культуре Италии схожи. Суждения Ходасевича и Муратова, согласно М. М. Бахтину, отсылают к понятию пограничной ситуации, в которой все равны, низ становится верхом, шут – королем. Муратова карнавальность интересует как черта, свойственная итальянцам XVIII в. Ходасевича карнавал интересует как основа современной жизни, в которой маска может заменять человеку лицо.

В «итальянских» произведениях Ходасевич ставит в один ряд гармонию и красоту человека, природы и архитектуры. В этом писатель следует традиции русской литературы, для которой Италия была эталоном красоты и гармонии:

«По всему полукругу залива идет неустанно красивая беседа огня: холодно горит белый маяк

неаполитанского порта и сверкает красное око Капо ди Мизена, а огни на Прочиде и у подножия Искьи – как ряды крупных бриллиантов, нашитые на мягкий бархат тьмы» [Горький 1951: 124].

«Бродя по извилистым, тесным, в море спадающим улочкам одного города Италии, понял я раз и навсегда, что красота – несправедливый и милый дар неба, навеки данный этой стране. Ей не уйти, не укрыться от красоты, ни за какие грехи ее не лишиться» [Ходасевич 1997(III): 7].

Если в поздней лирике Ходасевича природа Италии остается прекрасной и гармоничной, то в поздней прозе доминирует **мотив смерти**, связанный с усилением экзистенциального начала в стихотворениях эмигрантского периода творчества поэта. «Лирика Ходасевича последнего периода гротескна и вместе с тем экзистенциальна по своей сути» [Гельфонд]. В очерке «Помпейский ужас»⁸ описана мертвая красота погребенного заживо города. Но эта красота иная, отличная от красоты природы:

«Вступаем в «город». Что-то есть потрясающее в его мертвенной тишине и опрятности. По количеству сохранившихся улиц, площадей, стен – это отнюдь не гряда развалин. Это действительно город, но город, с лица которого стерто все временное, случайное, минутное, сорное: Помпея обмыта, убрана, «обряжена», как покойница» [Ходасевич 1997(III): 34].

Помпеи в образе покойницы, тело которой прошло обряд омовения и готово к погребению, символизируют умершую культуру. Ходасевич осмысляет Помпеи как мертвый город вне исторического времени. Это выражается в ряде образов («временное, случайное, минутное, сорное»). Помпеи в творчестве Ходасевича, не имеющие временных границ, имеют пространственные:

«Здесь собрана часть утвари, найденной при раскопках: блюда, миски, оружие, баночки для румян, дверные замки, статуэтки. И тут же – сами жильцы: слепки людей, засыпанных пеплом. Один, скорченный скелет в лохмотьях, кажет рот, полный зубов; другой накрыл голову тогой – жест последнего отчаяния; третий – голый, лежит на спине раскорякой, в стеклянном гробу. Собака в широком ошейнике, сведена конвульсией, свернулась, как гусеница. Здесь – вскрываются «тайны гроба» [там же].

В очерке «Помпейский ужас» писатель изображает уродство смерти огромного количества людей, уродство смерти целой цивилизации. Можно предположить, что в «Помпейском ужасе» Ходасевич полемизирует с «Помпеянкой» В. Я. Брюсова, поскольку Ходасевич цитирует Брюсова в этом очерке, называя «Помпеянку» «бездушным декадентством» [там же: 36]:

*На город пали груды серой пыли,
И город был под пеплом погребен.
Века прошли; и, как из алчной пасти,
Мы вырвали былое из земли.
И двое тел, как знак бессмертной страсти,
Нетленными в объятиях нашли.
[Брюсов 1973: 289]*

Телесное и греховное в «Помпейнке» Брюсова изображается вечным и нетленным. В «Помпейском ужасе» Ходасевича телесное предстает уродливым и мертвым, а греховное является причиной катастрофы: «Город был маленький, но с достатком; здесь знали цену деньгам и всякому плодородию, <...> много здесь было публичных домов и кабаков, население крепко любило хорошо поест, попить, выспаться. И погибла Помпея в час ужина.

*Здесь очень грубая, жирная, липкая жизнь
перешла в такую же грубую и неблагоприятную
смерть. И не знаешь, что тягостнее: то ли, что
сохранилось получше, или то, что сильнее разрушилось:
там явственнее следы душевой жизни, здесь – душевой смерти.
Здесь жили и умерли в полутемных, тесных клетушках,
без окон, с единственной дверью» [Ходасевич 1997(III): 37].*

В «Помпейском ужасе» делается акцент на понятии греха. Кроме того, в этом очерке языческое противопоставляется христианскому: Помпеи предстают в образе погибшей цивилизации, греховные нравы и языческая культура которой привели город к гибели.

Образ города в эмигрантской лирике поэта чаще всего появляется в стихотворениях «немецкого» и «французского» периодов творчества, хотя некоторые «итальянские» стихотворения и очерки также могут быть включены в ряд урбанистических произведений. Ключевыми образами в произведениях «итальянского» периода являются **образы природы**. В «немецких» и «французских» стихотворениях природа чаще всего оказывается вне поля зрения автора:

*Шумы, поток, играй и прядай,
Скача уступами ко мне.
Повисни в радугах искристых,
Ударься мощною струей
И снова в недрах каменистых
Кипенье тайное сокрой.
Лети с неудержимой силой [309].*

*В берлинских улицах
Людская тень длинна.
Дома – как демоны,
Между домами – мрак;
Шеренги демонов,
И между них сквозняк [259].*

К тому же «итальянские» произведения отличаются от «немецких» и «французских» **историко-культурным контекстом**. «Под влиянием

Н. В. Гоголя оппозиция «Рим – Париж» трактуется как противопоставление сакрального места тщетной суете» [Крюкова 2007: 38]). Ходасевич следует традиции XIX в., расширяя противопоставление «Рим – Париж» (Париж, Берлин, Бельфаст). «Напряжение» остального европейского мира противостоит итальянской легкости и беззаботности:

*Интриги бирж, потуги наций –
Лавина движется вперед.
А все под сводом Прокуратуры
Дух беззаботности живет [269].*

Важно отметить, что образ Италии в творчестве Ходасевича связан с **образом России**, что традиционно для русской литературы XIX и XX вв. В стихотворениях поэта, написанных в Германии и Франции, образ России практически отсутствует, что не кажется случайным. Последнее «итальянское» стихотворение «Соррентинские фотографии» относится к тому времени, когда Ходасевичу и Берберовой итальянское полпредство отказалось продлевать заграничные паспорта и они оказались невозвращенцами в Советскую Россию [Шубинский 2012: 515]. Можно предположить, что это стихотворение стало последним из эмигрантских, в котором появляются образы Москвы и Петербурга, и закрывает русскую тему в лирике Ходасевича:

*Я вижу скалы и агавы,
А в них, сквозь них и между них
Домшко низкий и плугавый. <...>
Он все маячит предо мной,
Как бы сползая с козогора
Над мутною Москвой-рекой [271];
Я вижу светлые просторы,
Плывут сады, поляны, горы,
А в них, сквозь них и между них <...>
На восьмigrанном острове,
Золотокрылый ангел розов [274].*

Особенностью этого стихотворения является **тема памяти**, которая практически не появляется в «немецких» и «французских» произведениях писателя.

Однако в «итальянских», «немецких» и во «французских» стихотворениях прослеживается несколько общих мотивов. Один из них – **мотив тени**, являющийся сквозным в эмигрантском творчестве Ходасевича:

*И после скольких эпитафий
Теперь, воздушная, всплывет
И что закроет в свой черед
Тень соррентинских фотографий? [275]*

В «немецких» и «французских» стихотворениях также появляется мотив тени («Идет по лестнице широкой, / Как тень Аида, – в белый свет, / В берлинский день, в блестящий бред»

[264]; «*А под вечер в приморском мраке / Затеялся и пес, как тень*» [257] и др.).

Объединяет эмигрантские произведения и образ Аида, который символизирует мертвенность европейского города. Городское пространство мифологизируется, становится универсальным и мертвым. Это дает основание считать Европу в творчестве писателя вечным миром без пространственно-временных границ, что особенно ярко проявляется в «итальянском» стихотворении «Соррентинские фотографии» («*айдесский древний ветер веет*»).

Италия, представленная в творчестве В. Ф. Ходасевича живой и мертвой, красивой и ужасной, реальной и мифологической, географически далекой от России и культурно близкой, сопоставима с образами Италии в произведениях Горького, Блока, Муратова, Иванова и других авторов. Ранние «итальянские» произведения Ходасевича гармонично встраиваются в ряд произведений об Италии русских писателей XIX и XX вв., для которых Италия является эстетическим и романтическим идеалом. В позднем творчестве она осмысливается Ходасевичем как место последнего приюта, где человек, потерявший покой, может его обрести, может забыть прошлое и очистить душу.

Италия в творчестве Ходасевича явлена в образах природы и культуры. Если в его ранних «итальянских» произведениях образ природы создан в романтическом ключе, то в поздних эмигрантских стихотворениях поэта появляются трагические интонации. Смерть цивилизации и технократическая сторона культуры, иронически изображенные в позднем творчестве писателя, являются доминантами его художественного мира.

Примечания

¹ Здесь и далее ссылки на номера страниц текста лирических произведений поэта даны в квадратных скобках по: [Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. I: Стихотворения и литературная критика 1906–1922 / сост. И. П. Андреева, С. Г. Бочаров. М.: Согласие, 1996].

² Говоря о стихотворении «Вечер», можно, ссылаясь на Р. Хьюза [1994] и Н. А. Богомолова [1999], отметить экфрасис. По мнению исследователей, образы картины Тинторетто «Бегство в Египет», которую Ходасевич мог увидеть в Италии, могут быть сопоставимы с образами ходасевичевского «Вечера».

³ В цикле «Звезда над пальмой», где появляются стихотворения о возлюбленной, царевне, явно присутствует мифологизация. По замечаниям А. Б. Устинова, посвященные Е. Муратовой стихотворения о царевне, позднее опубликованные в автографическом сборнике «Стихи о ца-

ревне» в 1918 г., «Ходасевич выстраивал... именно как законченный цикл любовной лирики с точным обозначением времени и места действия своей любовной истории» [Устинов 2010: 103]. По мнению П. Ф. Успенского, «Ходасевич мифологизировал и расставание с Муратовой ... именно легендарный город в сознании поэта становится местом расставания. Об этом свидетельствует очерк «Город разлук. В Венеции»» [Успенский 2014: 94]. Эта мифологизация жизненного события напрямую связана с символистским миропониманием молодого поэта.

⁴ «В конце ноября [1924 г. – прим. Д. С.] Иванов послал пять недавно написанных «Римских сонетов» в Сорренто. 1 декабря он записал в Дневнике: «Письмо от Максима Горького: «Прекрасные стихи Ваши получил, примите сердечную благодарность, мастер». ...Вечером – другое письмо из Сорренто – от Ходасевича, хвалит также “высокое и скромное мастерство” сонетов» [Мальмстад 1991: 267].

⁵ Смена поэтического курса Ходасевича происходила не одномоментно, что фиксирует П. Ф. Успенский: «Стихотворение «Брента», которое сочинялось с основным корпусом текстов «Тяжелой лиры», но закончено было позднее, в мае 1923 года (в итоговом «Собрании сочинений» вообще было отнесено к книге “Путём зерна”» [Успенский 2012: 140]. «Движение» к прозе в поэзии явно обозначилось в 1920 г. в манифесте «Брента...», который, вероятно, специально был перенесен в сборник «Путём зерна», чтобы «передвинуть» начало прозаизации поэзии.

⁶ Согласно замечаниям исследователя В. А. Шубинского, образ Италии встраивается в традиционный канон стихотворений Тютчева, Фета, Майкова [Шубинский 2012: 127]. Кроме того, на наш взгляд, «итальянские» произведения Ходасевича встраиваются в один ряд с произведениями об Италии современников (А. А. Блок, Вяч. Иванов, М. Горький, П. П. Муратов и др.).

⁷ Возможно, Муратов оказал некоторое влияние на ходасевичевское восприятие Италии. Во время второго путешествия Ходасевича по Италии Муратов, исследователь Италии и автор книги «Образы Италии», был гидом Ходасевича и Берберовой в Риме: «Ночью, на вокзале во Флоренции, мы с Ходасевичем вдруг решили не выходить, а проехать в Рим, который оба не знали. Утром в Риме с вокзала напрямиком в гостиницу Санта-Киара, где жил Н. Оцуп, по телефону звонить Муратову. С ним – кружить по Риму. Денег было ровно на месяц, и Муратов сказал, что это не мало, если быть очень благоразумными с временем и точно знать, куда идти и что смотреть. Сначала я скептически отнеслась к его предложению составить расписание: сама могу, не люблю рас-

писаний, хочу пойду, не хочу – не пойду, если чего не увижу – увижу в другой раз. “Но ведь другого раза может и не быть, – сказал Муратов. – Да и настать он может через четверть века. А вдруг вы не увидите самого важного?” Он был прав, и благодаря его “плану” я увидела все, что только мыслимо было увидеть. А “другой раз” наступил ровно через 36 лет. Быть в Риме. Иметь гидом Муратова. Сейчас это кажется чем-то фантастическим, словно сон, после которого три дня ходишь в дурмане. А это было действительностью, моей действительностью, моей самой обыкновенной судьбой в Риме ...Он любил новую Италию и меня научил ее любить» [Берберова 1996: 133].

⁸ Помпеи были последним городом в Италии, который посетил писатель: «...перед самым отъездом из Сорренто, 13 апреля, Ходасевич – впервые за все время пребывания в Италии – съездил в находившуюся неподалеку Помпею. Об этой поездке он рассказал позднее в очерке «Помпейский ужас», напечатанном в «Последних новостях». Ужас в прямом, грубом, буквальном смысле слова – без малейшего намека на эстетизм, на романтику. ...Именно таким оказалось последнее впечатление поэта об Италии» [Шубинский 2012: 393–394].

Список литературы

Берберова Н. Н. Курсив мой: Автобиография / Вступ. ст. Е. В. Витковского; Коммент. В. П. Кочетова, Г. И. Мосешвили. М.: Согласие, 1996. 736 с.

Блок А. А. Стихотворения. Поэмы. Театр: в 2 т. Т. 1: 1908–1921 / сост., подг. текста и прим. Вл. Орлова. Л.: Худож. лит., 1955. 814 с.

Богомолов Н. А. Рецепция поэзии пушкинской эпохи в лирике В. Ф. Ходасевича // Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск: Водолей, 1999. С. 343–358.

Брюсов В. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1: Стихотворения. Поэмы. 1892–1909 / под общ. ред. П. Г. Антокольского и др. М.: Худож. лит., 1973. 672 с.

Гельфонд М. А. Пушкин и Боратынский в поэтическом сознании Ходасевича // Офиц. сайт института филологии и истории РГГУ. URL: http://ifi.rsu.ru/vestnik_2008_1_9.html (дата обращения: 15.03.2011).

Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 10: Сказки, рассказы, очерки / А. М. Горький. М.: Худож. лит., 1951. 528 с.

Крюкова О. С. Архетипический образ Италии в русской литературе XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 43 с.

Мальмстад Дж. Э. Из переписки В. Ф. Ходасевича (1925–1938) // Минувшее: исторический

альманах. 3. М.: Прогресс: Феникс, 1991. С. 262–291.

Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе: дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 1999. 392 с.

Муратов П. П. Образы Италии / подг. текста и послесл. В. М. Толмачева; оформ. Л. М. Ордынской. М.: Республика, 1994. 592 с.

Успенский П. Ф. «Начинаются мрачные сцены»: поэзия Н. А. Некрасова в «Европейской ночи» В. Ф. Ходасевича // *Europa Orientalis*. Salerno. 2012. № 31. С. 129–170.

Успенский П. Ф. Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг.–1917 г.). Тарту: University of Tartu Press, 2014. Вып. 32. 214 с.

Устинов А. Венецианский роман Владислава Ходасевича // *Vademecum*: К 65-летию Лазаря Флейшмана. М.: Водолей, 2010. С. 92–117.

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т.1: Стихотворения и литературная критика 1906–1922 / сост.: И. П. Андреева, С. Г. Бочаров. М.: Согласие, 1996. 591 с.

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3: Проза. Державин. О Пушкине / сост.: И. П. Андреева, С. Г. Бочаров. М.: Согласие, 1997. 592 с.

Шубинский В. И. Владислав Ходасевич: Чающий и говорящий. М.: Молодая гвардия, 2012. 523 с.

Bethea David M. Sorrento Photographs: Khodasevich's Memory Speaks // *Slavic Review*. 1980 Vol. 39, № 1. P. 56–69.

Göbler F. Vladislav F. Chodasevic: Dualität und Distanz als Grundzüge seiner Lyrik. München, Universität, Habil.-Schr., 1988. 303 S.

Hughes Robert P. Khodasevich in Venice For SK // Celebration of the Life and Career of Simon Karlinsky / ed. by Michael S. Flier and Robert P. Hughes. Berkeley, 1994. P. 145–162.

Ivanov V. Свет вечерний. Poems by Vyacheslav Ivanov. Oxford: Oxford University Press, 1962. 230 p.

References

Berberova N. N. *Kursiv moy: Avtobiografiya* [Italics is mine: Autobiography]. Opening chapter by E. V. Witkowski; comment. by V. P. Kochetov, G. I. Moseshvili. Moscow, Soglasie, 1996. 736 p.

Blok A. A. *Stikhotvoreniya. Poemy. Teatr: v 2 t. T. 1: 1908–1921* [Verses. Poems. Theatre: in 2 vols. Vol. 1: 1908–1921]. Ed. by V. Orlov. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972. 464 p.

Bogomolov N. A. *Receptsiya poezii pushkinskoy epokhi v lirike V. F. Khodasevicha* [The reception of Pushkin's epoch poetry in Vladislav Khodasevich's lyrics]. *Russkaya literatura pervoy trety XX veka*.

Portrety. Problemy. Razyskaniya [Russian literature of the first third of the 20th century. Portraits. Problems. Research]. Tomsk, Vodoley Publ., 1999, pp. 343–358.

Bryusov V. *Sobranie sochineniy: v 7 t. T. 1. Stikhovoreniya. Poemy. 1892–1909* [Collected Works: in 7 vols. Vol. 1. Verses. Poems. 1892–1909]. Ed. by P. G. Antokolsky. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1973. 672 p.

Gelfond M. A. *Pushkin i Boratynskiy v poeticheskom soznanii Khodasevicha* [Pushkin and Boratynsky in Khodasevich's poetic consciousness]. Available at: http://ifi.rsuh.ru/vestnik_2008_1_9.html (accessed 15.03.2011).

Gor'kiy M. *Sobranie sochineniy: v 30 t. T. 10. Skazki, rasskazy, ocherki* [Collected works: in 30 vols. Vol. 10 Fairy-tales, stories, sketches]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1951. 528 p.

Kryukova O. S. *Arkhetipicheskiy obraz Italii v russkoy literature XIX veka*. Avtoreferat diss. dokt. filol. nauk [Archetypical image of Italy in Russian literature of the 19th century. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2007. 43 p.

Malmstad Dzh. E. *Iz perezpiski V. F. Khodasevicha (1925–1938)* [From Khodasevich's correspondence (1925–1938)]. *Minuvshee: istoricheskiy almanakh*. 3. [The past: historical almanac. 3]. Moscow, Progress: Feniks Publ., 1991, pp. 262–291.

Mednis N. E. *Venetsiya v russkoy literature*. Diss. d-ra filol. nauk [Venice in Russian literature. Dr. philol. sci. diss.]. Novosibirsk, 1999. 392 p.

Muratov P. P. *Obrazy Italii* [The images of Italy]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 592 p.

Uspenskiy P. F. *Nachinayutsya mrachnye stseny: poeziya N. A. Nekrasova v "Evropeyskoy nochi"* V. F. Khodasevicha [The macabre scenes begin: the poetry of N. A. Nekrasov in Khodasevich's "European night"]. *Europa Orientalis*. Salerno, 2012, issue 31, pp. 129–170.

Uspenskiy P. F. *Tvorchestvo V. F. Khodasevicha i russkaya literaturnaya traditsiya (1900-e gg. – 1917 g.)* [The works of V. F. Khodasevich and Russian literary tradition (1900s–1917)]. Tartu, University of Tartu Press, 2014, issue 32. 214 p.

Ustinov A. B. *Venetsianskiy roman Vladislava Khodasevicha* [Vladislav Khodasevich's Venetian romance]. *Vademecum: k 65-letiyu Lazarya Fleyshmana* [Vademecum: dedicated to the 65th anniversary of Lazarus Fleishman]. Moscow, Vodoley Publ., 2010, pp. 92–117.

Khodasevich V. F. *Sobraniye sochineniy: v 4 t. T. 1: Stikhovoreniya i literaturnaya kritika 1906–1922* [Collected works: in 4 vols. Vol. 1: Poetry and literary critics 1906–1922]. Comp. by I. P. Andreeva, S. G. Bocharov. Moscow, Soglasie Publ., 1996. 591 p.

Khodasevich V. F. *Sobraniye sochineniy: v 4 t. T. 3: Proza. Derzhavin. O Pushkine* [Collected works: in 4 vols. Vol. 3: Prose. Derzhavin. About Pushkin]. Ed. by I. P. Andreeva, S. G. Bocharov. Moscow, Soglasie Publ., 1997. 592 p.

Shubinskiy V. I. *Vladislav Khodasevich: Chayushchiy i govoryashchiy* [Vladislav Khodasevich: longing for and speaking]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012. 523 p.

Bethea David M. *Sorrento Photographs: Khodasevich's Memory Speaks*. *Slavic Review*, 1980, vol. 39, issue 1, pp. 56–69.

Gobler F. *Vladislav F. Chodasevich: Dualitat und Distanz als Grundzuge seiner Lyrik* [Vladislav F. Khodasevich: reality and distance as basic concepts of his poetry]. Munchen, Univer. Habil.-Schr., 1988. 303 p.

Hughes Robert P. *Khodasevich in Venice. For SK. In Celebration of the Life and Career of Simon Karlinsky*. Ed. by Michael S. Flier and Robert P. Hughes. Berkeley, 1994, pp. 145–162.

Ivanov V. *Svet vecherniy* [Evening light]. Poems by Vyacheslav Ivanov. Oxford, Oxford University Press, 1962. 230 p.

THE IMAGE OF ITALY IN WORKS BY V. F. KHODASEVICH

Darya A. Sukhoeva

Postgraduate Student in the Department of Russian Literature
Perm State University

The article is devoted to the analysis of the image of Italy in prose and poetry by V. F. Khodasevich of the 1910–1920s. The writer's "Italian" works can be divided into two groups. Some of them were written before the First World War, others – in the period of the writer's exile. The oppositions "Italy – Europe", "alive – dead", nature – civilization are analyzed. The images of Italian nature and culture in Khodasevich's early and late works are considered. In addition, the paper analyzes the features of the national character of Italians, described mainly in essays by the writer. These features are considered in relation to works of Italian writers of the 20th century and contemporaries of Khodasevich. It is concluded that the romantic mood, characteristic of the writer's early poetry devoted to Italy, turns into tragic. In the author's opinion, this shift in the pathos of "Italian" works reveals the change in Khodasevich's perception of the world in the 1920s.

Key words: image of Italy; oppositions; nature; culture; national character.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 81-11(470.630)
doi 10.17072/2037-6681-2017-1-138-143

СТАВРОПОЛЬСКАЯ ШКОЛА ЛИНГВИСТИКИ К. Э. ШТАЙН В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Людмила Вениаминовна Кушнина

д. филол. н., профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

614990, г. Пермь, Комсомольский просп., 29. lkushnina@yandex.ru

SPIN-код: 5273-8845

ORCID: 0000-003-4360-7243

ResearcherID: D-5858-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кушнина Л. В. Ставропольская школа лингвистики К. Э. Штайн в современном языковом пространстве // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 138–143. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-138-143

Please cite this article in English as:

Kushnina L. V. Stavropol'skaya shkola lingvistiki K. E. Stein v sovremennom yazykovom prostranstve [Stavropol School of Linguistics of K. E. Stein in the Modern Linguistic Space]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 1, pp. 138–143. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-138-143 (In Russ.)

В рецензии на филологические исследования представителей ставропольской школы лингвистики К. Э. Штайн и Д. И. Петренко анализируются взгляды ученых на проблемы языка, текста, гармонии, симметрии, взаимосвязи языка и мышления, языка и идеологии, языка и научного познания, языка и власти. Обращается внимание на актуальность и научную значимость исследований языка как внутренне гармонизированной, организованной сложности, что требует разработки новых принципов и подходов во взаимодействии общенаучных, общеэстетических, собственно лингвистических методов анализа. Рассматриваются монографические исследования и учебные пособия К. Э. Штайн и Д. И. Петренко, посвященные филологическому наследию выдающихся ученых российской научной школы, а также творчеству крупнейших философов, писателей, поэтов, религиозных деятелей. Отмечается вклад исследователей в лингвистику текста, в фундаментальные проблемы семантики, синтактики, прагматики, характеризующие современное языковое пространство. Особо подчеркивается значение разработки К. Э. Штайн оригинального подхода к деятельностной концепции языка, к теории лингвистической относительности, к семиотике города, к метапоэтике. Обсуждается проблема совершенствования и сохранения русского языка и русской культуры.

Ключевые слова: язык; текст; деятельностная концепция языка; гармония; симметрия; метапоэтика; современный русский литературный язык.

Идея о неразрывной связи мысли и языка, которая пронизывает научное творчество великих отечественных филологов начиная с трудов А. А. Потебни, находит воплощение в исследованиях современных ученых, среди которых представители ставропольской школы лингвистики «Лингвистика текста: Семантика. Синтактика. Прагматика», созданной доктором филоло-

гических наук, профессором Кларой Эрновой Штайн совместно с ее учениками, в частности, ее постоянным соавтором, доктором филологических наук, профессором Денисом Ивановичем Петренко, в 2008 г. Как отмечают авторы, у истоков этой школы стоял Юрий Иванович Леднев, научный коллектив которого разрабатывал проблему «Синтаксические связи и отношения». Не-

смотря на то что в настоящее время ставропольская школа лингвистики переживает нелегкие времена, труд ее ученых высоко оценивается филологами других научных школ как в России, так и за рубежом.

Научные идеи исследователей ставропольской школы свидетельствуют об их глубоком интересе к языку, который способен сохранять «ценности народа и государства». Прежде чем охарактеризовать в рамках одной статьи тот вклад, который внесли в современную лингвистику и продолжают дополнять его К. Э. Штайн и Д. И. Петренко, хотелось бы заметить, что мое знакомство с результатами их научной деятельности началось с сотрудничества с учеными пермской школы функциональной стилистики, издающей ежегодный сборник научных трудов «Стереотипность и творчество в тексте» под общей редакцией М. П. Котюровой. На сегодняшний день опубликовано двадцать таких сборников, позволяющих представить современную филологическую картину мира, отличающуюся полипарадигмальностью научного знания, где креативность и стереотипность взаимно дополняют друг друга, где традиционные и новые подходы дают возможность выстроить общую теорию речи, у истоков которой стояла Маргарита Николаевна Кожина.

К. Э. Штайн и Д. И. Петренко – не только постоянные авторы статей сборника «Стереотипность и творчество в тексте» – им принадлежат многочисленные монографии и учебные пособия, свидетельствующие о широком круге научных интересов. Назовем некоторых из них: «Системный подход к изучению динамических явлений на синхронном срезе языка» [Штайн 2006], «Гармония и симметрия» [Штайн, Петренко 2015], «Небо, солнце, земля. Традиционная символика дома и городской среды Ставропольского края» [Штайн, Петренко 2008], «Лингвистический витализм» [Петренко 2013], «А. А. Потемня: Диалог во времени» [Штайн, Петренко 2015], «Язык, языкознание, идеология: от социализма к российскому капитализму» [Штайн, Петренко 2016]. Впечатляет не только разносторонность проблематики, но и объем публикаций.

Научная деятельность К. Э. Штайн и Д. И. Петренко разворачивается в тот период, который обозначен как четвертая глобальная научная революция – конец XX – начало XXI в., когда рождается постнеклассическая наука, когда формируются новые основы лингвистики, для которой, как пишет М. П. Котюрова, «мир – это сеть», а ее функционирование «стимулируется объектной причинностью и субъектной созидательностью» [Котюрова 2016: 5].

Именно созидательность отличает все исследования К. Э. Штайн и Д. И. Петренко, которые условно можно разделить на две группы: во-первых, это работы, посвященные научному и художественному творчеству великих российских ученых и писателей (А. А. Потемня, А. И. Солженицын, А. Ф. Лосев, А. Белый, И. А. Бродский, Е. Г. Ковалевская и др.); во-вторых, труды, в которых раскрываются их собственные идеи и концепции: системный подход к исследованию динамики языковых явлений, исследования в области современного русского литературного языка и языков, культур и литератур народов Северного Кавказа, работы по метапоэтике, теории перевода и его метапоэтики, исследования в сфере семиотики и локальной истории, обсуждение проблем влияния идеологии на словесную культуру, а также вопросов речевой агрессии и интеллектуального насилия в современном рекламном и политическом дискурсе, разработки в области краеведения и др.

Начнем обзор с самого, на наш взгляд, неординарного лингвистически-урбанистического издания К. Э. Штайн, С. Ф. Бобылева и Д. И. Петренко «Небо. Солнце. Земля. Традиционная символика дома в городской среде Ставропольского края» [Штайн, Бобылев, Петренко 2008]. Ученые изучают родной город не только как памятник тысячелетней культуры, где слились воедино русская и кавказские культуры, но и как сложную семиотическую систему. Так, авторы рассуждают о семиотической системе камня-ракушечника, несущего геоинформацию о древнейших периодах становления планеты и города Ставрополя, зооинформацию о жизни на данной территории давностью 17 млн лет, ландшафтную информацию и др. Например, «...в камнях вся история заключена, далеко заглянуть можно» [Штайн, Бобылев, Петренко 2008: 69]. Город, основанный А. В. Суворовым как город-крепость, гордится своими мифами и легендами, в которых главную роль играет солнце, ибо «вся жизнь на земле представляет собой лишь разнообразные превращения солнечных лучей» [Штайн, Бобылев, Петренко 2008: 12].

Чтение книги можно сравнить с увлекательным путешествием по городу в сопровождении умного, всезнающего гида, которому знаком каждый знак – символ этого города, будь то камень, кирпич или дерево, которые нашли свое преломление в архитектуре старинных зданий: квадраты и ромбы как самые частотные знаки в нижней части домов; немало других исторических слоев, каждый из которых по-своему актуализируется в определенную эпоху, но все в совокупности означает расцвет цивилизации этого края.

Свою задачу при создании данной книги ученые видели в попытке «понять город как живую, динамическую, структурно-системную организацию» [Штайн, Бобылев, Петренко 2008: 7], которая находит воплощение в различных типах текстов. Гармония человека и природы, человека и города, человека и культуры – высшая ценность, которую провозглашают авторы и которую, несомненно, оценят читатели.

Идея гармонии и симметрии глазами ученых раскрывается в оригинальном учебном пособии К. Э. Штайн и Д. И. Петренко [Штайн, Петренко 2015], посвященном анализу поэтических текстов А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Блока, В. Хлебникова. Ученые обращаются к проблеме понимания поэзии, принципам анализа гармонической организации поэтических произведений, геометрии поэтической речи, метапоэтике.

Актуальность работы не вызывает сомнений. Поскольку поэтическая грамотность современных российских школьников и студентов неуклонно падает, возникновение эстетического диалога произведения с молодым читателем не представляется возможным. Ученые отвечают на вопросы о том, как научить молодежь сотворчеству, сопереживанию, как проникнуть в микромир слова, почувствовать словесную ткань произведения.

Приобщение к поэзии начинается, по их мнению, с понимания наиболее древних общенаучных категорий гармонии и симметрии. Понятие гармонии связано, в свою очередь, с понятиями меры, пропорции, симметрии.

Рассуждения ученых о гармонии и симметрии в поэтическом творчестве, основанные на глубоком изучении трудов античных ученых, классиков мирового языкознания, современных отечественных и зарубежных исследователей в самых различных областях науки, создают особое мировидение, благодаря которому читатель открывает новые грани языка как гармонического целого и внеязыковых слоев – когнитивных структур сознания в ходе развертывания художественного текста. В этой новой научной картине мира по-новому объясняется теория лингвистической относительности, истоки которой были заложены В. фон Гумбольдтом и которая обрела научный статус в работах Б. Уорфа и Э. Сепира: «...язык владеет поэтом в связи с тем, что каждое слово несет на себе огромную культурную ношу. Но и поэт владеет языком» [Штайн, Петренко 2015а: 108]; «предметы реального мира и поэтические «предметы» – явления не одного порядка» [там же: 113]; «языков много и язык отнюдь не пассивен, то есть во многом не мы владеем языком, а он владеет нами» [Штайн, Петренко 2015а: 115]. В художественном, поэтическом тексте возни-

кает качественно новый характер относительности, новая воображаемая логика, новая ментальная реальность, в связи с чем «в большинстве случаев произведения невозможно точно перевести, и тем более добиться одного и того же впечатления» [там же: 116].

Эта идея представляется нам плодотворной в рамках нашей концепции переводческого пространства, согласно которой точный (адекватный) перевод не только не целесообразен, но он может оказаться квазиадекватным, не отражающим гармоническую организованность текста оригинала как показатель его художественности, а разрушающим ее. И наоборот, поиск переводчиком нового гармонического соотношения всех элементов, образующих языковую ткань текста перевода, обуславливает порождение гармонического текста, смыслы которого соразмерны смыслам текста оригинала [Кушникова 2014].

Следующей фундаментальной работой, которая привлекла наше внимание, является монография К. Э. Штайн и Д. И. Петренко «А. А. Потебня: диалог во времени» [Штайн, Петренко 2015б]. Учение А. А. Потебни востребовано современными российскими исследователями, т.к. его идеи послужили предпосылкой решения многих филологических проблем: деятельностной концепции языка, динамического подхода к исследованию языковых явлений на синхронном срезе языка, метапоэтики, теории творчества русских символистов и др.

Анализируя эту работу, можно заметить, что исследование динамической природы текста Л. Н. Мурзиным непременно содержало ссылки на работы А. А. Потебни: «...слово объективирует мысль, ставит ее перед нами, служит тем делом, без которого невозможно само познание» [Мурзин 1991: 24]. Как не раз подчеркивал Л. Н. Мурзин, слово является основным носителем языковой семантики: «Так, А. А. Потебня полагал, что слово обретает значение лишь в употреблении и поэтому отрицал так называемую лексическую многозначность. Но Потебня все-таки разграничивал ближайшее и отдаленное значения слова» [там же: 49].

К. Э. Штайн и Д. И. Петренко показали связь учения А. А. Потебни с когнитивистикой: «Мысли А. А. Потебни о глубинной связи языка и мышления коррелируют с теми идеями, которые легли в основу современной когнитивной психологии» [там же: 79]. По мысли ученых, труды Н. Хомского, которые стали «одним из краеугольных камней в истории возникновения когнитивной лингвистики» [там же: 81], перекликаются с идеями А. А. Потебни в области психологии языка и речевого мышления, но «они остались за пределами внимания Н. Хомского, как и

многих других зарубежных, да и отечественных ученых» [там же].

Подчеркивается тот факт, что многие высказанные в общей форме идеи А. А. Потебни были позже сформулированы другими учеными, которые произвели переворот в некоторых областях знания: «Так произойдет, например, с наметившимися у Потебни идеями разграничения языка и речи, синхронии и диахронии» [Штайн, Петренко 2015б: 102], которые удалось сформулировать Ф. де Соссюру. Авторы исследования отмечают исключительную плодотворность идей Потебни и вместе с тем приводят доказательства того, что современная лингвистика еще не осознала, что в его трудах заложены интересные наблюдения и ценные размышления, касающиеся соотношения языка и мышления, естественного языка и сознания, распознавания устной и письменной речи, создания искусственного интеллекта и другие, которые пока ждут своих исследователей.

Работа К. Э. Штайн и Д. И. Петренко способствует, на наш взгляд, формированию научного мышления лингвиста, т.к. акцентирует внимание на фундаментальных положениях и принципах изучения языка, обоснованных Потебней: язык есть стройная система, в которой есть определенный порядок и определенные законы; мысль говорящего не передается слушающему, но последний, понимая слово, создает свою мысль, занимающую в системе, установленной языком, место, сходное с местом мысли говорящего; язык есть изменчивый орган мысли и др.

Интересные наблюдения высказывают ученые о влиянии идей А. А. Потебни на научную деятельность его последователей, великих ученых, среди которых П. А. Флоренский. Нужно сказать, что авторы этой книги являются истинными энциклопедистами нашего времени, т. к. свои научные идеи в сфере лингвистики они аргументируют положениями самых разных научных дисциплин, обращаясь к творчеству таких ученых и религиозных деятелей, как П. А. Флоренский, который создает тексты, обучающие филологов мыслить многомерно и динамично. Так, П. А. Флоренский формулирует идею «круглого мышления», при котором «анализируя и восходя по ступеням постижения истины, мы возвращаемся, приобретая что-то новое, и уже основываясь на нем, «захватываем» этот новый элемент, восходим на новую ступень (новый круг) бесконечной спирали» [цит. по: Штайн, Петренко 2015б: 355].

Таким образом, говоря о многомерности творчества великих ученых прошлого, чьи труды они изучают, сами исследователи становятся в один ряд с ними, подтверждая ведущие принципы истинного научного исследования: гармо-

ническая организация текста, координирующая все языковые средства, реализующая общие принципы и закономерности в их целостности и единстве.

А теперь обратимся к их новейшей работе «Язык, языкознание, идеология: от социализма к российскому капитализму» [Штайн, Петренко 2016]. В этой книге авторы проявили не только высочайшую филологическую эрудицию, но и гражданское мужество, т. к. политический дискурс России и в историческом аспекте, и в современный период отличается неоднозначностью подходов, трактовок, оценок и значение идеологической борьбы в общей системе гуманитарных ценностей государства трудно переоценить.

Рассматривая проблему языковой относительности и идеологии, ученые подчеркивают мысль об «изоморфности» структуры языка и структуры окружающей нас действительности» [там же: 19]. На этом основании логично выглядит идея о том, что «холодная война» «иницировалась с помощью острейшего оружия – слова, которое становилось объектом подавления, устрашения» [там же: 21]. При этом слово было обращено не к конкретной личности, а к «строителям коммунизма», к «массе», речевое поведение которой регулируется не в зависимости от здравого смысла, а в зависимости от речевой реальности. И слово это, по мысли ученых, неподвижно и мертво, оно авторитарно, обесценено, абсурдно. В период советской власти язык становился орудием этой власти.

Изучая язык периода культа личности Сталина на материале песенного творчества 50-х гг., ученые выявили в нем языческие и неязыческие мотивы, в которых образ вождя соотносился с солнцем: «Солнце наше – Сталин», «Светлым сталинским ликом я ковер украшала»... [там же: 57].

Предметом исследования ученых стала и лингвистическая утопия социалистической литературы, которая включала в себя, с одной стороны, метапоэтику принятия соцлитературы, с другой стороны, метапоэтику ее непринятия (Ахматова, Цветаева, Пастернак, Мандельштам), что отражало борьбу идей. А как боролась власть с К. И. Чуковским, который сумел сохранить себя, «прикинувшись» детским писателем: Крокодил – переодетый Деникин, Муха-Цокотуха – эротическая сказка, т. к. паук находится близко к ней и пр.?

Нельзя не обратить внимание на статью К. Э. Штайн и Д. И. Петренко, «А. И. Солженицын о прошлом, настоящем и будущем русского языка», опубликованную в научном сборнике «Стереотипность и творчество в тексте» [Штайн,

Петренко 2014]. Мы представляем себе, что современная языковая ситуация характеризуется глобализацией и англизацией национальных языков, что разрушает духовный климат нации, находящий свое выражение в языке. Авторы статьи напоминают: «Если английский язык в течение XX века в несколько раз увеличил свой лексический запас, то русский язык скорее потерпел убытки и в настоящее время насчитывает, по самым щедрым оценкам, не более 150 тысяч лексических единиц» [Штайн, Петренко 2014: 23]. В связи с этим наблюдения А. И. Солженицына над проблемами совершенствования и сохранения русского языка и русской культуры, которым посвящена статья К. Э. Штайн и Д. И. Петренко, не только не потеряли своей актуальности, но и приобрели большую значимость: «...язык замусоривается множеством англоязычных слов, «бездобных», дубликатных, вместо пренебрегаемых русских» [там же: 18]. Как отмечал сам Солженицын, необходимо «восполнить иссушительное обеднение русского языка и всеобщее падение чутья к нему» [там же: 19], «с разложения языка начинается и им сопровождается разложение культуры» [там же: 17]. Авторы статьи высоко оценили составленный А. И. Солженицыным «Русский словарь языкового расширения», в котором, опираясь на принцип «лучший способ обогащения языка – это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств», писатель формировал корпуса лексики, которые по разным причинам вышли из активного фонда языка. Авторы приходят к выводу о том, что вера писателя в преображение родной страны основана на его вере в будущее родного языка, т. к. «именно в языке, литературе и культуре он видит возможность сближения людей, преодоления ими противоречий многополюсного мира» [там же: 26].

Признавая несомненные научные заслуги в области филологии крупнейших представителей ставропольской научной школы лингвистики К. Э. Штайн и Д. И. Петренко, позволим себе процитировать ту оценку труда ученых, которую в середине прошлого века сформулировал А. Г. Маслоу: «Идеальный ученый должен обладать множеством талантов – он должен уметь продуцировать идеи, выдвигать гипотезы, подвергать их тщательной проверке, строить философскую систему, аккумулировать научный опыт своих предшественников...» [Маслоу 1999: 42]. Не это ли пример идеальных ученых?

Список литературы

Кушнина Л. В. Принципы гармоничного перевода // Стереотипность и творчество в тексте:

межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2014. Вып. 18 С. 65–76.

Котюрова М. П. От главного редактора // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2016. Вып. 20. С. 4–11.

Маслоу А. Г. Мотивация и личность / пер. с англ. А. М. Татлыбаева. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.

Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. 172 с.

Петренко Д. И. Лингвистический витализм. Ставрополь: СКФУ, 2013. 500 с.

Штайн К. Э. Системный подход к изучению динамических явлений на синхронном срезе языка: учеб. пособие. Ставрополь: СГУ, 2006. 292 с.

Штайн К. Э., Бобылев С. Ф., Петренко Д. И. Небо. Солнце. Земля. Традиционная символика дома в городской среде Ставропольского края. Ставрополь: СГУ, 2008. 560 с.

Штайн К. Э., Петренко Д. И. А. И. Солженицын о прошлом, настоящем и будущем русского языка // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2014. Вып. 18. С. 14–31.

Штайн К. Э., Петренко Д. И. А. А. Потехня: диалог во времени. Ростов н/Д: ЗАО «Книга», 2015а. 640 с.

Штайн К. Э., Петренко Д. И. Гармония и симметрия: учеб. пособие. Ростов н/Д: ЗАО «Книга», 2015б. 704 с.

Штайн К. Э., Петренко Д. И. Язык. Языкознание. Идеология: от социализма к российскому капитализму. Ростов н/Д: Полиграф-Сервис, 2016. 378 с.

References

Kushnina L. V. Printsipy garmonichnogo perevoda [Principles of harmonious translation]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Stereotypes and creativity: interuniversity collection of research papers]. Issue 18. Perm, Perm University Press, 2014, pp. 65–76.

Kotyurova M. P. Ot glavnogo redaktora [From the editor-in-chief]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Stereotypes and creativity: interuniversity collection of research papers]. Issue 20. Perm, Perm University Press, 2016, pp. 4–11.

Maslow A. H. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. Transl. from English A. M. Tatlybaeva. St. Petersburg, Evrazia Publ., 1999. 478 p.

Murzin L. N., Shtern A. S. *Tekst i ego vospriyatie* [Text and its perception]. Sverdlovsk, Ural State University Publ., 1991. 172 p.

Petrenko D. I. *Lingvisticheskiy vitalizm* [Linguistic vitalism]. Stavropol, NCFU Publ., 2013. 500 p.

Shtein K. E. *Sistemnyy podkhod k izucheniyu dinamicheskikh yavleniy na sinkhronnom sreze yazyka: uchebnoe posobie* [System approach to studying dynamic phenomena on the synchronous language slice: Study guide]. Stavropol, SSU Publ., 2006. 292 p.

Shtein K. E., Bobylev S. F., Petrenko D. I. *Nebo. Solntse. Zemlya. Traditsionnaya simbolika doma v gorodskoy srede Stavropol'skogo kraya*. [Sky. Sun. Earth. Traditional home symbols in the urban environment of the Stavropol region]. Stavropol, SSU Publ., 2008. 560 p.

Shtein K. E., Petrenko D. I. A. I. Solzhenitsyn o proshlom, nastoyashchem i budushchem russkogo yazyka [A. I. Solzhenitsyn about the past, present and future of the Russian language]. *Stereotipnost' i*

tvorchestvo v tekste: mezhvuz. sb. nauch. tr [Stereotypes and creativity: interuniversity collection of research papers]. Issue 18. Perm, Perm University Press, 2014, pp. 14–31.

Shtein K. E., Petrenko D. I. *A. A. Potebnya: dialog vo vremeni* [A. A. Potebnya: dialog over time]. Rostov-on-Don, Kniga Publ., 2015. 640 p.

Shtein K. E., Petrenko D. I. *Garmoniya i simmetriya: uchebnoe posobie* [Harmony and symmetry: Study guide]. Rostov-on-Don, Kniga Publ., 2015. 704 p.

Shtein K. E., Petrenko D. I. *Yazyk. Yazykoznanie. Ideologia: ot sotsializma k rossiyskomu kapitalizmu* [Language. Linguistics. Ideology: from socialism to Russian capitalism]. Rostov-on-Don, Poligraf-Servis, 2016. 378 p.

STAVROPOL SCHOOL OF LINGUISTICS OF K. E. STEIN IN THE MODERN LINGUISTIC SPACE

Liudmila V. Kushnina

**Professor in the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation
Perm National Research Polytechnic University**

The review of philological studies carried out by the representatives of the Stavropol linguistics school of K. E. Stein and D. I. Petrenko provides an analysis of the scholars' views concerning the problems of language, text, harmony, symmetry, the linkages between language and cognition, language and ideology, language and scientific knowledge, language and power. Study of language as an internally harmonized, organized entity is shown to be of scholarly importance, which requires elaboration of new principles and approaches taking into account interaction of general scientific, general esthetic and linguistic analysis methods. Monographs and study guides by K. E. Stein and D. I. Petrenko devoted to the philological heritage of outstanding scientists of the Russian school of thought as well as to works of some eminent philosophers, writers, poets and religious figures are considered. The contribution of the scientists to the development of text linguistics, fundamental problems of semantics, syntactics and pragmatics that characterize the modern linguistic space is noted. Particular attention is given to K. E. Stein's development of the original approach to activity conception of language, theory of linguistic relativity, urban semiotics and metapoetics. The problem of the Russian language and culture preservation and development is discussed.

Key words: language; text; activity conception of language; harmony; symmetry; metapoetics; modern Russian literary language.

К 100-ЛЕТИЮ УНИВЕРСИТЕТА

УДК 8; 004.55; 001.92
doi 10.17072/2037-6681-2017-1-144-151

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ГИПЕРТЕКСТА ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Алексей Васильевич Пустовалов

к. филол. н., доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. theyareeverywhere@gmail.com

SPIN-код: 8778-0914

ORCID: 0000-0002-7288-8024

ResearcherID: I-6024-2013

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Пустовалов А. В. Понятие и структура филологического гипертекста Пермского университета // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 144–151. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-144-151

Please cite this article in English as:

Pustovalov A. V. Ponyatie i struktura filologicheskogo giperteksta Permskogo universiteta [Concept and Structure of the Philological Hypertext of Perm University]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 1, pp. 144–151. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-144-151 (In Russ.)

Автор данной статьи обращается к вопросу о целесообразности популяризации достижений филологического факультета через проект, предусматривающий репрезентацию комплекса текстов о факультете и текстов преподавателей факультета как единого гипертекста – интернет-текста, различные части которого соединены гиперссылками. Гипертекст включает статьи о факультете, его ученых и выпускниках в Википедии, персональные страницы в настоящее время работающих и преподавателей прошлого с официального сайта университета; научные работы ученых, опубликованные в Интернете; тексты произведений мемуарно-художественного характера выпускников и преподавателей факультета.

Частями этого гипертекста является также литературно-поэтическое творчество Л. Давыдычева, А. Домнина, В. Радкевича, Ю. Асланьяна, Ю. Беликова, Н. Горлановой, Г. Данского, В. Дрожащих, Б. Зиф и других состоявшихся поэтов и писателей и научное наследие ученых – В. В. Абашева, С. Ю. Адливанкина, А. А. Бельского, П. С. Богословского, Т. И. Ерофеевой, И. М. Захарова, М. Н. Кожиной, Р. В. Коминой, Б. В. Кондакова, М. П. Котуровой, Ю. А. Левицкого, Н. С. Лейтес, Л. Н. Мурзина, Б. М. Проскурнина, С. Я. Фрадкиной и мн. др.

Ключевые слова: гипертекст; филологический факультет; историко-филологический факультет; персоналии; Пермский университет; Википедия; интернет-текст.

Филологическое направление принадлежит к числу базовых в Пермском университете: оно было профильным одним из трех первых факультетов университета (историко-филологического). Так сложилось, что у филологов в последнее время несколько юбилеев подряд: в 2015 г. – 55 лет самостоятельному филологическому факультету, в 2016 – 85 лет возрожденному в 1941 историко-филологическому и 100-летие филоло-

гического направления. Тем не менее значение вклада филологов в научную деятельность и научный потенциал университета недооценен.

Полагаем, что пора воздать им должное, представив их труд в наиболее выигрышном и современном виде. Работа в этом направлении уже начата, что особенно важно сегодня, когда литература как одноплатформенное «текстоцентричное» искусство «покидает трон» высшего из

искусств, а все интересное и продуктивное связывается с новой, многоплатформенной, средой – Интернетом.

Предлагаем рассмотреть тексты о филологах и тексты филологов Пермского университета как единый гипертекст, чтобы впоследствии в таком более современном, обобщенном и удобном для читателя виде представить его в интернет-пространстве.

По определению В. П. Руднёва, гипертекст – это устроенный таким образом текст, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов [Руднёв 1997: 69].

Структуралисты всю культуру рассматривают как *гипертекст* (или *сверхтекст*), т. е. совокупность текстов, части которого связаны друг с другом и постоянно цитируют друг друга. Внутри огромного гипертекста культуры функционируют и «малые» гипертексты как его составляющие. В этом смысле, по мнению, например, В. В. Бычкова, можно говорить о всей совокупности произведений того или иного художника, писателя, композитора, режиссера или о каком-то профессиональном словаре, энциклопедии (по эстетике, философии, литературе, сюрреализму и т. п.) как о едином гипертексте [Бычков 2003: 133].

Для современного интернет-пространства этот термин используется в более прагматическом смысле – как совокупность текстов, связанных между собой технически – гиперссылками, т. е. специальными ключевыми словами-командами, позволяющими переходить от одного текста к другому; так можно обойти весь веб, поскольку гипертекстуальность – его базовое свойство.

Сегодня гиперссылка, самый оперативный и удобный способ цитирования, становится неким атомарным свойством нового мышления, мышления «эпохи победившего интернета»: зачем долго объяснять, откуда та или иная информация, можно просто поставить на свой источник гиперссылку.

Идея представить тексты о филфаке и тексты филфака в качестве единого целого в первом, культурологическом, смысле термина *гипертекст* реализуется сегодня в сборниках факультета о своих преподавателях, выпускниках (журналистах, писателях, учителях и пр.), ветеранах факультета; важно, что этот гипертекст имеет четкие грани, будучи серией публикаций единой тематики в рамках одного проекта. Издатели (Н. Е. Васильева, Б. В. Кондаков) свою цель видят в том, чтобы «показать панораму человеческих портретов, судеб, биографий, тех частных жизненных историй, из которых и складывалось лицо факультета в его конкретных исторических срезах». Очень важно, что при этом они подчер-

кивают изначальную гипертекстуальность постоянно создаваемого текста филфака, текста не герметичного, не замкнутого на самого себя, а открытого жизни: «Филфак – не имманентная структура, а живой и всегда открытый «организм», сотнями нитей связанный с городом, краем, с многочисленными институтами социального, общественного и культурного значения» [Наши ветераны 2012: 3].

Мы имеем здесь гипертекстуальность первого типа, характерную для европейской и мировой культуры вплоть до Новейшего времени. Свою же задачу мы видим в представлении текстов филологического факультета Пермского университета как гипертекста второго типа, появившегося в конце XX в. в связи с разработками Тима Бернеса-Ли, автора концепции «Всемирной паутины», благодаря которому Интернет стал совокупностью множества веб-страниц, соединенных друг с другом гиперссылками, по которым можно передвигаться от одной страницы к другой. Тексты филфака и тексты о филфаке Пермского университета мы предполагаем представить как единый, скрепленный гиперссылками интернет-текст, из любой точки которого можно было бы перейти в любую другую.

Итак, путь от гипертекста первого типа к гипертексту второго типа – это цель, которая поставлена нами применительно к текстам филологического факультета и текстам о филологическом факультете.

К таковым мы относим:

- информацию о ведущих ученых и руководителях филологического факультета и связанных с ним структур прошлого, таких как филологическая часть историко-филологического факультета (1916–1919, 1941–1960), факультета общественных профессий (1919–1922), педагогического факультета (1922–1930), частично отраженную в печатных изданиях и публикациях в Википедии;

- информацию об ученых филологического факультета (с 1960 г.), наиболее современная часть которой отражена на персональных страницах преподавателей (официальный сайт) и в публикациях Википедии;

- работы современных ученых факультета, уже опубликованные в Интернете.

На данный момент мы располагаем следующими блоками публикаций о факультете (их можно считать основными узлами гипертекста о филологах Пермского университета):

1. Статьи о факультете в Википедии

Это «Историко-филологический факультет Пермского государственного университета» [Историко-филологический факультет...] (название

статьи совпадает с правой частью ее интернет-адреса, аналогично – с другими статьями) и «Филологический факультет Пермского государственного университета» [Филологический факультет...].

В обеих статьях отражена хронология деканства на факультетах, а также хронология заведования кафедрами, перечислены основные научные школы, приводятся имена ведущих ученых с вики-ссылками на уже опубликованные статьи о них в Википедии.

Сам по себе факт публикации в Википедии статьи о филологическом (затем – и об историко-филологическом) факультете университета свидетельствует о большом успехе. Филологический стал вторым (после механико-математического) факультетом университета, который смог отметить статью о себе, а затем и утвердиться в крупнейшей энциклопедии мира.

Нелишне будет уточнить, что в русскоязычной Википедии есть на данный момент лишь две публикации об историко-филологических факультетах (это факультеты МГУ и СПбГУ) и четыре статьи в категории «Филологические факультеты»: удержаться в этой категории престижно, но очень сложно: статьи о филфаках (как и о других факультетах вузов) особенно тщательно патрулируются редакторами Википедии и в случае несоответствия критериям энциклопедии беспощадно удаляются. Сомнений у редакторов Википедии точно не вызывают лишь статьи о факультетах столичных вузов.

Так, за 2016 г. в этой категории стало одним филфаком меньше; кроме того, в этом году поставлена под удаление статья о филологическом факультете УрГУ (т. е. в категории могут остаться лишь филфаки МГУ, СПбГУ и ПГНИУ). Обе наши статьи находились в таком же положении: статья о филологическом факультете удалялась и была создана заново, статью об историко-филологическом факультете удалось отстоять на этапе возможного удаления.

Поэтому факт наличия этих статей в крупнейшей энциклопедии мира – это, с одной стороны, несомненный успех и свидетельство значимости объекта публикации. С другой стороны, это и предмет постоянной тревоги, поскольку за них, возможно, вновь придется бороться, если у кого-то из редакторов энциклопедии опять возникнут сомнения в их значимости; в любом случае процесс улучшения и дополнения статей не останавливается. Особенно это касается статьи об историко-филологическом факультете, по которой до сих пор имеются претензии с точки зрения подкрепления излагаемых фактов авторитетными источниками.

2. Статьи о преподавателях факультета в Википедии

Статьи о преподавателях филологического факультета Пермского университета выделены в самую многочисленную подкатегорию о преподавателях ныне существующих факультетов университета: на сегодняшний день она включает 31 персоналию.

Большей численностью характеризуется подкатегория преподавателей некогда существовавшего в ПГУ физико-математического факультета, здесь представлено 40 ученых, но ее обгоняет подкатегория преподавателей факультета – предшественника нынешних филологического и исторического, – историко-филологического, где сегодня 47 ученых. Эта категория – безусловный лидер среди категорий других факультетов.

Констатируем, что эти две подкатегории («Преподаватели филологического факультета» и «Преподаватели историко-филологического факультета») появились первыми в общей категории «Преподаватели Пермского государственного университета», включающей в Википедии ученых нашего вуза. Она и была выделена, чтобы отчетливее представить, сколько именно ученых-филологов может быть включено в общее число ученых университета в Википедии. Нужно отметить, что к столетию Пермского университета была поставлена цель – занять высокие позиции в Википедии. Эта цель была достигнута: сегодня он является одним из несомненных ее лидеров, занимая 3-е место среди российских вузов по количеству введенных в энциклопедию ученых.

Ранее, к маю 2015 г., к 55-летию юбилею факультета, мы видели своей задачей добиться публикации в Википедии тех ученых, кто к данному моменту возглавляет кафедры факультета (а также наиболее важных заведующих прошлого). Достигнуть этого удалось, более того: заведующие кафедрами были введены на всем протяжении существования данных кафедр почти в полном составе.

Приведем примеры по тем персоналиям, которые отражены в Википедии: Владимир Васильевич Абашев, Соломон Юрьевич Адливанкин, Лариса Михайловна Алексеева, Елена Александровна Баженова, Александр Андреевич Бельский, Наталья Ириковна Береснева, Павел Степанович Богословский, Ксения Владимировна Веселухина, Сергей Викторович Владимиров, Михаил Федорович Власов, Мария Александровна Генкель, Лилия Рашидовна Дускаева, Александр Алексеевич Еремин, Елена Валентиновна Ерофеева, Тамара Ивановна Ерофеева, Иван Михайлович Захаров, Маргарита Николаевна Кожина, Римма Васильевна Комина, Борис Вадимович Кондаков, Мария Павловна Котурова, Борис Аполлонович

Кржевский, Юрий Анатольевич Левицкий, Наталия Самойловна Лейтес, Алексей Василькович Митров, Светлана Леонидовна Мишланова, Леонид Николаевич Мурзин, Ирина Германовна Овчинникова, Борис Михайлович Проскурнин, Павел Георгиевич Стрелков, Степан Антонович Стойчев, Агапий Филиппович Шамрай, Сарра Яковлевна Фрадкина.

Важно также отметить, что статьи в Википедии о ныне действующих преподавателях стали в силу простоты работы с текстом и гиперссылками наиболее удобной площадкой для систематизации информации о них. Например, там приводится перечень наиболее важных научных работ: поскольку большинство из них уже опубликованы в веб, статья об ученом является своеобразным коллектором (сборником) его публикаций, к каждой из которых можно перейти по гиперссылке (например, на сайт научного вестника «Российская и зарубежная филология»). Гиперссылки со страницы статьи ведут также на персональную страницу ученого, или даже на страницу о нем как лидере научной школы или направления на сайте ПГНИУ, либо на страницу о кафедре, где он работает и пр.

3. Статьи о выпускниках

Как и в случае с преподавателями, категория «Выпускники Пермского государственного университета» была разделена на подкатегории, и первыми из числа появившихся были «Выпускники историко-филологического факультета» (на данный момент – 20 статей) и «Выпускники филологического факультета» (32 статьи); затем были охвачены все другие факультеты, но эта работа к нынешнему моменту не закончена.

В качестве отдельной была создана категория с названием «Персоналии: Филологи Пермского государственного университета». Ее предназначением было отобрать с обоих факультетов (историко-филологического и собственно филологического) представителей творческих профессий – журналистов, писателей, поэтов, музыкантов, чьи имена стали известны не только в городе и крае, но и нередко во всей стране (Л. Давыдычев, А. Домнин, В. Радкевич, Ю. Асланьян, Ю. Беликов, Н. Горланова, Г. Данской, В. Дрожжих, Б. Зиф и др.). На данный момент категория включает 23 персоналии.

4. Книги и статьи по истории Пермского университета на официальном сайте университета

Своевременным было принятое решение – к столетнему юбилею собрать на сайте университета наиболее важные публикации о его истории [Книги и статьи об университете]. На сегодняш-

ний день имеется около 100 таких публикаций, 26 из них связаны с филологическим факультетом. Одна из ближайших перспектив – опубликовать в этом разделе уже напечатанные сборники о преподавателях, выпускниках, ветеранах, об истории факультета (издатели – Н. Е. Васильева, Б. В. Кондаков). Из этой серии, издающейся с 2012 г., получившей общее название «Филологи – городу и миру», уже выпущено 10 книг (запланировано как минимум 12).

Пока что в разделе опубликовано 5 книг из этой серии: «Наши ветераны», «Действенный глагол», «Prosa oratio», «Ποίησις (Poësis)», «Далекие – близкие». В электронном варианте мы снабдили книги кликабельным оглавлением; кроме того, каждая глава этих книг имеет уникальный интернет-адрес, по которому к ней можно обратиться с просторов Интернета сразу, не отлистывая ее с начала.

Публикация онлайн этой серии книг, вышедших очень малым тиражом, – важный шаг в презентации разнообразного исторического и мемуарно-литературного наследия факультета его выпускникам и тем, кто так или иначе с ним соприкасается; несомненно, это приведет к увеличению аудитории читателей этих книг. Заметим, что, ряд произведений, опубликованных в них, по своему масштабу выходят за границы чисто «мемуарно-записочного» жанра и представляют собой вполне законченные литературные произведения – со своим сюжетом и его кульминациями, системой образов, проблематикой. Здесь мы можем найти и зарисовки, литературные портреты, обзоры, повести... Неслучайно, размышляя над жанровой природой одной из представленных там публикаций («Освоение прошлого» Г. Г. Сильницкого), проф. Б. В. Кондаков счел уместным характеризовать ее как «университетский роман», отнеся ее к целому ряду подобных произведений. В этом смысле можно утверждать, что эти произведения еще ждут своих исследователей, и они обязательно дождутся!

Кроме того, в этом разделе опубликованы и другие интересные для истории факультета книги: «Свеча горела» (о С. Я. Фрадкиной), «Филологический факультет: события и люди» (сборник, посвященный истории филологического направления в университете и вышедший на его 95-летний юбилей), «Деканы филологического факультета» (книга, где прослеживается история деятельности и представлены персоналии семи деканов филфака), уникальное анонимное издание «История филологического факультета (1916–1976)» (в архиве университета была найдена анонимная рукопись, излагавшая историю факультета, это послужило поводом к преобразованию ее в электронную книгу [Пу-

стовалов 2015]) и др. Вместе с книгами представлены и отдельные публикации малого формата: статья А. Ю. Братухина о Н. П. Обнорском [Братухин 2008а: 34–41, 2008б: 162–168], статьи Н. Е. Васильевой [Васильева 2011] и С. В. Усть-Качкинцевой [Усть-Качкинцева 2011] о Е. О. Преображенской, статья И. А. Табункиной о пребывании Б. А. Кржевского в Пермском университете [Табункина 2015: 136–148], исследование А. В. Пустовалова о роли зарубежной филологии в истории университета [Пустовалов 2016: 134–139] и др.

Эти публикации помогают при создании статей в Википедии, требующей опоры на «внешние», отдельные от энциклопедии, источники; будучи опубликованными онлайн, они облегчают и убыстряют обращение к ним и их цитирование.

Отдельные главы этих книг могут играть роль своеобразной веб-странички, которая может пояснить роль того или иного ученого в жизни определенной кафедры. В этом случае со страницы кафедры на официальном сайте при упоминании ученого делается прямая ссылка на соответствующую главу книги (примеры: М. А. Ганина – на странице кафедры русской литературы, Р. Ф. Яшенькина – на странице кафедры мировой литературы и культуры).

5. Публикации по персоналиям прошлого на сайте университета

По персоналиям наиболее выдающихся ученых (очень часто они оказывались заведующими кафедрами) на сайте университета в соответствующих факультетских разделах представлены публикации, позволяющие ознакомиться с основными моментами их научной, учебной, организационной, общественной деятельности. Кроме того, такие публикации, будучи расположенными в порядке от основателя кафедры к нынешнему заведующему, могут служить одновременно хронологией заведования кафедрой (см., например, подраздел кафедры русского языка и стилистики). Такие публикации особенно важны применительно к кафедрам зарубежной филологии, когда-то входящим в состав факультета, но с 2003 г. выделившимся в СИЯиЛ: кафедрам английской, немецкой и романской филологии (с мая 2015 – это единая кафедра лингвистики и перевода), а также к кафедре мировой литературы и культуры. Если невозможно ввести того или иного преподавателя в Википедию (в связи с недостатком викизначимости), можно опубликовать информацию о нем в подразделе кафедры, на которой он работал: это позволяет придерживаться системности в оформлении информации о филологических кафедрах. Цель здесь та же, что и от-

носительно Википедии: хронологически отразить информацию о значимых ученых и заведующих кафедрами, в особенности – о тех, кто уже не работает в университете. В этих публикациях даются ссылки на страницы соответствующих персоналий в Википедии; в свою очередь, они в качестве источников приводятся в конце этих страниц, т. е. имеет место перекрестное цитирование.

6. Персональные страницы действующих преподавателей на сайте университета

Здесь мы имеем в виду существующие и постоянно пополняемые страницы ныне работающих преподавателей ПГНИУ, среди которых более 30 страниц относится к преподавателям филологического факультета. Таковые стали хорошим дополнением к публикациям о важнейших персоналиях в подразделах кафедр (а также – к публикациям о лидерах научных школ филологического направления), обеспечивая большую связность и структурированность общего филологического гипертекста. На персональных страницах отражена информация о научной карьере преподавателя, важнейших публикациях, членстве в различного рода советах и учреждениях и проч.

Ввиду сложности публикации и редактирования этих страниц не особенно часто удается отразить на них перечень научных работ преподавателя в виде, актуальном на текущий момент, а также снабдить их гиперссылками на соответствующие публикации в веб. Однако в общей системе создаваемого гипертекста о филологах Пермского университета они занимают свое место, верифицируя принадлежность преподавателя к факультету и вузу, информируя о его достижениях.

Итак, объединение всех вышеперечисленных элементов: статей в Википедии о факультетах, преподавателях и выпускниках, книг и статей об истории факультета в виртуальной библиотеке, публикациях и страницах на сайте ПГНИУ о преподавателях факультета, веб-публикаций научных работ преподавателей – ставит своей целью создание единого гипертекста – огромной системной базы данных об ученых, научных работах, структурах филологического факультета.

Такое обильное, и системное представительство в веб служит целям более удачного позиционирования и продвижения филологического факультета. Огромный мегатекст о филфаке, составные части которого пронизаны гиперссылками так, что, оказавшись в одном его месте, веб-пользователь сможет добраться до любого другого, может не только подробно информировать о тех, кто работал на факультете и работает для него, но и внушить уважение к ним и фа-

культету в целом. Добавим, что филологический гипертекст не замкнут сам на себя: он продолжает пополняться дальше, с одной стороны, в общем гипертексте всего университета, так как филфак – это часть университетского образования и науки, с другой – в гипертексте города, края, страны, шире – мира, всей человеческой культуры (поскольку вышеперечисленное является местом обитания и творчества для выпускников факультета).

Сегодня такой веб-продукт важен также и для новых образовательных направлений факультета, большая часть которых так или иначе связана с веб, с интернет-коммуникацией, с компьютерным программированием как некая демонстрация его сил и возможностей, а также как case study для соответствующих учебных курсов.

Список источников

Категория: Филологические факультеты // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Филологические_факультеты (дата обращения: 08.10.2016).

Категория: Преподаватели филологического факультета Пермского государственного университета // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Преподаватели_филологического_факультета_Пермского_государственного_университета (дата обращения: 08.10.2016).

Категория: Преподаватели историко-филологического факультета Пермского государственного университета // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Преподаватели_историко-филологического_факультета_Пермского_государственного_университета (дата обращения: 08.10.2016).

Категория: Преподаватели университетов России // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Преподаватели_университетов_России (дата обращения: 08.10.2016).

Категория: Выпускники историко-филологического факультета Пермского государственного университета // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Выпускники_историко-филологического_факультета_Пермского_государственного_университета (дата обращения: 08.10.2016).

Категория: Выпускники филологического факультета Пермского государственного университета // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Выпускники_филологического_факультета_Пермского_государственного_университета (дата обращения: 08.10.2016).

Категория: Персоналии: Филологи Пермского государственного университета // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Персоналии:Филологи_Пермского_государственного_университета (дата обращения: 08.10.2016).

дарственного университета (дата обращения 08.10.2016).

Кафедра русского языка и стилистики // Официальный сайт ПГНИУ. URL: <http://www.psu.ru/fakultety/filologicheskij-fakultet/kafedry/kafedra-russkogo-yazyka-i-stilistiki> (дата обращения: 08.10.2016).

Кафедра английской филологии. URL: <http://www.psu.ru/fakultety/fakultet-sovremennykh-inostrannykh-yazykov-i-literatur/kafedry/kafedra-anglijskoj-filologii>. Кафедра немецкой филологии. URL: <http://www.psu.ru/fakultety/fakultet-sovremennykh-inostrannykh-yazykov-i-literatur/kafedry/kafedra-nemetskoj-filologii>. Кафедра романской филологии. URL: <http://www.psu.ru/fakultety/fakultet-sovremennykh-inostrannykh-yazykov-i-literatur/kafedry/kafedra-romanskoj-filologii>. С 1 марта 2015 г. данные кафедры входят в состав кафедры лингвистики и перевода. URL: <http://www.psu.ru/fakultety/fakultet-sovremennykh-inostrannykh-yazykov-i-literatur/kafedry/kafedra-lingvistiki-i-perevoda> // Официальный сайт ПГНИУ. URL: <http://www.psu.ru/> (дата обращения: 08.10.2016).

Кафедра мировой литературы и культуры // Официальный сайт ПГНИУ. URL: <https://www.psu.ru/fakultety/fakultet-sovremennykh-inostrannykh-yazykov-i-literatur/kafedry/kafedra-mirovoj-literatury-i-kultury> (дата обращения: 08.10.2016).

Персональные страницы преподавателей // Официальный сайт ПГНИУ. URL: <http://www.psu.ru/personalnye-stranitsy-prepodavatelej> (дата обращения: 08.10.2016).

Список литературы

Братухин А. Ю. Николай Петрович Обнорский – пермский классик // Классическая филология: материалы секции XXXVII Междунар. филол. конф., 11–15 марта 2008 г., С.-Петербург / отв. ред. Н. М. Ботвинник, О. В. Бударagina. СПб.: ф-т филологии и искусств С.-Петерб.ГУ, 2008а. С. 34–41 (эта статья перепечатана под названием: Н. П. Обнорский – пермский классик // Двойной портрет – III: (филологи-античники о европеизации и деевропеизации России): сб. ст. / сост. М. Н. Славятинская. М., 2013. С. 37–45).

Братухин А. Ю. Латинисты Пермского государственного университета // Вестник Пермского университета. Сер. Иностранные языки и литературы. 2008б. Вып. 5(21). С. 162–168.

Бычков В. В. Гипертекст // Лексикон неклассики / под ред. В. В. Быčkova. М.: РОССПЭН, 2003. С. 132–133.

Васильева Н. Е. Преображенская: Кресло Вольтера // Университет. 2011. С. 62–67. URL: http://www.psu.ru/files/docs/ob-universitete/smi/knigi-ob-universitete/vasilyeva_preobrazhenskaya.pdf (дата обращения: 21.01.2016).

Историко-филологический факультет Пермского государственного университета // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Историко-филологический_факультет_Пермского_государственного_университета (дата обращения: 08.10.2016).

Книги и статьи об университете // Официальный сайт ПГНИУ. URL: <https://www.psu.ru/universitet/universitetskie-smi/knigi-i-stati-ob-universitete> (дата обращения: 08.10.2016).

Наши ветераны. Страницы истории филологического факультета Пермского университета / сост. Н. Е. Васильева; отв. за вып. Б. В. Кондаков; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. 2-е изд., испр. и доп. Пермь, 2012, 2015. 164 с.

Пустовалов А. В. История филологического факультета: архивная рукопись переселяется в интернет // Пермский университет (газ). 2015. 1 апр. № 6(1853). URL: http://www.psu.ru/files/docs/ob-universitete/smi/gazeta-permskij-universitet/2015/PU_1853-2.pdf (дата обращения: 08.10.2016).

Пустовалов А. В. Стоя на плечах гигантов: зарубежная филология в Пермском университете // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 3(35). С. 134–139.

Руднев В. П. Гипертекст // Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.

Табункина И. А. Профессор Б. А. Кржевский в Пермском университете // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 3(31). С. 136–148.

Усть-Качкинцева С. В. Преображенская: тихо падают листья // Университет. 2011. С. 67–69. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/ob-universitete/smi/knigi-ob-universitete/ust-kachk-preobrazhenskaya.pdf> (дата обращения: 21.01.2016).

Филологический факультет Пермского государственного университета // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Филологический_факультет_Пермского_государственного_университета (дата обращения: 08.10.2016).

References

Bratukhin A. Yu. Nikolay Petrovich Obnorskiy – permskiy klassik [Nikolai Petrovich Obnorskiy – a Perm classic]. *Klassicheskaya filologiya: materialy seksii XXXVII mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii, 11–15 marta 2008 g., S.-Peterburg* [Classical philology: proc. of XXXVII international philological conf., 11–15 March 2008, St. Petersburg]. Ed. by N. M. Botvinnik, O. V. Budaragina. St. Petersburg, Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University Publ., 2008a, pp. 34–41. (reprinted as: N. P. Obnorskiy – permskiy klassik [N. P. Obnorskiy – a Perm classic]. *Dvoynoy portret – III: (filologi-antichniki o*

evropeizatsii i deevropeizatsii Rossii) [Double portrait – III: (philologists studying antiquity about Europeanization and de-Europeanization of Russia)]. Moscow, 2013, pp. 37–45.)

Bratukhin A. Yu. Latinisty Permskogo gosudarstvennogo universiteta [Latinists of Perm State University]. *Vestnik Permskogo universiteta. Inostranye yazyki i literatury* [Perm University Herald. Foreign Languages and Literatures], 2008b, issue 5(21), pp. 162–168.

Bychkov V. V. Gipertekst [Hypertext]. *Leksikon nonklassiki* [Lexicon of non-classics]. Ed. by V. V. Bychkov. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003, pp. 132–133.

Vasil'eva N. E. Preobrazhenskaya: Kreslo Vol'tera [Preobrazhenskaya: Voltaire's Armchair]. *Universitet* [University], 2011, pp. 62–67. Available at: http://www.psu.ru/files/docs/ob-universitete/smi/knigi-ob-universitete/vasilyeva_preobrazhenskaya.pdf (accessed 21.01.2016).

Istoriko-filologicheskiiy fakul'tet Permskogo gosudarstvennogo universiteta [Historical and philological faculty of Perm State University]. *Vikipediya* [Wikipedia]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Историко-филологический_факультет_Пермского_государственного_университета (accessed 08.10.2016).

Knigi i stat'i ob universitete [Books and Articles about the University]. *Official site of PSU*. Available at: <https://www.psu.ru/universitet/universitetskie-smi/knigi-i-stati-ob-universitete> (accessed 08.10.2016).

Nashi veterany. Stranitsy istorii filologicheskogo fakul'teta Permskogo universiteta [Our Veterans. Pages of History of Philological Faculty of Perm State University]. Ed. By N. E. Vasil'eva, B. V. Kondakov. Perm State University. 2-nd ed., revised and updated. Perm, 2012. 164 p.

Pustovalov A. V. Istoriya filologicheskogo fakul'teta: arkhivnaya rukopis' pereselyaetsya v Internet [The History of the Philological Faculty: Archive Manuscript is Moving to the Internet]. *Permskiy universitet* [Perm University], 2015, April 1, issue 6(1853). Available at: http://www.psu.ru/files/docs/ob-universitete/smi/gazeta-permskij-universitet/2015/PU_1853-2.pdf (accessed 08.10.2016).

Pustovalov A. V. Stoya na plechakh gigantov: zarubezhnaya filologiya v Permskom universitete [Standing on the giants' shoulders: foreign philology at Perm University]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2016, issue 3(35), pp. 134–139. Available at: <http://rfp.psu.ru/archive/3.2016/pustovalov.pdf> (accessed 08.10.2016).

Rudnev V. P. Gipertekst [Hypertext]. *Slovar' kul'tury XX veka* [The dictionary of culture of the 20th century]. Moscow, Agraf Publ., 1997, p. 69.

Available at: <http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt> (accessed 08.10.2016).

Tabunkina I. A. Professor B. A. Krzhevskiy v Permskom universitete [Professor B. A. Krzhevskiy in Perm University]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2015, issue 3(31), pp.136–148. Available at:

<http://www.rfp.psu.ru/archive/3.2015/tabunkina.pdf> (accessed 08.10.2016).

Filologicheskiy fakul'tet Permskogo gosudarstvennogo universiteta [Philological Faculty of Perm State University]. *Vikipediya* [Wikipedia]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Филологический_факультет_Пермского_государственного_университета (accessed 08.10.2016).

CONCEPT AND STRUCTURE OF THE PHILOLOGICAL HYPERTEXT OF PERM UNIVERSITY

Aleksey V. Pustovalov

Associate Professor in the Department of Journalism and Mass Communication
Perm State University

The article deals with the problem of providing publicity for achievements of the Faculty of Philology of Perm University by means of a project which assumes presentation of a set of texts of the faculty and about the faculty as an entire hypertext, whose different parts are connected by hyperlinks. This huge Internet text includes articles in Wikipedia, personal pages of today's scholars and pages of their predecessors on the university's official site, their works on the web, texts of memoirs and literary works of graduates and university lecturers.

The hypertext consists of literary and poetic works by L. Davydychev, A. Domnin, V. Radkevich, Yu. Aslanyan, Yu. Belikov, N. Gorlanova, G. Danskoy, V. Drozhashchikh, B. Zif et al., academic works of V. Abashev, S. Yu. Adlivankin, A. Belsky, P. S. Bogoslovskiy, T. I. Erofeeva, I. M. Zakharov, M. N. Kozhina, R. V. Komina, B. V. Kondakov, M. P. Kotyurova, Yu. A. Levitsky, N. S. Leites, L. N. Murzin, B. M. Proskurnin, S. Ya. Fradkina and many others.

Key words: hypertext; Faculty of Philology; Faculty of History and Philology; personalities; Perm University; Wikipedia; promotion of scientists; online text.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

В журнале отражаются результаты научной деятельности российских и зарубежных филологов. Кроме научных статей, материалов конференций, симпозиумов и семинаров, журнал печатает рецензии на монографии, сборники научных трудов и т. п., опубликованные в России и за рубежом, тематические обзоры и развернутую информацию о событиях научной жизни по профилю издания.

Полнотекстовая версия выставляется на сайте <http://www.rfp.psu.ru> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

С 19.02.2010 журнал включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Каждая рукопись сопровождается внешней рецензией специалиста в исследуемой области, имеющего степень кандидата или доктора наук и не являющегося сотрудником вуза автора. Подпись рецензента заверяется в отделе кадров по месту работы. Авторы, не имеющие ученой степени, представляют, кроме внешней рецензии, отзыв научного руководителя, подписанный и заверенный по месту его работы. В рецензии и отзыве должны быть указаны полностью ФИО, ученая степень, должность, место работы и электронный адрес рецензента. Аспиранты дополнительно представляют официальную справку о сроках обучения в аспирантуре с указанием контактного телефона зав. отделом аспирантуры, подписавшим его документ.

Все три документа с печатями могут присылаться по почте или в сканированном виде отправляться на электронный адрес редакции вместе со статьей. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться следующим текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника” <http://rfp.psu.ru/>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1–6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией и главным редактором. Члены международного редакционного совета или редколлегии даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи. В этом случае назначаются три эксперта из состава редколлегии или совета для подготовки обоснованного заключения. В случае отрицательного решения автору рукописи направляется мотивированный отказ от имени редколлегии. Рукопись, сопровождаемая внутренней рецензией, может быть отправлена автору на доработку для устранения замечаний. Срок доработки не ограничен. Статья, не соответствующая требованиям, предъявляемым к публикациям, вторично на доработку не отправляется. Статьи аспирантов, одобренные редколлегией, публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ и со всеми указанными выше документами по электронному адресу langlit2009@mail.ru. Чтобы убедиться в том, что Ваши материалы получены, попросите отправить подтверждение.

Основной текст может быть написан на русском или английском языках.

Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Правила оформления рукописей» и в прикрепленном файле ФОРМА.

Главный редактор – Ирина Александровна Табункина.

Адрес редакции: 614990, Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 28 (лаборатория «Духовная культура Прикамья в лингвистическом аспекте», тел. (342)2396795), ауд. 111 (лаборатория «Сравнительно-исторических исследований и культурных инноваций», тел. (342)2396290). Зам. гл. редактора – *Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова*, ответственный за сайт – *Алексей Васильевич Пустовалов*.

Научное издание

Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология

Том 9. Выпуск 1 / 2017

Редакторы *Л. А. Богданова, О. И. Кирьянова*
Корректоры *Л. А. Семицветова, Е. В. Шумилова*
Компьютерная верстка: *Л. С. Нечаева*
Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 20.03.2017. Дата выхода в свет 23.03.2017
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 17,79. Тираж 500 экз. Заказ 36

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в общероссийском каталоге «Пресса России» – 41008

Распространяется бесплатно и по подписке